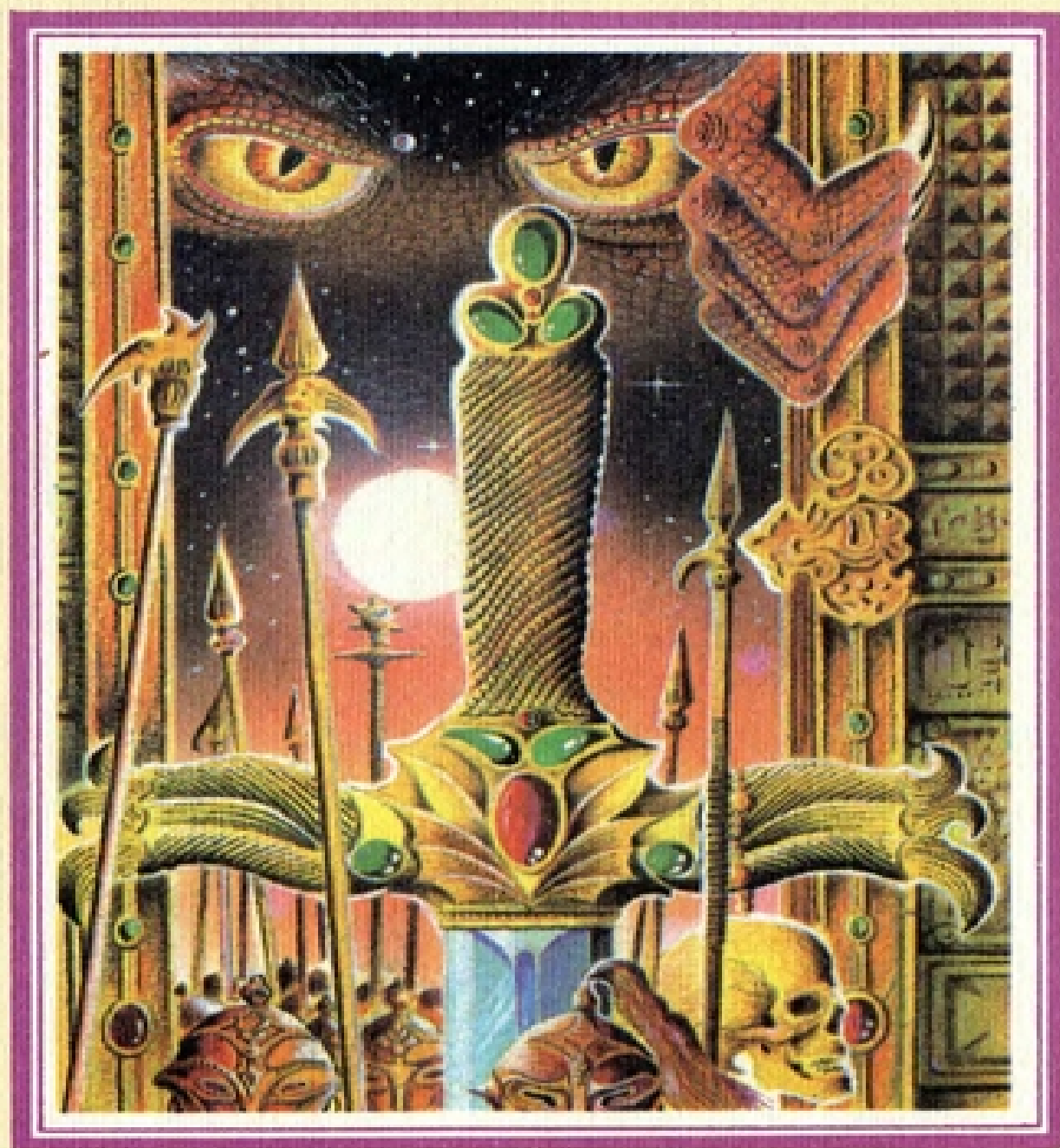

ЛУОН СПРЭГ de КАМП

БАШНЯ ГОБЛИНОВ

Король Поневоле

Annotation

Ирениа

Элхойн

"Башня Гоблинов" - это первая книга из тетралогии "Король поневоле". В нее вошли две первые части - "Башня Гоблинов" и "Часы Ираза". Великолепная сага о приключениях простодушного варвара в сказочной стране, где существует странный обычай - короля выбирают на короткий срок правления, а потом отрубают ему голову...

Книга написана живым, прекрасным языком. Автор еще раз доказал, что не зря носит титул "Мистер фэнтези".

Содержание:

Башня гоблинов

Часы Ираза

fantasy

Башня Гоблинов
Часы Ираза

·Северо-Запад·®

Лайон Спрэг де Камп

Башня Гоблинов

Башня Гоблинов

Глава 1

Моток веревки

— Забавный у вас обычай, — произнес варвар, — раз в пять лет отрубать королю голову. Трудненько, поди, найти желающих на трон!

Палач на помосте потенькал оселком по сверкающему острию топора, затем спрятал оселок в подсумок, оглядел лезвие и на пробу потрогал его большим пальцем. Толпящиеся внизу зеваки не могли разглядеть его удовлетворенной улыбки — лицо скрывал черный колпак с прорезями для глаз. Топор палача не годился ни воину, ни дровосеку. Топорище, выструганное из доброго темного дуба, ничем не отличалось от обычного, зато отливающее голубизной стальное лезвие было необычайно широким и напоминало секач мясника.

Помост возвышался посреди плаца, который был разбит под стенами города Ксилара, возле Южных Ворот. Сегодня здесь собралось почти все население города, не считая многочисленных жителей окрестных сел и деревень. Вокруг помоста выстроились в четыре ряда вооруженные копьями стражники в вороненых кольчугах поверх алых рубах. Стража бдительно следила, чтобы те, кому не досталось приглашения, не лезли к помосту во время церемонии, а еще — чтобы жертва не вздумала удрать. Два внешних ряда стражников были развернуты к толпе, два других — к помосту.

С трех сторон помост окружали скамьи, на которых, пестрея алыми, зелеными, золотыми и белыми одеждами, восседала ксиларская знать. Еще одна цепь стражников отделяла высокородных от простолюдинов. Последние, сбившись в серо-черно-бурую массу, запрудившую почти все поле, безропотно ждали начала церемонии.

У западного края возвышения толпа напирала на внутренние ряды стражников. Эта часть толпы состояла в основном из молодежи. Среди городских мастеровых и крестьян с окрестных хуторов то и дело мелькали отпрыски захудалых дворянских семейств. Лоточники сновали в толпе, предлагая пироги, сосиски, фрукты, сардины, вино, пиво, сидр, зонтики и амулеты от сглаза. По краю поля, не смешиваясь с толпой зевак, гарцевали закованные в латы всадники охраны; на их белых плащах алели песочные часы — символ Ксилара.

Высоко в безоблачном небе пылало солнце. Слабый ветерок чуть шевелил листья дубов, тополей и камедных деревьев, окаймлявших поле, и трепал красно-белые стяги на флагштоках по углам помоста. Скучная листва камедных деревьев уже окрасилась багрянцем.

— Кандидатов всегда предостаточно, принц Вилимир, — ответил варвару сидящий на местах для знати канцлер Таронус. — Взгляните, какая давка у западного края помоста!

— А голову что, в ту сторону будут бросать? — поинтересовался принц Вилимир, ковыряя ногтем в зубах и пытаясь извлечь застрявший кусок жаркого. Вилимир был гладко выбрит, но длинные, светлые, тронутые сединой волосы, меховая шапка, куртка на меху и отороченные мехом сапоги для верховой езды делали принца похожим на дикаря. Многочисленные литые украшения из золота и серебра бренчали при ходьбе. В свое время Вилимир стал предводителем клана, потерпевшего поражение в междоусобной войне за право сесть на ханский трон Гендингов, и с тех пор находился в изгнании. Его соперник, он же дядя, по сию пору правил свирепой кочевой ордой...

Таронус кивнул.

— Угу, кто первый поймает, тот и будет нашим новым королем.

Таронус был плотный мужчина средних лет, закутанный в просторный лазоревый плащ — из боязни подхватить простуду на первом осеннем холодке.

— Верховный судья швырнет голову прямо в толпу. По правилам, король должен отрастить волосы, чтобы судье было за что ухватиться. Один король в ночь перед церемонией обрил себе голову, и палачу пришлось ему сквозь уши продернуть бечевку. Совершеннейший скандал.

— Вот неблагодарный малый, клянусь бородой Грайпнека! — заметил Вилимир, и его худую, обезображенную шрамом физиономию прорезала волчья ухмылка. — Уж будто пяти лет королевской роскоши мало... Кто это, король Джориан?

Швенский принц прекрасно говорил по-новарски, но северный акцент превратил имя «Джориан» в «Жориан».

— Ну да, — отозвался канцлер. Он наблюдал, как от Южных Ворот к помосту по расчищенному стражниками проходу медленно движется небольшая процессия.

— Месяц назад король брал меня с собой на охоту, — сказал Вилимир. — Похоже, он не робкого десятка, для сидня, конечно.

Принц употребил характерное для кочевников Швении словечко, которым те именуют некоевых или оседлых. У кочевников словечко носило презрительный оттенок, но канцлер предпочел этого не заметить.

— Как выяснилось, он еще и поболтать мастак, — продолжал изгнанник, — и не всегда себе на пользу, я так понимаю. Но слушать забавно.

Канцлер рассеянно кивнул: процессия подошла довольно близко, и уже можно было различить лица. Во главе, наигрывая похоронный марш, двигался королевский оркестр. Следом шествовал убеленный сединами Верховный судья Ксилара в долгополой черной мантии и с золотой цепью на шее. За ним шли четыре алебардщика, над которыми, как скала, возвышался король. Когда король проходил мимо, все стоящие у прохода и множество людей в других концах поля преклоняли колена.

Король Джориан был высокий, сильный, краснолицый молодой человек с глубоко посаженными карими глазами и копной черных, спадающих на плечи волос. На его безбородом лице выделялись небывалых размеров усы — они торчали в стороны, как бизоньи рога. Королевский нос, слегка искривленный в переносице, рассекал широкий рубец, который захватывал левую щеку и тянулся до самого подбородка. Одевание короля составляли лишь матерчатые туфли да короткие шелковые штаны; руки ему связали за спиной. Корона — тонкий золотой обруч с дюжиной широких прямых зубчиков — держалась на туго стянутом ремешке.

— Первый раз в жизни вижу корону с... этими, как их... с завязочками, — шепнул принц Вилимир.

— Когда бросают Жребий Имбала, корона обязательно должна быть на голове, — пояснил Таронус. — Как-то раз, давно, голову бросили, а корона возьми, да и слети. Один схватил корону, другой голову, и оба полезли на трон. Дело кончилось кровавой междоусобицей.

За алебардщиками шел худой смуглый человечек в скромной коричневой мантии и белом тюрбане, похожем на луковицу. Длинные шелковистые седые волосы и бороду трепал ветерок. Человечек был перепоян веревкой, а на плече у него болталось что-то вроде ранца.

— Королевский духовник, — сказал канцлер Таронус. — Джориан, кажется, первый король Ксилара, которого в скорбный путь провожает язычник из Мальваны, а не один из наших святых отцов. Но Джориан уперся, и постановили, что несправедливо отказывать ему в последней просьбе.

— Кто... откуда король выкопал этого молодца? — спросил Вилимир.

Таронус пожал плечами.

— В последний год он стал принимать во дворце всякий подозрительный сброд. Тут объявился наш шарлатан — прошу прощения, святой отец Карадур, — которому, вне всякого сомнения, пришлось убраться из собственной страны, после того как его поймали на богомерзкой ворожбе.

За Карадуром шли четыре молодые красавицы — королевские жены. У пятой днем раньше случились роды, и во дворце сочли, что ей не по силам вынести церемонию. Четыре присутствующих блистали шелками, золотом и драгоценностями. За женами следовал бритоголовый, облаченный в пурпурную рясу Первосвященник Зеватаса, верховного божества новарского пантеона; затем два десятка дворцовых чиновников и фрейлин. Шествие замыкали Кирес-столяр, ведающий похоронными делами Ксилара, и шестеро друзей короля с новым гробом работы Киреса на плечах.

Когда процессия приблизилась к подножию помоста, оркестр умолк. Бросив вполголоса несколько слов, Верховный судья в сопровождении двух из четырех алебардщиков взойшел на помост.

Король подарил четверем женам по прощальному поцелую. Красавицы повисли у Джориана на шее, рыдая и покрывая поцелуями его широкое грубоватое лицо.

— Ну-ну, — приговаривал Джориан утробным басом, в котором угадывался выговор кортольского крестьянина, — чего уж тут плакать, милочки мои распрекрасные.

*Из трубок веселые боги пускают
Нас, как пузырьки, что кружатся,
Сверкают;
А лопнем — другие взамен прилетают.*

Года не пройдет, найдете себе мужей получше меня.

— Не хотим других мужей! Одного тебя любим! — причитали жены.

— Детишкам нужны отчимы, — напомнил им король. — Ну а теперь давайте-ка обратно во дворец, негоже вам глядеть, как прольется кровь вашего повелителя. Тебя, Эстрильдис, это тоже касается.

— Нет! — закричала жена, к которой он обращался, — коренастая синеглазая женщина, хоть и симпатичная, но самая невзрачная из четырех. — Я останусь с тобой до конца!

— Делай, что говорю, — мягко, но непреклонно ответил Джориан. — Не пойдешь своими ногами, велю тебя отнести. Ну, как поступим?

Два стражника, стоящие у помоста, аккуратно подхватили женщину под руки, и она, рыдая, бросилась догонять остальных.

— Прощайте! — крикнул Джориан и направился к помосту.

Король поднимался по ступенькам, с интересом разглядывая окружающих. Заметив в толпе знакомых, он улыбался и раскланивался. Большинству присутствующих казалось, что у Джориана слишком жизнерадостный вид для человека, которому вот-вот отрубят голову.

Когда Джориан твердым шагом ступил на помост, два шедших впереди алебардщика щелкнули пальцами, дабы привлечь внимание и, салютуя королю, поднесли правые кулаки к левой скуле. Вслед за Джорианом на помост поднялись мальванский святой и Первосвященник Зеватаса.

На дальней западной стороне помоста, в нескольких футах от края, сияла свежей красной краской новенькая плаха. Между флагштоками примерно в половину человеческого роста была натянута сетка, чтобы в случае чего помешать голове скатиться на землю.

У плахи, опершись на топор, стоял палач. На нем, как и на Джориане, были только короткие штаны и башмаки. Ростом палач не вышел, зато его отличали очень длинные руки и широченная мускулистая грудь. Несмотря на колпак, Джориан знал, что его убийца — Утар-мясник, владелец лавки у Южных Ворот. Ксилару — маленькому законопослушному городу-государству — было не по карману содержать штатного палача, поэтому Утара время от времени нанимали на поденную работу. Прежде чем дать свое согласие, Джориан имел с палачом приватную беседу.

— Большое искусство, сир, — сказал тогда Утар, — правильно рассчитать удар. Ты на топор не налегай, ты, главное дело, следи, куда лезвие смотрит. Желторотый головоруб думает, что он, значит, должен помочь лезвию; вот он наляжет да и ударит вкось. Топор своей тяжестью перерубит любую шею — даже такую могучую, как у Вашего Величества — ты ему только дай свободно упасть. Обещаю, что Ваше

Величество даже ничего не почувствует. И ойкнуть не успеете, — а душа уже опять в кого-нибудь вселилась.

Сейчас Джориан, ухмыляясь, подошел к палачу.

— Привет тебе, мастер Утар! — сердечно рявкнул он. — Денек-то какой, а? Если человеку суждено сложить голову, то клянусь костяными сосцами Астис, лучшего дня для такого дела не придумаешь.

Утар поспешно преклонил колено.

— Вы... Ваше Величество... денек, конечно, что надо... Ваше Величество простит мне боль и неудобства, какие я причиню ему при исполнении обязанностей?

— Забудь об этом, старина! Обязанности есть у всех, и все мы когда-нибудь подходим к предначертанному концу. Пока твой топор остер, а рука тверда, мое прощение у тебя в кармане. Ты, помнишь, обещал, что я и ойкнуть не успею? Не хотелось бы, чтоб ты с первого раза промахнулся, как новобранец, колющий наугад.

Джориан обернулся к Верховному судье.

— Достославный судья Граллон, ты готов сказать речь? Пойми намек и не будь многословен. Долгие разговоры утомляют, хоть ты и мастак красиво поговорить.

Верховный судья нерешительно взглянул на Джориана; тот кивком головы разрешил начинать. Судья вытащил из-за пояса свиток и развернул его. Наконец, вооружившись читательным стеклом и придерживая свиток свободной рукой, он стал зачитывать речь. Задача оказалась не из легких: ветер, подхватив свободный конец свитка, норовил вырвать его из рук. Однако судья продолжал долдонить, видимо, помня содержание наизусть.

Для начала судья Граллон напомнил собравшимся об истории Ксилара. Много веков назад боголев Имбал основал этот город-государство, а также даровал ему единственный в своем роде способ выбора правителей. Далее судья упомянул славных ксиларских королей: и Пеллитуса Мудрого, и Кадвана Сильного, и Рюйса Безобразного.

В заключение судья Граллон обратился к царствованию Джориана. Он вознес хвалу неустрашимости Джориана. Он живописал битву при Доле, когда Джориан обратил в бегство полчища разбойников, вторгшихся в северные пределы королевства, о чем напоминает шрам на лице короля.

— ...и вот теперь, — закончил Граллон, — это славное царствование подошло к предначертанному богами концу. Сегодня по Жребию Имбала корона Ксилара перейдет в руки нового избранника богов. И если руки эти сильны, справедливы, милосердны, мы будем верными и достойными подданными, если же нет — не будем. Сейчас король получит последнее утешение от своего святого наставника.

* * *

Старый доктор Карадур размотал веревку и уложил ее кольцом в центре помоста. Из ранца он извлек складную латунную подставку и пристроил рядом с веревкой. Затем из ранца появилась бронзовая чаша, которую Карадур водрузил на подставку. Оттуда же был извлечен подсумок со множеством отделений; доктор достал из него разные порошки и ссыпал их в чашу. После этого он убрал подсумок, вынул кремь и с огнем и высек над чашей искры.

Взметнулся зеленый огонь, и взвился клуб дыма, ветерок тут же отнес его в сторону. Над чашей заплясали разноцветные язычки пламени и закурился дымок. Первосвященник Зеватаса с кислой миной наблюдал за происходящим.

Карадур затаил нескончаемую молитву-заклинание; о чем там шла речь, никто сказать не мог, — заклинание было мальванское. Он молился так долго, что некоторые из присутствующих стали проявлять нетерпение. Конечно, им не хотелось, чтобы церемония закончилась слишком быстро, ведь она была самым ярким событием года. С другой стороны, они пришли сюда не для того, чтобы выслушивать невразумительные завывания старого тощего колдуна и наблюдать, как он стучит лбом о помост.

Наконец Карадур встал и обнял Джориана, который горой возвышался над ним. Огонь в бронзовой

чаще полыхнул и выбросил большой клуб дыма, отчего стоящие на помосте закашлялись и принялись тереть глаза. Никто из них не разглядел, как Карадур, обхватив могучий торс короля, сунул в его связанные за спиной руки маленький нож.

— Как твоя храбрость, сынок? — прошептал колдун.

— Улетучивается с каждым вздохом. Правду сказать, сам не свой со страху.

— Держись, мой мальчик! Дерзость — твое единственное спасение.

Тут оркестр заиграл гимн в честь Зеватаса. Насупленный Первосвященник, который производил неизгладимое впечатление своей пурпурной рясой, первым запел гимн и, отбивая такт ритуальным жезлом, увлек за собой толпу.

Пропев гимн, Первосвященник склонил голову и вознес молитву, чтобы при выборе нового короля жребий пал на достойнейшего. Он просил богов о снисхождении к Ксилару, он просил, чтобы, карая грешников, боги заодно не навредили добропорядочным гражданам, которых в Ксиларе куда больше. Он молился так же долго, как Карадур. Глава культа верховного божества не мог допустить, чтобы его обскакал какой-то заморский колдун.

Наконец Первосвященник умолк. Верховный судья зачитал вердикт, из которого следовало, что в соответствии с древними обычаями Ксилара царствование Джориана подошло к концу и он добровольно отдает свою голову как предмет, необходимый для выбора нового короля. В заключение судья Граллон широким жестом указал на плаху, давая понять, что Джориану пришло время положить на нее голову.

— Вашему Величеству завязать глаза? — предложил он.

— Нет уж, — направляясь к плахе, ответил Джориан, — я встречу судьбу с открытыми глазами, как встречал врагов Ксилара.

— Один момент, Ваша Честь, — гнусава на мальванский манер, вмешался Карадур. — Я должен... м-м... мне было позволено произнести последнее заклинание, которое поможет душе короля Джориана отлететь в иной мир, не опасаясь нового земного воплощения.

— Ну что ж, заклиняйте, — разрешил Верховный судья.

Карадур достал из ранца маленький бронзовый колокольчик.

— Руби по звонку!

Он всыпал в чашу новую порцию порошков, там что-то вспыхнуло и забулькало.

— На колени, царственный сын мой, — произнес Карадур. — Не страшись.

Толпа в нетерпении подалась вперед. Отцы повыше подняли детей.

Джориан бросил на старого мальванца нерешительный взгляд. Затем опустился перед плахой на колени и положил на нее голову. Горло пришлось как раз на специальную узкую перемычку, а королевский подбородок удобно улегся в выемку, выдолбленную на западной стороне плахи. Скосив глаза, Джориан старался не упустить из виду Утара-мясника. Утар нагнулся и отбросил с шеи короля длинные черные волосы.

Карадур, размахивая костлявыми загорелыми руками, выкрикивал свое заклинание. Оно было такое длинное, что у Джориана от стояния на голых досках заныли колени. Утар, отступив на шаг, поудобнее ухватил топориче.

Наконец мальванец звякнул в колокольчик. Джориан, который из последних сил старался незаметно держать палача в поле зрения, скорее почувствовал, нежели увидел, как Утар вскинул топор. Колокольчик звякнул еще раз, предупреждая, что топор пошел вниз.

Следующее движение Джориана требовало молниеносной реакции, а он вовсе не был уверен в успехе, хотя они с Карадуrom и провели взаперти много часов, тайком репетируя казнь, — старый колдун играл роль палача, орудуя вместо топора метлой. К тому же Джориан чувствовал себя немного утомленным: прошедшей ночью все четыре жены потребовали, чтобы он доказал им свою любовь.

Когда топор стал опускаться, Джориан сбросил путы, которые незаметно разрезал ножом, пока шла церемония. Одновременно он рванулся влево и упал на бок. Топор уже падал, и дородному палачу не хватило расторопности, чтобы осознать происходящее, и силы, чтобы сдержать удар. Топор со свистом врезался в плаху, накрепко застряв в свежевыкрашенной красной колоде.

Джориан молниеносно вскочил на ноги и перехватил нож зубами. Карадур подбросил в чашу какого-то зелья; оно вспыхнуло и задымило, как небольшой вулкан. В небо взвился столб зеленого дыма, посыпались красные и фиолетовые искры. Колдун взмахнул руками и издал пронзительный вопль. Кольцом лежавшая у его ног веревка вдруг распрямилась и гигантской змеей рванулась вверх. Ее нижний конец болтался футах в двадцати над землей, а верхний терялся в каком-то тумане, будто веревка проткнула в небе дырку. Над чашей поднялся огромный клуб дыма, застилая глаза стоящим на помосте и скрыв сам помост от собравшихся внизу зевак. Некоторые из них решили, что голову уже отрубили, и стали кричать: «Красное и белое! Красное и белое!»

Джориан одним прыжком оказался рядом с палачом. Утар-мясник с топором в руках мог представлять нешуточную опасность. Однако несмотря на его отчаянные рывки, лезвие топора намертво засело в плахе.

Джориан поднял левый кулак и, от души размахнувшись, нанес палачу сокрушительный удар в челюсть. Утар опрокинулся на ограждение и свалился с помоста.

Окрик Карадура заставил короля обернуться. К нему, наставив алебарду, бежал закованный в латы стражник. С молниеносной быстротой, которая однажды уже спасла ему жизнь, Джориан ухватился за древко алебарды в тот самый момент, когда наконечник был готов проткнуть его. Джориан яростно отбросил наконечник влево, и выпад стражника не достиг цели.

Вцепившись в древко обеими руками, Джориан развернулся к гвардейцу спиной, подставил под алебарду плечо и резко нагнулся — так, что наконечник коснулся земли. Алебарщик, не успевший выпустить древко, вдруг, к своему изумлению, вознесся над широкой спиной Джориана, пролетел вверх тормашками над помостом и, лязгая латами, грохнулся оземь.

Схватив алебарду, Джориан шагнул к другому стражнику, который наглотался едкого дыма и теперь кашлял. Верховный судья и Первосвященник Зеватаса с такой поспешностью бросились бежать по ступенькам, что Первосвященник оступился, полетел вниз головой на землю и сильно расшибся.

Стражник — может, со страху, может, из почтения к бывшему хозяину — замешкался. Он стоял, прижимая к груди алебарду, и никак не мог решить, что же ему делать: выдергивать из плахи топор или колоть копьем. Джориан не питал к воину личной вражды. Он перехватил свою алебарду и изо всех сил ударил стражника древком в защищенную латами грудь. От такого тычка второй гвардеец кувырнулся с помоста и грохнулся на землю рядом с первым.

Итак, через четверть минуты после того, как палач взмахнул топором, на помосте не осталось никого, кроме Джориана и Карадура. В толпе поднялся ропот. События на помосте развивались слишком быстро, а место действия было затянуто дымом — стоящие внизу толком не поняли, что же произошло. Но одно казалось несомненным: казнь шла не так, как было задумано. Люди толкались и забрасывали друг друга вопросами; ропот перешел в рев. Послышалась резкая команда, и к подножию помоста понеслись всадники охраны.

Джориан отбросил алебарду и, подпрыгнув, ухватился за конец веревки. Недаром он полгода учился лазать по канату — за это время мускулы на руках приобрели крепость стали. При каждом движении Джориана веревка слегка раскачивалась, но натяжение не ослабевало. Помост остался далеко внизу. Защелкали арбалеты, и Джориан слышал гул перебранки, возникающий после каждого неудачного выстрела.

В толпе внизу царила неопишуемая суматоха. Стражники карабкались на помост. Увидев их головы, Карадур, как раз затянувший очередное заклинание, проворно скатился на землю. Джориану было недосуг рассматривать колдуна, но он все же увидел, что, едва коснувшись земли, Карадур совершенно преобразился. Вместо темнокожего, седовласого Мальванского проповедника появился монах из захудалого Ксиларского ордена, одетый в опрятную шерстяную черную рясу. Толпа поглотила его.

Снова зазвенела натянутая тетива. Оцарапав плечо, мимо просвистела стрела. Стражники забрались наконец на помост и с сомнением разглядывали болтающийся конец веревки. У Джориана мелькнула лихорадочная мысль: а ну как они постараются стянуть его вниз или полезут следом?

До верха оставалось всего несколько футов. Пот заливал лицо Джориана и его могучую волосатую грудь. Он добрался до места, где веревка теряла очертания и исчезала. Когда голова попала в дымку, Джориан обнаружил, что веревка, все такая же прочная, тянется дальше, зато происходящее внизу дрожит и расплывается, будто его затягивает густеющим туманом.

Последний рывок, от которого чуть не выскочило сердце, — и помост скрылся из глаз. Там, где раньше было только небо, раскинулась совершенно незнакомая местность. Джориан распрямил ноги и ступил на травянистую почву.

Сейчас ему было не до осмотра окрестностей. Карадур не раз напоминал, как важно втащить наверх волшебную веревку. Ее верхний конец, высотой примерно с Джориана и прямой, как палка, по-прежнему торчал из травы. Джориан ухватился за него обеими руками и потянул. Веревка подалась и поползла из земли, словно там было какое-то незаметное отверстие. Джориан продолжал подтягивать веревку; ее видимая часть утратила твердость, обмякла и провисла, как самый обыкновенный канат.

Джориан неожиданно ощутил рывок: кто-то удерживал нижний конец. Очевидно, один из стражников, увидев, что веревка поплыла вверх, собрался с духом и ухватился за нее. Стражник попался не из легких, и Джориан, еще не отдышавшийся после подъема, с трудом тащил его наверх.

Тут короля осенило: вместо того чтобы втаскивать до зубов вооруженного врага в расстилавшийся вокруг новый мир, он ослабил хватку, и веревка свободно заскользила между пальцами, увлекая к земле повисшего на другом конце человека. Раздался чуть слышный удар и приглушенный вопль. Джориан, проворно перебирая руками, потянул веревку обратно. На сей раз сопротивления не последовало, и вскоре смотанная веревка лежала у ног Джориана.

* * *

Джориан утер лоб и тяжело опустился на траву. Сердце никак не хотело успокаиваться: сказывались пережитое напряжение и волнения побега. Король перебирал в уме сегодняшний день и никак не мог поверить, что остался жив.

С самого начала Джориан понимал, что, несмотря на молодость, огромный рост, недюжинную силу и ловкость, у связанного и безоружного человека мало шансов убежать от скопища врагов даже с помощью колдовства. Он всю жизнь имел дело с оружием, сражался в двух больших битвах, много раз участвовал в стычках и знал, что возможности человека не безграничны. К тому же колдовство казалось заведомо ненадежным и не вызывало особого доверия, поэтому в своей попытке выжить Джориан рассчитывал только на неожиданность, слаженность действий и точный расчет. Может, Мальванские боги Карадура все-таки помогли, мелькнуло в голове.

Кидая по сторонам быстрые взгляды, Джориан думал, что, мол, вот он какой — загробный мир, куда души усопших, отлетев с земли, направляются перед новым воплощением! Он стоял на узком травянистом газоне футов сорока в поперечине. Трава казалась неестественно мягкой. Газон окаймляли две мощные дороги, каждая шириной примерно в двадцать футов.

За этими дорогами раскинулись зеленые лужайки. За лужайками виднелись лесистые холмы, на склонах которых Джориан, как ему казалось, различал дома. Королю не давал покоя один вопрос: какому нормальному человеку придет в голову проложить рядом сразу две прекрасные дороги?

Неожиданно его внимание привлек какой-то быстро нарастающий, жужжащий, дребезжащий, свистящий звук, до отвращения похожий на свист арбалетной стрелы — только гораздо громче. Джориан поискал глазами и наткнулся на источник звука.

По одной из дорог на короля стремительно неслось непонятное существо. Сперва Джориан принял его за сказочного дракона: низкое, горбатое, с огромными горящими стеклянными глазами. Пониже глаз в дьявольской ухмылке скалились серебряные клыки.

Мужество покинуло Джориана, но когда он попятился, сжимая в руке нож и приготовившись дорого продать свою жизнь, существо — словно ястреб, преследующий добычу, — со свистом пронеслось мимо. При ближайшем рассмотрении оказалось, что оно снабжено колесами и, значит, это не дракон, а машина для передвижения. Джориан успел разглядеть голову и плечи сидящего внутри человека, а экипаж уже с лязгом и грохотом скрылся из глаз.

Не успел король оправиться от изумления, как за спиной снова послышался грохот. Джориан резко обернулся; навстречу летела новая повозка, пострашнее первой — огромная, с корпусом-башней и множеством колес. В своем мире Джориан славился отчаянной храбростью, однако и смельчак может пасть духом, если он попал в совершенно непривычное окружение и не знает, откуда ждать опасности и как она, собственно, выглядит.

Джориан почувствовал, что угодил в западню. Неизвестно, сумеет ли он добраться до места встречи с Карадуром. Дороги, не сближаясь и не расходясь, тянулись в обе стороны до самого горизонта. Казалось, можно прошагать по травянистому газону сотню лиг хоть в ту, хоть в другую сторону, но так и не найти способа перебраться на лужайку.

Пронеслось еще несколько повозок. Стало ясно, что по одной дороге они движутся только на восток, а по другой — на запад; кроме того, ни одна машина не заехала на газон. Значит, пока ничего опасного для здоровья не случится. Надо выбрать момент, когда поблизости не окажется колесницы, перебежать дорогу и очутиться на безопасной лужайке.

Джориан заставил себя приблизиться к мостовой. Дорога оказалась покрытой цементом или строительным раствором; через равные промежутки ее пересекали узкие шпалы, сделанные из какого-то черного, похожего на застывшую смолу вещества. Джориан едва успел отскочить — мимо, обдав его струей горячего воздуха, с ревом пронеслась огромная повозка.

Джориан совсем упал духом. Оставалось надеяться, что душе не придется воплощаться в этой реальности. Любая повозка может раздавить тебя, как клопа. Вот незадача: избежать в том, своем, мире топора палача только затем, чтобы в этом угодить под колымагу! И вообще, мыслимое ли дело научиться управлять такой колесницей — разве что здешние жители всю жизнь в них и живут, своими ногами не ходят. Может, у них и ног-то нет...

Приближающаяся повозка подкатила почти вплотную и, по-мышьиному взвизгнув, остановилась. Открылась дверца и вышел человек. Взору Джориана представились обычные человеческие ноги, обтянутые длинными серыми панталонами. На человеке была шляпа с прямыми широкими полями, а с поясного ремня свисала небольшая кожаная сумка. Оттуда торчала изогнутая ручка какого-то инструмента. Видно, плотник, подумал Джориан.

Человек приблизился к Джориану и что-то сказал, но король не разобрал ни слова. Джориан знал несколько языков, но тот, на котором говорил человек в серых панталонах, был ему незнаком.

— Я Джориан из Ардамэ, — сказал он, — сын Эвора-часовщика.

Так его звали до того злополучного дня пять лет назад, когда, недолго думая, он схватил подброшенную в воздух человеческую голову и превратился в короля Ксилара.

Пристально разглядывая золотую корону Джориана, незнакомец покачал головой и снова что-то сказал. Джориан повторил свою фразу по-мальвански и по-швенски. В ответ человек с озадаченным видом произнес несколько слов.

Неожиданно раздался еще один голос. Джориан подскочил на месте, не понимая, кому он может принадлежать. Пронзительный металлический голос, произносящий непонятные слова, похоже, доносился из повозки незнакомца. Тот выдавил из себя успокоительную улыбку, снова что-то сказал и забрался в экипаж, который тут же с ревом помчался прочь.

Джориан вспомнил о веревке и стал обматывать ее вокруг пояса. Он припомнил наставления: пройти одну лигу на юго-восток, спуститься в свой мир и ждать Карадура, если тот еще не добрался до места встречи.

Но где здесь юго-восток? Небо, к счастью, было такое же чистое, как над Ксиларом. Казнь намечалось

провести в полдень; с того момента, как Джориан положил голову на плаху, прошло совсем немного времени. Однако вскоре солнце сядет и по нему уже нельзя будет определить направление. Так что, невзирая на опасность, одну из дорог придется пересечь.

Джориан оглядел ближайшую дорогу, убедился, что повозок не видно, и стрелой метнулся на другую сторону. Он добежал до травянистого луга. Растительность здесь была не такая ухоженная, как на газоне. Джориан срезал длинный стебель, нашел земляную проплешину и воткнул его посередине. Затем по границе тени ножиком отчертил линию, пересек ее другой, перпендикулярной, а третьей линией разделил левый угол пополам. Она-то и указывала на юго-восток.

Джориан пошел в этом направлении. По дороге он то и дело останавливался, чтобы срезать молодой побег и выстругать палочку в два-три фута длиной. На одной из этих палочек он через каждые сто шагов делал зарубку. Остальные палочки он втыкал в землю через каждые пятьдесят-сто шагов и таким образом постоянно проверяя себя, держался выбранного направления. Каждые тысячу шагов он сверялся по солнцу.

На пятидесятой зарубке Джориан остановился. Он находился в ложине, образованной склонами лесистых холмов. Вдалеке виднелись дома, но сейчас Джориан был рад, что его путь лежит в стороне от жилья.

Для пущей уверенности он пересчитал зарубки, снял с пояса веревку и обмотал ею ствол дерева. Затем произнес мальванское заклинание, которому выучился у Карадура:

*Мансалму дарм рау антарау,
Ноде царо тэрахх хья цор рау...*

Ноги вдруг куда-то провалились, словно угодили в зыбучий песок, земля подалась, и Джориан полетел вниз. Затем раздался рывок, падение прекратилось, и он повис меж землей — своей собственной землей — и безоблачными голубыми небесами.

Два веревочных конца, чуть расходясь, тянулись вверх и в ярде над головой пропадали. Внизу, к изумлению Джориана, плескались мертвые черные воды Морусской Трясины. Карадур упоминал болото, но Джориан не ожидал, что окажется прямо над ним. К северу тянулись поля и лесные угодья Ксилара. На юге вздымался огромный хребет Козьей Кручи, над которым, сверкая снежными шапками, высилась горная гряда, отделяющая города-государства Новарии от жаркой империи Мальвана.

Джориан решил было подняться обратно и поискать другое дерево, но передумал. Кто знает, как долго останется проницаемым «мягкое пятно» между двумя реальностями, которое он создал своим заклинанием? Что если земля затвердеет, когда он будет находиться в ее толще? К тому же Джориан отлично плавал, и водившиеся в Морусской Трясине небольшие крокодилы в три фута длиной его ничуть не путали.

Джориан спустился до места, где веревка кончалась. Завяжи он обычную петлю, длины веревки как раз хватило бы до земли, но тогда, спустившись, он не смог бы сдернуть драгоценную веревку вниз. Поэтому Джориан просто перекинул ее через ствол дерева, так что теперь в небе болтались два конца одинаковой длины.

Под ногами, футах в двадцати, стояла темная затхлая вода. Колдуна нигде не было видно. Поехали, подумал Джориан и выпустил из рук веревочный конец.

Взметнув огромный фонтан брызг, он плюхнулся в воду. Следом, взбаламутив болото, упала веревка. Джориан ухватил зубами веревочный конец и поплыл к ближайшему берегу.

Оказалось, что это куча плавучего тростника. Джориан вылез на островок, бурая вода ручьями текла по плечам. Стоило ему подняться на ноги, вязкая поверхность заходила ходуном, подалась и угрожающе прогнулась. Здесь только на карачках и доберешься, решил Джориан. Волоча за собой веревку, он пополз к высокому берегу, густо заросшему ивами и темно-зелеными кипарисами. Ноги наконец нащупали твердую почву, и Джориан выпрямился. На зубце короны повисла водоросль.

— Карадур! — крикнул он, отдирая водоросль и стряхивая с тела болотную воду.

Колдун не отзывался, но Джориана это не смутило. Путешествие длиной в одну лигу может оказаться старику не по силам, так что он вряд ли доберется засветло. Чтобы попусту не тратить время, Джориан отыскал заросшую папоротником прогалину, снял корону, растянулся на земле и тут же заснул.

* * *

День клонился к вечеру, но до захода солнца было еще далеко. Вдруг кто-то окликнул Джориана по имени. Он подскочил и нос к носу столкнулся с Карадуром. Карадур уже обрел прежний облик и стоял, навалившись на посох и тяжело дыша.

— Привет! — сказал Джориан. — Старина, как ты меня отыскал?

— Ты... ох... храпел, о Король... я хотел сказать, мастер Джориан.

— За нами погоня?

— Да нет, по гаданию выходит, что она давно кончилась. Охо-хо, как я намучился! Дай передохнуть, — колдун со стоном повалился в папоротник. — В жизни так не уставал. Два заклинания в один день чуть меня не убили, а блуждание по лесу и вовсе доконало.

Он уронил голову на руки.

— Где ты спрятал припасы?

— погоди, я так измучился, даже думать не могу. Как тебе понравился загробный мир?

— Ой! Ужас, хоть я мало что видел, — сказал Джориан и стал описывать дорогу из цемента и с ревом несущиеся по ней страшные повозки. — Клянусь рогами Тио, жить там куда опаснее, чем у нас со всеми нашими войнами, чумой, разбойниками и диким зверьем! Нет уж, я лучше попаду в какую-нибудь мальванскую преисподнюю, где человеку грозит всего лишь встреча с парочкой-другой чудненьких кровожадных демонов.

— Ты видел... встречал тамошних жителей?

— Ага, один малый, кажется, плотник, остановил экипаж и поболтал со мной, хотя ни он меня, ни я его тарабарщины не понял. Он так на меня уставился, будто он ксиларец, а я обезьянец из Комилакха, которого он вдруг встретил на родной улице, — и Джориан описал человека в длинных панталонах.

Карадур вяло хихикнул.

— Это не плотник, а страж порядка. Он умеет владеть оружием, но применяет его не против иноземцев, а против преступников своей страны. Думаю, и в некоторых городах-государствах твоей Новарии есть отряды таких крепких парней. Эта реальность славится сказочным богатством и диковинными аппаратами, но не хотел бы я когда-нибудь там воплотиться.

— Почему?

— Потому что в этом измерении правит низменный материализм, а волшебство совсем захирело, и им никто не пользуется. Что там делать образцовому чудотворцу вроде меня? Насколько я знаю, те, кто слышит в этой реальности волшебниками, зачастую просто мошенники. Да что там: в этом мире даже боги превратились в бледные призраки. Они способны принести лишь мелкие радости и огорчения тем, кого любят и ненавидят. Да и то не всегда.

— Тамошние жители что, совсем неверующие?

— Может, совсем, а может, притворяются. Еще они привечают всяких магов — астрологов, некромантов. Конечно, боги и колдуны этой реальности не могут навлечь на его жителей серьезные беды или принести большую удачу, но, воплощаясь там, люди несут в себе память о предыдущей жизни в нашем мире, когда колдовство действительно обладало могучей и ужасной силой.

Джориан прихлопнул комара.

— Значит, я, имея мозгов не больше, чем кочан капусты, мог бы неплохо там устроиться.

— Не совсем так, скорее наоборот.

— Почему это?

— Твои главные достоинства в нашем мире — сила и ловкость — там ничего не значат, потому что все делают бездушные машины. К чему выносливость, если ты, сев утром на лошадь, одолеешь к вечеру сорок лиг, а любая механическая повозка, которые ты там видел, проедет за то же время втрое больше? Твоя мощь никому не нужна, так же, как моя нравственная чистота и знание оккультных сил.

— Я же не полный дурак, хоть мускулы у меня действительно помощнее, чем у прочих, — сказал Джориан. — Но может, ты и прав. Ладно, старина, день не вечно будет длиться. Так что, ежели ты готов, пойдём-ка поищем наши припасы.

— Да, готов, хотя и без всякого удовольствия.

Колдун с причитаниями поднялся на ноги и принялся шарить посохом под ближайшими кустами.

— Ну-ка, поглядим, куда я запрятал эту проклятую штуку? — бормотал он. — Тц-тц. Я же помню, что положил ее под выступ валуна и забросал листьями.

— Здесь нет никаких валунов, — с легким нетерпением отозвался Джориан.

— Да уж, да уж. Кажется, то место было повыше. Поищем немного севернее.

Они двинулись в указанном направлении и следующие два часа рыскали по лесу в поисках валуна.

— Поглядим, поглядим... — бормотал Карадур. — Замшелый гранитный валун. Тебе, о Джориан, примерно по плечо... я уверен... я думаю...

— А ты не видал рядом какого-нибудь дерева или еще чего приметного?

— Дай подумать. Ах да, я заметил три дерева, с трех сторон от тайника. Но здесь так много этих проклятых деревьев.

— Почему бы тебе не поворожить?

— Потому что моя колдовская сила временно истощилась. Надо искать обычными способами, других нет.

Они вернулись к болоту и, немного изменив направление, снова принялись за поиски. В косых лучах заходящего солнца, пробивающихся сквозь листву, роилась мошकारа.

— Не это дерево? — спросил Джориан.

— Ну, конечно, вот оно! — обрадовался Карадур. — Теперь поищем остальные.

— Здесь столько же валунов, сколько рыб в пустыне Федиран.

— Валун? Валун? Какой... ах... я вспомнил! Я же его спрятал не под валуном, а под поваленным деревом. Вот оно!

И Карадур указал на большое дерево, которое загродило им дорогу. Они в мгновение ока разбросали листву и вытащили на свет холщовый мешок. Джориан с досады присвистнул; его и раньше частенько раздражала забывчивость колдуна. Правда, он тут же одернул себя: нельзя быть слишком строгим к тому, кто спас тебе жизнь.

* * *

К заходу солнца Джориан преобразился. Теперь он, как заправский лесовик, был одет в простой коричневый кафтан, короткие штаны, высокие шнурованные башмаки — вместо вконец изорванных шелковых туфель — и видавшую виды зеленую шляпу с замусоленным фазаньим пером, торчащим из-за ленты. На поясе болтался короткий тяжелый охотничий меч, годный скорее для игры в лапту и рубки кустарника, чем для поединка.

— А с ней что делать? — спросил Джориан и указал на ксиларскую корону. — Кучу львов можем огрести.

— Ни в коем случае, мой мальчик! — запротестовал Карадур. — Если что-то тебя и выдаст, так это она.

Стоит показать ее любому золотых дел мастеру или ювелиру, или меняле на сто лиг в округе, и молва птицей долетит до Ксилара.

— Переплавим, и дело с концом.

— У нас нет печи и тигеля, а покупать их — значит навлечь на себя подозрения не меньше, чем самой короной. К тому же древние создатели этой золотой вещи наверняка наделили ее волшебными свойствами, неоценимыми для занятий магией. Непростительно спалить эти свойства в печке.

— Что же делать?

— Самое лучшее спрятать ее здесь вместе с твоей старой одеждой. Если все пойдет хорошо, потом заберешь. Или, скажем, договоришься с ксиларцами — твоя голова в обмен на их корону. А что, ты разве не прихватил с собой денег?

— Прихватил. У меня в поясе под одеждой сто новеньких золотых львов — прямо с королевского монетного двора. Кабы пожадничал, лежать бы мне сейчас на дне Трясины Мору. Что ж, всех денег не унесешь.

— Но, сын мой, это же огромное богатство! Да не допустят боги, чтобы какой-нибудь грабитель услышал, сколько денег у тебя в поясе.

— Знаешь, в наших обстоятельствах сохраннее держать капитал при себе.

— Ты прав. Но пытаться продать корону все-таки слишком опасно. А теперь, пока не стемнело, я должен тебя постричь.

Джориан сел на поваленное дерево, и Карадур, вооружившись ножницами и гребнем, принялся за дело. Время от времени он просил Джориана прекратить болтовню, но бывший король не умел долго молчать.

— Печально, — разглагольствовал Джориан, — что мой народ — ведь это и вправду был мой народ — лишился всех своих развлечений: отсечения головы, коронации, раздачи даров, состязаний по бегу, стрельбе, борьбе, футбола и хоккея, пения и танцев, да еще и пира в придачу.

— Который, вне всякого сомнения, закончится бесподобным разгулом мерзкого греховного пьянства и распутства, — поддакнул Карадур, трудясь над правым виском Джориана. — Так что, если угодно, можешь себе во вред заняться благотворительностью. Еще не поздно передумать и вернуться.

— Не-е... Я привык принимать вещи такими, какие они есть. Да и боги на моей стороне, а то б они не позволили мне уйти так далеко, правда?

— Аргумент убедителен, если считать, что богам есть дело до каждого смертного — философы уже тысячу лет ведут об этом жаркие споры. По-моему, главное, что помогло тебе ускользнуть, это мое волшебство, усиленное нравственной чистотой, благоприятное положение планет, да еще твоя сила и храбрость. Легче блоху подковать, чем найти событие, происходящее из какой-то одной причины. Я совсем заболтался, а надо еще отстричь эти ужасные усы.

— Ах ты, старый злодей! От зависти всю мою юную красоту готов извести! — хмыкнул Джориан. — Но снявши голову, по волосам не плачут. Стриги!

Теперь вместо пышной гривы на голове бывшего короля топорщился ежик волос не длиннее ногтя. Усы Карадур тоже отхватил почти начисто.

— Ну вот, — сказал он, — отрастут борода и усы — ни одна живая душа тебя не узнает.

— Если меня не выдадут рост, вес, голос и шрам на носу, — возразил Джориан. — Ты можешь произнести такое заклинание, чтоб я превратился в тощенького светловолосого парнишку?

— Мог бы, если бы уже не произнес двух с утра пораньше. Только это ничего не даст: фантомы держатся час-два, не больше. Да и вряд ли кто нам встретится по пути к Ритосу-кузнецу, разве что случайный охотник, угольщик или жалкий батрак. Какой толк в маскараде?

— Он помешает им натравить на меня ксиларских ищеек.

— Правильно; но представь, ты подходишь к ним подростком и вдруг прямо на глазах превращаешься в самого себя. Такое у кого хочешь вызовет подозрение.

Джориан вытащил из холщового мешка большую кожаную сумку и достал оттуда каравай и кусок вяленой оленины. И то, и другое он уплетал с завидным аппетитом. Карадур удовольствовался маленьким кусочком хлеба.

— Мой мальчик, тебе придется обуздать свой неумный аппетит, — сказал колдун.

— У меня-то неумный? — с набитым ртом отозвался Джориан. — Клянусь золотыми локонами Фрэнды, я только червячка заморил. Ты как думаешь, можно слона накормить одной сладкой булочкой?

— Я хотел сказать, что надо заглушать низменный голос желудка; к тому же этой провизии должно хватить до Ритосова дома, где тебя ждут. Поройся в мешке и найдешь план: там нарисовано, как добраться до места.

— Хорошо, хоть я уже бывал в этих местах, когда гонялся за разбойниками. Здесь ходу не больше одной лиги.

— Говорят, — снова завел Карадур, — у Ритоса есть дочь или племянница, на которую распутные молодые болваны вроде тебя пялят бесстыжие глаза. Ты на нее не заглядывайся, каждый грех сладострастия осложняет мою задачу.

— У меня-то сладострастие? — вскинув брови, изумился Джориан. — Стану я бегать по бабам, когда у меня дома пять молодых красивых жен! Да я буду только рад передышке, чтоб я в дерьме утонул, — хоть и скучаю по карапузам, что по мне ползали. Но давай о Ритосе-кузнеце. Почему ты знаешь, что он не выдаст меня ксиларцам? Он может неплохо заработать, ежели наведет их на след.

— Умолкни! Ни у одного посвященного Сил Прогресса не хватит подлости предать другого посвященного!

— Но ты же сам говорил, что этот Ритос против тебя. Я пять лет был королем; может, это меня ничему и не научило, но одно я усвоил: никому нельзя доверять сверх меры.

— Он действительно принадлежит к Черной Ложке, или Благодетелям, и стоит за то, чтобы не выпускать могучие силы волшебства за границы нашего круга. Я же принадлежу к Белой Ложке, или Альтруистам, и готов нести волшебство в мир и помогать всем, кто трудится в поте лица своего. Однако, несмотря на внутренние разногласия, мы едины перед миром, лежащим вне пределов нашего ученого ордена. Я уверен в Ритосе, как в самом себе.

— Судя по названиям лож, вы чисты, что талая вода. И все же я за свое царствование такого насмотрелся...

Карадур положил Джориану на колено темную костлявую руку.

— Мальчик, ты волей-неволей доверился мне, чтобы спасти свою голову. Доверься и в этом.

— Ну ладно, ты знаешь, что делаешь, — проворчал Джориан. — Святой отец, я хочу поблагодарить тебя — ты спас мою беспутную голову.

— Не стоит благодарности; только ты ведь знаешь, эту голову нужно еще заслужить.

Джориан хитро усмехнулся.

— Что, ежели я найду другого колдуна и он своей ворожкой снимет заклятье, какое ты и твои дружки-чародеи так бессовестно на меня наложили?

— Освобождающего заклятья не существует, Я предупреждал: если какой-нибудь захудалый отщепенец попытается снять наше заклятье, для тебя это окончится весьма плачевно. Заклятье наложил магистр нашей ложки Форко из Хендау, и он один может развеять чары.

Итак, не забудь: ровно через месяц мы встретимся в... уф... в «Серебряном Драконе» в Оттомани, оттуда отправимся в Тримандилам за Ларцом Авлена, а потом на Конклав моих сторонников в Башню Гоблинов в Метуро. Надо спешить, встреча состоится в месяц Щуки.

— Времени хоть отбавляй.

— Разумеется, но непредвиденные обстоятельства часто сводят на нет самые многообещающие планы. Как бы там ни было, для начала нужно добраться до Оттомани.

— Почему бы мне не отправиться туда с тобой, чем продираться сквозь бурелом?

— Ксиларцы перекроют дороги, а чтобы отросла борода, нужно время. Ритос ждет твоего прихода; у него можно отдохнуть несколько дней и пополнить запасы провизии.

— Я приду в Оттомань, ежели не случится беды. Буду запаздывать, — оставь мне у трактирщика записку на вымышленное имя.

Карадур:

— Фальшивое имя? Тц-тц! Это безнравственно, сын мой.

— Вот как? Ты, верно, забыл: до того, как стать королем Ксилара, я год прослужил в пешей гвардии Его Незаконнорожденного Высочества. В Оттомани многие меня вспомнят, ежели понадобится.

— Тебе нечего бояться. Великий Герцог и Его Незаконнорожденное Высочество одинаково не любят Ксилар, потому что их страна вклинилась между твоим бывшим королевством и Республикой Виндия, которая заключила с Ксиларом договор против Оттомани. Правители Оттомани не выдадут тебя ксиларцам.

— Может, и нет, но они не в силах помешать ксиларцам меня выкрасть. Судейские спят и видят, как бы завершить свою кровавую церемонию. К тому же чем фальшивое имя безнравственней того, что сделали твои Силы Прогресса, послав меня воровать этот чертов сундук с трухлявыми волшебными пергаменами у самого царя Мальваны?

— Почему... ах... то совсем другое...

— Чем другое-то? — не унимался Джориан.

— То было легко... как бы сказать... ох, твоего духовного развития не хватит, чтобы понять. Это вопрос чистоты побуждений...

— Зато я уяснил другое: ежели из-за твоей дурацкой нерешительности меня схватят где-нибудь на пути в Тримандилам, тебе нипочем не добыть ящика с волшебной тягомотиной. Без головы не поворуешь.

— Ах, ну, твои рассуждения во многом справедливы, хотя, не будь я так утомлен, я бы обязательно нашел, что возразить.

— Какое ты выберешь имя, коли тебе все же придется сделать что-нибудь эдакое безнравственное?

— Я назовусь... уф... Мабахандулой.

— Вот имечко, клянусь железной писькой Имбала! Язык ломаешь. Хотя, я думаю, тебе действительно не имеет смысла притворяться, что ты не мальванец.

Джориан несколько раз повторил имя, чтобы не забыть.

Карадур поморщился.

— Тц-тц. Я бы попросил тебя так много не богохульствовать, даже по отношению к твоим маленьким домашним божкам. Как тебя будут звать, если ты придешь первым?

— Мм... Никко из Кортолии. Моего дядю звали Никко.

— Почему бы тебе не назваться цолонийцем? Остров Цолон далеко отсюда, следовательно, это безопаснее.

— Я никогда не был на Цолоне и не умею говорить на ихнем тарабарском наречии. Зато я вырос в Кортолии и, когда не слежу за собой, говорю, как заправский кортолец. Слушай, старый зануда, может, хватит меня песочить?

— Пожалуй. Если я не появлюсь в «Серебряном Драконе», расспросишь в городе про волшебницу Гоанию. Она хранит снадобья, необходимые, чтобы вырвать Ларец Авлена из рук злобного типа, который

незаконно овладел им, — так называемого Царя Царей.

— Гоания, говоришь? Я-то запомню. А вот ты, дружок, постарайся не забыть по рассеянности названия города и, ежели ошибкой забредешь в Гованнию или Виндию, не удивляйся, что я тебя там не встречу.

— Оставь в покое мою рассеянность! — огрызнулся колдун. — Точно выполняй инструкции, остальное предоставь мне. И придержи болтливый язык. Твоя жизнерадостная трескотня чуть не выдала нас тогда, на помосте. Ты бы лучше не пил ничего, кроме воды, — после вина и пива язык у тебя начинает болтаться, как помело.

— Ежели я буду в пути пить вонючую воду, то слягу с какой-нибудь кошмарной дизентерией или лихорадкой, и толку от меня будет, как от безголового.

— Ну, хотя бы не напивайся; твои главные слабости — выпивка и болтливость. А теперь давай склоним головы и вознесем молитву истинным богам — богам Мальваны.

Колдун пробубнил молитву Варну-Создателю, Крадхе-Хранителю и Ашаке-Разрушителю. Затем Джориан коротко помолился Тио, новарскому лесному богу. Они с Карадуром пожали друг другу руки. Карадур произнес напутственную речь:

— Будь осторожен и благоразумен; подавляй желания плоти; алкай нравственного совершенства и духовного просветления. Истинные боги тебя не оставят, сын мой.

— Спасибо, отец, — отвечал Джориан. — Я буду благоразумен, как мидия, и чист, как первый снег.

Он развернулся и зашагал в мрачную глубину леса. Карадур, глядя ему вслед, принялся обматывать талию волшебной веревкой. В сгущающихся сумерках звенела ночная мошкара.

Глава 2

Меч Его Незаконнорожденного Высочества

Шел уже месяц Медведя, когда Джориан добрался до жилища Ритоса-кузнеца. Листва деревьев у подножия Козьей Кручи окрасилась в багрянец и золото, и только более высокие склоны, поросшие хвойными лесами, по-прежнему сохраняли сумрачную темно-зеленую окраску. Над этими зелеными вершинами, казавшимися черными при пасмурной погоде, белели полускрытые облаками снежные пики центральной гряды. Множество красных и желтых листьев, которые под хмурым осенним небом облетали с деревьев, кружась и раскачиваясь, как утлые лодки в штормовую погоду, устилали поляну перед домом Ритоса.

Жилище кузнеца-отшельника оказалось на удивление ухоженным и вместительным. Над первым этажом, сложенным из известняка, располагалась бревенчатая надстройка; высокая остроконечная крыша венчала сооружение. К правой стене дома было пристроено что-то вроде сарая — в нем помещалась кузница. Оттуда доносились удары молота по наковальне.

У противоположной стены стояла большая деревянная клетка. В ней, свернувшись калачиком, лежал обезьянец из далекого, расположенного на юго-востоке Комилакха. На краю поляны был возведен каменный колодец; из него доставала воду молодая женщина. Когда появился Джориан с луком через плечо, она как раз вытянула воротом бадью, поставила ее на край колодца и собиралась перелить воду в кувшин. На другом конце поляны стреноженный ослик жевал сено.

Джориан шагнул на поляну; девушка вздрогнула, и вода выплеснулась из бадьи.

— Черт побери! — воскликнул Джориан. — Дай помогу, красotka!

— Ты кто? — все еще настороженно спросила она.

— Джориан, сын Эвора. Это дом Ритоса-кузнеца?

— Ага. Нас предупреждали о твоём приходе, но уже столько дней прошло.

— Заплутал в проклятом лесу, — сказал Джориан. — В таком тумане сам себя потеряешь. Держи кувшин, я опрокину бадью!

Переливая воду, Джориан разглядывал девушку. Она была высокой — почти с него ростом — с копной черных волос. Лицо с грубоватыми и неправильными чертами нельзя было назвать красивым, но она производила впечатление яркой, сильной женщины. Особенно украшали ее прекрасные серые глаза.

— Неудивительно, что ты заплутал! — произнесла девушка низким хриловатым голосом. — Ритос напускает морок на всю округу, чтобы охотники и дровосеки носа сюда не казали.

— Зачем это ему?

— Для леших. Они нас за это кормят.

— То-то мне попался малый с длинными волосатыми ушами, — сказал Джориан и, подхватив кувшин, вслед за девушкой поспешил к дому.

Обезьянец вскочил и зарычал на Джориана, но окрик хозяйки заставил его замолчать.

— Вообще-то туман должен был рассеяться и пропустить тебя, — продолжала девушка, — но убрать туман дело непростое, это тебе не свечку задуть. А ты неплохо воспитан, мастер Джориан.

— Ну, еще бы; нам, бывшим королям, приходится держать марку, — и Джориан перешел на кортольский диалект. — Хучь я таперича и не король, а живот, значица, бурчит, ужина просит.

Девушка распахнула дверь в просторную комнату. Столы, стулья, лавки — все было завалено ретортами, свитками пергамента и колдовскими принадлежностями. Мебель стояла основательная, простая и по-крестьянски удобная, и Джориану вспомнился охотничий домик, доставшийся ему, королю Ксилара, от предшественников. По стенам висело оружие, дощатый пол устилали шкуры медведей и других лесных хищников, по лавкам были разбросаны расшитые подушки.

Девушка проследовала на кухню. Заноса кувшин на приступку возле раковины, Джориан вдруг пошатнулся.

— Какая муха тебя укусила? — вскинулась Ванора. — Только не говори, что такому здоровяку не под силу поднять кувшин!

— Что ты, милая дамочка. Просто я не ел три дня.

— Великий Зеватас! Сейчас мы все поправим, — с этими словами она принялась рыться в хлебнице, яблочной корзине и где только можно.

— Как тебя величать? — спросил Джориан, освобождаясь от лука и ранца. — Что-то не приходилось слышать, чтобы того, кто спас тебе жизнь, звали «Эй, ты!»

— Я не спасала тебе жизнь.

— Спасешь, коли накормишь. Ну, так как?

— Меня зовут Ванора, — и, поймав вопросительный взгляд Джориана, добавила:

— Ванора из Гованнии, если хочешь.

— Я и смотрю, выговор знакомый. Ритос тебе кто, отец или дядя?

— Он-то родня? — у девушки вырвался короткий иронический смешок. — Он мне хозяин. Чтоб ты знал, он меня купил в Гованнии как рабыню для любых работ.

— Как это?

— Любовника приколола, бродягу никчемного. Уж не знаю почему, но я вечно влюбляюсь в пьяных мужиков, которые меня же и лупят почем зря. Короче, этот придурок помер, и мне собирались отрубить голову, чтобы больше так не делала. Но в Гованнии чужестранец может купить приговоренного раба, если обещает увезти его из страны. Стоит мне туда вернуться, и прощай голова.

— Как Ритос тебя уламывает?

Ванора поставила на приступку тарелку с краюшкой хлеба, кусочком вяленого мяса, ломтиком сыра и яблоком.

— Он вовсе не «уламывает», — подойдя вплотную, сказала она. — Во всяком случае, не то, что ты думаешь. Пока я слушаюсь, он обо мне и не вспоминает, даже по ночам; занятия магией, говорит, требуют целомудрия. Он сейчас в кузне, возится с новым мечом Даунаса. Носа из сарая не высунет, пока ужинать не позову.

Приоткрыв рот, она в упор взглянула на Джориана и, подавшись вперед, легонько коснулась его руки своей большой грудью. Джориан слышал ее прерывистое, свистящее дыхание. Затем безотчетно покосился на полную тарелку.

— Не обижайся, хозяйка Ванора, — чуть отодвинувшись, сказал он. — Мне перво-наперво надо поесть, а то помру с голодухи. Где тут можно сесть?

— Поесть! — фыркнула Ванора. — Садись за этот стол. Вот сидр. Не увлекайся, он только с виду слабый.

— Спасибо, хозяйка, — Джориан с ходу набил рот едой и, с усилием глотнув, спросил:

— Если я верно понял, Ритос кует волшебный меч для Его Незаконнорожденного Высочества? — Нету у меня времени, мастер Джориан, ляды точить. Работы невпроворот.

Громко стуча каблуками, Ванора вышла из кухни. Джориан ухмыльнулся ей вслед; молодая бородка встопорчилась. Непонятно, чего она разозлилась? Может, он попал в точку? Джориан с аппетитом поел, от души выпил и вернулся в захлавленную комнату. Когда Ритос-кузнец заглянул туда спустя несколько часов, бывший король лежал прямо на полу, завернувшись в медвежью шкуру, и громко храпел.

Джориана разбудил тихий скрип открываемой двери. Увидев входящего кузнеца, он вскочил на ноги и поклонился.

— Привет, тебе, мастер Ритос! — воскликнул он. — Твой покорный слуга низайше благодарит за гостеприимство.

Кузнец был гораздо ниже стоявшей за ним Ваноры, но таких широченных плеч Джориану еще видеть не приходилось. Пожатие огромной руки заставило крепкого Джориана скривиться от боли. Продубленное лицо под седыми космами было сплошь покрыто складками и морщинами; на нем резко выделялись полуприкрытые тяжелыми веками холодные оловянные глаза.

— Добро пожаловать в мой дом, — пророкотал Ритос. — Сожалею, что из-за досадной ошибки в одном из моих защитных заклинаний тебе пришлось плутать по лесу. Ванора говорит, ты пришел полумертвый от голода.

— Ага. Я прикончил провизию и хотел подстрелить какую-нибудь дичь. Я-то думал, что умею обращаться с луком, но первый же попавшийся заяц меня разубедил.

— Наверное, лешие увели зверей с твоего пути. Охраняют их от охотников не из любви к живой природе — для себя берегут. Садись, мастер Джориан. Сегодня вечером можешь отдыхать, а завтра я подумаю, как ты отработаешь пропитание, пока будешь жить здесь. Ну, рассказывай, как ты попал в эту передрыгу, — продолжал Ритос, пока Ванора разливала вино.

— Началось все пять лет назад, — с готовностью заговорил Джориан, который был рад поболтать после вынужденного молчания, — но лучше вернуться к истоку. Отец мой, Эвор-часовщик, доживал свой век в Ардамэ.

— Где это?

— Городок в Кртолии, недалеко от столицы. Он хотел научить меня делать клеписдры — водяные часы. Да только руки у меня оказались слишком большие и неуклюжие для тонкой работы, даром что с уздой, мечом, плугом и посевами управлялись исправно. Я всю премудрость выучил, но как до дела дойдет — стоп. Ну, в конце концов он махнул на меня рукой, только напоследок потащил с собой в Двенадцать Городов, где у него были заказы на установку клеписдр.

И вот он отдал меня подмастерьем к Фимбри-плотнику из Ардамэ. Только Фимбри через месяц отослал меня обратно, да еще счет приложил за сломанные инструменты — силушку свою я сдерживать тогда не умел.

Пришлось отцу определить меня к Рубио, кортольскому торговцу. Там я прослужил год, но в один прекрасный день просчитался в выручке. Этот Рубио был малый злющий и вспыльчивый, а дела у него в то время шли неважно. Ну, он на меня и набросился, да не учел, что я за год его перерос. Огрел меня тяжелой тростью, а я палку-то вырвал и переломил об его голову. Он упал и лежит. Ну, думаю, убил; я и сбежал домой в Ардамэ.

Отец меня прятал, пока не дошел слух, что Рубио оклемался. Потом пристроил в дом бездетного крестьянина, некоего Оннуса. Все толковал мне, что, ежели поведу игру с умом, ферма мне достанется — Оннус вдовец и родни у него нет. Но Оннус оказался скрягой, из тех, что, закалывая свинью, ищут, кому бы и свинячий визг продать, чтобы не пропадал. Заставлял меня работать по шестнадцать часов в день и чуть совсем не уморил. В конце концов он меня застукал, когда я вместо работы приударял за соседской дочкой, и отходил хлыстом. Я, конечное дело, хлыст вырвал...

— И всыпал хозяину по первое число? — догадливо спросил Ритос.

— Нет, мой господин, как можно. Я всего лишь засунул хозяина башкой в кучу его собственного дерьма, да так, что он насквозь проскочил, — и пошел себе спокойненько домой.

От вина Джориан заметно повеселел и заговорил сбивчиво, оживленно размахивая руками.

— Отец, бедолага, просто с ног сбился, чтобы найти мне работенку по силам. Старшие братья стали

умелыми, уважаемыми часовщиками, сестры повыходили замуж — я один болтался без дела. «Родись ты с двумя головами, — говаривал отец, — мы б тебя за деньги показывали, но ты просто молодой, здоровый, неотесанный болван, только баклуши бить и умеешь». Так вот, решили мы пойти к Зимбалле, ардамайской колдунье.

Подбросила ведьма трав в котелок, насыпала в огонь каких-то порошков — повалил дым, а по стенам заплясали тени, хотя кто их отбрасывал, ума не приложу. Впала она в транс, шамкает что-то, бормочет.

И говорит это она под конец: «Джориан, сынок, по всему выходит — быть тебе королем или бродягой».

«Как это? — говорю. — Сам-то я хочу стать уважаемым ремесленником, как папаша, и жить припеваючи».

«Твоя беда, — продолжает ведьма, — что ты слишком хорош, чтобы ходить за плугом или мести улицы города Кртолии. Уж коли ни одно дело не дается, значит, боги тебе другое назначили. Такому, ежели он не рожден в богатстве и роскоши, одна дорога: по земле топать и людьми править. Рано или поздно одно приводит к другому.»

«А вот, к примеру, солдатская служба?» — спрашиваю.

«Солдат всегда бродяга».

«В солдаты и подамся», — говорю.

Отец пытался мне отсоветовать, мол, с твоим ли умом лямку тянуть, да что, мол, в этой работенке девять десятых скуки смертной и одна леденящего ужаса. Но я ответил, что мне пока от этого ума ни жарко, ни холодно, и пошел-таки в солдаты. В Кртолии мне дали от ворот поворот, видно, Рубио нашептал кому надо.

Отправился я в Оттомань и поступил алебардщиком к Его Незаконнорожденному Высочеству. Год маршировал взад-вперед по плацу под гавканье офицеров: «Копья наперевес! Вперед, арш!» Дрался в сражении, когда Вольная Рота хотела разграбить Оттомань. Но Его Незаконнорожденное Высочество бросил на них свою новомодную кавалерию — закованных в панцири рыцарей на огромных битюгах — и разбил наголову. Они врага и на выстрел к нашей пехоте не подпустили. Под конец срока я согласился с папашей: жизнь наемника не по мне.

Ушел я со службы и отправился в Ксилар. Явился аккурат в тот день, когда они казнили старого короля и выбирали нового. Мне наставник в детстве, помню, рассказывал про этот забавный обычай, но я впервые попал в Ксилар и совсем забыл о нем. Словом, когда мне прямо в лицо полетело что-то круглое, черное, как футбольный мяч, я его поймал. И вдруг, ужас, вижу, это только-только отрубленная человеческая голова, и кровь по рукам течет. Брр! Тут мне сказали, что я и есть новый король Ксилара.

Сперва я балдел; они меня всего раздели, пичкали вкусной жратвой и выпивкой, красивых жен мне нашли. Но быстро скумекал: сегодня я поймал голову, а через пять лет сам лишусь головы.

Здесь, конечно, дело, всего вдоволь — одежды, еды, выпивки, женщин для забав, но ежели тебе отрубят голову, другая не вырастет. Процарствовал я так с годик под наставления старого Граллона и Таронуса и решил: пора из этой западни выбираться любым способом.

Начал с самого простого — выскользнул из дворца и дал деру. Но ксиларцы к этому привычные и тут же меня сцапали. Там у них целая рота — Королевская Гвардия называется — неплохо владеет сетями и арканом; они к королю специально приставлены, чтобы часом не удрал. Пробовал вербовать соучастников — они предали меня. Пробовал подкупить стражников — они прикармливали денежки и предали меня.

На третий год я постарался стать таким королем, чтоб ксиларцы смилоствились и отменили свой обычай. Стал реформатором. Изучил право и боролся за исполнение законов. Изучил экономику и придумал, как без вреда для королевства снизить налоги. Изучил воинское искусство и очистил Дол от разбойников, а побережье от пиратов. Сказать правду, одна мысль о сражении вгоняет меня в дрожь...

Кто счастлив скакать на коне боевом?

Не я!

*Кто любит размахивать острым копьем?
Не я!
Кто рад, когда панцирь железный на нем?
Кто шлем не снимает ни ночью, ни днем?
Мечтает о стычках кровавых с врагом?
Не я!
Кто жаждет мечом супостата проткнуть?
Не я!
Иль дротик метнуть неприятелю в грудь?
Не я!
При лязге оружия кого берет жуть?
Кто очень хотел бы с войны улизнуть?
Чтоб пиво из кружки в таверне тянуть?
Я! Я!*

Однако топор был еще страшнее, и в конце концов злодеи стали меня бояться больше, чем я их.

— Кто сочинил эти стихи? — спросил Ритос.

— Некий безвестный рифмоплет, по прозвищу Джориан из Ардамэ. Но к делу. Через год все были уверены: король Джориан, даром что молодой, лучший правитель с начала времен.

Думаешь, ксиларцы отменили свой дурацкий закон? Ничуть не бывало. Наоборот, приставили дополнительную охрану, чтоб я уж точно не убежал. Я отправлялся на верховую прогулку, охоту, ловить разбойников и даже к бабе не иначе, как в окружении целого отряда арканщиков из швенских степей, следивших, чтобы я не дал деру.

Я тогда совсем раскис. Ударился в загул — жратва, выпивка, бабы, ночные кутежи. Так что к концу четвертого года превратился в жирную слюнявую развалину.

В ту зиму я подхватил простуду, простуда перешла в лихорадку — в общем, чуть не помер. Вот, метался я в бреду, и привиделся мне какой-то человек. Иногда он казался похожим на отца, который аккурат в тот год преставился. Я посылал родителям вдоволь денег, но в Ксилар позвать не смел: стоило мне при случае удрать, они бы оказались заложниками.

Иногда тот странный человек представал в обличье одного из великих богов: то он был Герикс, то Псаан, а то и сам старина Зеватас. Короче, с лица был разный, а говорил одно: «Джориан, сынок, мне стыдно за тебя; с твоим ли умом и силой сдаваться перед таким пустяком, как угроза потерять голову? Покажи им всем, малыш! Попытаешься удрать, может, что и выйдет, а уж не попытаешься — пеняй на себя. Чем ты, собственно, рискуешь?»

Я поправился, но слова запали в душу. Я услал всех женщин, оставил только четырех законных жен да пятую, какую сам выбрал. Упражнялся в оружейной и гимнастическом зале, пока не стал здоровее прежнего. А еще перечитал в королевской библиотеке все, что могло сгодиться для побега. Год убил на гимнастику и книжки. Ох и трудное это дело — одновременно упражнять тело и голову, легче рыбу научить на волынке играть. После гимнастики так устаешь, что премудрость не лезет в голову, а когда читаешь книжки, не остается времени на гимнастику. Я старался, как мог.

Я так рассудил: коли боги меня предназначили для бродячей жизни, нелишне к ней подготовиться, поэтому изучал все, что мало-мальски могло сгодиться. Выучился говорить по-мальвански, по-феридийски и по-швенски. Сумел овладеть не только обычным оружием, но и орудиями преступников: мешочком с песком, кастетом, удавкой, отравленным перстнем... Нанял Мерлуа-актера, и он научил меня гримироваться, перевоплощаться и копировать чужой говор.

В последний год своего царствования я также сколотил отряд из самого мерзкого отребья, какое удалось найти в Двенадцати Городах: карманник, мошенник, фальшивомонетчик, разбойник, основатель культов и секретных обществ, контрабандист, шантажист и два грабителя. Содержал их в довольстве, а они меня обучали своему ремеслу. Теперь мне ничего не стоит взобраться по отвесной скале, взломать ставни, сорвать замок, вскрыть сундук и — коли застучают — убедить домовладельца, что я добрый дух,

посланный богами для проверки его поведения.

Пройдя обучение, я стал, можно сказать, неплохим подмастерьем широкого профиля. То есть я не сумею нанести такой же страшный удар, как Тартоньо, мой бывший тренер по фехтованию; так же ловко держаться в седле, как Корквин, мой тренер по верховой езде; так же освоить грабеж, как предводитель воров Инэс; так же изучить право, как Верховный судья Граллон; стать таким же искушенным царедворцем, как канцлер Таронус; так же владеть языками, как мой библиотекарь Штимбер. Зато я, вооружившись щитом и мечом, поборю их всех — кроме Тартоньо, обскачу всех — кроме Корквина, переговорю всех — кроме Штимбера...

Читая одну книжку, я узнал о Силах Прогресса. Какой-то из моих предшественников закрыл Школу Магических Искусств и изгнал из Ксилара всех колдунов. Этот запрет так и не был снят...

— Знаю! — взревел Ритос. — Зачем я, по-твоему, забрался в эту глушь? Чтобы не попасть в сеть законов и указов, которой Города ловят жаждущих высшей мудрости. Правда, ни в одном из Двенадцати Городов нет столь сурового закона, как в Ксиларе, но в каждом из них его успешно заменяют инструкции, лицензии и контролеры. Провалились они в сорок девять Мальванских преисподних! Рассказывай дальше.

Джориан:

— Поэтому в Ксиларе остались только ведьмы и колдуны-недоучки — пугливые нарушители закона, которые сводят концы с концами, торгуя из-под полы амулетами, зельями и гороскопами: добрая половина из них просто подделки. Я испробовал в деле несколько местных колдунов и колдуний, но толку не добился. Тут мне подвернулся доктор Карадур; он приехал в Ксилар под видом святого и как таковой не подпадал под действие нашего закона. Мой побег с помоста — его заслуга.

— Карадур не лишен достоинств, — заметил Ритос, — чего не скажешь о его дурацких идеях и недостижимых идеалах...

* * *

Непонятные звуки прервали излияния кузнеца. В дверь явно скреблись. Ванора открыла, и в комнату одним прыжком влетело какое-то животное. Джориан вздрогнул от неожиданности — перед ним сидела белка величиной с собаку, весом в добрых двадцать фунтов. Зверь был покрыт длинной черной блестящей шерстью. Белка что-то процокала Ритосу, потерлась головой об его колено, позволила почесать себя за ухом и ускакала на кухню.

— Это Иксус, мой демон-подручный, — пояснил Ритос. — У него тело гигантской белки с Елизовы и душа низшего демона из Четвертой Реальности.

— Что это за Елизова такая? — поинтересовался Джориан.

— Земля на крайнем юге, по ту сторону экваториальных джунглей, что лежат к югу от Мальваны. Отважные мореходы с Цолона открыли ее всего год-два назад. От них-то мы и узнали о Елизове. Смею тебя уверить, Иксус обошелся мне в кругленькую сумму. Некоторые из моих братьев предпочитают обезьяноподобных демонов — они, дескать, исключительно ловки. Я, однако, с ними не соглашусь. Во-первых, обезьяны — существа нежные и плохо переносят холод, а во-вторых, как родственная человеку ветвь обладают собственным высокоразвитым мозгом, который трудно подчинить влиянию извне, — безучастно отозвался кузнец. Голос у него был холодный, ровный и безжизненный. Казалось, он обращается к собственной тарелке.

— Ты начал говорить о Карадуре, — напомнил Джориан.

— Я просто хотел сказать, что все его идеалы по-человечески понятны, но неприменимы в реальной жизни. То же относится и к его ложе.

— Здесь, как я слышал, мнения расходятся. Ты можешь изложить свою точку зрения?

— Ложа Карадура, так называемые Альтруисты...

— Или Белая Ложа, да?

— Они действительно делят нас на Белую и Черную Ложи, но мы этих различий не признаем. Они их специально придумали, чтобы склонить мнение в свою пользу. Короче: самозванные Альтруисты готовы разболтать тайны оккультизма непосвященным, всем кому не лень. Тогда, мол, все человечество сможет вкушать этих знаний. Люди будут сыты и одеты; у них будет пылкая юность, многочисленная любящая родня и безбедная старость.

Так вот, будь все люди столь же прилежны, как мы, посвященные Сил Прогресса, которым приходится учиться многие годы и отвергать ради самосовершенствования житейские удовольствия; которых, прежде чем причислить к нашему братству, старшие собратья подвергают суровым испытаниям и которых страшная клятва обязывает применять свое знание на благо человечества — будь все остальные люди столь же хорошо обучены и пройди они перед посвящением столь же строгий отбор, тогда, возможно, идеи Альтруистов имели бы смысл.

Но ты и сам понимаешь, мастер Джориан, не все люди достойны тайных знаний. Одни глупы, другие ленивы или безнадежно испорчены. Большинство ставит личную выгоду выше интересов общества; большинство ради минутного удовольствия не задумываясь откажутся от того, что может составить счастье всей дальнейшей жизни. Вручить страшное знание беспомощной толпе недоумков, жуликов и неумех? Уж лучше вложить бритву в пухлые пальчики грудного младенца! Да попадись им в руки наши страшные заклинания, такие люди без зазрения совести сровняют с землей целый город, лишь бы это помогло им избавиться от одного-единственного личного недруга. Вот поэтому мы — Благодетели — категорически против предложения Альтруистов.

Несмотря на важность того, что говорилось, Ритос все так же безучастно ронял слова и ни разу не повысил голоса. В нем угадывался какой-то автоматизм; Джориан вспомнил легенду о заводном прислужнике, которого бог-кузнец Вэзус выковал в помощь остальным богам, и о последовавшей за этим череде бедствий, когда механический человек тоже захотел стать богом.

— Чем ты занят сейчас? — спросил Джориан, покончив с едой.

— Почему бы и не сказать, максимум через три дня я закончу работу. Это меч Рандир, который я кую для Его Незаконнорожденного Высочества. Когда произнесу последнее заклинание, меч будет разрубать доспехи, как масло.

Главная тонкость, скажу тебе, заключается в том, чтобы произносить заклинания во время закалки металла. Некоторые произносят их раньше, при первом нагреве или во время ковки. Однако большинство подобных заклинаний не выдерживают перегрева и ударов.

Но вернемся к твоему побегу. Какую плату запросил Карадур? Я знаю, что, несмотря на притворное благочестие, старый мошенник не станет давать даром такое трудоемкое и опасное магическое представление.

— Ох, он сказал, дескать, ваши Силы Прогресса хотят, чтобы я отправился в столицу Мальваны и выкрал какой-то древний ящик под названием Ларец Авлена, который, мол, набит до отказа потрясающими старинными заклинаниями. Еще Карадур хочет, чтоб я отволок этот ящик в Башню Гоблинов в Метуру. Там, как я понял, вы устраиваете большой Конклав.

— Ага! Теперь ясно! Карадур тебе сказал, что мы все хотим завладеть сундуком? Он соврал, потому что я впервые об этом слышу. Это они, так называемые Альтруисты, и никто другой, мечтают заполучить сундук, чтобы заставить нас, Благодетелей, принять их безумные предложения. Как они собираются держать тебя в повиновении?

— Заклятьем: ежели сверну с пути в Тримандилам, меня замучают головные боли и кошмары. Я проверял, все так и есть.

— Мог бы и сам догадаться. Но давай, мой добрый господин, вернемся к рассказу о твоем побеге.

Рассказывая о неудавшейся казни, Джориан втайне клял свою глупость. Он по ошибке решил, что Ритос либо знает о намеченной краже Ларца Авлена, либо, на худой конец, ему можно без опаски рассказать об этом. Теперь же выходило, что он, Джориан, зачем-то ввязался в драку между двумя ложами колдовского братства. Ритос, вполне вероятно, начнет совать палки в колеса. Развязавшийся от вина язык

снова, уже в который раз, подвел Джориана.

Немного утешала мысль, что Карадур отчасти сам виноват в его, Джориана, промашке. Старый колдун, не высказываясь напрямую, постарался создать впечатление, что предприятие задумано всем братством, а не одной Белой Ложей. Джориан с грустью подумал: даже Карадур с его высокопарной болтовней о чистоте, морали и этике оказался на поверку обманщиком и предателем.

Ритос безучастно дослушал рассказ Джориана.

— Отлично проделано, сударь, — сказал он под конец. — Пойдем спать, завтра много дел.

* * *

Почти весь следующий день Джориан ел, отдыхал и нежил свое давно не мытое тело в Ритосовой деревянной лохани. Он наблюдал, как Ритос держит клинок Рандир за обмотанный ветошью стержень: эфес еще не был насажен. Кузнец несколько раз накалял клинок докрасна; затем клал на наковальню и осторожно постукивал по нему то здесь, то там, выправляя малейшую кривизну или неровность.

На третий день Джориан совсем оправился. Помогал Ритосу доделывать меч, придерживая клещами проволоку, которую тот наматывал на рукоятку, и, придавая Рандиру окончательный лоск, до блеска начищал клинок и чашку эфеса из серебряной латуни. Вертел точильный круг, пока кузнец затачивал клинок.

Бесенок Иксус носился по кузнице, исполняя приказания Ритоса. Он злобно цокал на Джориана и все норовил вцепиться ему в ногу своими острыми беличьими зубами, пока кузнец на него не прикрикнул.

— Ревнует, — сказал Ритос. — Пойди-ка помоги Ваноре. Я сейчас буду произносить над эфесом предварительное заклинание и хотел бы остаться один.

Некоторое время Джориан безропотно колот дрова, таскал воду, месил тесто и полот огород, но не дождался от Ваноры ни одного приветливого слова. Он испробовал все — от лести до баек:

— Слыхала ты когда-нибудь, — говорил он, — о грандиозном поединке между кортольским королем Фузасом и его братом-близнецом Фузором? Король этот, слышь, был силач из силачей — почти как ксиларский Кадван Сильный, только Кадвану через пять лет отрубили голову, а Фузасу нет. Как-то, знаешь, не приходилось слышать, чтоб на состязаниях кто-нибудь поставил на безголового силача хоть клочок гнилой соломы.

Ну вот, задумал Фузас отпраздновать пятьсот лет своей державы великолепным торжеством. По правде, он немного словчил, потому как в истории свободной Кортолии есть досадный пробел — когда Ардиман Ужасный из Гованнии захватил Двенадцать Городов и несколько лет ими правил, — но кортольцы постарались об этом забыть, да и кто их осудит?

Могучий король Фузас решил в разгар празднества порадовать народ и устроить состязание силачей, где он будет бороться с другими силачами. А надо сказать, что король страсть как любил борьбу. Однако была тут одна заковыка. Потому как король, слышь, считал, что уронит царскую честь, коли его побьют при всем народе. С другой стороны, ежели предупредить противника заранее, могут пойти слухи, а то еще такой попадет, который из почтения сразу ляжет, без борьбы. В лучшем случае выйдет не состязание, а смертная скука, в худшем — пойдут насмешки, — хуже этого нет для царской чести.

Конечно, можно было выбрать противника уж очень маленького роста, чтоб король наверняка его поборо. Но опять же люди увидят, что ихний король бьется с карликом, и пойдут смешки.

И вот король Фузас попросил совета у придворного мудреца, колдуна Торинкса. Торинкс и напомнил Фузасу, что у него есть брат-близнец Фузор; он живет себе спокойно в сельском домишке в горах южной Кортолии — хотя какое тут спокойствие, ежели ты окружен шпионами и соглядатаями, которые спят и видят, как бы на тебя донести, что, мол, хочешь трон у братца отнять. Фузор — он родился на четверть часа позже брата — к счастью для себя, нрава был тихого. Все рыбу ловил, соглядатаям и доносить-то было не о чем.

Так вот, Фузор и Фузас, говорит Торинкс, близнецы; значит, для борьбы пара самая подходящая, хотя

Фузор, очень даже может быть, сейчас в лучшей форме, потому как живет на вольном воздухе, бумаг не подписывает, в суде не заседает, на пирах не объедается, за разговорами допоздна не засиживается. Пусть его привезут в Кортوليو, и он сразится с Фузасом в разгар празднества. Оденут пусть близнецов одинаково, чтоб зеваки не могли их различить. Кто бы ни выиграл, победителем объявят короля Фузаса. У кого возникнут сомнения? А Фузора можно потом отправить обратно, успокоив щедрым подарком.

Так и сделали. Принца Фузора за месяц до торжества привезли в столицу и поселили во дворце. И в разгар празднества состоялся грандиозный поединок: король с братом, сплетаясь в клубок, долго катались по ковру. Сопели и хрюкали, как два борова, что никак кормушку не поделят. В конце концов один другого припечатал к ковру, и его объявили победителем. Публике также объявили, что это и есть король.

Но едва братья скрылись во дворце от взоров любопытной толпы, завязалась яростная перебранка. Они потрясали кулаками и осыпали друг друга угрозами. Оба, и победитель и побежденный, называли себя королем Фузасом; оба были похожи, как две капли воды; оба были в красных набедренных повязках — поди разбери, кто из них не врет. Сперва канцлер развел их в стороны и расспросил о делах королевства. Но оба претендента без труда отвечали на вопросы. Ясное дело, Фузор — то есть один из двоих — живя во дворце, весь месяц изучал обстановку, пока его царственный братец, готовясь к поединку, упражнялся в гимнастическом зале.

Тогда канцлер спросил совета у Торинкса. «Да, — говорит Торинкс, — есть у меня один вопросец. Пусть каждый претендент возьмет лист рисовой бумаги и подробно напишет, когда и сколько раз за этот месяц он посещал покои королевы Зильдэ. Покажите эти творения королеве, пусть скажет, какое писал настоящий король». Потому как не в пример южным областям Двенадцати Городов кортольцы даже королям не позволяли больше одной законной жены. Видно, вам, южанам, эта мода от Мальванцев досталась.

Как задумали, так и сделали. Королева заглянула в списки и тотчас узнала, какой из них писан королем. Тот, в ком она узнала короля, получил обратно корону, трон и королевский сан, а второго, продолжавшего кричать, что он король, казнили за государственную измену.

Тут бы и делу конец, ан нет: прошли годы, король умер, настало время помирать и старой королеве Зильдэ. На смертном одре она созналась, что специально, из корысти, выдала писулю принца Фузора за королевскую. «Но, бабушка! — вскричала юная принцесса. — Почему ты решилась на такое нехорошее дело?» — «Потому, — отвечала королева-мать Зильдэ, — что эту свинью Фузаса я всегда терпеть не могла. У него воняло изо рта, а любился-то как! Я еще лежу холодная, что твоя стенка, а он уже раз — и кончил. Я и подумала: дай поменяю его на брата, может, этот мне больше сгодится. Куда там! Фузор оказался под стать братцу и в этом, и во всем остальном». Сказала и померла.

* * *

Ванора, однако, и не подумала сменить гнев на милость.

— Ты, мастер Джориан, ужасный хвастун, — заявила она, выслушав рассказ. — Держу пари, ты не совершишь и половины подвигов, которыми выхваляешься.

Джориан заискивающе улыбнулся:

— Ну, каждому ведь хочется понравиться хорошенькой девушке, что ж тут такого?

— За каким чертом? — фыркнула Ванора. — Ты даже интрижку не способен завести, пока не нажрешься, как удав.

— Я бы мог доказать...

— Эй ты, не трудись; меня не проймешь.

— Я смертельно ранен, должно быть, леший поразил меня отравленной стрелой! — вскричал Джориан, схватившись за сердце и делая вид, что падает. — Ну, чем еще я могу это доказать?

— Ты вот хвастал, что умеешь открывать замки. Видишь дверцу клетки?

Джориан приблизился к клетке. Обезьянец — на редкость безобразное существо, с ног до головы

обросшее короткой седоватой шерстью, — зарычал на него. Подошедшая следом Ванора просунула ладошку сквозь прутья. Обезьянец бережно взял ее руку и поцеловал.

— Да он настоящий любовник, этот малый из Комилакха! — рассматривая замок, сказал Джориан. — Зачем он Ритосу? Работать не работает, не то что белка, а жрать небось просит. Для чего он нужен?

Ванора переговаривалась с обезьянцем по-комилакхски: сплошная воркотня и посвистывание.

— Без Зора, — пояснила она, — Ритосу не доделать меч Рандир. Проговорив последнее заклинание, он проткнет беднягу докрасна раскаленным мечом, который оставит в теле, пока клинок не остынет; потом, чтобы проверить остроту лезвия, отрубит Зору голову. По-настоящему-то нужен человек, но Ритос уверяет, что и Зор сойдет, он ведь почти как мы. И потом, за человека родня может отомстить, а за него нет.

— Бедный получеловек! Похоже, ты ему нравишься.

— Бери выше, Зор в меня влюблен.

— Откуда ты знаешь?

— Присмотрись, дурачина!

— О, я понял, о чем ты.

Джориан пошарил в потайном кармашке штанов и достал небольшой кусок крепкой изогнутой проволоки.

— Думаю, это поможет открыть замок. Придержи дверцу.

Он вставил проволоку в замочную скважину, немного подвигал и повернул. Запор щелкнул и отскочил.

— Осторожней! — сказал Джориан, — Зор может...

Вместо того, чтобы помочь Джориану придержать дверцу, Ванора отступила на шаг и что-то крикнула Зору на его языке. Обезьянец с диким ревом бросился на дверь. Зор был тяжелее и мощнее Джориана, и тот не смог сдержать удара. Джориан отшатнулся и, споткнувшись, плюхнулся задом в грязь; обезьянец проскочил в открытую дверь.

— Держи его! — барахтаясь в грязи, заорал Джориан.

Но Ванора и не подумала ему помочь. Уперев руки в бедра, она с видимым удовольствием наблюдала, как Зор кинулся прочь и растворился в чаще.

— Ты все нарочно подстроила! — орал Джориан, пытаюсь подняться. — Зачем, во имя медной бороды Зеватаса, ты...

— Что происходит? — раздался вдруг повелительный голос вышедшего из кузницы Ритоса. — Великий Зеватас, ты выпустил Зора! Ты, что, парень, рехнулся? Зачем ты так со мной поступил?

— Он демонстрировал свое умение открывать замки, — вставила Ванора.

— Зачем, безмозглый ты молокосос... — взревел кузнец, потрясая кулаками.

Впервые за все это время Ритосу изменило хладнокровие.

— Негоже, сударь, обвинять женщин, — сказал Джориан, — но именно твоя дамочка предложила...

— Ничего я не предлагала! — заверещала Ванора. — Ты сам захотел, я отговаривала тебя...

— Как, маленькая лгунья! — вскричал Джориан. — Да чтоб я в дерьме утонул, ежели не наподдам тебе по...

— Эй ты, никому ты не наподдашь! — рявкнул Ритос. — Смотри на меня!

Джориан повернулся к кузнецу, затем попытался отвести взгляд и понял, что не в силах этого сделать. Ритос сжимал в ладони какой-то предмет — то ли драгоценный камень, то ли зеркальце, то ли магический кристалл, Джориан не мог разобрать. Непонятный предмет сиял и искрился. Джориан смотрел на него, как замороженный; казалось, из тела вынули душу. Какой-то уголок сознания подсказывал: отведи взгляд, не

поддавайся, сбей кузнеца с ног и беги, — но тело отказывалось повиноваться.

Все ближе и ближе подходил кузнец, все ярче и нестерпимее становилось сияние. Мир вокруг Джориана померк и пропал; ему чудилось, будто он стоит посреди пустого пространства, залитого лучами пульсирующего, невыносимо яркого света всех мыслимых и немыслимых оттенков.

— Замри! — раздался над ухом безжизненный голос кузнеца.

Джориан обнаружил, что не может шевельнуть ни рукой, ни ногой. Он чувствовал, как Ритос свободной рукой обшаривает его одежду. Кузнец забрал кинжал, кошелек, затем отцепил пояс с деньгами и мешочек с отмычками.

— Теперь назад! — приказал Ритос. — Назад! Шаг! Еще шаг!

Он продолжал командовать, пока Джориан, пятясь, не вошел в клетку.

Как в тумане, Джориан услышал скрип захлопнувшейся дверцы и лязг замка. Морок рассеялся: он был заперт в клетке Зора.

— Ну вот, — сказал кузнец, — раз ты украл у меня Зора, так займешь его место сам.

— Мастер Ритос, ты шутишь? — испуганно спросил Джориан.

— Тебе представится случай оценить мою шутку. Завтра я готовлюсь произнести последнее заклинание, ты будешь в нем главным действующим лицом.

— Ты хочешь сказать, что проткнешь меня мечом, чтобы его остудить, и испробуешь острие меча на моей шее?

— Вот именно. Острие Рандира поэты воспоют в веках, так что ты погибнешь ради благого дела. Если это тебя утешит.

— Клянусь медными яйцами Имбала, наказание слишком жестоко! Пусть я даже и виноват немного в побеге Зора, ни один цивилизованный человек не сочтет грубую ошибку преступлением, достойным смерти.

— Что мне ты и все прочие людишки? Насекомые, которых я давлю ногой, когда они перебегают мне дорогу. Закончить заклинания — вот что мне важно.

— Дружище, — произнес Джориан, вложив в голос всю свою задушевность, — не лучше ли отправить меня в Комилах? Я притащу тебе другого обезьянца. Тебе нетрудно заставить меня вернуться — стоит только наложить заклятье, как это сделали дружки Карадура. И потом, как же я разыщу Ларец Авлена?»

— Твоя ложа ищет Ларец, чтобы воплотить свои безумные затеи; будет лучше, если ты умрешь и не сможешь участвовать в поисках. Кроме того, завтра удачное расположение планет, такой благоприятный день не повторится еще многие годы. — Кузнец обернулся к Ваноре. — Сдается мне, голубушка, что ты наболтала лишнего нашему гостю; он слишком много знает о работе над Рандиром. В свое время я с тобой разберусь. А теперь марш к своим кастрюлям. Предоставь этому болвану пожинать плоды собственной дурачности, хотя и этого сомнительного удовольствия он вскоре лишится.

— Мастер Ритос! — в отчаянии возопил Джориан. — Ложа там или не ложа, но ежели ты убьешь слугу члена твоего братства, тебя ждут неприятности. Карадур отомстит...

Кузнец презрительно хмыкнул и, показав Джориану широкую спину, удалился в кузницу. Ванора куда-то подевалась. Джориану показалось, что затянувшая все небо свинцово-серая туча еще ниже нависла над землей, а над поляной сгустилась такая тьма, которую нельзя объяснить даже предгрозовой хмарью. К темнеющему небу, будто иссохшие черные руки, тянулись голые ветви деревьев.

Джорианом, как с ним частенько бывало перед грозой, овладело гнетущее напряжение. Он лихорадочно заметался по клетке, пробуя раздвинуть прутья решетки и подтягиваясь к решетчатой крыше. Его толстые волосатые пальцы безуспешно ощупывали замок.

Вечером, когда стемнело, мимо клетки с кувшином воды прошла Ванора.

— Хозяйка Ванора! — позвал Джориан. — Ты мне поесть не принесешь?

— За каким чертом? С завтрава еда тебе будет не нужна — в этом воплощении уж точно. Примирился бы лучше с богами, чем набивать свое бездонное брюхо.

Ванора ушла, но вскоре вернулась и просунула в клетку краюшку хлеба и черепок с водой.

— Тихо! — прошептала она. — Ритос не простит, если узнает, что я его не послушалась и трачу на тебя припасы. Если он только узнает, шкуру с меня спустит — я ведь проболталась о заклинании над Рандиром. Ритос не помнит добра и не прощает обид.

— Мерзкий малый. Можешь меня отсюда вызволить?

— Поближе к ночи, когда он будет занят своими заклинаниями.

— Так ведь последнее заклинание завтра, разве нет?

— Завтра; сегодня только подготовка.

* * *

Кузнец рано поужинал и вернулся в кузницу, откуда вскоре послышались его завывания и барабанная дробь. Казалось, над сараем сумерки сгущаются особенно быстро. Тьма поглотила кузницу, и оттуда стал доноситься совсем уже непонятный шум: какое-то карканье, кваканье и целая какофония звуков, которые прежде Джориану слышать не доводилось. Время от времени этот гам перекрывал повелительный голос Ритоса. Вокруг сарая, проникая сквозь щелястые стены, разливалось странное, мертвенно-голубое сияние. Джориана била крупная дрожь; казалось, еще немного, и он выпрыгнет из собственной кожи. Напряжение становилось невыносимым.

Ванора, как тень, возникла из темноты.

— В-возьми! — шепнула она, просовывая в клетку дрожащую руку. — Не вырони, а то утонет в грязи.

Это оказалась отмычка, которой Джориан открывал днем клетку.

— Когда Зор выскочил, ты ее обронил, — сказала Ванора. — Ритос все отобрал, а ее не заметил.

Джориан нащупал на внешней стороне запора замочную скважину и вставил проволоку. У него так тряслась рука, что он с трудом попал в отверстие. Сидя в клетке, было очень неудобно поворачивать проволоку, но после нескольких неудачных попыток засов поддался и отскочил. Голубая вспышка снова озарила кузницу.

— Держи! — сказала Ванора и сунула ему в руку что-то холодное. Джориан ощутил рукоятку своего охотничьего меча. — Нужно убить Ритоса, пока он занят своим заклинанием.

— Почему бы нам просто не сбежать в Оттомань? Твой кузнец настоящий колдун; как-то не хочется, чтоб он превратил меня в паука.

— Трус! Тоже мне, доблестный рыцарь, готовый сразиться с любым врагом! Ты жалкая, расчетливая деревенщина; ты взвешиваешь все за и против, как меняла, который отсыпает золотой песок.

— Никогда не рвался в доблестные рыцари. У меня от этих передрыг до сих пор поджилки трясутся.

— Ну, будь раз в жизни мужчиной! Ритос ослаб от своих заклинаний.

— Не нравится мне это; я не убиваю людей без надобности. Почему бы нам просто не удрать лесом?

— Потому что как только Ритос узнает о побеге, он тут же вернет нас назад заклинанием или пошлет своих демонов, и они нас пригонят сюда, как баранов. От него не скрыться, хоть за пять лиг убеги. А если это не удастся, он кликнет леших, и они нашьпигуют нас отравленными стрелами. Раз суждено бежать, надо сперва убить Ритоса и чем быстрее, тем лучше.

Джориан взвесил в руке короткий изогнутый меч.

— Не шибко-то подходящее оружие, тем более, что у Ритоса под рукой меч Рандир. Уж коль приходится идти на него с этим мясницким секачом, надо хоть левую руку чем-то прикрыть. Дай-ка накидку.

— Хочешь, чтобы мой единственный приличный наряд во время драки превратился в лохмотья? Не дам! Ах ты, мерзавец! — завопила Ванора, потому что Джориан рывком сдернул с ее плеч накидку и обмотал свою левую руку.

— Заткнись, ты! — прошипел Джориан и с опаской двинулся к сараю.

Окна кузницы были закрыты ставнями. Жалюзи ставней тоже были опущены, а планки вплотную подогнаны одна к другой — как перья в птичьем крыле. Однако конец одной планки выскочил из гнезда и завалился книзу. Джориан припал к маленькому треугольному просвету.

Наковальня была сдвинута к стене. На ее месте, рядом с горном, кузнец вычертил углем три магические фигуры — большую в центре и две маленькие по бокам. В одной из боковых фигур стоял сам Ритос, в другой — Иксус. Дрожащие огоньки шести черных свечей, расставленных по углам треугольников главной фигуры, да неверное красноватое мерцание тлеющих в горне углей лишь усиливали ощущение темноты. Меч Рандир покоился в центре главной фигуры.

Кроме Рандира, в круге главной фигуры находилось еще что-то, но Джориан никак не мог понять, что именно. Какая-то темная клубящаяся субстанция, похожая на уродливое облако и очертаниями напоминающая человека, хоть невозможно было разобрать, где у этого фантома руки, где ноги и голова. Время от времени непонятную субстанцию пронизывали бледные разряды, похожие на ведьмин пламень или блуждающие огоньки.

Ритос делал над мечом пассы и нараспев бормотал заклинание. Иксус, отделенный от кузнеца главной фигурой, неотрывно глядя на хозяина, жезлом отбивал такт.

— Он не видит двери, — шепнула Ванора. — Можно ворваться и одним ударом всадить ему клинок в спину.

— А дух в магической фигуре?

— Он еще не материализовался, прервешь заклинание — сгинет в одночасье. Ну же, короткий выпад, и...

— Не шибко по-рыцарски, но — рискнем! — Джориан шагнул к двери. — Не скрипнет?

— Не-а. Ритос терпеть не может ржавые петли, всегда их смазывает.

— Тогда берись за ручку и отворяй, да не шумни ненароком.

Ванора сделала, как было велено. Дверь неслышно распахнулась, и Джориан быстро шагнул в кузницу. Один большой прыжок — и меч вонзится Ритосу в спину, прямо под левую лопатку...

Но на беду Джориан забыл об Иксусе, который стоял напротив Ритоса. Стоило Джориану шагнуть внутрь, как демон заверещал и указал на него лапой. Кузнец, не оборачиваясь, отпрыгнул в сторону и при этом сбил одну из шести свечей. Подсвечник с грохотом покатился в одну сторону, свечка полетела в другую и погасла. Полупрозрачное чудище в большой фигуре растаяло в воздухе.

Не рассчитав прыжка, Джориан перемахнул место, где стоял прежде кузнец, и большую фигуру. Он налетел на меч Рандир, споткнулся и чуть не врезался в Иксуса; тот увернулся и, оскалив острые клыки, бросился на Джориана.

Джориан вонзил меч в метнувшееся к нему черное, обросшее густой шерстью тело; еще секунда, и Иксус вцепился бы ему в ногу. Удар отбросил огромную белку на горн, где она и осталась лежать, корчась и истекая кровью. Меч разрубил ее почти надвое.

Ритос пришел в себя. Он попятился к главной фигуре и схватил меч Рандир. Когда Джориан, покончив с демоном-подручным, обернулся, кузнец подступал к нему, размахисто вращая мечом. Ого, да он знаком с веерной защитой, молнией пронеслось в голове.

При свечном освещении морщинистое лицо Ритоса казалось бледным; по нему струился пот. Кузнец с трудом передвигал ноги и тяжело дышал — колдовство отняло много сил. Однако, несмотря на крайнюю усталость, от этого человека веяло такой мощью, что Джориан усомнился в исходе поединка.

Рандир был почти вдвое длиннее охотничьего меча; Джориана так и подмывало отступить перед

натиском и уйти в глухую оборону. Но он не сомневался, что в этом случае кузнец очень скоро загонит его в угол. Поэтому бывший король не тронулся с места и попеременно отражал удары то своим коротким мечом, то рукой, замотанной в накидку Ваноры.

Поначалу натиск был таким яростным и стремительным, что у Джориана не оставалось времени на выпад или ответный удар. Похоже, кузнец, понадеявшись на превосходящую мощь Рандира и ярость своих атак, решил пожертвовать последними силами в отчаянной попытке прорвать защиту Джориана.

Однако вскоре возраст и усталость дали себя знать: удары Ритоса утратили прежнюю силу. Отразив накидкой очередной выпад, Джориан нанес кузнецу в грудь удар справа. Удар пришелся по касательной: меч лишь порвал рубаху и оцарапал кожу.

Ритос, тяжело дыша, отступил на шаг. Пришло время сменить тактику. Теперь он дрался мастерски, как заправский фехтовальщик, выставив правую ногу и держа на отлете поднятую левую руку. Джориан, которому приходилось пускать свою левую руку в ход, выбрал двуручную стойку: лицом к противнику, ноги на ширине плеч, колени полусогнуты. Борьба была равной. Ритос и Джориан, атакая и отступая, делая выпады и обманные движения, нанося удары и отражая их, кружили вокруг главной фигуры.

Джориан наконец почувствовал, что может успешно обороняться, но атаки не удавались — длина Рандира делала Ритоса недостижимым. Джориан попытался навязать кузнецу ближний бой, но тот молниеносно выбросил вперед свой длинный меч и успел задеть незащищенную правую руку врага. Острие задело Джорианов рукав и вырвало клочок материи. Джориан почувствовал, как холодный клинок коснулся кожи.

Противники снова сошлись. Они по-прежнему кружили вокруг большой фигуры, тяжело дыша и не спуская друг с друга глаз. Джориан случайно уронил еще одну свечу, и она тут же потухла.

К кузнецу, похоже, пришло второе дыхание, а вот Джориан начал уставать. Удары так и сыпались на его правую руку, Джориан отбивался, но выпады становились все опаснее.

Кружа по кузнице, Ритос снова оказался спиной к двери. Ванора, которая все это время нерешительно топталась в дверном проеме, шагнула вперед, сжимая в руке меч, брошенный кузнецом в начале поединка. Меч не годился для боя, Ритос использовал его для колдовских ритуалов — он был снабжен отполированным прямым тридцатидюймовым клинком с закругленным острием и тупой кромкой, сделанным из какого-то податливого металла, гладкой костяной рукояткой и медной чашкой в форме полумесяца. Короче, меч подходил только для заклинаний и вызываний духов.

Однако Ванору это не остановило. Сжав рукоятку обеими руками, она изо всех сил ткнула Ритоса в спину затупленным клинком. Кузнец вздрогнул, застонал и инстинктивно обернулся. Воспользовавшись этим, Джориан подскочил к нему вплотную. Он швырнул в Рандир изорванный край Ванориной накидки, на мгновение лишив клинок подвижности, и вонзил Ритосу в грудь охотничий меч. Затем выдернул острие, нанес кузнецу удар в живот, снова рванул меч на себя и наотмашь рубанул Ритоса по горлу.

Ритос зашатался, как вековой дуб, и рухнул на пол. Джориан стоял над ним, с трудом переводя дыхание. Отдышавшись, он вытянул из кучи ветоши у горна тряпицу, обтер клинок и вложил его в ножны. Измазанную кровью тряпицу Джориан кинул на тлеющие в горне угли — она задымила, вспыхнула и сгорела.

* * *

— Просто чудом уцелел, клянусь медной задницей Имбала, — сказал Джориан. — Хорошо хоть он умаялся от своей ворожбы, а то б ни в жисть с ним не справиться.

— Ты не ранен? — спросила Ванора.

— Не-а. Слышь, а кровь-то у него настоящая. С виду он такая ледышка бесчувственная; окажись у него внутри зубчики-колесики, как в папашиной клепсидре, я б не удивился.

Джориан поднял с пола Рандир, оглядел клинок и рубанул по воздуху. У меча были благородные очертания, заточенное с одной стороны лезвие, защитная чашка; им было удобно рубить и колоть.

— Видно, он уж не волшебный, раз мы прервали заклинание. Как думаешь, есть для него ножны?

— Ритос ножны не делает, он их заказывает оружейнику из Оттомани. Может, какие и подойдут — надо в комнате поискать.

— Попробую подобрать. Худо, если ножны не подходят: идет себе, скажем, герой, встречает дракона или людоеда; хватъ, а меч ни туда, ни сюда — застрял. Как думаешь, ничего нам за кузнеца не будет?

— Не-е, не будет; в эту глушь никто не заглянет. Ксилар и Оттомань эти горы никак не поделят — оба считают их своими, да не больно торопятся прислать чиновников, чтоб прибрать владение к рукам.

Джориан поддел труп огромной белки носком башмака.

— Жаль мне, что пришлось убить его питомца, Он-то, бедняга, хозяина защищал.

— И правильно сделал, мастер Джориан. Иксус бы рассказал лешим, а уж те бы нас непременно прирезали в отместку за смерть дружка. Они и так вот-вот прознают, что Ритос очоурился.

— Откуда?

— Скоро морок рассеется, которым Ритос лесников отваживал. Как забредет в наши края охотник — сезон ведь теперь, — так они все к дому и сбегутся: поглядеть, что с ихним колдуном приключилось.

— Чего ж мы мешкаем, пора отправляться в Оттомань, — заторопился Джориан.

— Сперва надо собраться. Мне без накидки не обойтись, от моей-то после драки одни лохмотья остались. У кузнеца возьму.

Они вернулись в дом, прихватив три горящие свечи.

— Я думаю, негоже нам трогаться в путь на голодный желудок, — проговорил Джориан. — Сварганишь какой-нибудь еды, пока я соберу пожитки?

— Все бы тебе есть! — рассвирепела Ванора. — Мне от этих передрыг кусок в горло не лезет. Да получишь ты свою еду! Только не рассиживайся; мы должны как можно дальше уйти от дома, пока темно, — на рассвете лешие всполошатся.

Она принялась разжигать печку и греметь посудой.

— Тебе знакомы здешние тропы? — наблюдая за ее возней, спросил Джориан. — У меня есть карта, но в такую беззвездную ночь от нее мало толку.

— Я знаю дорогу в Оттомань. Мы там каждый месяц бываем, продаем Ритосовы мечи и разную железную утварь, берем новые заказы, припасы покупаем.

— Как вы все это доставляете?

— На осле. Держи свой ужин, мастер Обжора.

— Сама-то не поешь?

— Нет, говорю тебе, кусок не лезет в горло. Но раз мы так удачно избавились от проклятого выжиги, нелишне хлопнуть по глотку.

Ванора налила сидра себе и Джориану и залпом осушила свой кубок.

— Раз ты так смертельно ненавидела Ритоса, — поинтересовался Джориан, — чего ж не пробовала удрать?

— Говорю тебе, он умел возвращать беглецов ворожбой.

— Но если б ты в один прекрасный вечер дала деру, когда старый оборотень завалится спать, то к рассвету он бы уже не мог тебя достать своими заклинаниями. Сама ведь говорила, что тропы знаешь.

— Не могла я одна сунуться в эти дебри, да еще ночью.

— Почему не могла? На того, кто держится молодцом, леопард не нападает.

— А вдруг бы мне попался ядовитый гад?

— Ой, не могу! Ядовитые гады водятся в долине, а гигантские гады попадают только в Мальванских джунглях; здесь, в горах, таких нет, здешние гады мелкие и безвредные.

— Ну и пусть; я все равно ужас как змей боюсь, — Ванора снова хлебнула вина. — Хватит о них; у меня при одной мысли об этих тварях кровь в жилах стынет.

— Ладно, — сказал покладистый Джориан. — Кузнеца будем хоронить?

— Обязательно, и могилу разровняем, а то лешие наткнутся на труп в кузне.

— Надо заняться этим поскорее, хоть подлец и не заслуживает похорон.

— Ритос не был законченным злодеем, по крайней мере, он никогда не делал поступков, которые считал дурными, — Ванора икнула. — Надо отдать должное, хоть я и ненавидела его всеми печенками.

— Твой кузнец чуть меня не убил за то лишь, что я прознал, как он мечи кует. Ежели это не подлость, я вообще не понимаю, что ты считаешь преступлением.

— О, люди для него были пустое место. Его интересовало только искусствоковки мечей. Ничего ему было не надо: ни богатства, ни власти, ни славы, ни женщин. Одно было заветное желание — сделаться величайшим оружейным мастером всех времен. Эта мечта его так захватила, что вытеснила все человеческие чувства; никого он не любил, разве что к бесенку Иксусу был немного привязан.

Она снова жадно отхлебнула из кубка.

— Хозяюшка! — не выдержал Джориан. — Ежели ты надерешься на голодный желудок, дорогу в лесу не найдешь.

— Не твоя забота, пить мне или не пить! — взвизгнула Ванора. — Следи за своими делами, а в мои не суйся.

Джориан пожал плечами и занялся едой. Он отдал должное разогретому жаркому, заел его краюхой хлеба, половиной капустного кочана, пучком лука и яблочным пирогом.

— Зачем тебе понадобилось выпускать Зора? — спросил он Ванору.

— Во-первых, это чудище меня любило, а любви мне здесь чертовски недоставало. Похотливые молодцы вроде тебя в счет не идут — лопочут о любви, сами же только и думают, как бы тебе свою штукину засадить. Невмоготу мне было думать, что Ритос принесет его в жертву своей дурацкой страсти.

Во-вторых, я... мне нравилось вредить Ритосу, ненависть свою тешить. Ну, и потом, я сбежать хотела. Не умри Ритос, мне б здесь до конца дней куковать. Вот уж был весельчак — что твой гранитный валун. Колдуны живут дольше нас, смертных; я бы поседела и скрючилась от старости, а он бы меня пережил. Я не смела на него напасть, даже на сонного, — бесенок все время был начеку. И бежать не смела, я уж говорила, почему. Ну, я и решила: стравлю-ка вас двоих, может, и удастся удрать в суматохе.

— Тебе не пришло в голову, что я, ни в чем не повинный человек, могу погибнуть в этой потасовке?

— Ах, я надеялась, ты победишь, ведь... ведь я на твоей смерти много не выгадаю. А ежели б и помер, — Ванора дернула плечиком, — что с того? Чего такого хорошего мне сделало твое человечество, чтоб я прям всех любила без разбора, как учат жрецы Астис?

Она сделала длинный глоток.

— Клянусь костяными сосцами Астис, в откровенности тебе не откажешь, — утирая губы, заметил Джориан. — Раз мы отсюда уходим, тарелки можно и не мыть. Скажи, где Ритос хранит лопату, я его закопаю, и питомца его тоже.

— На крю... на крюке в кузне справа от двери, пам... прям как войдешь, — язык у Ваноры заплетался. — Он б-был так... такой аккуратист, каждой штучке — свой крючок, — и горе бедолаге, что перепутает крючки!

— Отлично! Я этим займусь; а ты пока собери пожитки, — проговорил Джориан и вышел, прихватив свечку.

* * *

Вернувшись через полчаса, Джориан обнаружил, что Ванора, некрасиво раскинувшись, лежит на полу, подол ее задрался, а в двух шагах валяется опорожненный кубок. Чего только он не делал: звал ее, толкал, тряс за плечо, бил по щекам и плескал в лицо холодной водой. Ответом было пьяное мычание и пронзительный храп.

— Дура чертова, — проворчал Джориан. — У нас и так мало времени, чтоб опередить леших; надо же было тебе нахлестаться!

Некоторое время он предавался невеселым размышлениям. Бросить ее нельзя, он не знает дороги. Тащить на себе нет смысла...

Джориан махнул рукой, растянулся на лавке и укрылся медвежьей шкурой. Когда он очнулся, за окнами светало. Джориана разбудила Ванора: она жадно целовала его мокрыми слюнявыми губами, бурно дышала и теребила одежду.

* * *

С восходом солнца, заперев дом Ритоса и кузницу, они тронулись в путь. У Джориана на поясе висел меч Рандир, вложенный в ножны, которые он отыскал в комнате кузнеца. Еще он прихватил кинжал работы Ритоса: смертоносное оружие с широким коротким лезвием и специальной защелкой — чтобы вынуть кинжал из ножен, надо было сперва нажать на кнопку. Рукояткой служил незатейливый, без всяких украшений, свинцовый набалдашник. Если бы потребовалось оглушить врага, такой кинжал можно было запросто превратить в удобную дубинку, используя нерасчехленное лезвие как рукоятку.

На плече у Джориана болтался верный лук-самострел, а под рубахой была надета прочная кольчуга, также «позаимствованная» в доме Ритоса. Чувствуя себя силачом, которому ничего не стоит уложить слона ударом кулака, Джориан выпятил могучую грудь и проговорил:

— Придется потягаться с лешими. Может, они не скоро спохватятся, что кузнец запропастился. А пусть бы и так, мне без разницы.

Нагружая пожитками Ритосова ослика, Джориан во все горло распевал по-кортольски бравурную песню.

— Чего распелся? — взъелась Ванора. — Ты своим ревом всех леших в округе всполошишь.

— Я просто счастлив, и все дела. Счастлив, потому как встретил свою единственную любовь.

— Любовь! — презрительно фыркнула Ванора.

— Ты меня что, ни капельки не полюбила? Я вот, красотка, по уши в тебя втрескался. Да и ты, как говорится, отдалась мне безраздельно.

— Чувь собачья! Да мне просто приспичило от долгого воздержания, и вся любовь.

— Но, милка моя...

— Ты меня милкой не милуй! Я не про твою честь. Я всего лишь пьянчужка с ненасытной дыркой — заруби себе на носу.

— Ох, — только и сказал Джориан; приподнятого настроения как не бывало.

— Отвези меня в город да купи приличную одежду, а уж потом, коли охота, говори о любви — останавливать не буду.

Джориан вздохнул, его широкие плечи поникли.

— Ты не ведаешь, что творишь; ты сладкая булочка с медом, ты ничья, я должен тебя заслужить. Какой я дурак, что влюбился, хуже доктора Карадура, который доверился Ритосу. Да ничего не напишешь, провалиться мне на этом месте! Что ж, вознесем молитву Тию — и в путь.

Глава 3

«Серебряный Дракон»

Трактир Рюйса «Серебряный Дракон» притулился на задах Ратуши, в двух шагах от центральной площади города Оттомани. В главной распивочной стояли шесть столов и восемь лавок — по две к столу; сбоку находились две занавешенные ниши, которые служили кабинетами для приема знатных клиентов. Напротив входа располагалась Рюйсова стойка: мраморный прилавок с четырьмя большими отверстиями; каждое было плотно прикрыто круглой деревянной крышкой с ручкой. Изнутри к стойке крепились четыре бочки с дешевым пойлом: пивом, элем, белым и красным вином. Каждой бочке полагался свой черпак. Выпивка сортом повыше, разлитая по бутылкам, выстроилась на полке за спиной трактирщика.

Дверь слева от стойки, если смотреть от входа, вела на кухню; при случае, когда клиент заранее заказывал обед, там стряпала Рюйсова жена. Справа от стойки находилась лестница; по ней можно было подняться в одну общую и три отдельные спальни, которые трактирщик сдавал внаем. Сам Рюйс занимал четвертую. Масляные светильники заливали распивочную мягким желтоватым светом.

Трактирщик был тезкой одного из ксиларских королей — Рюйса Безобразного, однако сам был отнюдь не безобразен: просто малорослый, жилистый, болезненный на вид человек с редющей седоватой шевелюрой и мешками под глазами. Облокотясь на стойку, он наблюдал за немногочисленными завсегдатаями. Их было всего пятеро: мало кто из оттоманцев позволял себе засиживаться допоздна перед рабочим днем. Шестой — огромный, толстый, похожий на борова детина, развалился, сидел в углу.

Дверь распахнулась, и в трактир вошли Джориан с Ванорой. У Джориана, который пять ночей провел в дороге, вид был измученный.

— Вечер добрый, — сказал он, подойдя к стойке. — Я Никко из Кртолии. Доктор Ма... Мабахандула не оставлял для меня весточки?

— Как же, оставлял, конечно, оставлял, — с готовностью отозвался Рюйс. — В аккурат сегодня заходил; зайду, говорит, снова после ужина, да вот не пришел.

— Тогда подождем. Твой мальчишка на заднем дворе обещал присмотреть за нашим ослом.

— Что будете пить?

— Мне эля, — сказал Джориан и вопросительно посмотрел на Ванору.

— Мне красного вина, — проронила та.

— Перекусить не найдется? — спросил Джориан. — Мы идем издалека.

— Есть хлеб, сыр и яблоки. Печь уже прогорела, так что горячего ужина предложить не можем.

— Прекрасно, пусть будут хлеб, сыр и яблоки, — и Джориан повернулся, собираясь усадить Ванору за один из столов.

— Мастер Никко! — сказал Рюйс ему вдогонку. — У тебя есть разрешение на эту висюльку?

И он указал на меч Джориана, который был теперь прикручен к ножнам проволокой. Концы проволоки скрепляла небольшая кожаная печать с двуглавым орлом — символом Оттомани.

— Мне его дали при въезде в город, — демонстрируя лист тростниковой бумаги, ответил Джориан. — Я направляюсь в Виндию.

Среди завсегдатаев выделялись двое мужчин; они выпивали и вполголоса бранились. Джориан с Ванорой ужинали, запивая еду вином, — спешить им было некуда. Другие посетители приходили и уходили, но парочка в углу продолжала спорить.

Время шло, Джориан и Ванора давно уже покончили с едой, а те двое все еще препирались. Один из мужчин в раздражении повысил голос. Через некоторое время он вскочил, перегнулся через лавку и, потрясая кулаком, завопил:

— Ах ты, евнухово отродье, хочешь прикарманить мои комиссионные, да? Ты еще об этом пожалеешь, я никому не позволю так со мной обращаться! В последний раз предупреждаю! Сей же час отдай мою долю, а не то...

— Отгребись, — отозвался сидящий за столом.

Дико взвизгнув, стоящий человек выплеснул в лицо обидчику содержимое своей кружки. Тот, брызжа слюной, попытался вскочить и выхватить нож, но плащ попал под лавку и не пускал. Пока сидящий боролся с плащом, стоящий осыпал его угрозами и оскорблениями. Видя, что назревает потасовка, развалившийся в углу здоровенный верзила бросил на Рюйса вопросительный взгляд. Рюйс кивнул. Верзила с пыхтением встал, сгреб стоящего за грудки, приподнял, прошествовал к выходу и вышвырнул спорщика на улицу. Затем отряхнул руки и, не проронив ни слова, вернулся на место.

Ванора проводила верзилу долгим взглядом и, обращаясь к Джориану, сказала:

— Ума не приложу, как они проморгали, что на твоём мече стоит имя Его Незаконнорожд...

— Тихо! Молчи об этом. Как выпадет случай, сразу соскоблю.

Она дала Рюйсу знак принести еще вина и спросила:

— Что за титул такой — Его Незаконнорожденное Высочество? Будто в насмешку. Мне рассказывали про Великого Герцога и Его Незаконнорожденное Высочество, но ни разу не объяснили, что это значит. Который из них правит Оттоманью?

— Они соправители. Когда умирает Великий Герцог, его старший законный сын по оттоманскому закону наследует титул и становится новым Великим Герцогом и правителем королевства по гражданским делам, а старший незаконный сын того же самого Великого Герцога становится Его Незаконнорожденным Высочеством и главнокомандующим армией. Заметь к тому же, незаконнорожденному нечего и пытаться захватить гражданскую власть — оттоманцы так чтут закон, что никто просто не пойдет к нему на службу.

— Вот уж потешный способ править страной!

— Оттоманцы ввели этот обычай давным-давно: боялись, что ежели правитель получит слишком большую власть, подданным житья не будет. Слушай, Ванора, может, не стоит опять напиваться?

— Захочу, так напьюсь. Как ты собираешься спереть этот тримандиламский Ларец?

— Доберемся туда с Карадуром, на месте и решим. План, грубо говоря, такой: я должен подбить клинья к царевне-змее.

— Царевна-змея? Это еще что?

— Бессмертное — а, может, и не бессмертное, но лет ей очень много — существо; днем она прекрасная царевна, ночью — огромная змея. Ежели верить Карадуру, царевна имеет дурную привычку неожиданно превращаться в гада и пожирать бедолаг, которые, ни о чем не подозревая, за ней увиваются, — чем, кстати, должен буду заняться и я.

Ванора грохнула кружкой об стол.

— Значит, ты мне всю дорогу от Ритосова дома про любовь нашептывал, а сам гадал, как бы окрутить эту... эту змеюку? Вот оно как!

— Послушай! У меня же нет выбо...

— Ты не лучше прочих, такой же лживый подонок! Дура я была, что тебя слушала. Прощай! — и Ванора привстала из-за стола.

— Милочка моя, клянусь именем Зеватасовой клячи, я не понимаю, из-за чего сыр-бор! Ты ведь и сама не без греха...

— Я б не шибко возражала, — яростно перебила его Ванора, — ежели б ты поимел настоящую бабу. Но змея! Тьфу! Счастливо оставаться! Вон где мужчина, он-то мне в самый раз!

Она, пошатываясь, пересекла распивочную и уселась на лавку подле развалившегося в своем углу верзилы. Тот приоткрыл свинячьи глазки; толстые губы на обросшем щетиной лице сложились в улыбку.

Джориан плелся следом, взывая:

— Прошу тебя, Ванора, будь благоразумна!

— Ой, да придержи язык! Надоел, — она повернулась к вышибале. — Как твое имя, великан?

— М-м? Мое имя?

— Ага, красавчик. Твое имя.

— Босо, сын Трийса. Этот малый к тебе пристаёт?

— Не хочет неприятностей — отстанет.

— Ты кто будешь, малый? — прорычал Босо, обращаясь к Джориану.

— Никко из Кртолии, ежели интересуется. Эта дамочка пришла со мной, но она сама себе хозяйка. Ежели ты ей больше по нраву, я, может, и не одобрю ее вкуса, но выбору мешать не буду.

— Угу, — хрюкнул Босо и снова развалился в углу.

Но Ванору прорвало.

— Никакой он не Никко из Кртолии! — выкрикнула она. — Он Джориан, сын Эвора...

— Стоп! — снова раскрыв глаза и приосанившись, сказал Босо. — Я, кажется, догадываюсь. Ну-ка, ну-ка.» — и он с подозрением прищурился. — Случаем не Эвора-часовщика?

— Ага, он много чего рассказывал про папашу своего...

Взревев, Босо сорвался с места и принялся шарить под лавкой в поисках своей увесистой дубинки.

— Ты, значит, сын того, кто пустил меня по миру!

— Провалиться мне в сорок девять Мальванских преисподних! Что ты мелешь? — оторопело спросил Джориан, делая шаг назад и кладя руку на эфес. Он попытался выхватить меч, но тот намертво засел в ножнах. Только сейчас Джориан вспомнил о проволоке, продетой сквозь чашку эфеса.

— Я был главным звонарем Оттомани — орал Босо, — и неплохим, черт побери! Мы с подручными отбивали часы на башне Ратуши: ни одного не пропустили. Двадцать лет назад... или десять? А, все равно... твой папаша-проходимец продал городскому совету водяные часы; их установили на башне, завертелись винтики-колесики и пошло: бом-бом, бом-бом. С этих пор я пробавляюсь поденной работой — жизнь мне загубили! Не удалось родителю моему блудливому печенки отбить, хоть на тебе отыграюсь!

— Босо! — строго вмешался Рюйс. — Веди себя прилично, коли не хочешь потерять работу, болван неотесанный!

— Засунь ее себе в задницу, хозяин, — рявкнул Босо и, потрясая колотушкой, шагнул к Джориану.

Джориан, который не мог вынуть Рандир из ножен, рывком стащил перевязь через голову и теперь обеими руками изо всех сил сжимал рукоятку зачехленного меча. Когда Босо, словно разъяренный гиппопотам с берегов Бхармы, шумно ринулся на врага, Джориан сделал ложный выпад, целясь ему в голову. Босо прикрылся дубинкой; Джориан тут же ткнул его в солнечное сплетение металлическим наконечником ножен.

— У-у-й! — скрючившись и невольно отступая, взвыл Босо.

Джориан и Босо были не в пример сильнее остальных посетителей, и те разбежались по углам, боясь попасть под горячую руку. Противники, бдительно следя друг за другом, нападали и отступали на пятячке между столами; проход был так узок, что не позволял кружить. Всякий раз, когда Босо пытался приблизиться и достать Джориана дубиной, наконечник ножен отбрасывал его назад.

Босо сделал решающий выпад; Джориан со всего маху съездил его по уху. Удар отбросил Босо в сторону, но верзила удержался на ногах. Маленькие глазки налились яростью. Босо шагнул вперед и нацелился свалить врага сокрушительным ударом справа.

Джориан отшатнулся, и дубинка просвистела мимо; ее увесистый набалдашник промелькнул на волосок от лица. От такого мощного промаха Босо немного занесло. Не давая ему опомниться, Джориан

шагнул вперед и влево и наградил противника здоровенным пинком в спину повыше правой почки. Босо боднул головой воздух и схватился за край стола, чтобы не упасть; в этот момент Джориан, оказавшись у него за спиной, накинул на верзилу петлю из своей перевязи, Он мигом затянул ремень на вышибаловой шее, закрутив его во всю силу могучих рук.

Босо раскрыл рот, но из него вырвался лишь слабый хрип. Вытаращив глаза, он топал ногами, брыкался и шарил вокруг себя, пытаясь схватить недосягаемого врага. Но руки были слишком толстые и короткие. Босо крутился на месте и кидался в узком проходе из стороны в сторону, таская Джориана за собой, но тот не ослабил хватки.

Лицо Босо сделалось синюшным, и он мало-помалу перестал сопротивляться. Верзила уцепился за край стола и сполз на пол.

Дверь распахнулась, и в трактир ввалилась целая компания. Одним из вошедших оказался Карадур с длинной белоснежной бородой и в тюрбане-луковице. За ним шла высокая седая женщина в поношенной черной мантии. Следом двигался отряд ночной стражи: офицер и четыре алебардщика.

— Мастер Рюйс! — сказал офицер. — Нам донесли, что у тебя драка. Кто этот человек? Что случилось?

— Это Босо, мой вышибала. — я хочу сказать, бывший вышибала. Он затеял драку с клиентом и получил по заслугам.

— Виноват он один?

— Да, насколько я понял.

Офицер повернулся к Джориану.

— Ты собираешься подавать жалобу на этого человека?

Ванора приподняла голову Босо, уложила к себе на колени и тонкой струйкой вливала ему в глотку вино. Босо судорожными всхлипами втягивал в себя воздух; лицо его понемногу розовело. Джориан мешкал в нерешительности.

— Не надо... м-м... отправлять юношу в тюрьму, — попросил Карадур. — Не надо, Джориан...

— Никко.

— Да-да, как я мог забыть! Не отправляй беднягу в тюрьму. Он уже и так наказан, ты его чуть до смерти не задушил.

— Откуда мне знать, что он, отдышавшись, не кинется на меня опять со своей колотушкой?

— Ты должен обезоружить его добротой. Помни, лучший способ избавиться от врага — это сделать его своим другом.

— Расчудесно. Может, ты еще хочешь, чтоб я ему новую работенку подыскал?

— Прекрасная мысль! — Карадур всплеснул сухонькими ручками; офицеру он сказал:

— Думаю, сударь, мы можем оставить этот случай без последствий, — затем, обращаясь к Рюйсу:

— Этот человек годен на что-нибудь, кроме как работать вышибалой?

— Ни на что он не годен! Слишком туп, — отозвался трактирщик. — Он мог бы таскать корыто с раствором на какой-нибудь большой стройке, но таковой пока не предвидится.

— Здоровенный тугодум мне как раз и нужен, — произнесла седая женщина. — Он сможет копаться в саду и работать по дому, и вдобавок будет служить охраной от невежественных дураков, что, едва завидя меня, начинают вопить: «Ведьма, ведьма!» А сами не могут отличить ведьмы от такой уважаемой волшебницы, как я.

— Сударыня, я прежде не имел удовольствия встречаться с тобой, — галантно сказал Джориан. — Меня зовут Никко из Кортोलии.

— А меня Гоания, дочь Аристора, — она наклонилась и потрепала Босо по плечу. — Вставай, парень!

Босо и Ванора, поддерживая друг дружку, не без труда поднялись на ноги.

— Босо, ты меня хорошо понимаешь? — строго спросила Гоания. — Должность в трактире ты потерял.

— А? — просипел Босо. — Хочешь сказать, я потерял работу?

— Вот именно. Пойдешь работать ко мне? Условия те же, что у мастера Рюйса: шесть пенсов в день на всем готовом.

— Мне пойти к тебе?

— Да, ко мне. Может, надо повторить?

Босо поскреб ногтем заросший щетиной подбородок.

— Да нет, думаю, сговоримся. Вот только сперва отверну кочан этому сукиному сыну часовщика, а то ходят здесь всякие, лишают честных людей заработка.

— Ничего ты никому не отвернешь. Сядь и успокойся.

— Послушай-ка, дамочка! Женщины мне не указ...

— Я не дамочка, я волшебница: будешь безобразничать, превращу тебя в жабу. Никаких больше ссор, говорю в последний раз. С этой минуты мы все хорошие друзья.

— Он-то? Добрый друг, да?

— Он самый. Он мог отправить тебя в тюрьму, но не захотел; решил, что здесь от тебя больше пользы, чем там.

Босо сердито зыркнул на Джориана, сплюнул на пол и что-то пробормотал себе под нос, однако покорно поплелся за Ванорой в дальний угол распивочной. Усевшись там, Босо мрачно цедил пиво и время от времени ощупывал саднящее горло, а девушка хлопотала вокруг и, как могла, утешала его.

Джориан, Карадур и Гоания устроились в противоположном конце зала.

— Куда ты запропастился, парень, сорок девять Мальванских преисподних на твою голову? — спросил Карадура Джориан. — Мы здесь целую вечность торчим.

— Мне достали пропуск в библиотеку Великого Герцога, — отвечал Карадур, — и я так... ах... зачитался, что забыл о времени. Но у тебя, сынок, такой вид, будто тебе несладко пришлось. Ты похудел — хоть, может, это и к лучшему.

— Да, мне пришлось несладко, мне пришлось убить Ритоса...

Ахнув от неожиданности, собеседники Джориана придвинулись к нему вплотную.

— Мастер Нико, говори потише, — сказала Гоания. — Я знаю твое настоящее имя, но думаю, здесь не место его произносить, если не хочешь, чтобы трактирщик навел ксиларцев на твой след. Рассказывай же, как стряслось несчастье.

Джориан поведал все без утайки.

— По знакомым Ваноре тропам, — закончил он свою повесть, — мы двинулись в Оттомань; и вот мы здесь. Осли я поставил на заднем дворе.

— Девчонка оказалась хорошим попутчиком? — поинтересовалась Гоания.

— Ой! — округлил глаза Джориан. — Она как-то раз сказала про себя: «пьянчужка с ненасытной дыркой» — прошу прощения, сударыня, — боюсь, так оно и есть. Ванора любит блуд и не делает из этого тайны, поэтому мои слова не могут ее очернить. Днем мы только и делали, что ругались да мирились. Ночью она приставала, чтоб я ей вставил фитиль, а потом насмехалась и хвастала прежним любовником, который, мол, три раза успевал, пока я на один решаюсь. Я, когда королем был, гордился, что все пять жен мною довольны, а тут одной не мог угодить. Она к тому же и не предохраняется вовсе. Короче... Ну, сам знаю, второго такого дурака, как я, во всем свете не сыщешь, чтоб в шлюху влюбился; только ничего не напишешь.

— Судя по твоим словам, — заметила Гоания, — ты ее раскусил. Как тебя, который мог выбрать лучшую женщину королевства, угораздило влюбиться в такую вздорную проститутку?

Джориан поскреб пробивающуюся бородку.

— Какое-то болезненное наслаждение. В ней что-то есть — бесстрашная прямота, неиссякаемая энергия и ум, который, ежели б им заняться, не уступил бы ученым докторам... Когда нападет охота подурачиться, она вас рассмешит почище, чем клетка с мартышками. И потом, разве можно любовь разложить по полочкам? Хотя последние два-три дня меня почти излечили. Я сочинил на эту тему стишок, но он ей совсем не понравился.

*Красавица,
Зачем со мной
Быть колкой, злой?
Мне тон такой
Не нравится.
Чтоб лаяться,
Дразнить, пилить,
Да поносить,
Не нужно быть
Красавицей.
Нет, не к лицу
Тебе жужжать,
Зудеть, кусать
И отравлять
Жизнь молодцу.
Исправиться
Тебе совет,
А если нет,
Прощай, мой свет,
Красавица!*

— Ты сказал почти?

— Так оно и есть. Ежели она сейчас подойдет виноватая, подольстится, пообещает, что будет ласковой, доброй, пить бросит да попросит меня хорошенько взять с собой, я опять стану ее покорным рабом, хоть и знаю цену всем этим обещаниям. Благодаренье Зеватасу, но она, кажись, нашла себе другого парня он-то ей больше по вкусу.

Гоания бросила взгляд в противоположный угол, где, погруженные в пьяную дремоту, сидели Босо с Ванорой; девушка привалилась к верзиле, ее голова покоилась у него на плече.

— О Карадур, — сказала волшебница, — надо как можно скорее увести юношу из Оттомани, а то эта шлюха еще передумает. Вам знаком кто-нибудь из виндийских членов нашего братства?

— В прошлом году по пути в Ксилар я останавливался у Поррекса. Очаровательный коллега — такой добрый, деликатный.

— И большой хитрец в придачу; берегитесь его.

— Ах, такой прекрасный человек, без сомнения, достоин доверия, насколько в нашем испорченном мире вообще возможно доверие. Я имел случай воочию убедиться в его доброте и благородстве.

— Почему б тебе не поворожить, — спросил Джориан, — чтоб узнать, что сулит нам встреча с мастером Поррексом?

Гоания покачала головой.

— Занятия магией привносят в линию жизни волшебника слишком много такого, что связано с другими реальностями и измерениями. Обычному человеку вроде тебя, мастер Никко, я еще могу предсказать судьбу, а доктору Карадуре и Поррексу — нет.

— Ну, так скажи, — нетерпеливо перебил ее Джориан, — что ждет меня!

— Дай руку. Когда и где ты родился?

— В Кортолии, в Ардамэ, на пятнадцатый день месяца Льва в двенадцатый год правления короля Фелина Второго, на рассвете.

Гоания тщательно изучила ладонь Джориана и на минуту погрузилась в размышления. Затем развернула свой кубок так, что на поверхности вина отразился один из светильников. Свободной рукой колдунья принялась водить над кубком, чертя пальцами непонятные узоры и что-то нашептывая себе под нос.

— Берегись, — проговорила она наконец, — окна в спальне, звенящего мужчины и бога с головой тигра.

— И это все?

— Все, что мне сейчас открылось.

Джориан, знакомый с обычаем предсказателей изъясняться туманно и непонятно, не стал выпытывать подробности.

— Ах, сударыня, чуть не забыл, — вдруг спохватился Карадур, — вы принесли то, что обещали?

Гоания порылась в кошелке и извлекла оттуда маленький пакетик.

— Порошок Раздора — пыльца огонь-травы крапчатой, собранная в месяц Волка, когда Красная Планета вошла в союз с Белой. Стоит бросить щепотку в толпу, как тут же вспыхнет ссора и начнется потасовка.

— Премного благодарен, госпожа Гоания. Он может оказать нам в Тримандиламе неоценимую помощь. Джориан:

— Неразумно топать до Виндии пешком, когда ксиларцы идут по пятам. Мы можем нанять лошадей, а пожитки нагрузить на осла.

— Сесть на лошадь? Никогда! — запротестовал Карадур. — Такое рослое животное! Я упаду и тут же переломаю все свои старые кости. Уж лучше возьми мне осла.

— Осел нас задержит.

— Не больше, чем второй — с багажом.

— Ладно, осел так осел. Когда завтра открывается лошадиная ярмарка?

* * *

Ежегодный праздник сбора урожая — Бал Привидений — жители города Виндии отмечали карнавальным шествием нечистой силы и уличными плясками. В этот день никто не работал; виндийцы в костюмах и масках бродили по городу с раннего утра. До обеда они успевали пройтись по улицам, восхищаясь нарядами прохожих и стараясь угадать, что за знатный вельможа скрывается под каким-нибудь особенно вычурным и пышным карнавальным костюмом. Главные события — шествие, пение и танцы, состязание масок — происходили под вечер.

Оставив позади виндийские пашни, над которыми красным шариком повисло заходящее солнце, Джориан с Карадуром подъехали к Западным Воротам. Расспросив стражу, они двинулись в город. Впереди на купленной в Оттомани вороной кляче ехал Джориан, за ним на ослике Карадур, ведя на поводу второго осла. Главная улица, Аллея Республики, полого спускаясь, тянулась от Западных Ворот до самой набережной. Путники миновали Сенат, Магистрат и другие общественные здания, в которых строгая простота классического новарского стиля начисто сводилась на нет цветистыми вычурными украшениями в Мальванском духе.

Поррекс, по словам Карадура, жил рядом с набережной; туда они и направились, прокладывая себе путь сквозь толпы богов, демонов, привидений, вурдалаков, скелетов, ведьм, эльфов, троллей, вервольфов, вампиров и еще какой-то нечисти из Мальванских преданий. Мальванское влияние было заметно не только в архитектуре и одежде, но и в самих жителях Виндии — смуглых и черноволосых. Когда

какой-то гуляка, вырядившийся богом войны Гериксом, задел лошадь Джориана надувным пузырем на палке, тому стоило большого труда удержать животное в повиновении.

Они наняли комнату у набережной, поставили лошадь и ослов на конюшню и разыскали жилище волшебника Поррекса. Поррекс снимал комнату над мануфактурной лавкой.

— Заходите, судари мои дорогие, заходите! — крикнул им сверху Поррекс. Это был кругленький лысый коротышка с голубыми глазами, почти утонувшими в складках жира. — Старый добрый Карадур! Как я счастлив, что вы снова здесь! А ваш спутник... нет-нет, я попробую угадать... Джориан, сын Эвора, бывший король Ксилара! Входите же, входите. Присаживайтесь. Позвольте плеснуть вам пива — другого ничего не держу.

Каморка была обставлена довольно скудно: расшатанная кровать, колченогий стул, стол и небольшой книжный шкаф, по полкам которого были рассованы два-три ветхих пергаментных свитка, а на крышке валялись несколько манускриптов с загнутыми страницами. Убогую обстановку дополняли два сундука у стены и акварельная картинка, которая изображала бога Псаана, ведущего колесницу по бурным морским волнам. Свечной фонарик со стеклянными окошками разливал по комнате тусклый свет. Когда Поррекс умолк, нависла такая тишина, что, казалось, пролети муха, и то будет слышно.

— Меня, сударь, — сказал Джориан, — зовут Никко из Кртолии. От кого ты знаешь то, другое имя?

— Сударь мой дорогой, какой же я был бы прорицатель, если б не умел угадывать такие простые вещи? Но коль тебе угодно быть Никко, зовись Никко, — подмигнул Поррекс. — Жаль, что не могу принять тебя во дворце с угощением и танцовщиками; дела мои в последнее время пришли в упадок, не то, что прежде. Вот, приходится экономить. Однако уверяю тебя, это ненадолго; не позднее чем через месяц у меня появится несколько новых клиентов, и я опять разбогатею. До тех пор живу по умению, а не по хотению. Но расскажите о себе. Насколько я понял, мастер Никко предпочитает находиться подальше от Ксилара?

— Не совсем так, — сказал Карадур, сидевший на кровати, поджав под себя ноги. — Вам знакома проблема, над которой мы, Альтруисты, тщетно бились несколько лет?

— Вы говорите о краже Ларца Авлена? Ага, теперь все ясно! Вы направляетесь в Тримандилам, надеясь с помощью нашего могучего юного друга успешно провести эту справедливую экспроприацию. Ну что ж, да не дрогнет рука и не скрипнет под ногой половица! Вы еще не получили приглашения отобедать, угадал?

— Не получили, — подтвердил Карадур. — Мы надеялись, что вы доставите нам удовольствие...

— Конечно же, конечно, доставлю! В былые времена я мог бы принять вас, как подобает, но сейчас в моем кошельке всего один фартинг. Через месяц, когда будут подписаны новые контракты, я отплачу сторицей. Идемте к Чюро, там не надо заказывать заранее. Кстати, как у вас с мальванскими деньгами?

— Ах, так вы не слышали? После вашего отъезда из Мальваны Великий Государь издал новый указ о деньгах. Теперь в Мальване имеют хождение только монеты местной чеканки. Чужеземец, въезжающий в страну, обязан сдать свои иностранные деньги и драгоценные металлы в обмен на имперскую валюту. Причем курс обмена просто грабительский: путешественник теряет половину своих сбережений. Если же он обменял не все свое золото и серебро и впоследствии попадетсЯ, его предадут смерти каким-нибудь хитроумным способом: например, потопнут царскими слонами — и это еще самый незатейливый из них — Вот невезенье, — посетовал Карадур. — Мы постарались все предусмотреть, но если Царь Царей отнимет половину наших сбережений...

Поррекс вскинул голову и подмигнул.

— Возможно, я смогу быть полезным. Существуют, разумеется, люди, для которых унция золота — это унция золота; им все равно, кто ее принесет — царь Шайю из Мальваны или Джориан из Ксилара. Эти контрабандисты с риском для жизни тайно ввозят в мальванскую империю иностранные деньги и вывозят оттуда местную валюту — чтобы за определенный процент продать ее у себя. Некоторые сами чеканят мальванскую монету — причем из настоящего золота, а не какие-нибудь там низкопробные подделки. Имея рекомендацию, можно купить по сходной цене столько валюты, сколько нужно для посещения

могущественной Мальваны.

— Разве люди царя Шайю позволят чужестранцу ввозить в Мальвану имперскую валюту по номинальной стоимости? — вмешался Джориан.

— Конечно, позволят, ибо старания правительства направлены на то, чтобы Мальванские деньги вернулись в страну и там осели. Если разобраться, главная причина контрабанды — политика Мальваны, делающая контрабанду прибыльной. Но казначей Шайю носит с денежными теориями, которые ему, хочешь не хочешь, приходится воплощать в жизнь, даром что они идут вразрез с человеческим естеством. Посидите здесь, пивком себя побалуйте, а я покамест забегу кое-куда, попробую отыскать нужного нам человека.

Поррекс выскочил за дверь.

— Сынок, — прервал молчание Карадур, — ты еще не растратил свою сотню ксиларских львов? Мне кажется, их нужно обменять, как советует Поррекс.

— Все при мне, разве двух-трех не хватает, что потратил в дороге. Только я хочу сперва проверить слова доктора Поррекса, а уж потом деньги отдавать. Ну, то, что он говорил про новый Мальванский указ.

— О, я уверен, такой милый человек, к тому же член моей уважаемой ложи, достоин доверия...

— Может статься, но я все-таки разузнаю. Жди меня тут.

И Джориан тоже вышел из комнаты. Вскоре он вернулся.

— Не обманул твой лстивый карапуз, колдун этот, — сказал он. — Я поговорил с некоторыми знающими людьми — трактирщиками там и еще кое с кем — все как один подтверждают его слова.

— Говорил я тебе, ему можно верить. А вот и он.

— Господа, все устроено, — с порога объявил Поррекс. — Мой человек ждет на улице. Сколько у вас есть золота и серебра на обмен? Медь и бронза не меняются У Джориана оказалось девяносто семь львов и немного серебра, у Карадура золота было совсем немного, зато серебра в достатке. Поррекс произвел на счетах какие-то вычисления.

— За все могу дать сорок две с половиной Мальванских кроны, — сказал он. — За вычетом комиссионных посреднику: он берет лишь шестую часть, а на границе забрали бы половину. Если позволите, я сам отнесу деньги вниз — мой человек не хочет, чтобы его видели.

Карадур послушно протянул кошелек, но Джориан не спешил расставаться со своими сбережениями.

— Его деньги можешь обменять и так, — произнес он, — а я хочу сперва посмотреть на твое мальванское золото.

— О, разумеется, милый юноша; как скажешь, так и будет. Обожди.

Поррекс снова вышел. На этот раз он довольно долго не возвращался.

— Должно быть, Джориан, — заметил Карадур, — перекупщик золота не меньше твоего боится выпустить деньги из рук.

— Береженого боги берегут.

На лестнице послышались шаги и вошел Поррекс в сопровождении незнакомца.

— Не день, а сплошное везенье! — с лучезарной улыбкой вскричал Поррекс. — Позвольте представить моего дорогого старинного друга Лациендо. А это те самые доктор Карадур и мастер Никко.

Лациендо, смуглый, дочерна загорелый низкорослый человек с лихо закрученными усами, был чуть постарше Джориана. Он вежливо поклонился путешественникам и одарил их приятной улыбкой.

— Мастер Лациендо плавает суперкарго на одном из судов компании «Сыны Беннивера», — продолжал Поррекс. — Завтра он уходит в рейс и искал, с кем отпраздновать последний вечер на берегу. Так что теперь вам не надо платить за мой обед: дружище Лациендо непременно хочет нас всех угостить.

— С полным моим удовольствием, господа хорошие, — проворковал Лациендо.

— Итак, — сказал Поррекс, — вот ваше золото, доктор, а это твое, мастер Никко. Пересчитайте. О Никко, теперь, если позволишь, твои деньги... Лациендо, старина, тебе нетрудно спуститься и отдать этот сверток человеку, что ждет под лестницей? А то уж я устал карабкаться вверх-вниз по ступенькам. Прекрасно! Пока его нет, господа, нужно подыскать всем нам маски — тем, у кого нет маскарадных костюмов, пьяные гуляки просто проходу не дают.

Покопавшись в сундуке, Поррекс извлек на свет четыре маски, изображающие чертей с вытаращенными глазами и сердито оскаленными клыками. Джориан в это время рассматривал квадратные Мальванские золотые: на одной стороне был выбит портрет Шайю — или его отца — в короне, а на другой слон, попирающий тигра. Он взял из рук Поррекса маску и начал прилаживать завязки.

— Готово, господа хорошие, — вернувшись, доложил Лациендо. — Дозвольте покорному слуге отвести вас к Чюро. Фонари ни к чему, город освещен по случаю праздника.

* * *

Расположенный на Аллее Республики трактир Чюро был не в пример солиднее оттоманского «Серебряного Дракона». У дверей четверку окликнул одинокий нищий. Поррекс порылся в кошельке и сунул попрошайке медную монетку.

— О Поррекс, — сказал Карадур, — это был ваш последний фартинг. Что вы будете есть, когда мы уедем?

Поррекс пожал плечами.

— Скорее всего, заложу одну из оставшихся книг; я ведь вскоре смогу ее выкупить — когда заключу новые контракты. Сюда, господа.

Посреди главного обеденного зала находилась площадка для выступлений. Обед оказался превосходным, вино не разбавленным, а обнаженные танцовщицы искусными. Когда убрали со стола, Лациендо обратился к остальным:

— Ежели все не против убить здесь еще часик, наши иноземные гости смогут посмотреть на шествие прямо от дверей заведения. Они пройдут аккуратно мимо трактира. Посидите, господа хорошие, отведайте еще ликеров Чюро. Виндия самый многолюдный порт Срединного моря, и вина мы отовсюду получаем что ни на есть наилучшие.

Поррекс зевнул.

— Дорогие друзья, умоляю извинить меня, но годы давно уже не позволяют засиживаться допоздна. Уверен, что мастер Лациендо сумеет вас развлечь. Спокойной ночи.

— Мы собираемся в Тримандилам, — обратился Джориан к Лациендо после ухода Поррекса, — и ты, вероятно, сможешь указать кратчайший путь туда.

Лациендо погладил ус и улыбнулся.

— Ба, удача сама идет вам в руки! Завтра я отплываю на «Таларисе», и чего мы только не везем: рабынь в Реннум Кезимар, а в Янарет мрамор, медь, шерсть и всякую всячину. Пока не высадим красоток в Реннум Кезимаре, на палубе будет тесновато, но мы, конечно, найдем вам каюту. В Янарете можно нанять речную лодку и по Бхарме подняться до столицы.

Джориан осведомился о стоимости проезда и поинтересовался:

— Что это за Реннум Кезимар и почему вы доставляете туда рабынь?

— Название янаретское, по-нашему «Замок Топора». Мальванское владение, островок в устье Джхукны. Лет двести назад тогдашний Царь Царей решил селить на нем ушедших на покой палачей.

— Надо же!

— Ага, и не без причины. Какой бы ни был палач в своем деле вежливый, да обходительный, да безупречный, люди его все ж таки сторонятся. И вот Великий Царь узнал, что его заплечные мастера, какие по старости не могут махать топором, затягивать петлю или там пыточное колесо вертеть, живут в

ничтожестве, даром что пенсию получают, потому как никто с ними дел иметь не желает. До того доходило, что им еду не продавали, и они с голоду мерли.

В те времена Реннум Кезимар был всего лишь бесплодным островком и годился разве что как зимнее пастбище для пары отар. На нем стоял разрушенный древний замок — еще со времен Трех Царствий. Царь заново отстроил замок и поселил в нем своих палачей; с тех пор они там и живут.

— Что им проку в молодых рабынях, ежели они старые и немощные? — поинтересовался Джориан. — Это как выходить на поединок с веточкой спаржи заместо копья.

Лациендо пожал плечами.

— Может, подать чего, принести. Некоторые там с женами, но те тоже старые. Ну, это их забота, а мое дело маленькое: присматривать в дороге за девками и доставить их к месту назначения, как в бумаге указано.

— А посуху от Виндии до Тримандилама добраться можно?

Лациендо замахал руками.

— Господа хорошие! Это дело гиблое, хоть на карте и помечено, что отсюда до Янарета идет дорога по побережью.

— Почему?

— Потому что на протяжении сотни лиг к побережью вплотную подступает восточный отрог Козьей Кручи. Это не дорога, а тропа — она то обрывается в пропасть, то снова ползет вверх, пересекает бурные горные реки вроде Джхукны по шатким веревочным мостам, а ежели где оползень, то и вовсе пропадает. К тому же побережье кишит разбойниками и тиграми. Не-а, легче в Тарксии изумрудного бога спереть, чем по этой дороге пройти!

— Разве побережье принадлежит не могущественному Царю Царей, который завел такие прекрасные дороги и быструю почту?

— Ага, ему; только все эти красоты находятся во внутренних областях страны и захватывают каких-нибудь двадцать лиг вокруг Тримандилама. Император не тратится на окраины; думаю, умышленно, а то понастроишь дорог — жди захватчика. Так что уж лучше вам добираться на моем корабле. Этот рейс последний в году, но оно и неплохо: можно, конечно, попасть в шторм, зато едва ли нарвешься на пиратов.

— Благодарствую за предупреждение, — сказал Джориан. — Мы можем завтра на рассвете прийти на судно и внести плату. Как его разыскать?

— Прошу прощенья, господа хорошие, — покончив с необходимыми разъяснениями, проговорил Лациендо, — столько выпито, самое время посетить нужник. Я вернусь.

Джориан с Карадуром довольно долго просидели над своими кубками; гомон, поднявшийся на улице, и суматоха среди посетителей трактира явно указывали на то, что подошло время шествия — Что этот парень шулки задумал шутить? — сказал наконец Джориан. — Обожди-ка.

Он двинулся к кухонной двери и столкнулся с толстым поваром.

— Да, — отвечал на расспросы повар, — видел я похожего человека, с полчаса как будет. Он прошел в эту дверь на задворки, в нужник не заходил. Никак случилось чего?

— Нет, все в порядке, — ответил Джориан.

— Одурачил нас, зараза, — проворчал он, вернувшись за стол. — Слинял, а мы плати. Благодарение Зеватасу, хоть деньги есть.

— Кстати, о деньгах, — заметил Карадур. — Похоже, наш трактирщик хочет подать счет.

Джориан вытащил кошелек, в котором звякали несколько Мальванских крон. Остальные были спрятаны в пояс. Он вытряхнул крону на ладонь и от удивления чуть не уронил ее.

— Боги милосердные! — вытаращив глаза, прошептал он. — Карадур, ты только взгляни! Говори тише.

Джориан протянул монету. Вместо золотой мальванской кроны на его ладони лежал свинцовый квадратик размером с крону. Надеюсь, вопреки очевидности, Джориан вытащил из кошелька еще несколько монеток. Так и есть — вместо Мальванских крон свинцовые жетоны.

Карадур сперва ошеломлен от ужаса, а затем судорожно вцепился в собственный кошелек. Его золото тоже превратилось в свинец. Челюсть Карадура отвисла.

— Мы доверились этому ублюдку по твоей милости! — в бешенстве прошипел Джориан. — Гоания предупреждала, что он мошенник, а теперь, клянусь медными яйцами Имбала, ты сам убедился! Да я б с таким богатством полжизни безбедно прожил!

По смуглым морщинистым щекам Карадура заструились слезы.

— Твоя правда, сынок. Я один виноват. Знал же это обманное заклинание. Я бестолковый дряхлый старик. В жизни больше не поверю незнакомцу, пусть он хоть сто раз кажется прямым и честным.

— Ладно, скажи лучше, как нам отсюда выбраться, провались оно в сорок девять Мальванских преисподних? Ежели попробуем уйти, начнется заваруха и виндийская стража отправит нас в кутузку; там меня ксиларцы живо опознают и потребуют выдачи. А у Чюро этого кредит выманить труднее, чем пирог из булыжника слепить.

— Иди, сынок, я приму позор на себя.

— Не болтай ерунды. Я не попрусь один в Мальванскую Империю, так что выбираться отсюда надо вместе. Ах ты, вот и Чюро пожаловал, — и Джориан торопливо сгреб со стола свинцовые квадратики.

Чюро оперся кулаками о стол.

— Господа довольны обедом и представлением?

— Конечно, сударь трактирщик, — с сердечной улыбкой ответил Джориан. — Жаль только, что нашим друзьям пришлось уйти пораньше. Сколько мы должны?

— Две марки шесть фартингов. Выпьете на посошок?

— С удовольствием! Стойте-ка, этот вечер нужно закончить чем-то особенным. Есть в твоём трактире ликер, что делают в Паалуа, оликау называется? Довелось как-то отведать на западном берегу.

Чюро нахмурился.

— Я знаю, о чем ты говоришь, но не уверен, осталось ли такое вино у меня.

— Ну, так поищи, будь добр, а мы пока решим, кто за что платит.

— Сумеешь что-нибудь наколдовать? — прошептал Джориан, когда Чюро отошел к стойке. — Я его заговорил ненадолго. Может, превратится в невидимок?

— Заклинание требует долгой подготовки и множества приспособлений, которых нет под рукой. К тому же оно делает прозрачным только мясо и кости, а не одежду. Поэтому невидимке приходится либо ходить нагишом — что едва ли разумно при такой холодной погоде — либо привлекать нежелательное внимание к костюму, который разгуливает сам по себе. Более того, в этом случае кто-нибудь может догадаться. Дай-ка подумать. Ах, нашел!

Откуда ни возьмись перед старым колдуном появился кожаный подсумок со множеством отделений. Из некоторых кармашков он извлек по шепотке порошка и сыпал все это в пустой кубок. Размешав пальцем порошок, Карадур поставил кубок себе под ноги.

— Приготовься кричать «горим!» — сказал он.

— Скорее! — поторопил Джориан. — Чюро возвращается, и притом без всякого паалуанского ликера.

Чюро неумолимо приближался. Положив руки на стол, Карадур забормотал заклинание; пальцы его сплетались и расплетались, словно лапы двух испуганных коричневых пауков. Когда Чюро был уже на полпути к столику, из кубка донеслось шипение. Из-под стола волнами всплыл огромный клуб густого черного дыма; он заволок все вокруг и, продолжая извергаться, скрыл из глаз стол и двух путников.

— Горим! — завопил Джориан.

Послышался грохот опрокинутых лавок и топот ног — посетители в панике ринулись к выходу. Джориан с Карадуром схватили свои маски и плащи и присоединились к убегавшим. Трактир затянуло дымом, поэтому они подождали, пока затор рассосется, и спокойно — без давки и толкотни — вышли наружу.

На улице парочка затерялась в толпе зевак, собравшихся по обе стороны Аллеи Республики, чтобы поглазеть на шествие. Удаляясь от Чюрова трактира, Джориан с Карадуром наткнулись на команду пожарников, спешивших навстречу. Впереди несли поливальную машину — деревянную бадью, снабженную по бокам скобами, над которой возвышалась помпа. Восемь здоровенных парней, взявшись за скобы, тащили машину, а сзади поспешали остальные пожарники с лоханками, предназначенными для наполнения бадьи из ближайшего фонтана.

— Пошли в комнату Поррекса, — решил Джориан. — Ежели поймаю этого жулика, ты уж будь добр, не давай ему колдовать, пока я душу из него не вытрясу.

* * *

Дверь Поррекса стояла нараспашку, а в комнате было темно и тихо. Джориан достал кремь и огниво, высек искры над трутом и зажег огарок. При свете обнаружилось, что в комнате нет не только никого, но и ничего: кровать, книжный шкаф, стул, стол и сундуки словно сквозь землю провалились. Мышка ускользнула.

— Ну и шустро он съехал, — изумился Джориан. — Очистил помещение, все увез.

— Не все, — отозвался Карадур и кряхтя поднял с пола фонарик со стеклянными окошками. — Фонарь позабыл. Вот невезенье! Свеча, похоже, совсем догорела. Будь у меня подходящая свечка, я бы, пожалуй, смог еще что-нибудь сделать.

— Надо в буфет заглянуть, — сказал Джориан, ловко прибив метнувшегося из-под ног таракана. — Так и есть: два вполне приличных огарка. Что ты задумал, досточтимый доктор?

— Существует одно заклинание, и я могу его вспомнить, которое при помощи свечи или какого угодно светильника делает прозрачной любую маску. Сынок, не мешай думать.

Карадур, как показалось Джориану, потратил целую вечность, чтобы сперва припомнить заклинание, а потом — с помощью магической фигуры, песнопений, пассов и порошков, сжигаемых в треснутом блюде из уже знакомого буфета, — произнести его. Огонек свечи в фонаре метался и дрожал, словно невидимые губы дули на него, хотя в комнате не было сквозняка. В дыму, казалось, возникают и снова пропадают чьи-то лица. К тому времени, когда с заклинанием было покончено, Карадур так устал, что пришлось немного передохнуть.

— А теперь, — сказал он, отдышавшись и подобрав с пола фонарь, — еще посмотрим, кто кого.

* * *

Вдоль Аллеи Республики двумя аккуратными шеренгами, в ожидании шествия, которое традиционно задерживалось, по-прежнему стояли виндийцы. Надев маски чертей, Джориан с Карадуром медленно двинулись вдоль толпы. Карадур поднял фонарь, и оба начали пристально вглядываться в лица зевак. Там, куда падал отсвет, карнавальные костюмы, маски и накладные бороды становились совершенно прозрачными — бледными контурами, сквозь которые отчетливо проступали лица виндийцев.

Джориан с Карадуром все шли и шли, сначала по одной стороне Аллеи Республики на запад, потом по другой в сторону гавани. Джориан видел тысячи лиц, но ни Поррекса, ни Лациендо среди них не было. Уже подойдя к набережной, Джориан услышал звуки оркестра; музыка доносилась с запада и постепенно усиливалась.

— Шествие началось, — сказал он.

Группа мужчин в форме Республиканской Гвардии, закованных в сверкающие посеребренные доспехи и вооруженных алебардами, двигалась по Аллее Республики, криками требуя расчистить проход.

То и дело под ногами попадались зазевавшиеся сограждане, которых приходилось подгонять древками алебард.

Когда Карадур в очередной раз поднял фонарь, чтобы взглянуть в толпу, внимание Джориана привлекла маленькая группа мужчин без карнавальных костюмов и масок — на мужчинах была простая темная одежда, а в манере держаться сквозила цепкая самоуверенность. Один из них мельком взглянул на Джориана, затем пригляделся повнимательнее, тронул напарника за руку и что-то проговорил сквозь зубы. Джориан узнал этого человека.

— Карадур! — сдавленным голосом прошептал он. — Видишь типов в черном? Моя Королевская Гвардия. Тот, что впереди, — ихний капитан; два раза меня ловил, когда я пытался из Ксилара удрать. Бежим через дорогу, быстро!

Джориан юркнул в толпу, увлекая за собой Карадура. Они выбежали на мостовую и наскочили на гвардейцев, расчищавших проход. Оркестр загремел совсем близко; взглянув поверх голов гвардейцев, Джориан увидел первые ряды участников шествия с флагами и сверкающим оружием.

Петляя, как зайцы, Джориан с Карадуром под сердитые окрики гвардейцев перебежали Аллею Республики и нырнули в густую толпу зевак. Джориан, который был на голову выше большинства виндийцев, оглянулся. Далеко позади кучка людей в черном старалась пробиться сквозь скопление зрителей. Когда же они добрались до обочины, дорогу им преградили гвардейцы. Разгорелся спор, потонувший в нарастающем грохоте. Спорщики размахивали руками и потрясали кулаками. Гвардейцы без лишних церемоний затолкали людей в черном обратно в толпу, пригрозив для острастки алебардами.

Началось шествие.

В теплом свете тысяч ламп, фонарей, свечек и факелов заблистали мишура и позолота. Гремели оркестры; шагали солдаты; красотки, сидя в разукрашенных носилках, дарили толпе воздушные поцелуи.

Джориан с Карадуром и не подумали задержаться, чтобы поглазеть на зрелище. Оглянувшись для порядка, они проворно свернули на боковую улицу.

— Шествие их хоть немного задержит, — бормотал Карадур. — Одного понять не могу: как эти люди узнали нас под масками?

— Не можешь понять, да? А я могу, — отозвался Джориан. — Мы позабыли, что лучи волшебного фонарика не только чужие маски просвечивают, но и наши.

— Ах, горе мне, совсем одряхлел, о такой простой вещи не подумал! Но куда же мы теперь? Без денег, в чужом городе, стража твоя по пятам идет.

— Давай найдем корабль Лациендо и спрячемся на каком-нибудь складе поблизости. Ежели Лациендо объявится, я знаю, что мне делать. А не придет, заберемся на попутное судно.

* * *

Шествие закончилось через несколько часов. Было проведено состязание карнавальных костюмов и вручены призы: за самый красивый костюм, за самый изобретательный костюм, за самый смешной костюм, и прочее, и прочее. Самые здравомыслящие горожане разошлись по домам; менее здравомыслящие с криками и песнями шатались по улицам Виндии. По углам впопыхах и с оглядкой вершилось прелюбодеяние: это мужья, чьи жены превратились в толстых сварливых фурий, и жены, которых мужья забросили ради своей работы, искали радости и утешения в случайных интрижках. Городские огни гасли один за другим, уступая место поздно взошедшей молодой луне, струившей на Виндию бледный рассеянный свет. С моря на улицы города мягко напал туман.

Джориан и Карадур спрятались на складе, примыкавшем к месту стоянки «Талариса». Склад, разумеется, охранялся, но сторож отлучился полюбоваться празднеством. В темноте неясной громадой возвышались штабеля тюков и ящиков.

— А все потому, — зашептал Джориан, — что доверились друзьям твоим, оборотням. И что интересно, клянусь медной бородой Зеватаса: стариканы вроде тебя обычно осторожны и подозрительны,

а желторотые юнцы вроде меня доверчивы, лежковерны, и их в два счета можно надуть. Зато у нас, кажись, все наоборот.

— Разве нельзя обратиться в виндийский Сенат и попросить защиты от твоей Королевской Гвардии? — прошептал в ответ Карадур. — Они же не допустят, чтобы двух путешественников ни за что, ни про что выкрали в свободном городе!

— И не надейся! Может, Оттомань еще взяла бы нас под защиту, но у Виндии с Ксиларом договор против Оттомани; нас выдадут, глазом не моргнув. Двенадцать Городов без конца заключают и расторгают договоры; вчерашний заклятый враг может стать преданным союзником, и наоборот. Похоже на сложный танец, где в каждой фигуре меняешь партнера.

— Вам, новарцам, нужен император, который бы унял всю эту свистопляску и запретил растрачивать силы на грызню. У нас есть поговорка: собери вместе трех жителей Двенадцати Городов, они тут же образуют четыре группировки и насмерть передерутся.

— Скорее зайцы начнут волков есть, чем новарцы покорятся такому правителю. Ардиман Ужасный как-то попытался, да надолго его не хватило. Кроме того, у кучки без конца грызущихся маленьких полисов есть свои преимущества перед такой огромной единой империей, как твоя.

— Какая польза от вечных жестоких и разрушительных междоусобиц?

— Ну, каждый из Двенадцати Городов сам по себе невелик, так что человек осознает свою значительность. Поэтому жители всерьез интересуются делами государства и своих правителей. А Мальвана такая огромная, и порядки в ней такие незыблемые, что тамошние люди чувствуют себя ненужными и беспомощными. Вот вы и позволяете Шайю и ему подобным творить, что в голову взбредет, даже если видите, какие они лентяи, распутники, дураки или чудовища. Зато в Двенадцати Городах есть все виды правления — королевства, княжества, республики, теократии — и когда появляется что-то новое и лучшее, другие города имеют возможность понаблюдать и решить, стоит ли вводить такое правление у себя.

— Но пояись дальновидный правитель, который объединил бы вас и направил вашу энергию в нужное русло...

— То мы бы очень скоро стали второй Мальваной, а дальновидный правитель направлял бы всю нашу энергию на укрепление своего влияния и могущества.

— Но мы, по крайней мере, сохраняем мир внутри страны, это ли не преимущество?

— Что Мальване за польза от такого мира? Насколько мне известно, ваши традиции, обычаи и верования уже тысячу лет не менялись. Сказать тебе, почему Двенадцать Городов так легко разгромили огромную армию, которую наслал на них царь Сирваша, отец Шайю? Потому что Мальванцы по сию пору используют оружие и военную тактику времен Гиша Великого. Нечего удивляться, что наша кавалерия изрубила в капусту ваши смертоносные колесницы, а наши лучники выбили с поля ваших пращников и метателей дротиков. Сравни неменяющуюся Мальвану и Двенадцать Городов, вспомни, чего мы достигли за последние сто лет в ремеслах и науках, в литературе и театральном искусстве, в законах и управлении, и ты поймешь, о чем я толкую.

— Все это прекрасно, — проворчал Карадур, — для тех, кто печется о сиюминутном. Я полагаю, такие взгляды с возрастом пройдут. Когда я был молод, меня тоже увлекали перемены и нововведения, но сейчас мне милее безопасность и стабильность. Попомни, сынок, мои слова: однажды какой-нибудь из Двенадцати Городов, чтобы одолеть соседа, призовет на помощь швенские орды, и вы не успеете оглянуться, как хан из рода Гендингов захватит всю Новарию. Такое уже бывало.

— Но, в конце кон... — Джориан замолк на полуслове; ему что-то почудилось. На улице раздались шаги и неразборчивый шепот. Джориан втолкнул Карадура за кучу тюков.

В помещение склада вошли двое. Вглядевшись в силуэты, Джориан решил, что перед ним мужчина и женщина, хотя предрассветные сумерки мешали разглядеть их как следует.

— ...Пришли, любезная хозяйюшка, — говорил мужчина. — Не сомневайся, твой покорный слуга устроит мягкую постельку на тюках с грузом; найти бы только... Ах, вот оно, моя прелесть: стопка новой

мешковины, как раз то, что надо для... хрм!

Заключительное хрюканье явилось следствием того, что свинцовый набалдашник Джорианова кинжала с размаху опустился на череп незнакомца. Мужчина рухнул на каменный пол. Женщина в этот момент стаскивала платье через голову и потому не могла видеть, что произошло. Наконец она сдернула платье и теперь стояла нагишом, комкая в руках одежду. Так продолжалось несколько секунд. При свете занимающегося утра Джориан разглядел: красotka была что надо. Выпавшая из ее рук маска валялась поблизости.

Увидав распростертого на полу любовника и нависшую над ним громадную и темную фигуру Джориана, девушка тоненько взвизгнула, затем, как была, с платьем в руках, опрометью метнулась за дверь и скрылась в тумане. Джориан перевернул тело и стянул с мужчину маску.

— Я не ошибся, — сказал он, присаживаясь на корточки рядом с бесчувственным телом, — мастер Лациендо собственной персоной, чтоб ему собаки кишки отъели. Я голос узнал. Одна надежда, что девка не приведет сюда стражу.

— Он... Он умер? — стуча зубами, спросил Карадур.

— Нет; башка маленько помята, но цела, сердце бьется, — Джориан снизу вверх посмотрел на Карадура. — Я, кажись, знаю, как спасти наши шкуры. Сумеешь продать лошадь и пару ослов?

— Никогда не торговал лошадьми, но думаю, что сумею.

— Так дуй в нашу комнату, собери манатки, а потом на конюшню, куда мы поставили живность. Скажешь конюху: желаю, мол, их продать. Еще рановато, но ежели повезет, он укажет двух-трех покупателей, охочих до выгодной сделки. Лошадь стоит никак не меньше двух Мальванских крон или сколько там в пересчете; ослы — четверть или, в лучшем случае, треть кроны за каждого. Раз деньги быстро нужны, могут дать меньше, так ты хотя бы поторгуйся.

— А ты, сынок?

— Мне надо связать этого прощелыгу и сунуть ему в пасть затычку, чтоб он не напакостил, пока мы не отчалим. Ежели на «Таларисе» уже проснулись, поднимусь на корабль и попробую что-нибудь наболтать.

* * *

Через два часа восходящее солнце рассеяло остатки тумана и Прибрежная улица ожила. Карадур, согнувшись под тяжестью Джорианова лука и ранца, с трудом тащился по Прибрежной улице к стоянке «Талариса». На корабле — одномачтовом паруснике средних размеров — кипела работа: грузчики перетаскивали с берега остатки товара, матросы укладывали канаты, а дюжина хорошеньких юных рабынь стрекотала, будто стая галок. Среди этой толчеи, облокотясь на леер, с безмятежным видом стоял Джориан. Карадур ринулся к напарнику.

— Сколько выручил? — помогая ему взобраться на борт, тихо спросил Джориан.

— Одну крону, две марки и шесть фартингов за все.

— Я бы лучше обстряпал, да выбирать не приходится. Позвольте представить. Капитан Штрассо, это мой друг доктор Карадур из Тримандилама, о котором я давеча говорил. Доктор, уплатите капитану десять марок за проезд и стол до Янарета.

— Рад приветствовать вас на борту, сударь, — пророкотал капитан. — Запомните: не плевать, не гадить, не писать за борт с наветренной стороны! И не мусорить на палубе. Я содержу корабль в чистоте. Мастер Мальто, уберите девок с дороги, мы отчаливаем.

Некоторое время спустя, когда Виндия осталась далеко позади и ветер, подгоняя корабль, раздувал узкий треугольный парус, Джориан с Карадуром завтракали в отведенной им на корме крохотной каюте. Здесь стоял несмолкаемый гул: плескались волны, которые рассекал нос корабля, журчала вода под днищем, поскрипывали шпангоуты, под порывами ветра звенели снасти.

— Скажи, сынок, — спросил Карадур, — небом Варну тебя заклинаю, как ты это проделал?

Джориан ухмыльнулся.

— В конторке хозяина склада я отыскал бумагу с чернилами и заставил мастера Лациендо написать записку капитану Штрассо, что он, мол, сломал лодыжку на Балу Привидений, и не согласится ли капитан нанять вместо него его друга Мальто из Кртолии — опытного торгового агента, прежде плававшего в Западном океане.

— Как тебе удалось его заставить?

— Есть способы, — хмыкнул Джориан. — Еще я нашел у него в кошельке девять ксиларских львов — из тех, какие они у нас выманили — и отобрал их. Поррекс, должно быть, дал ему десять львов за то, что помог нас обдурить, да он один истратил на полубовницу. Лациендо, конечно, отпирался, только кто ему поверит? Ты бы видел, как он взбесился, когда я располосовал его нарядный бархатный плащ: связать его хотел. Надо сказать, мастер Лациендо не робкого десятка — я ему кинжал к горлу приставил, а он меня, знай, кроет на все корки. Но, главное дело, записку написал.

Капитану Штрассо эта история не больно-то понравилась, только ему не хотелось терять день: пришлось бы сойти на берег, Сынов Беннивера с постели поднять, другого суперкарга требовать. А тут еще Белиус-работорговец пожаловал, привел за собой двенадцать милашек — ну, я за них и расписался.

Ты, слышь, имя мое новое запомни: Мальто из Кртолии. Я решил, что Никко и Джориан свое отслужили. Кто это из мудрецов сказал: наглость — второе счастье?

— Разве не умнее было назвать своей родиной какое-нибудь западное государство, Ир, например? Сам же говорил, что плавал в тамошних водах.

— Только не с моим кортольским выговором! Я вообще-то неплохо копирую диалекты, но уж это чересчур, такая наглость к добру не приведет!

Глава 4

Замок Топора

Холодный северный ветер из швенских степей вздымал воды Срединного моря и ходко гнал «Таларис» на юго-восток. Берег превратился в узкую черную линию на юго-западном горизонте. В другое время года над темной полоской берега вырисовывался зубчатый хребет Козьей Кручи, но сейчас его укрывало одеяло снежных облаков.

Джориан в обществе капитана и двух штурманов, правящих кормовыми рулями, стоял на крыше корабельной рубки. Карадур отсиживался в каюте, а рабыни сгрудились под навесом: их одолевала морская болезнь.

— Кажись, твоему желудку каша нипочем, — заметил капитан Штрассо.

— На Западном океане бывало и похуже, — отозвался Джориан. — Помню, гнался я как-то за пиратами... гм... пираты гнались за моим кораблем... Ну, короче, море вдруг забурлило, что твой мельничный пруд. Эта буря нас и спасла, потому как пиратская галера затонула, а нам хоть бы что, только палубные надстройки покорежило.

— А тебя, могучий мастер Мальто, конечное дело, даже не укачало? — спросил Штрассо. Джориан расхохотался.

— Дружище, побереги свое остроумие. Наоборот. Блевал, как издыхающий пес. Но великий Псаан, видно, решил, что одной такой встряски мне на всю жизнь хватит, потому как с тех пор я морской болезнью не страдаю. Сколько времени еще надо идти на юг, чтобы потеплело?

— В Янарете теплее — там снега не бывает, но настоящие тропики начинаются за Козьей Кручей. По эту сторону хребта летом сушь, зимой дожди. А по ту сторону, говорят, наоборот. Вон, цыпочка твоя выползла, тащится к лееру, как на плаху.

— Спустишь, надо глянуть, как там красотки.

Штрассо покосился в его сторону.

— А может, понежиться часок в их объятиях?

— Хороший суперкарго трогает товар только тогда, когда хочет убедиться в его сохранности.

Джориан спустился на палубу и окликнул девушку. Это была Мневис, которой по бойкости нрава рабыни поручали вести переговоры. Ее желудок отказывался принимать пищу, она похудела и казалась замызганной и поникшей.

— Добрый мастер Мальто, — сказала она, — боюсь, нас ждет страшный конец.

— Ой, да будет тебе! После приступа морской болезни всем чудится конец.

— Не, я ж не моря боюсь, а этих ужасных людей, которым нас продали. Головорубы... брр! — ее передернуло. — Как гляну на руки ихние, так и встанет перед глазами — кровь с них капает, капает.

— Палачи такие же, как все, разве что их кровавое, но нужное ремесло вызывает у недалеких людей предубеждение. И потом, они уже на пенсии, живут себе тихо-мирно.

— Все равно, как подумаю, так в дрожь и кидает. Может, побег нам устройте, а? Или хоть кому нормальному продайте, не этим извергам. Нам и отплатить-то нечем, кроме как телом своим; но вы не думайте, мы только с виду неказистые...

— Прости, Мневис, ничего не выйдет. Я обещал доставить вас Хуравэле, старосте отставных Головорубов Реннум Кезимара, и непременно доставлю.

Позднее Джориан сетовал Карадуру:

— Знаешь, доктор, я раньше не задумывался, каково быть палачом; а они ведь нужны, эти люди, как сборщики податей или живодеры — их тоже все ненавидят:

*Да, палач я и ужас вселяю в сердца,
Я увечу, рублю и казню без конца.
Но при виде меня вы не прячьте лица,
Человек я в душе неплохой!
Вот орудья мои: дыба, шнур и топор;
Не останется цел ни разбойник, ни вор;
Должен быть я проворен, иначе — позор.
Кто оценит мой труд непростой?
Ребятишек люблю и ласкаю жену
И налоги плачу я исправно в казну.
Нет добрее меня, хоть объедь всю страну.
Отчего ж среди вас я изгой?*

На следующее утро после отплытия из Виндии небо и берег заволокли тучи. Капитан Штрассо, так и сая поворачивая солнечный кристалл в надежде поймать отсвет, который укажет местонахождение солнца, брюзжал, обращаясь к Джориану:

— Ежели погода испортится, мы не сможем вернуться домой и застрянем на зиму в Январете. Ну и зададут же мне трепку «Сыны Беннивера»! Одна с ними морока, с судовладельцами этими. Рискнешь, будут орать, что собственность их бесценную не бережешь; не рискнешь, все уши прожужжат, что, мол, попусту упускаешь время и лишаешь их законной прибыли.

— Остров по курсу! — закричал впередсмотрящий. Капитан Штрассо приободрился.

— После того, как всю ночь качало да задувало, неплохо побродить по суше, а, мастер Мальто? Чуть правее... — бросил он рулевому. — Так держать.

Затем снова повернулся к Джориану:

— Настоящей-то гавани нет, зато две якорные стоянки, одна с южной стороны, другая с северной. В это время года корабль лучше с юга подвести.

Уже миновал полдень, когда «Таларис» бросил якорь в маленькой бухте на южной оконечности Реннум Кезимара. Спустили шлюпку, чтобы перевезти на берег рабынь. Первыми отправились два гребца, Джориан, Карадур и две девушки. Едва они выбрались на шаткие мостки и шлюпка погребла назад к кораблю, на другой стороне мостков показалась группа мужчин. Все они были смуглы, увенчаны тюрбанами и с головы до пят обмотаны длинными полотнищами шерстяной и хлопчатой материи, искусно задрапированной и собранной в складки; ветер трепал свободные концы покрывал.

Мужчина, шедший впереди остальных, был ростом с Джориана, но гораздо массивнее — гора мускулов, которые теперь, с возрастом, сделались немного дряблыми и обвислыми; под складками его одежды колыхался огромный живот. Из-под тюрбана торчали отросшие седые космы, а длинная седая борода, когда ее не трепал бриз, закрывала всю грудь.

— Сударь, ты и есть староста Хуравэла? — спросил Джориан по-мальвански.

— Угу, — скорее промычал, чем ответил староста.

— Мальто из Кортолии, суперкарго корабельной компании «Сыны Беннивера». Мне поручена доставка двенадцати рабынь, коих ты заказал торговцу Белиусу из Виндии.

В ответ раздалось уже знакомое мычание.

— Вторая партия высаживается. Еще одна ходка, и порядок.

Мычание.

— Мой друг, досточтимый доктор Карадур.

Мычание.

И то сказать, подумал Джориан, легкая попалась работенка. Ничего не оставалось, кроме как мерзнуть на ветру, пытаться завязать разговор. Но скудный набор Мальванских слов и упорное нежелание

гиганта поддерживать беседу делали затею почти безнадежной. Остальные палачи — такие же, как Хуравэла, высокие дородные мужчины в летах — молча стояли вокруг, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу.

Джориан с трудом оторвался от созерцания песчаного берега с островками осоки, колыхавшейся на ветру, и принялся разглядывать возвышенность в центральной части острова. На Реннум Кезимаре не было деревьев; здесь росла лишь высокая трава, высохшая и пожухлая в это время года, да темнели купы падубов и стелющегося остролиста. Капустные грядки вокруг замка — на вершине островка — были единственным ярким пятном в окружающем ландшафте, безрадостном, сером, будто вылинявшем. Серый замок светлел на фоне свинцово-серого пасмурного неба.

Наконец шлюпка в третий раз причалила к берегу. Последние рабыни высадились на мостки.

— Все здесь, — сказал Джориан.

Староста Хуравэла мотнул головой:

— Пошли.

По крутому откосу они вскарабкались к замку. Несколько бывших заплечных дел мастеров копошились на капустных грядках. Вокруг замка тянулся пересохший ров, наполовину заваленный мусором; через него был перекинут подъемный мост.

Процессия пересекла мост, прошла под опускной решеткой, установленной в проеме сводчатой арки с тайными ловушками, миновала небольшой вестибюль, перестроенный в сторожку привратника, и оказалась в главном зале. Светильники не были зажжены, и в зале царил тусклый полумрак. Хотя в башнях и стенах на месте прежних бойниц пробили окна — замок более не предназначался для обороны — оконные проемы были обклеены промасленной бумагой, и в пасмурную погоду свет сюда почти не проникал. Два палача играли в шашки и не обратили на вошедших никакого внимания. В противоположном углу стояла рама, к которой был подвешен огромный бронзовый гонг. Вдоль стен тянулись длинные столы.

Когда все вошли, Хуравэла направился к большому столу. Он тяжело опустился в массивное дубовое кресло во главе стола и сказал:

— Построй их.

Джориан так и сделал. Хуравэла пересчитал рабынь, тыча в каждую толстым указательным пальцем и беззвучно шевеля губами.

— Все правильно, — проговорил он наконец. — Вот твои деньги. Двести сорок серебряных марок за голову; по нынешнему курсу сорок шесть Мальванских крон на круг.

Хуравэла высыпал на стол целую горсть крон, двукронников, пятикронников и десятикронников и отсчитал плату. Джориан проверил, все ли правильно, и пересыпал квадратные золотые монеты в свой кошелек.

— Сделай одолжение, распишись, — сказал он, подавая старосте расписку.

— От, дерьмо! — простонал великан. — Перо мне. Вы двое заверите подпись.

Хуравэла поставил свой знак, а Джориан с Карадуром заверили его подлинность.

— Вечером большой праздник, — сказал Хуравэла. — Вы с доктором приглашены; капитан ваш тоже. Брат Чамбра, пошли Штрассо записку. Брат Тилакия, уведи рабов, — он обернулся к Джориану. — Пора вздремнуть. Мэру покажет замок. Увидимся в три часа.

Хуравэла с усилием поднялся и удалился в темный коридор. Другие братья потянулись следом, и скоро в зале остались лишь Джориан, Карадур и один из братьев.

— О Джориан, — зашептал по-новарски Карадур, — я бы предпочел не оставаться на этот праздник. Позволь мне вернуться на корабль.

— Что стряслось? Тебе разве не хочется отведать для разнообразия нормальной еды?

— Не в еде дело. Над этим местом витает что-то зловещее, я чувствую.

— Ерунда! Развалюха, правда, мрачновата, но ее обитатели, кажись, вполне приличные люди.

— Нет, у меня на такие вещи астральная интуиция.

— Все равно останься. Ты не можешь бросить меня одного с этими молодцами!

Предоставленный в их распоряжение палач Мэру был среднего роста и телосложения. В отличие от большинства здешних жителей он брил бороду и не носил тюбана. Несмотря на то, что в его волосах уже пробивалась седина, Мэру выглядел моложе своих отставных собратьев.

— Если господам угодно последовать за мной, — широко улыбнувшись, сказал он, — я покажу вам Замок Топора. Вы увидите памятные экспонаты — свидетельства исторических событий, которые всемогущий царь — да правит он вечно! — милостиво разрешил нам забрать с собой в отставку.

— Благодарю вас, что-то не хочется, — поспешно сказал Карадур. — Я устал. Здесь найдется место, где можно прилечь?

— Конечно. Пожалуйте в этот покой. Чувствуйте себя как дома, доктор, а мы с мастером Мальто покамест осмотрим замок.

* * *

Мэру, в противоположность Хуравэле, тараторил без умолку.

— Присмотрись, — говорил он. — Видишь, нижние ряды стенной кладки не такого цвета, как верхние? Внизу — остатки древнего замка; то, что выше, надстроено при Чоланки Третьем... Тут у нас кухня; а это — жены семейных братьев, стряпают вечернее угощение...

— Твоя тоже здесь? — поинтересовался Джориан, разглядывая дюжину коренастых пожилых теток.

— Моя? Ха! Что мне женщины, я был обручен со своим искусством.

— Чего ж ты так рано ушел на покой?

— В правом плече завелась ломота, и рука уже не могла служить, как прежде. Плечо и теперь ноет в сырую погоду. Веревка, удавка, топор — еще куда ни шло, а вот с двуручным мечом управляться ре по силам. Каждый Головоруб в конце своей карьеры обречен орудовать презренным ломом.

— Как так?

— Знай же, что у правоверных каждому сословию положена своя казнь, и по обычаю таким благородным орудием, как меч, казнят только членов царского дома да знатных господ. Для знати — меч, для воинов — топор, для чиновников — удавка, для торговцев — петля, ремесленникам — кол, и так далее, хотя есть особые преступления, за которые полагается особое наказание — потоптание, к примеру, царским слоном.

Так вот, одна из жен царя Шайю — да правит он вечно! — завела шашни со знатным вельможей; по высочайшему указу обоих ждала смерть от моей руки. Сперва все шло отлично; голова владетельного господина Вальшаки скатилась с плеч в один момент. Но когда я занес меч над женщиной, мне стрельнуло в больное правое плечо и тяжелый меч ударил ниже, чем надо, — по лопатке. Как ты, конечно, догадываешься, от моей промашки ее отбросило на помост, а в спине образовалась огромная рана. Мои подручные приподняли ее, снова поставили на колени — она вопила благим матом, кровь хлестала ручьем — и разложили на плахе для повторного удара.

На этот раз я не сплеховал. Голова, которую я преподнес Его Величеству — да правит он вечно! — была просто на загляденье: срез чистый, прямой — ни одного лоскутка кожи. Просто на загляденье. Но Шайю решил, что мне пора в отставку — и все из-за одной-единственной осечки.

Они выбрались на крышу одного из угловых бастионов.

— Вон там, — показал Мэру, — в устье Джжукны находится пиратская стоянка. Летом, когда из Виндии в Янарет плывет торговая флотилия, галеры с пиратами валом валят к морю; отсюда они похожи на стаю

водомерок. Из-за пиратских набегов Виндии теперь приходится посылать свои боевые галеры для охраны торговых караванов.

— Царь Шайю мог бы построить флот и помочь разделаться с морскими разбойниками. Почему все тяготы должны нести новарские города?

— Друг мой! — изумился Мэру. — Чтобы правоверный Мальванец вышел в море? Да знаешь ли ты, что это считается богомерзким поступком, и только совершив множество сложных и дорогостоящих обрядов, можно очиститься от скверны?

— Тебе же пришлось пересечь море, чтоб сюда добраться.

— Ах, мой грех невелик, я ведь плавал всего один раз. Вот если я выйду в море ради заработка, тогда другое дело: остаток дней придется каяться на берегу. Этим мы от вас, варваров, и отличаемся.

— Кажись, доктор Карадур иного мнения.

— Это его забота. Может, он еретик, а может, заклинания защищают его от скверны морского плавания. Давай спустимся, не то я насмерть простыну.

— Вы, Мальванцы, боитесь холода, как тропические цветы, — заметил Джориан, спускаясь по витой лестнице вслед за Мэру. — Чуть где подует, дрожите и ежитесь. Меня-то этот ветерок освежил, только и всего.

— Просто ты никогда не бывал в шкуре правоверного из джунглей на юге Мальваны — от деревьев поднимаются влажные испарения, а жара такая, что днем все живое словно вымирает, одни москиты жужжат. Тьфу, куда я дел этот вонючий ключ? Ага, вот он! Здесь расположен подъемный механизм моста.

Они заглянули в комнату, где находилась рабочая часть огромных водяных часов. Вода, стекая по желобу, тонкой струйкой лилась в ковши, закрепленные на круглой раме. Джориана тотчас заинтересовала работа механизма. Когда ковш наполнялся, колесо под его тяжестью начинало поворачиваться, пока не натыкалось на ограничитель. Затем вода заполняла следующий ковш, и все повторялось.

— Отработанная вода стекает в бочку, подвешенную к подъемному механизму моста, — пояснил Мэру. — На рассвете под тяжестью бочки мост без труда опускается — бочка служит противовесом. Когда бочка оказывается внизу, вода из нее перетекает в другую бочку, и та поднимает мост. Как мне говорили, несколько лет назад сюда приезжал часовщик по имени Эвор из Ардамэ...

— Как? — вырвалось у Джориана. — Это ж был мой о... — он осекся. — Я хотел сказать, это был один из друзей моего отца. Ну, продолжай.

Мэру проницательно посмотрел на Джориана.

— Уже закончил. Этот человек установил механизм, и теперь мост опускается и поднимается сам по себе. Нам ничего не приходится делать — только закачать воду в бак на верхнем этаже. Для этого в подвале имеется pedalное колесо.

— Можно отсоединить мост от часов? Ведь всякое случается.

— Да. В сторожке есть подъемный ворот, если надо, он блокирует часы. Но такие случаи редки, в Реннум Кезимар мало кто наезжает.

Они спустились еще на один пролет. Мэру снова отпер какую-то дверь.

— Эта комната, мастер Мальто, — провозгласил он, — наш арсенал, но арсенал необычный. Здесь находятся наши отборнейшие экспонаты. Смотри!

— Боги милосердные! — едва смог выговорить Джориан.

Экспонаты оказались коллекцией орудий казни и пыточных приспособлений. Чего тут только не было: топоры, колоды, мечи, веревки для повешения, удавки и кривые ножи для перерезания горла. Тут были две готовые к употреблению дыбы и котел для кипящего масла. Тут были кандалы, плети, палки, бичи и тавра для клеймения. Были тут и особые орудия, назначение которых мог угадать лишь посвященный.

На скамеечке у стены сидел усатый брат преклонного возраста и с отсутствующим выражением на

лице любовно затачивал топор.

— Ну что, брат Дхонг? — окликнул его Мэру. — Как думаешь, не оплошает твой секач на вечернем состязании?

Продолжая тенькать оселком — динг-динг, — старец мечтательно улыбнулся.

— Какое состязание? — севшим голосом спросил Джориан.

— Увидишь, — ухмыльнулся Мэру. — Гляди, та самая колода, на которой отрубили голову Женере Виджейенсу, когда царь Сирваша подавил его мятеж. Позволь продемонстрировать наиболее интересные орудия. Это парный глазной выдавливатель брата Пах-бея. Этот железный сапог обладает даром убеждения, особенно если надеть его на ногу подозреваемому и подогреть на открытом огне. Вот остроумное приспособление для перемалывания в студень ноги подозреваемого. Царь Ледитва опробовал его на брате, которого подозревал в заговоре. Теперь наши цари более предусмотрительны: они убивают братьев еще до вступления на престол.

— Для братьев звучит не очень-то весело.

— Твоя правда; зато у нас всегда есть работа. А вот, гляди-ка, колесо брата Гоуса и молот для забоя на нем осужденных. Здесь у нас прелестные тисочки для раздавливания большого пальца; обрати внимание на роспись серебром и золотом по металлу... Брат Дхонг был мастер пыточного дела; да и я тоже. Поэтому нас включили в число тех, кто... но хватит об этом, а то я тебе все удовольствие испорчу.

— Спасибо, я уже насмотрелся, — сказал Джориан. — Просто с ног валюсь, совсем как доктор Карадур.

— О, разумеется, — спохватился Мэру. — В таком случае давай вернемся в главный зал, оттуда можно пройти в приготовленную для тебя комнату.

* * *

По дороге к главному залу Джориан хранил упорное молчание. Продолжая оживленно болтать, Мэру указал ему комнату, где отсиживался Карадур. В комнате стояли две кровати; на одной из них, откинувшись на спину, посапывал старый колдун.

Джориан притворил дверь и улегся на другую кровать. Однако сон не приходил. Отчаявшись заснуть, Джориан встал, вышел из комнаты и предпринял собственное расследование. Повисшую над замком тишину нарушал лишь звон посуды на кухне да еще храп, доносящийся из-за каждой двери.

Кроме винтовой лестницы, ведущей наверх, в главном зале была еще одна лестница, которая вела в подвалы. Спустившись по ней, Джориан обнаружил длинный полутемный коридор, освещенный прилепленным к стене огарком; по обе стороны тянулся ровный ряд дверей. Некоторые из комнат, замкнутых на большие висячие замки, явно служили для хранения ценностей. Две оказались зарешеченными камерами; одна из них вдруг огласилась многоголым плачем. Голоса были знакомые: в темнице содержались двенадцать рабынь.

— О Мальто! Мастер Мальто! Милый добрый Мальто! — наперебой причитали они. — Зачем они нас здесь заперли? Для чего мы им? Нельзя ли нас отсюда вызволить?

— Говорите, что стряслось? — потребовал Джориан.

Девушки загомонили все разом, но суть сводилась к следующему: из главного зала их сразу препроводили в темницу, принесли еду и питье и оставили коротать время в безмолвии и неизвестности.

— Не знаю, что задумали эти люди, — сказал Джориан, — но попробую выяснить и, ежели здесь и впрямь какое-то злодейство, расстроить их планы. Ведите себя смирно!

Джориан развернулся и пошел к лестнице. Он поднялся в башню, где находился часовой механизм, и без труда подобрал отмычку к запертой двери. Возблагодарив богов за то, что ему знакомы отцовские поделки, Джориан вытащил заглушку, которая регулировала время подъема моста, и вставил ее в другое отверстие. Потом вернулся в ту комнату, где спал Карадур, и растолкал колдуна.

— Вставай! — сказал он. — Ты оказался прав, здесь и вправду готовится злодейство.

— Что такое? — зевая и потирая глаза, прошамкал Карадур.

— Ежели я не ошибся, эти душегубы задумали устроить вечером пир и состязание, чтобы показать в действии свои орудия.

— Что ты хочешь сказать? Они будут махать топорами и тому подобное, дабы продемонстрировать, что еще не утратили навыка?

— Хуже. Думаю, они хотят показать свое искусство на двенадцати рабынях, что мы привезли.

— Как, резать и душить... Крадха сохрани! Я здесь ни минуты не останусь смотреть на такое злодейство! — Карадур стал наматывать тюрбан, но пальцы тряслись от волнения: уже намотанные кольца все время сползали и падали на шею. — А ты еще говорил, что Головорубы такие же люди, как мы!

— Куда это ты так заторопился? — спросил Джориан. — Ежели придется спасать девиц, мне без тебя не обойтись.

— Спасать? Сынок, ты в своем уме? Как один человек может их выволить из замка, где полно этих звероподобных громил?

— Я еще и сам не знаю, надеюсь на случай. По крайности, на месте разберусь. Я девушек сюда привез...

— Но... но... ты только умрешь понапрасну! — Карадур уцепился за могучую руку Джориана; слезы потекли по его морщинистым смуглым щекам, замочив шелковистую седую бороденку. — Это не поможет твоим красоткам и похоронит наши надежды добыть Ларец Авлена!

— Ежели я умру, то мне без разницы, что там приключится с Ларцом Авлена. Ежели мне повезет, я буду к твоим услугам как первоклассный взломщик.

— Но у тебя же нет перед этими потаскушками никаких моральных обязательств! Ну кто они тебе? Почему ты должен рисковать из-за них своей жизнью?

— Позор на твою голову! Говоришь, как эгоистичный материалист, которых ты вечно кроешь на все корки!

— Не обо мне речь. Почему ты это задумал? Назови настоящую причину.

— Скажем, меня бесит, что маленьких бедных милашек, которые никому не сделали зла, без всякой вины обрекают на страдания и смерть. Я, когда был королем, таких штук никому не позволял и сейчас не позволяю.

— Но женщины — законная собственность братьев, и отнять их — значит, совершить воровство. А воровство — грех.

— Пусть я грешник. Кроме того, они — новарки и, значит, по учению философа Ахэмо, ни в каком случае не могут быть рабами других новарцев. Так что успокойся и помоги мне продумать план.

— Не буду! Не могу! — истерически взвизгнул Карадур и опрометью кинулся вон из комнаты. Джориан оказался проворнее; он первым подскочил к двери и заслонил ее своей широкой спиной.

— Трус! — гаркнул он. — А как же вся эта высокопарная болтовня об альтруизме, самопожертвовании и моральной чистоте? Когда при первой возможности проверить свои нравоучения на практике ты хвост поджимаешь?

— Нет-нет, мой возлюбленный сын, — скулил Карадур. — Я не воин, привычный к крови и смертельным опасностям! Я всего лишь мирный философ и собиратель оккультных знаний; я давно вышел из драчливого возраста.

— Ерунда! Я тоже не воин, а обыкновенный мастеровой, ряженный воином. У меня от этих передрыг просто мозги со страху мутятся. Ежели я могу ввязаться в это дело, так ты и подавно. Когда меня казнили в Ксиларе, ты показал изрядное мужество.

— Нет! Нет! — не слушая, лепетал Карадур. — Пусти, говорю! Ты дурно поступаешь, понапрасну

рискуя собой, но вдвойне дурно втягивать в твою самоубийственную затею меня!

Карадур так перепуган, подумал Джориан, что толку от него не будет.

— Ладно, — сказал он, — давай сговоримся. Покажи свои волшебные снадобья и расскажи, для чего они предназначены.

— Хорошо, — поспешно согласился Карадур, плюхаясь на кровать и шаря в складках мантии. — В этой склянке возбудитель алчности; добавь одну каплю в суп человеку, которому хочешь что-нибудь продать, и дельце можно считать обстряпанным. Возбудитель действует без всяких заклинаний и очень популярен у лошадиных барышников. Так, а вот перстень с бериллом, в котором томится демон Горакс. Если тебе угрожают злые духи — к примеру, морусские болотные черти — нужно лишь правильно произнести заклинание; тогда Горакс вырвется на волю и обратит злобных тварей в бегство. Потом другая магическая формула загонит его назад, в перстень. Однако эти заклинания очень длинные и трудные, а команды Гораксу нужно выговаривать предельно отчетливо: он ужасно туп даже для демона и, если чего не поймет, может учинить настоящий погром. Так, а теперь...

В конце концов Карадур добрался до пакетика с порошком.

— Это Порошок Раздора, который дала Гоания в Оттомани. Но... хм... его ты взять не можешь, он понадобится в Тримандиламе.

— Как раз то, что нужно, — сказал Джориан, — Остальные для сегодняшней переделки не годятся. А вот Порошок Раздора, кажись, мог бы сослужить мне здесь хорошую службу.

— Нет-нет! Я уже говорил, почему не могу...

— Не дашь порошка, не удерешь. Продержу тебя здесь до обеда, а там поднимут мост, и никуда ты не денешься.

— Но... но если ты собираешься ждать, пока поднимут мост, ты-то как же отсюда выберешься?

— Не твоя забота. Отдашь порошок, — можешь идти, но не раньше... что такое?

Глухой металлический звук донесся из-за стены.

— Это гонг, — пискнул Карадур, — он зовет братьев к обеду! Выпусти меня немедленно!

Джориан протянул руку. Буркнув нечто такое, что Джориан — не зная он о непримиримом отношении Карадура к богохульству — принял бы за Мальванские ругательства, колдун вложил пакетик с порошком в ладонь Джориана.

— Передай Штрассо: пусть подгонит шлюпку к берегу и ждет меня, — сказал Джориан и распахнул дверь.

* * *

Все светильники главного зала были зажжены, а в камине потрескивал огонь. Столы сдвинули на середину. В зал один за другим, зевая и потягиваясь, сходились братья; над ними, будто скала, возвышался староста-великан. Стоило Джориану и Карадuru показаться в дверях, как Хуравэла взглянул на Джориана и поклонился.

— Доктор Карадур заболел, — спокойно проговорил Джориан. — Он просит позволения вернуться на корабль, где остались лекарства.

— Не хочет, как хочет, — буркнул Хуравэла. — Капитан вот тоже записку прислал: не могу, мол, участвовать. Гхмф. Некоторые шибко много о себе воображают.

Карадур опрометью бросился к выходу; Джориан взял протянутый ему кубок травяной настойки и стал рассказывать новости из Двенадцати Городов Новарии. У него попытались выведать подноготную бегства ксиларского короля, но Джориан осадил любопытных.

Староста первым занял место за столом, остальные братья последовали его примеру. Компания оказалась не из болтливых: со всех сторон доносилось лишь нечленораздельное ворчание. Однако соседу

Джориана, тощему верзиле с постной физиономией, явно хотелось посплетничать.

— Глянь-ка, — зашептал он, — Мэру старается задеть старосту, а тот и ухом не ведет. Мэру мечтает занять место старосты. Он нам все уши прожужжал: Хуравэла, мол, похож на старый мертвый дуб — с виду могучий, а внутри труха одна. В одном-то он прав: никто не знает, копошатся ли какие-нибудь мысли под благородным лбом нашего старосты, потому как он целыми днями знай ходит по замку, слова из него не вытянешь. И опять же, видишь брата Гоуса в красном тюбане? Он возглавляет третью группировку...

В конце концов Джориану наскучило слушать о бесконечной череде свар и интриг, раздирающих этот замшелый мирок. Он, обычно такой общительный, доедал незатейливый, но сытный обед в полном молчании.

После того как женщины унесли тарелки, протерли столы и вновь разлили по кубкам пиво, голоса зазвучали оживленнее. Сидящий в своем кресле староста Хуравэла подал знак. Несколько братьев встали и вышли из зала. Двое вскоре вернулись; один, осторожно ступая, тащил на могучем плече выкрашенную в красный цвет плаху, другой нес топор. Еще один брат возвратился с перекинутым через руку мотком веревки; на конце болталась петля. Он влез на стол и перекинул веревочный конец с петлей через балку.

— Скажи, любезный, — обратился Джориан к соседу, — братья собираются показать свое умение?

— Ну, конечно, — ответил верзила с постной физиономией. — Я думал, ты знаешь.

— На этих двенадцати рабынях?

— На них! Мы не можем упражняться на свободных людях, таких, как мы сами, это было бы преступлением. Разве мы убийцы?

— Что-то вроде состязания?

— Ага; остальные братья будут оценивать умение и сноровку, проявленные при исполнении казни. Благодарение истинным богам Мальваны, за много лун это первый проблеск, а так здешняя жизнь просто скука смертная.

— Почему участвуют не все?

— Братья отказались выделить деньги на большее число рабов из-за внутренних разногласий. Хуравэла заказал рабов на всю отпущенную сумму, а мы бросили жребий, чтобы выяснить, кому посчастливится участвовать в состязании.

Двое братьев вошли в зал, пошатываясь под тяжестью дыбы. Джориан встал и принялся сверлить глазами Хуравэлу. Когда тот обернулся, Джориан поймал его взгляд и крикнул:

— Мастер Хуравэла, можно я речь скажу?

— Говори! — прорычал староста. — Тихо, свиньи.

— Господа! — начал Джориан. — Позвольте от глубины сердца поблагодарить вас за великолепный обед и роскошную выпивку, какие здесь подавали. Говоря по правде, я так набрался, что едва держусь на ногах. Ежели суждено мне дожить до глубокой старости, я всегда буду вспоминать этот вечер, как одно из чудеснейших событий моей жизни...

— Воду в ступе толчет, — буркнул один из братьев соседу по столу.

Джориан, который все слышал, тем не менее не смутился.

— Поэтому, — продолжал он, — чтобы хоть немного отплатить за это вкуснейшее угощение, мне бы хотелось рассказать вам одну историю.

Братья встрепнулись. Их лица утратили скучающее выражение, в глазах загорелся интерес. Джориан сделал шаг вперед и оказался на пустом пятачке между двумя столами.

* * *

— Эта история, — начал он, — называется Сказка о Зубах Гримнора. По преданию, много веков назад Кортolieй правил король Фузиньян по прозвищу Лис. Ростом он не вышел, зато отличался смышленостью

и веселым нравом. Фузиньян был сыном Филомена Доброхота; он рано взошел на престол и женился на дочери Первого Адмирала Цолон. Цолон, ежели вы знаете, это небольшой остров в Западном океане у берегов Новарии; он считается одним из Двенадцати Городов. Цолон, раз он остров, держава морская; как морская держава он управляется Первым Адмиралом. Так что адмиральская дочка была неплохой партией для короля Кртолии.

Девушка эта по имени Дэнуда отличалась огромным ростом и слыла красавицей. Король Фузиньян влюбился в ее портрет и отправил своего камергера с предложением руки и сердца. Сватовство не вызвало возражений, разве что ростом невеста была вдвое выше любого нормального человека. Сыграли, как положено, пышную свадьбу, и стали молодые жить-поживать да счастья наживать, насколько счастье вообще возможно для королей: они ведь и женятся-то на благо державы.

Вскоре между Кртолией и ее северным соседом Оссарией разразилась война. Все началось с какой-то дурацкой свары из-за клочка земли и, как водится, в недалеком времени обе враждующие стороны принялись швыряться жизнями и деньгами, сотой доли которых эта земля не стоила. Оссария, первой вступившая в войну, выигрывала все сражения. Сперва оссарийцы выбили кртольцев со спорной территории. Потом, когда Фузиньян решил ее отвоевать, в двух больших битвах наголову разбили кртольские войска. Филомен Доброхот — Фузиньянов папаша — был гуманист: спал и видел, чтоб армию сократить, а сбереженные деньги истратить на духовное возрождение подданных, поэтому такой паршивой армии, как кртольская, во всех Двенадцати Городах было не сыскать.

Будь Фузиньян постарше и поопытнее, он бы, конечно, вначале уступил Оссарии, выгадал время, потратил его на укрепление армии, а уж потом отобрал бы землю назад. Но он был молод, горяч и полон романтических представлений о чести, поэтому ввязался в войну, хотя силы оказались явно неравны. Его армия проиграла подряд три сражения. Тут проходит слух, что оссарийцы собираются при первом удобном случае захватить Кртолию, избавиться от Фузиньяна и посадить на его трон какого-то послушного царька.

Фузиньян пришел в отчаяние; взяв с собой несколько приближенных, он отправился к ведьме Гло, что жила в скалистых горах, отделяющих Кртолию от южного соседа — Виндии. Выслушала колдунья его просьбу о помощи и говорит: «Я, конечно дело, патриотка Кртолии, и для Твоего Величества в лепешку расшибусь. Да только как быть с моим дипломом?»

«А? Что такое? — говорит король. — Королевство вот-вот рухнет, а ты лопочешь о каких-то дипломах?» — «Вопрос не праздный, сир, — отвечает Гло. — Знай же, что не по доброй воле я занимаюсь тайной ворожбой. Я трижды обращалась в твой Комитет по делам торговли и лицензиям, и трижды мне давали от ворот поворот. Требовали справку из метурского Лицея или другого какого высшего учебного заведения, либо бумагу, что сдан, мол, экзамен или пройден курс повышения квалификации, и еще всякую дребедень, когда я запросто врачую хворых, вызываю духов, нахожу потерянные предметы и прозреваю будущее на шестьдесят лет!» — «Но при чем тут бедственное положение Кртолии?» — спрашивает король. — «При том, что успех колдовства зависит от состояния ума волшебника. Ежели б только знать, что ты замолвишь словечко своим придирам-чиновникам, чтоб сей же час выдали по всем правилам диплом колдуньи, мне такое наступит облегчение, что шансы на успех сразу повысятся».

Нахмурился король. «Я, — говорит, — не люблю вмешиваться в распоряжения администрации, а тем более оказывать давление на служащих. Но раз такие чрезвычайные события, миндальничать не приходится. Договорились: ежели заклинание подействует, получишь свой диплом, хоть ты даже богов зодиака не знаешь. Прошу тебя, любезная, начинай».

И вот колдунья впала в транс, затряслась, забормотала, заговорила на разные голоса; по стенам пещеры заматались тени, хотя их некому вроде было отбрасывать; высоко над головой появились какие-то полупрозрачные лица; на короля повеяло леденящим холодом — кто знает, что это было: потусторонние силы или он просто сдрейфил. И вот когда король немного оклемался и тени пропали, ведьма говорит:

«Знай, о Король, ты должен убить дракона Гримнора, что спит под горой в девяти лигах отсюда. Потом ты должен вырвать драконьи зубы, все до единого. В ночь на полнолуние ты должен посеять эти зубы в распаханное поле; из зубов вырастет то, что поможет тебе победить Оссарию».

Следуя наставлениям Гло, отправился король Фузиньян на запад и в конце концов подъехал к горе. В лощине у подножия горы была пещера; оттуда слышался драконий храп. Фузиньян опасался, что ни

стрелы, ни копье, ни меч не смогут проткнуть чешую дракона — она, как известно, крепче самых лучших доспехов, и, чтобы дракона убить, надо сперва добраться до его кожи — тем паче, что в самом-то Фузиньяне было росту от горшка два вершка. Ну, короче, отыскивали король и его люди подходящий валун, забили в него железный костыль, а к костылю привязали длинную веревку. Этот валун они подвесили прямо над входом в пещеру Гримнора.

Ну вот, приблизился Фузиньян ко входу и прокричал вызов дракону. Пробудился Гримнор; шипя и извиваясь, стал он выползать из логова. Фузиньян кинулся наутек. Когда из пещеры показались голова и шея дракона, король разрубил веревку. Упал валун прямо на голову Гримнору; треснула она и раскололась пополам. Забился дракон, заметался. Он корчился так, что гора содрогалась, и случился даже небольшой оползень. Однако в конце концов Гримнор затаился и испустил дух.

Фузиньян пересчитал драконьи зубы: их было по сорок семь на каждой стороне челюсти, а всего, значит, сто восемьдесят восемь. Королевский зубодер, которого предусмотрительный Фузиньян взял с собой, вырвал зубы. Король спрятал их в сумку и на ближайшее полнолуние засеял вспаханное поле. Он сеял и сеял — вот так.

Джориан двинулся вдоль столов, показывая, как Фузиньян засеял поле. На самом деле он подбрасывал в воздух щепотки Порошка Раздора, пакетик с которым незаметно зажал в левой руке.

— Как и предсказывала Гло, — продолжал Джориан, — из земли тут же проклюнулись наконецники копий; они тянулись вверх и поблескивали в лунном свете. Затем показались макушки шлемов, и вскоре на поле под лунным светом стояли сто восемьдесят восемь великанов — каждый был ростом восемь футов и вооружен до зубов. «Мы Зубы Гримнора, — громовым голосом сказал самый высокий великан. — Чего тебе надобно, коротышка?» Фузиньян и говорит им, а у самого поджилки трясутся: «Задание вам, о Зубы, такое: разбейте войска Оссарии, что напали на мое прекрасное королевство». «Слушаем и повинемся», — отвечает великан громовым голосом.

Развернулись великаны и строем пошли к оссарийской границе, да так быстро, что король со свитой только их и видели. Делать нечего, вернулся Фузиньян в город Кртолию, чтоб там разузнать, как идут дела. Приехал он в город, а Зубы уж тут как тут: опередили его. Так проучили оссарийцев, что те, кому довелось уцелеть, бежали без оглядки до самого города Оссарии. Потому как у Зубов оказалась такая крепкая кожа, что удары мечей и копий им были, как нам, к примеру, кошачьи царапки.

Итак, два великана у Западных Ворот без возражений пропустили Фузиньяна со свитой. Но войдя во дворец, король остолбенел: огромный Зуб-предводитель сидел на его троне — вернее сказать, на столешнице, положенной на подлокотники, потому как трон был слишком мал, чтоб вместить чудовищную задницу. «О небо и преисподняя, — вскричал Фузиньян, — что ты делаешь в моем кресле?» «Я не в нем, я на нем, — говорит Зуб. — А насчет того, что я здесь делаю, так мы порешили забрать у тебя королевство. И нечему тут удивляться, потому как мы тебя настолько сильнее, что выполнять твои приказы нам просто смешно. Опять-таки, это единственный способ прокормиться: мы ведь перед людьми такие же едоки, как тигры перед синицей. Королеву твою я взял в наложницы, а самого тебя сделаю личным рабом...»

Но Фузиньян, который всегда отличался сообразительностью, опрометью кинулся прочь из тронного зала, ловко увернулся от парочки великанов, хотевших его сцапать, вскочил на коня и, вонзив в него шпоры, как стрела промчался в ворота. Не успели Зубы опомниться, короля и след простыл. Зубы выслали погоню; но хоть они и бегали на своих двоих быстрее коня, Фузиньян лучше знал страну. Петляя, как лисица, удирающая от своры гончих, он добрался до пределов Гованнии.

Фузиньян был когда-то дружен с Наследным Узурпатором Гованнии, но потом Узурпатор отказался поддержать его в войне против Оссарии, хоть до этого и обещал. Теперь стало не до ссоры; слишком тревожную весть нес Фузиньян. Наследный Узурпатор, не будь дураком, поднял армию, чтобы уничтожить Зубы, прежде чем они решат прибрать к рукам его владения, как Кртолию.

Фузиньян тем временем разъезжал по Двенадцати Городам, рассказывая свою историю. Почти везде ему удалось сколотить отряды для освободительной армии, хотя случались и неудачи: ирские Синдики резонно возразили, что война им не по карману; в виндийском Сенате шли бесконечные дебаты — стороны никак не могли прийти к согласию; Тиран Боуктийский вообще заявил, что все это происки Фузиньяна, который, мол, хочет свергнуть свой просвещенный и прогрессивный строй и восстановить

правление угнетателей-мракобесов.

Наконец армия, составленная из отрядов, навербованных по всей Новарии — даже в Оссарии, собралась на границе Гованнии и выступила в Кортوليو. Но увы! Едва завидя силы Зубов Гримнора, армия замерла от ужаса. Часть Зубов скакала на мамонтах, купленных у швенского хана из рода Гендингов. Животин переправили к кортольскому берегу на плотках. Пешие Зубы возглавляли отряды кортольцев, которые так их боялись, что готовы были выполнить любой приказ.

Фузиньян, как умел, подготовился к такому приему. Он знал о небывалой силе великанов, поэтому заранее организовал катапультную батарею: это были громадины на колесах, каких прежде никто не строил. Катапульты с оглушительным грохотом метали тяжеленные каменные ядра — каждое весом в шестьдесят фунтов. Большинство ядер пролетели мимо или угодили в горемык-кортольцев, но одно попало точнехонько в Зуб. Тот легко, словно мячик, поймал ядро и, тщательно прицелившись, метнул его — только с большей силой — туда, откуда оно прилетело. По этой причине ядро поразило Наследного Узурпатора Гованнии, восседавшего на коне в окружении своего войска, и снесло ему шлем вместе с помещавшейся в этом шлеме головой.

На этом сражение и закончилось. Мамонты на флангах замкнули кольцо, и могучая армия Фузиньяна ударилась в паническое бегство; среди обезумевшей толпы бродили и скакали Зубы Гримнора, с увлечением, будто охотились на клопов, добывая вопящих от ужаса людей своими гигантскими колотушками.

Несколько месяцев о Фузиньяне ничего не было слышно; правда, кое-кто вроде бы видел его на окраинах Кортории — король появлялся и исчезал, как призрак, — но слухи были недостоверные. В конце концов он разыскал пещеру ведьмы Гло.

«А, король, — говорит она, помешивая в котле. — Как там насчет моего диплома?» — «Я этот диплом тебе в задницу засуну, любезная, — молвит Фузиньян. — Микстура, что ты прописала, оказалась хуже болезни». «Сам виноват, мальчуган, — отвечает ведьма. — Ты, когда Зубам приказы раздавал, запомнил сказать, что, мол, как оссарийцев побьете, пропадите пропадом, либо там в драконьи зубы снова обратитесь. А так они твое приказание исполнили, ну, и освободились». — «Да откуда я знал, провались ты в сорок девять Мальванских преисподних? — вопит король. — Ты ж мне не сказала!» — «С какой стати я буду говорить? — возражает старуха. — Ты, болтают, самый-рассамый ушлый король; вот я и решила, мол, своим умом дойдет, без подсказок».

Тут они принялись друг на дружку орать да кулаками размахивать — что королю и вовсе не пристало — пока не выдохлись оба.

«Ладно, — говорит Гло, — сказали и забыли; пора о деле подумать. Тебе, небось, снова помощь нужна?»

Фузиньян что-то буркнул себе под нос, что, мол, чертовы бабы, слова путного от них не добьешься, но вслух говорит: «Нужна; но Зеватас сохрани, ежели а на этот раз сорвется! Чудища дочиста обожрали мое королевство, а уж о таких пустяках, как жены, которых они забрали у всех вельмож и у меня в придачу, я и не говорю». — «Нутро у них драконье, потому и жрут много, — молвит Гло. — Так вот, знаю я одно заклинание: могу скликать войско летучих демонов из Шестой Реальности. Заклинание очень трудное и опасное. К тому же нужна человеческая жертва. Кого тебе не жалко?»

Король оглядел свиту; при этом каждый член свиты испытал жгучее желание сделаться невидимкой. Но один из них в конце концов решился. «О король, — сказал он, — возьмите меня. Врач уверяет, что с таким больным сердцем я все равно долго не протяну». — «Благородная речь! — вскричал Фузиньян. — Как отвоюю королевство, будет тебе памятник». И, скажу по справедливости, как обещал, так и сделал: этот памятник и по сей час в городе Кортории стоит.

«Начинай, любезная», — молвил король. — «Минутку, сир, — отвечает Гло. — Чтобы прийти в нужное настроение и без ошибки произнести заклинание, я бы хотела еще кое-что получить». — «Опять двадцать пять, — говорит Фузиньян. — Что на этот раз?» — «Мне мало диплома волшебницы, хочу должность придворной колдуньи».

Поцапались они, но под конец Фузиньян сдался — выбора у него не было. Старуха произнесла

заклинание. Луна покраснела, как кровь, земля содрогнулась, леса огласились ужасными воплями, и с неба посыпались несметные полчища демонов — человекоящеров с перепончатыми крыльями за спиной, готовых сразиться с Зубами Гримнора.

Но когда демон или какой другой дух принимает реальное обличье, он становится так же уязвим, как существа из плоти и крови. Зубы чуть со смеху не лопнули; они хватали демонов прямо в воздухе и раздирали в клочья — как сорванцы, что крылья у бабочек отрывают. Уцелевшие демоны бежали в свою Шестую Реальность; их и по сей день никакими коврижками обратно не заманишь.

Фузиньян, с которого было довольно Гло и ее заклинаний, снова исчез. Хотя время от времени он будто бы появлялся то здесь, то там в залатанных обносках — потому что в каждом из Двенадцати Городов у него находились друзья и тайные сторонники. Однажды он забрел на метурский рынок и увидел, как шайка мальчишек совершила набег на лавку зеленщика; они расхватили с прилавка фрукты и разбежались, прежде чем несчастный торговец успел позвать на помощь. В этом происшествии Фузиньяна поразила одна деталь: зеленщик был так неимоверно толст, что не мог даже вовремя протиснуться в дверь лавки и кликнуть кого-нибудь на выручку.

Размышляя о толстом зеленщике, король вдруг припомнил слухи об ужасной прожорливости Зубов. Вскоре Безликая Пятерка правителей Метура попросила у Фузиньяна совета — Зубы прислали из Кортोलии требование выплатить дань. Фузиньян оглядел пятерых правителей в черных масках. «Пошлите им, — говорит, — то, что просят, и еще столько же». — «С ума ты сошел! — вскричал один из Пятерки. — Это нас по миру пустит!» — «Вы же собрали большой урожай?» — спрашивает Фузиньян. — «Собрали; ну и что?» — «А то; пошлите, сколько я сказал, только не деньгами, а провиантом. Сейчас объясню...»

И стал Фузиньян ездить из города в город, растолковывая свой план. Продовольствие на скрипучих, запряженных волами телегах рекой потекло в Кортолию. Так продолжалось без малого полгода. Ежели в каком-нибудь из Двенадцати Городов не хватало провизии, он занимал денег, чтоб прикупить недостающее в другом новаррском городе или даже в Швении и Мальване.

Наконец настал день, когда король Фузиньян во главе армии въехал в Кортолию: Зубы так растолстели, что с трудом передвигались; они беспомощно хлопали глазами и изрыгали тщетные угрозы. И, поскольку кожа у Зубов была такая крепкая, что человечье оружие лишь царапало ее, кортольцы толстыми цепями приковали великанов к огромным глыбам оттоманьского гранита, отбуксировали далеко в море и перевернули плоты. Вот так закончилась эта история.

То есть почти закончилась. Фузиньян торжественно воссоединился с королевой, любимой Дэнудой. Но порой, окончив любиться, король замечал в ее глазах какое-то непонятное выражение — то ли досада в них мелькала, то ли королева сравнивала мужа с кем-то, причем сравнение выходило не в его пользу. Однажды во время ссоры Дэнуда обозвала его недомерком. С тех пор Фузиньян не покидала мысль, что при всех недостатках Зуба, который одалживал Дэнуду, великан, в отличие от него самого, явно обладал выдающимися способностями. Однако Фузиньян был по натуре философ и принимал вещи такими, каковы они есть. Мораль: хочешь извести кошку, корми ее маслом; способ, может, и мудреный, но, на худой конец, и он сойдет.

* * *

Джориан вставил отмычку в замок и, немного повозившись, распахнул дверь погреба, где томились рабыни. Девушки бросились к нему; Мневис повисла на шее и осыпала лицо поцелуями.

— Э-эй, красотки, полегче, — сказал Джориан. — Я вас отсюда выведу, но чтоб была полная тишина. Никаких разговоров, шепотков, смешков, хаханек, визгов и прочее! Пошли. Держитесь за мной, ежели что — подам сигнал. Ну, двинули потихоньку.

Двенадцать рабынь на цыпочках последовали за ним по коридору. У первой же запертой двери Джориан остановился, вскрыл отмычкой висячий замок и вошел внутрь. Беглый осмотр показал, что эта комната — склад сельскохозяйственных орудий. Второе хранилище было завалено теплой одеждой: валенками, шерстяными плащами и шубами из овчины.

На полках третьего хранилища выстроился ровный ряд каких-то предметов, поблескивающих в

темноте; вдоль стен тянулись сундуки.

— Как раз то, — сказал Джориан, — что я искал. Девушки, принесите кто-нибудь свечку из коридора. Глядите, чтоб не погасла. Ах!

Девушки хором ахнули вслед за Джорианом; они попали в сокровищницу братства. Предметы на полках осветились — это были изукрашенные драгоценными камнями золотые и серебряные кубки, картины в обрамлении из драгоценных камней, золотые подсвечники, светильники и еще множество таких же денных вещей. В сундуках, как Джориан, поковырявшись отмычкой в замке, вскоре убедился, хранились деньги и драгоценности. Должно быть, некоторые братья скопили изрядное богатство — на взятках, как подозревал Джориан, которые давали узники, чтобы избежать лишних мучений.

Джориан снял пояс и до отказа набил его Мальванскими золотыми монетами. Он не стал тратить время на подсчеты, в пояс поместилось явно больше сотни крон. Рабыням Джориан отсыпал по пригоршне золота, наказав запрятать подальше, чтоб не звенело. Покопавшись на полках и в сундуках, он выбрал несколько симпатичных безделушек: изукрашенную камнями золотую чашу, кулон из драгоценных камней и с десятков колец и браслетов. Все это Джориан тоже передал девушкам.

— Теперь пошли, — скомандовал он. — Поднимемся вон по той лестнице, но не до конца. Затушите свечу.

Во главе маленькой процессии Джориан стал на цыпочках подниматься по лестнице, ведущей в главный зал; он дошел до ступеньки, с которой был виден зал, и, стараясь держаться в тени, стал молча наблюдать за происходящим.

В зале уже не разговаривали, а орали. Братья ожесточенно спорили друг с другом; каждый норовил грохнуть по столу, припечатать ладонь кулаком и помахать пальцем перед носом соседа. За время Джорианова отсутствия в зале появилось еще несколько орудий казни. Пока Джориан прятался в тени лестницы, двое братьев принесли складной горн и набор железных щипцов. Они установили горн; первый брат принялся разводить в нем огонь, поджигая уголь растопкой, второй ввязался в яростную перепалку.

Внимание Джориана привлек нарастающий шум: один брат только что выплеснул пиво в лицо другому. Пострадавший с яростным воплем запустил кружкой в голову обидчику и выхватил кинжал. Тот отступил на пятак между столами, где были сложены орудия казни. Он выдернул из плахи топор и в тот момент, когда противник бросился на него с занесенным кинжалом, обрушил топор на голову нападавшего, надвое раскроив череп.

Зал словно взорвался. Куда ни глянь, обезумевшие братья, хватая любое, что попадет под руку, наступали друг на друга. Все подходящие орудия — топоры, мечи, ножи и даже кувалда для колесования преступников — расхватили в минуту. Пол и стены были забрызганы кровью и мозгом, повсюду валялись трупы. Сцепившись клубком, люди катались по полу, нанося ножевые удары, кусаясь, царапаясь. Шум перерос в оглушительный гвалт.

Джориан кивнул рабыням и, обнажив меч, стал подниматься по ступенькам. Войдя в зал, они двинулись вдоль стены, стараясь не выходить из тени. На полпути к вестибюлю, за которым находилась входная дверь, Джориан остановился и знаком велел девушкам идти вперед.

В этот момент от кровавого побоища в зале отделилась какая-то фигура и бегом кинулась к нему, размахивая двуручным мечом. Это был Мэру, давешний экскурсовод. Кровь из раны на лбу заливала его лицо, глаза дико сверкали.

— Дуйте к мосткам и просигнальте шлюпке. Я догоню, — бросил рабыням Джориан и приготовился встретить говорливого брата.

— Твоих рук дело, колдун проклятый! — выкрикнул Мэру, нацелившись одним ударом снести Джориану голову.

Джориан с лязгом отбил нападение, затем еще и еще. Удары сыпались один за другим, не оставляя времени для атаки. Мэру, хотя и был ниже ростом, с такой легкостью размахивал тяжелым мечом, будто он сделан из бумаги; к тому же длина меча не давала возможности завязать ближний бой. Джориан пытался отражать удары по касательной, чтобы клинок палача соскальзывал с его меча, но натиск был так

силен, что немела рука.

Мало-помалу палач вытеснил Джориана в вестибюль, а потом под арку с опускающей решеткой. Джориан продолжал отбивать удары направо и налево, измеряя таким образом расстояние от стены до стены. Наконец он выскочил на настил подъемного моста, который, вопреки заведенному распорядку, был опущен, хотя уже наступила темнота.

Здесь Джориан остановился. Мэру все еще нападал, но, как видно, из последних сил: движения замедлились, он задыхался. Джориан изобразил улыбку.

— Чего не дерешься-то, — выкрикнул он, — все мечтаешь, как бы сестренку свою обрюхатить?

Для Мальванца это было несмыслимое оскорбление. Мэру, издав пронзительный вопль, размахнулся, чтобы одним страшным ударом разрубить Джориана пополам.

Однако проход под аркой был слишком узок для такого маневра. Поэтому острие длинного клинка врезалось в стену; посыпались искры, меч намертво застрял в каменной кладке. Джориан метнулся вперед и, вложив в удар всю силу, рубанул палача по шее своим Рандиром. Голова Мэру слетела с плеч, из раны фонтаном хлынула кровь. Тело свалилось на землю; голова отлетела в сторону и покатилась.

Джориан обтер меч и вложил его в ножны. Он подбежал к вороту, с помощью которого можно было управлять мостом и, навалившись всем телом, несколько раз провернул рукоятку. Что-то звякнуло — это под тяжестью невидимой бочки с водой вдруг подалось и закрутилось колесо. Мост пошел вверх; угол подъема становился все круче. Джориан взбежал по настилу, спрыгнул на тропинку и понесся к мосткам.

* * *

— Десять тысяч чертей! — взревел капитан Штрассо. — Мастер Мальто, что происходит?

— Я уже докладывал, любезный капитан: они отказались принять груз. Вроде бы как жены заартачились. Мы препирались до бесконечности. Я им, мол, сделка есть сделка, а они говорят: «Будь мы прокляты, ежели заплатим за товар, в каком не нуждаемся». Под конец они сдались и расплатились сполна. Вот девяносто семь крон для Белиуса; очень прошу их ему передать, когда вернешься в Виндию, потому что мы с доктором Карадуром хотим сойти в Янарете. Так как братьям девочки не нужны, они меня подрядили продать их в Янарете; четвертая часть причитается мне за комиссию, а остальные деньги ты передашь им на обратном пути.

— М-мп. Так ты в расчете с Замком Топора?

— Ага. Готов отплыть, когда пожелаешь.

— Ну, значит, снимаемся с якоря и уходим. Мои молодцы боятся привидений; они, говорят, водятся на острове. К тому ж ночью меньше шансов нарваться на пиратов. При такой луне с пути не собьемся.

Позднее, уже в каюте, Карадур сказал:

— Позор на мою голову, буду постыться, чтобы искупить свою сегодняшнюю трусость на берегу.

— Можешь не убиваться, доктор, — заметил Джориан. — Дело так обернулось, что, когда началась бойня, ты б только под ногами путался.

— Сынок, что произошло?

Джориан, усевшись на койку и старательно затачивая клинок Рандира в тех местах, где от ударов меча Мэру появились щербины и зазубрины, подробно рассказал свою историю.

Карадур:

— Как, сперва ты заморочил голову капитану Штрассо, а потом вернул ему деньги Белиуса? Почему было не послать девушек назад в Виндию, а золото оставить себе? При подобных обстоятельствах вряд ли это можно назвать кражей.

— У меня на них другие планы. К тому же мы снова разбогатели. Я из сундуков братства выгреб гораздо больше, чем стоят девчонки; держи свою долю. И потом, красотки мне нужнее золота.

— Как тебе вообще удалось сбежать из замка, ведь мост-то поднят?

— Мост был опущен. Я сдвинул рычаг контрольного механизма, и мост поднялся не на закате, а после Полночи. А теперь спать: тяжелый выдался денек.

Карадур с нежностью оглядел своего юного друга.

— Джориан, помнишь, ты как-то рассказывал о предсказании ведьмы: суждено, мол, тебе стать королем или бродягой?

— Ага, и что с того? Попробовал я королевской жизни — больше не хочу.

— Боюсь, и для бродячей доли ты тоже не годишься.

— Почему это?

— Для бродяги в тебе недостает жестокости и себялюбия. Настоящий бродяга — навидался с этих молодцов — обязательно прикарманил бы золото Белиуса, а чтоб спасти наших девиц, он бы и пальцем не шевельнул — особенно, если б ему угрожала опасность. И это подводит нас к великому нравственному вопросу, который вот уже тысячи лет ставит в тупик умнейших философов Мальваны: что есть добродетель? По утверждению одних...

Но Джориан уже спал беспробудным сном.

Глава 5

Крылатый трон

В самом центре глубоко вдающейся в берег бухты, по изумрудной воде которой ветер гнал белые барашки волн, в устье полноводной Бхармы раскинулся под палящим солнцем город Янарет. Белые дома с красными черепичными кровлями, утопая в нефритовой зелени пальм и сумрачной тени кипарисов, террасами поднимались по склону горы. Над городом голубел небесный шатер; по небу бежали белые облачка. Лоцманский катер, полоща по ветру развевающимся на мачте голубым янаретским флагом с изображением русалки и подпрыгивая на легких волнах, вел «Таларис» к проходу во внутреннюю гавань.

В гавани стояли на якоре или швартовались к причалам иноземные суда. Здесь были нарядные крутобокие парусники из Виндии, Кортोलии, Оссарии и Тарксии. Здесь были беспалубники с северного берега Швении — такие корабли имели всего один прямоугольный парус и высоко задранные нос и корму, отчего походили на увеличенные во много раз каноэ. Здесь было несколько черных боевых галер Янарета — длинных, приземистых, смертоносных. Здесь был Даже огромный трехмачтовик с Салиморовых островов, что лежат далеко в Восточном океане, — с высокими бортами, круто обрубленной кормой и хлопающими по ветру желтыми парусами.

Шел первый день месяца Волка. Джориан, который стоял, опершись на леер и угрюмо разглядывал корабли, вдруг шумно вздохнул.

— Наконец-то мы снова в цивилизованной стране! — воскликнул стоявший за его спиной Карадур. — Что же ты вздыхаешь?

— По женам заскучал. Нет, не то говорю. По одной скучаю: по Эстрильдис, златовласой малышке. Остальные — девочки что надо и в постели забавные, но она единственная, кого я сам себе выбрал.

— Как это случилось?

— Она была деревенской девчонкой, с которой я в Кортोलии любовь крутил, когда фермер Оннус, хорошенько не подумав, решил меня отлупить и подстерегал целый день. А на третий год, как я стал королем, вдруг узнаю, что она все еще в девках ходит, ну, и подал ей весточку. Ежели б я был сказочный герой, я бы прискакал в Кортолию на коне и забрал ее, но я не мог: Королевская гвардия нипочем бы меня из Ксилара не выпустила. Только мы все равно соединились. Когда-нибудь я вернусь в Ксилар и увезу ее.

— Если ксиларцы не расторгли ваш брак и она не вышла за другого.

— Я все одно ее увезу, лишь бы захотела. Она у меня всегда была любимицей. Я, чтоб мир в семье сохранить, старался виду не подавать, да куда там, шила в мешке не утаишь.

Сам знаешь, доктор, многие хотели бы иметь такой гарем, как у меня; но я тебе расскажу, что на самом деле получается. Когда дамы бранятся — все они время от времени затевают свары, — мужу приходится вмешиваться в перепалку, судить да мирить. Когда они живут в согласии — что тоже случается — они берутся за беднягу всем скопом и вертят им, как хотят. И муж должен быть все время начеку, чтоб какая-нибудь из жен не вообразила, будто ее меньше ублажают, чем прочих. Не то горе ему! Ругань, слезы, жалобы; старые грехи тебе припомнит... Не-ет уж, ежели только сбудется моя скромная мечта: стану уважаемым ремесленником, домом своим обзаведусь — хватит с меня одной жены. Да мне бы и сейчас жена не помешала, по правде говоря.

— Разве ты не... мм... не развлекался с девушками Белиуса?

— Нет, хотя кто знает, как долго я смогу удержаться на стезе добродетели; уж больно непривычно. С тех пор, как распрощался в Оттомани с той сумасшедшей девкой — Ванорой, — у меня ни одной женщины не было.

— Воздержание, сын мой, делает честь твоей нравственности.

— Ой, да засунь себе в задницу эту нравственность! Я к бедным малышам не пристаю, потому как считаю за подлость воспользоваться их бесправным положением. Они даже отказать не могут, раз я,

можно сказать, получил их в наследство от братьев Реннум Кезимара.

— А что это за таинственный план с их участием?

Джориан подмигнул.

— Я целых четыре дня держал свой болтливый рот на замке, хоть меня так и подмывало поделиться своим чудесным проектом. Все боялся, что разболтаюсь, а Штрассо либо кто другой из команды подслушает. Как только наш добрый капитан отчалит назад в Виндию, я, святой отец, с превеликим удовольствием поведаю тебе свой план.

Матросы, спустив рею на кормовой брештук, убрали парус. Капитан Штрассо переругивался со шкипером буксирной баржи; буксир, управляемый десятком здоровенных гребцов, толкал «Таларис», нос которого был для верности обмотан канатами, направляя корабль к стоянке у одного из причалов.

Как только «Таларис» осторожно подтянули за веревки к причалу и закрепили швартовы, на борт вскарабкались два чиновника. Один взял в оборот капитана Штрассо, делая пометки в декларации; другой сновал по судну: он спрашивал у Джориана и Карадура, как их зовут, спускался в трюм и снова вылезал на палубу, вполголоса совещался с напарником. К тому времени, когда дознание закончилось и чиновники отбыли, на берегу у причала собралась целая толпа зазывал, сводников, разносчиков, нищих, носильщиков, погонщиков ослов и доморощенных проводников, орущих наперебой:

— Посетите, господа хорошие, трактир; здесь самые крепкие вина, самая громкая музыка и самые голые танцовщицы во всем Янарете...

— ...моя прелестная, чистая сестра...

— ...осмотреть недавно обнаруженное захоронение полубога Птероана, развалины Храма Змей-богов и другие поразительные чудеса глубокой древности...

— Подайте несчастному горемыке!

— Купите мои амулеты: верное средство от сифилиса, лихорадки и сглаза...

— На постоялом дворе Симхи такая чистота, что со времен Гиша Великого там не было поймано ни одного клопа...

Придав лицу самое неприступное выражение — когда он был королем Ксилара, это помогало отпугивать надоедливых просителей, — Джориан сошел на дощатый помост причала.

— Любезный, — обратился он к зазывале с постоялого двора Симхи, — я сопровождаю двенадцать знатных дам, которые инкогнито едут в Тримандилам. Дней пять они проведут в Янарете. Смогут они разместиться на твоём подворье с удобствами, приличными их положению?

— О мой господин! Ну конечно, мой господин! — зазывала, молитвенно сложив руки, все кланялся и; кланялся как заведенный. — Умоляю, не откажите осчастливить своим посещением наше почтенное заведение...

— Твое представление впечатляет куда больше твоих посулов, — сказал Джориан, холодно разглядывая зазывалу. — Отбери несколько носильщиков, чтоб были сильные и не шибко воображали — четырех довольно. Почем нынче носильщик?..

Янаретскую набережную заполняла пестрая разноязыкая толпа. Здесь можно было встретить новарцев в коротких туниках и облегающих штанах до колен;

Мальванцев в тюрбанах и юбках — или шароварах — из яркого шелка; погонщиков верблюдов из пустыни Федиран в коричневых балахонах и белоснежных бурнуссах; высоких швенских мореходов с прямыми светлыми волосами, в одеяниях из овчины и грубой некрашеной шерсти; узкоглазых и плосколицых жителей далеких Салиморовых островов. Там можно было встретить человекоподобных невольников из джунглей Комилакха, которых водили на веревке. Там можно было встретить даже людей, внешность которых казалась настолько необычной, что Джориан затруднился бы сказать, откуда они родом.

Несмотря на то, что Янарет платил дань царю Мальваны, он сохранил самоуправление и по-прежнему

считался свободным городом. Жестокие столкновения, время от времени вспыхивающие между группировками, давали Великому Государю достаточно поводов для захвата власти, однако царь Шайю не спешил предпринимать подобные шаги. Во-первых, группировки бы тотчас объединились и оказали яростное сопротивление. Во-вторых, консервативные Мальванцы относились к большому торговому порту как к неизбежному злу: он был выгодным в коммерческом отношении, но отвратительным местом, так как населявшая его разношерстная публика состояла сплошь из одних богомерзких чужестранцев. Существование Янарета вполне устраивало Мальванцев, но их устраивало и то, что город не входит в состав огромного, тщательно отлаженного имперского механизма.

— Поберегись! К стене! — оборотаясь через плечо, крикнул вдруг зазывала.

Джориан и его спутники отскочили в сторону, мимо пронеслась кавалькада. Первым скакал Мальванец, закутанный в алые шелка; тюрбан надо лбом украшала веточка сливы, усыпанная драгоценными камнями. За ним, бряцая шпорами, мчался отряд всадников в остроконечных посеребренных железных шлемах. Всадники были вооружены легкими пиками и маленькими круглыми щитами.

— Местный помещик, — пропустив всадников, пояснил зазывала. — Эти землевладельцы вечно не мытьем, так катаньем пытаются втереться в городской совет — хотят со временем прибрать Янарет к рукам — даром что сами живут в горах, а сюда наезжают прикупить чего, либо к проституткам.

Зазывала в сердцах сплюнул.

* * *

На следующий день, в полдень, когда Джориан завтракал, в закусочную подворья Симхи зашел капитан Штрассо.

— Славный мастер Мальто! — сказал капитан. — Оракул обещает на ближайшие пять дней ясную погоду, а мне удалось подыскать подходящий товар для Виндии, осталось только погрузить. Так что завтра утром «Таларис» уходит в последний рейс. Других не будет в этом году.

— Прекрасно, — отозвался Джориан.

— Да, но как быть с деньгами для братьев? Ты уже продал девок, чтоб я мог забрать выручку?

— Нет, не продал; спешить некуда.

Штрассо насупился.

— Это почему же?

— Я, конечно дело, хочу выручить за них побольше — чем выше цена, тем больше мои комиссионные. Ну, и вот я нанял человека, какой знает толк в этих делах и сделает из девушек первостатейных горничных. На учебу, может, месяц уйдет.

— Как же я смогу передать деньги?

— Знаешь в Янарите какого-нибудь честного банкира?

— О, конечно! Лично я держу деньги у «Юджея и Сыновей». Юджею, кажись, можно доверять, даром что он мальванец.

— Тогда сведи меня с ним. Я, как распродам товар, помещу у него деньги, а ты первым весенним рейсом их заберешь.

Штрассо хлопнул Джориана по спине.

— Здорово придумал! А вдруг братья рассердятся на задержку?

— Навряд ли, судя по тому, как они себя вели, когда мы в последний раз виделись. Сейчас прикончу жратву и двину в Юджеево логово.

Джориан побывал у банкира Юджея, распрощался с капитаном Штрассо и вернулся на подворье Симхи.

Он сразу же поднялся в комнаты, отведенные двенадцати рабыням.

Там находился человек, готовивший девушек к роли, для которой предназначал их Джориан. Мужчина этот, хоть годы и сгорбили его некогда прямую спину, ростом превосходил даже Джориана. У него было красивое, с крупными чертами лицо и грива седых волос. Пронзительные серые глаза и властные, благородные манеры тотчас привлекали взоры всех, кто оказывался с ним в одной комнате. Глубоким раскатистым голосом он давал указания Мневис, которая прохаживалась взад-вперед по комнате; остальные рабыни сидели вокруг, похваливая друг перед дружкой чудесными новыми нарядами.

— Запомни! — говорил наставник. — Ты королева. Ты всегда помнишь о своем сане и о том, что твое положение ставит тебя гораздо выше тех, кто тебя окружает. В то же время ты доброжелательна и ни в коем случае не показываешь превосходства — разве что кто-нибудь из них позволит себе неуместную фамильярность. Чтобы точно изобразить это сочетание величавости и простоты, от актера требуется истинное мастерство.

Помню, когда ставили «Фальшивую Корону» Физо, я играл короля Мэгониуса в паре с великой Джанорией — она именно так вела роль, — он вздохнул и сокрушенно покачал головой. — Другой Джанории уже не будет, пусть она за кулисами и швырялась иногда в коллег-актеров чем ни попадя... Приветствую, мастер Джориан. Я, как видите, стараюсь следовать вашим указаниям. Итак, продолжим, госпожа Мневис, — я оговорился, королева Мневис, — пройдишь-ка еще разок.

Джориан наблюдал за обучением, когда в дверь постучал Карадур.

— Я искал тебя, сын мой, — сказал он, на цыпочках входя в комнату. — Засиделся в библиотеке Храма Нарцеса и... уф... так увлекся, что позабыл о завтраке. Потом я повстречал Штрассо, и он сказал, что ты вернулся на подворье. Что здесь происходит?

Джориан:

— Доктор Карадур, позволь представить тебе мастера Псэллеса из Оссарии — красу и гордость новарской сцены; сейчас он переживает некоторые... мм... временные затруднения. Я нанял его для обучения девушек.

— Не похоже, чтобы из них делали горничных, как уверял Штрассо.

— О-ля-ля, — подмигнул Джориан, — это и есть тот план, про какой я обещался тебе рассказать. Чтобы ты знал, они никакие не горничные. Это — Мневис, королева Альгарта, и одиннадцать ее высокородных фрейлин.

— Но... но ты же сам говорил в Ксиларе, что Альгарт — просто пиратское гнездо! Откуда там королева?

— Мневис, расскажи доктору, кто ты и зачем пожаловала.

— О мудрец, — царственным голосом заговорила Мневис, — знай же, что мы — вдова короля Зрели Мневис — являемся законной королевой Альгарта, архипелага на западном побережье Швении, далеко к северу от Двенадцати Городов. Вот уже несколько лет, как пираты, о которых вы говорили, на потребу своим злодейским замыслам отвоевали наши острова, убили нашего мужа-короля, захватили нас в плен и заставили играть роль королевы-марионетки, которая ничего не решает.

Недавно с помощью верных людей — кровавые разбойники обратили их в рабство — мы с нашими фрейлинами бежали с Альгарта. Прослышав, что нет в целом мире правителя могущественнее и справедливее Великого Государя Мальваны, мы прибыли сюда молить Его Величество, чтоб он помог нам вернуть наш законный трон.

Джориан захлопал в ладоши.

— Прекрасно! Артистка из тебя выйдет первый сорт, — он обернулся к Карадuru. — Может, придумаешь способ получше, чтобы втереться в милость к этим зазнайкам — царедворцам тримандиламский? Они простых чужестранцев за грязь почитают.

Карадур горестно замотал головой.

— Не знаю я... не знаю. Сынок, когда ты обрушиваешь на мою голову свои безумные идеи... Но ведь

обман сразу раскроется, разве не так?

— Не думаю. Мальванцы слыхом не слыхивали ни о каком Альгарт.

— Ну а ты?

— Я теперь Джориан из Кртолии, ихний доверенный слуга. Я буду все время при них, потому как красотики по-мальвански ни гугу.

— Что если царь Шайю скажет: «Хорошо, вы получите необходимую помощь». Что тогда?

— У нашей королевы будут такие непомерные требования, что этого не случится. Как Шайю может послать флот и армию в Альгарт, когда у Мальваны нет ни одного порта в Западном океане? Чтоб выйти к морю, им потребуется пересечь пустыню Федиран, либо земли Двенадцати Городов, либо швенские степи; где они, спрашивается, возьмут корабли для переправки в Альгарт? Это же просто глупо, сразу видать. А ежели маленько преувеличить и ввернуть про суровый северный климат Альгарта, ни один мальванец, буде он как настоящий странствующий рыцарь решится сопровождать дам, носу туда сунуть не посмеет.

Карадур снова покачал головой.

— Сдается, сынок, я поторопился, когда сказал, что ты не рожден для жизни искателя приключений. Но скажи, разве не опасно действовать под своим настоящим именем?

— Думаю, нет. Тримандилам так далеко от Ксилара, что слухи о ксиларских событиях туда не дойдут. И вообще, беда с этими чужими именами: ко мне обращаются, а я и ухом не веду, будто глухой. К тому же мое имя вовсе не редкость, в Кртолии немало Джорианов. Вот назовись я «Джориан из Ардамэ», тут мне и конец: Ардамэ городишко крохотный.

— Пусть будет так, да не оставят тебя боги Новарии и Мальваны.

* * *

Река Бхарма, извиваясь, бежала по дну Пушканова ущелья в восточных отрогах Козьей Кручи, которая в этих местах переходила в цепь поросших лесом холмов. Кораблик «Джхиму» шел под парусом вверх по реке; там, где дно ущелья, изгибаясь, пересекали огромные излучины и течение становилось таким быстрым, что парус не мог помочь, «Джхиму» тащила большие черные буйволы.

По обе стороны в небо вздымались крутые, темно-зеленые склоны, на первый взгляд совершенно необитаемые; лишь изредка можно было заметить струйку голубоватого дыма над делянкой лесоруба да парящего в вышине и похожего с земли на черную соринку в синеве неба стервятника. Однако по ночам до слуха путешественников порой доносился рык тигра или трубный глас дикого слона.

В промежутках между излучинами русло выпрямлялось, течение становилось не таким бурным, и река катила свои воды меж холмов, которые с востока и запада уступами поднимались к лесистым плато. В некоторых местах русло расширялось и Бхарма превращалась в болотину — излюбленное лежбище бегемотов: из-под воды торчали лишь уши, глаза и ноздри. Ночью, похрюкивая и отфыркиваясь, стадо выбиралось на берег пощипать траву или совершить набег на поля мальванских крестьян.

Время от времени к берегу приближались дороги. По этим дорогам беспрерывно двигались мальванцы: порой одинокий путник, а порой и толпа в пятьдесят-сто человек. Здесь можно было встретить проповедников, паломников, торговцев с вьючными животными, крестьян, везущих на рынок продукты, отряды бренчащих амуницией солдат и путешественников всех сортов и мастей. Люди шли пешком, ехали на ослах, тряслись в экипажах и повозках, запряженных волами, скакали верхом — на лошадях, верблюдах и даже на слонах.

Чуть ли не через каждую лигу «Джхиму» проплывал мимо святилища одного из многочисленных мальванских богов. Храм мог строиться в виде купола, цилиндра, конуса, куба, пирамиды или конического шпиля: у каждого бога был свой излюбленный архитектурный стиль. Храмы украшала тщательно выполненная резьба. Эротическая скульптура, густо покрывающая стены храма Лаксары — богини любви и ненависти, который Джориан с Карадуром осматривали во время стоянки, вогнала Карадура в такое смущение, что старый колдун боялся поднять глаза. Джориан, уперев руки в боки и ухмыляясь в бороду,

внимательно рассматривал горельефы.

— Клянусь медными причиндалами Имбала! — вдруг рявкнул он. — В жизни б не подумал, что для этого существует столько позиций!

Одни храмы лежали в развалинах, другие явно посещались верующими. Ночью вокруг этих капищ разливался желтоватый отблеск зажженных светильников, и до путешественников долетали звуки музыки и пения, порой тихие и торжественные, порой быстрые и бравурные.

Пассажиры «Джхиму» предавались мирным занятиям: Карадур изучал волшебный пергамент, который ему посчастливилось купить в Янарете, а Джориан репетировал с девушками их новые роли. Через шесть дней после отплытия из Янарета «Джхиму» достиг слияния Бхармы и Пеннерата. На месте слияния двух рек высился на девяти холмах огромный город Тримандилам, окруженный массивной стеной из черного базальта. Поверх стены путешественникам были видны холмы, на вершинах которых блистали выстроенные из мрамора и белого алебаstra дворцы и храмы; их вызолоченные черепичные кровли горели на солнце. У подножия этих великолепных строений гнездились тысячи грязновато-коричневых глинобитных домишек простолюдинов.

Стоило «Джхиму» причалить, как девушки, переполненные радостным возбуждением, собрались выскочить на берег. Но Джориан строгим окриком приказал им вернуться.

— Королевам и их фрейлинам не полагается разгуливать по незнакомому городу без свиты, — сказал он рабыням. — Обождите здесь, а я позабочусь, чтобы у вас появилась свита, достойная вашей знатности.

Джориан удалился, предоставив капитану «Джхиму» самому объясняться с чиновником из города, а девушкам разглядывать темнокожую толпу, запрудившую набережную. Население Тримандилама, в отличие от янаретского, было совершенно однородным. Здешние жители ростом были ниже новарцев, их отличала смуглая кожа и черные — прямые или курчавые — волосы. Почти все ходили босиком. Одеждой для обоих полов служили в основном длинные юбки, свободное полотнище которых мужчины, как правило, пропускали между ног и подтыкали на талии, отчего получалась просторная набедренная повязка. Ни мужчины, ни женщины не прикрывали груди, подставляя обнаженные тела благоухающему ветерку. Все жители, за исключением самых бедных, носили множество украшений: бусы и жемчужные ожерелья, браслеты, ножные цепочки, обручи, серьги, кольца на руках, в носу и на пальцах ног.

Через час Джориан вернулся, сидя верхом на рослом костистом чало-гнедом жеребце; за ним следовал отряд копьеносцев в остроконечных шлемах и бряцающих доспехах. Процессию замыкали три огромных слона: головы их были ярко раскрашены, на спинах красовались седла под балдахинами, а юбки погонщиков окаймляла золотая парча.

Джориан соскочил с коня и низко склонился перед Мневис. Приехавший с ним офицер слез на землю без особой охоты.

— С соизволения Вашего Величества, — сказал Джориан, — буду рад представить Вам доблестного капитана Яушку, участника многих жарких баталий!

Джориан повторил свои слова по-мальвански.

Какое-то мгновение капитан и королева в упор смотрели друг на друга: он — с надменной подозрительностью, она — с царственным спокойствием. Царственное спокойствие одержало верх. Капитан пал на колени и поклонился так низко, что его лоб коснулся гранитных плит набережной. Мневис одарила его чуть заметным кивком и легкой улыбкой.

— Передайте доблестному капитану, — сказала она Джориану, — что если он столь же храбр, сколь учтив, империя может жить спокойно.

Осклабясь, капитан Яушка поднялся с колен и дал знак погонщикам. Каждый из них, в свою очередь, ударил слона палкой по голове. Удары отозвались гулким эхом, похожим на барабанный бой. Все три слона подогнули колени и улеглись животами на землю. Один из погонщиков приставил к боку переднего слона лесенку. Капитан Яушка помог королеве взобраться в седло под балдахином. Из стайки фрейлин, до которых дошло, что придется ехать на спинах этих зверей, раздались смешки и повизгивание, но Джориан свирепо глянул на них, и девушки примолкли.

Когда на спине каждого слона уселись четыре женщины, вожатые приказали животным встать. Седла резко накренились, что вызвало новый взрыв визга. Джориан вскочил на коня, а тем временем солдат помог Карадуру вскарабкаться на большого белого осла. Капитан Яушка протрубил поход, и процессия двинулась в путь.

Они с грохотом проследовали по нескончаемым узким и извилистым улочкам, где воздух был напоен незнакомыми ароматами; на поворотах слоны обтирали попонами стены домов, а прохожие, давая дорогу, опрометью кидались в двери и арки галерей. В этом городе все смешалось: особняки соседствовали с лачугами, храмы с лавками, гостиницы с огромными магазинами, частные хижины с доходными домами, а трактиры — с борделями.

Наконец кавалькада достигла подножия холма, на вершине которого высился царский дворец. Холм окружала стена; проникнуть внутрь можно было, лишь миновав тяжелые укрепленные ворота. Рядом с воротами был загон, где на слоновьей тяге работала огромная водокачка. Она состояла из длинной, насаженной на стержень перекадины, к концам которой были привязаны два слона; слоны шли по кругу, перекадина поворачивалась, скрежетали зубчатые колеса, и заключенный в кожух насос с грохотом приходил в движение.

У ворот Джориана и его спутников остановили, подвергли краткому допросу и пропустили внутрь; когда процессия проезжала ворота, караульные, приветствуя королеву Мневис, пали ниц. Лошади, осел и слоны с трудом поднимались по длинной крутой дороге в пятьдесят футов шириной, которая была высечена в скале, образующей эту сторону холма. Скальную породу стесали таким образом, что получился пологий каменный скат, в котором потом выбили частые поперечные борозды, чтобы люди и животные не оскальзывались на слишком гладкой поверхности.

Через некоторое время скальная порода уступила место искусственно созданной дороге, мощенной хорошо подогнанными каменными плитами. Мощеная дорога вела к главной внутренней крепостной стене из розовато-красного камня, беря начало на вершине скалы и сворачивая — для тех, кто взбирался по склону, — направо. Вдоль наружного края дороги, над пропастью, шла пропущенная в отверстия каменных тумб, начищенная бронзовая труба толщиной с человеческую ногу, по которой во дворец поступала вода от слоновьей водокачки; труба служила также и ограждением.

Процессия добралась до крепостных ворот, где путников снова остановили для проверки. Пройдя внутрь, они оказались перед новыми воротами. Внешние ворота были прочным сооружением, способным выдержать нападение, — строители предусмотрели все, что нужно для обороны: башни с бойницами, опускаемую решетку, ловушки-убийцы, тогда как внутренние ворота с огромной центральной аркой и двумя более скромными боковыми порталами, сложенными из разноцветного камня, имели скорее декоративную функцию. Слева под аркой находился приподнятый помост, чтобы всаднику было удобно влезть на лошадь или спешиться. Справа находился другой помост — повыше, позволявший любителям езды на слоне без помощи лестницы вскарабкаться на спину великану или спуститься вниз.

Когда вся компания спешила и собралась под главной аркой, к ним, молитвенно сложив руки и беспрерывно кланяясь, приблизился какой-то сморщенный темнокожий человек.

— Угодно ли Вашему Высочеству проследовать за покорным слугой? — спросил он. — Я Харичамбра, ваш недостойный советник.

Вслед за Харичамброй они двинулись сквозь бесчисленные залы и внутренние дворы, и Джориан в конце концов отказался от мысли запомнить дорогу. Много веков назад царь Мальваны приказал сровнять вершину холма и построить дворец, не уступавший по величине небольшому городку. Так, чертог за чертогом, строился дворец, пока вся вершина холма, окруженная верхней крепостной стеной, не оказалась разбитой на квадратные и прямоугольные дворы различной величины: от площадки для игры в мяч до плаца, где проводились парады.

Чертоги, которые делили вершину холма на дворы, представляли собой длинные, узкие, в основном трехэтажные строения. Они были вершиной мальванского зодчества. Судя по всему, архитекторы стремились сохранить художественное единство в отделке стен, образующих пространство двора. Так, стены одних дворов были облицованы белым и красным камнем, других — белым и черным, третьих — белым и голубым, четвертых — белым и зеленым, — сочетания попадались самые разнообразные. Куда ни

глянь, везде были арки, образующие прихотливые ансамбли: арки в форме незатейливого полукруга, стрельчатые, сегментные, двускатные, подковообразные, пирамидальные. Арки украшали монументальные ворота и обычные дверные или оконные проемы. То там, то сям с верхних этажей зданий выдавались балкончики. Плоские кровли переходили в широкие навесы; они давали тень и служили защитой от безжалостного тропического солнца. Над крышами высились купола, шпили и башенки.

Каменная кладка была повсеместно украшена богатой резьбой и инкрустирована перламутром и камнем контрастных цветов; инкрустации складывались в картины, изображающие цветы, зверей, героев и богов. Изречения легендарных царей и святых мальванской вязью были высечены на каменных досках или выложены мозаикой из полированного металла и полудрагоценных камней.

— Здесь будут ваши апартаменты, — возвестил Харичамбра, указав на одно из зданий, где стены третьего этажа состояли из мраморных щитов, украшенных искуснейшей сквозной резьбой; ветерок свободно продувал их, но в то же время все, что происходило внутри, было надежно укрыто от посторонних взоров. — Ее Величество займет главный покой в глубине дома, фрейлины — эти комнаты; господа — ваш покой...

Харичамбра показал местные красоты.

— На всякий случай, если заблудитесь и не сможете сразу найти дорогу, это здание называется Тигренок. Я вернусь, когда вы немного отдохнете и освежитесь. Скажем, через час? Или через два? Как пожелаете. Сейчас я призову слуг, которые будут угождать всем вашим желаниям.

Харичамбра хлопнул в ладоши, и из дальней двери появились десятка два женщин и несколько мужчин. Сморщенный темнокожий человек поспешил откланяться.

* * *

Вскоре Джориан с Карадуром уже сидели друг против друга в противоположных концах огромной ванны, и маленькие смуглые мальванские красотки намыливали им спины.

— До сих пор, сынок, все идет по плану, — заговорил по-новарски Карадур. — Со свитой это ты ловко устроил.

Джориан хмыкнул.

— Ежели не считать, что у проклятой лошади не оказалось стремян; вместо них две какие-то держалки на седле. А я ж последний раз без стремян ездил еще юнцом на Оннусовой ферме, так чуть не грохнулся два раза. Они мне эту лошадь любезно отдали на все время, пока буду здесь, только я без стремян больше ни шагу. Коняга-то, в общем, рослый, выносливый. Назову его, пожалуй, Оузер — в честь моего ардамэйского наставника. Как увидал эти шишковатые суставы да копыта, что твои тарелки, враз припомнил старикана. Рысь у него тряская, зато хоть не брыкается. Нет, ты скажи: почему мальванцы ездят без стремян? Ведь они у новарцев уж лет двести как в ходу.

— Мальванцы гордятся тем, что хранят заветы старины и отвергают новомодные изобретения варваров. Заметил ты внизу слоновью водокачку?

— Конечно; еще подумал, мол, замечательная штука.

— Так вот, насос поставил еще царь Зиврока, дед Шайю, а раздорам до сих пор конца не видно. Стоит возникнуть недовольству против царствующего монарха, те, кто хочет извлечь из этого выгоду, поднимают крик: «Разрушить нечестивую иноземную тарахтелку, которая лишает заработка честных водоносов!» Не думаю, что, когда водокачка свое отслужит, ее станут чинить или перестраивать.

— А потом мальванцы не могут понять, отчего их история больше похожа на перечень вторжений и нашествий охочих до чужого добра варваров, — проворчал Джориан. — Когда я был королем Ксилара, я старался поспевать за новинками.

— И что же ты от этого выгадал, сынок? — мягко спросил Карадур.

Джориан засопел.

— Я бы посоветовал тебе, — продолжал Карадур, — сбрить бороду.

— Но, клянусь Зеватасом, я уж привык к ней!

— Однако в Мальване бороду носят либо святые отшельники — древние старцы, проводящие дни в уединении, либо рабочие низшей касты; ты же не хочешь, чтобы тебя приняли за одного из них.

* * *

Советник вернулся через два часа. Джориан, свежевымытый, побритый и умощенный духами и благовониями, внимал словам Харичамбры.

— Итак, мой господин, — говорил тот, — настало время познакомить вас с правилами, определяющими взаимоотношения при дворе Царя Царей. К какой касте вы принадлежали у себя на родине?

— К худородному дворянству. А что?

— Характер приветствия и общения с окружающими зависит от вашего титула и титула вашего собеседника. Иначе говоря, равного нужно приветствовать в одних выражениях, нижестоящего в других и так далее. То же относится и к беседе. Дворцовый этикет предусматривает восемь степеней вежливости в зависимости от взаимного статуса беседующих. Ими необходимо овладеть, иначе можно нанести невольное оскорбление или, по меньшей мере, показать себя невежественным грубияном, недостойным собственного происхождения.

Это касается в основном вашей благородной персоны, поскольку дамы, если я правильно понял, не знают нашего языка. Вам придется, таким образом, исполнять роль переводчика, используя те обороты речи, какими пользовались бы они, обращаясь к мальванцам различного общественного положения, начиная с Царя Царей и кончая неприкасаемыми, которые чистят отхожие места.

Так как в своей стране вы принадлежали к худородному дворянству, вы будете стоять ниже любого мальванского дворянина, но выше любого чиновника. Вы, разумеется, осведомлены, какое значение придается в нашем упорядоченном государстве кастовым различиям. Физический контакт между представителями далеко отстоящих друг от друга каст допускается только по линии исполнения служебных обязанностей, когда, к примеру, брадобрей стрижет дворянина. Во всех остальных случаях представитель более высокой касты считается оскверненным и вынужден добиваться церемонии религиозного очищения. Близкое общение также не допускается, а межкастовые браки вызывают всеобщее отвращение. Итак, начнем обучение. Для начала, когда вы приближаетесь к Великому Государю — да правит он вечно! — неравенство вашего положения требует, чтобы вы остановились в девяти шагах от него и трижды коснулись лбом пола. Кстати, тот головной убор, что был на вас по прибытии, не вполне уместен — у него слишком широкие поля.

— Обойдусь, значит, без шляпы. Ваш климат для шляп и вправду жарковат.

— О сударь! — Харичамбру чуть удар не хватил. — Вот уж это было бы действительно неприлично! Уважение к царю требует оставаться в его присутствии покрытым. Я могу достать вам, скажем, тюрбан.

— Я не умею заматывать эти проклятые штуки, да в них, кажись, и жарко. А не найдется ли у вас какой-нибудь маленькой шапочки без полей?

Харичамбра призадумался.

— Ах, придумал! Я вам достану шапочку, какие носят Святые Плясуны — члены религиозной секты фанатиков. Она вам подойдет.

Теперь о том, как строить речь. Обращаясь к Его Величеству, вы, естественно, избираете высшую степень вежливости. Фразы, в которых Его Величество выступает субъектом или объектом, произносятся в третьем лице единственного числа сослагательного наклонения...

Приближаясь к члену царской семьи или к представителю духовенства, находящемуся при исполнении, вы должны остановиться в шести шагах и один раз коснуться лбом пола. К этим лицам обращаются в третьем лице единственного числа изъявительного наклонения с добавлением

почтительного окончания.

Приближаясь к представителю мальванской знати, вы должны остановиться в трех шагах; при поклоне тело располагается параллельно земле. К этим лицам обращаются в третьем лице единственного числа изъяснительного наклонения без добавления почтительного окончания. Дворянин обязан вернуть поклон, но при этом сгибается не более, чем на сорок пять градусов...

Прежде чем уйти, Харичамбра уведомил Джориана, что королева Мневис будет представлена царю на открытой аудиенции на второй день с момента прибытия; что на следующий день после этого планируется закрытая аудиенция с участием царя и советников и что через десять дней все они приглашены на придворный бал.

— Варвары, — добавил Харичамбра, — зачастую расценивают это как приглашение на пир; они не знают, что мы, Правовверные, считаем поедание пищи срамным делом и едим в одиночестве или, что чаще, в окружении семейства. Но балы, тем не менее, устраиваем — хотя танцы у нас намного более скромные и благопристойные, чем в иных землях. Этот бал знаменует семисотпятидесятилетие царевны-змеи.

— А сама царевна будет на балу?

— Надеюсь; этот бал единственное событие в году, ради которого она покидает свои апартаменты. Между нами, вы не питаете страсти к горячительным напиткам?

Джориан вытаращил глаза.

— Я люблю вино и эль, но навряд ли это можно назвать страстью. Я, ежели надо, и без них обойдусь. А что такое?

— Варвары зачастую питают непреодолимое влечение к такого рода напиткам, которые в Мальване находятся под запретом, — исключение делается только для неприкасаемых: им разрешено облегчать в других отношениях безрадостную жизнь, дающуюся как наказание за грехи в предыдущем воплощении. Если вы не можете обойтись без ядовитого зелья, — тут Харичамбру слегка передернуло, — и соблаговолите написать прошение — мол, питаю пагубную страсть и, буде меня лишат зелья, сойду, мол, с ума и стану опасным для общества, — я смогу вас регулярно обеспечивать напитками.

— Я обдумаю ваше предложение, — сказал Джориан.

После ухода Харичамбры он спросил Карадура:

— Что за парень этот царь Шайю, не как царь, а как человек?

— Твой вопрос, сынок, не имеет смысла; быть мальванским царем так изнурительно, что у него мало шансов проявить себя как личность. Царь занят с утра до вечера, если не делами государства и выслушиванием прошений, то религиозными обрядами. Ему ведь приходится ублажать не только миллионы мальванцев, находящихся под его владычеством, но и сотни богов на небесах — задача, способная напугать даже усерднейшего из усердных.

— Ну, а с близкими-то он каков?

— Нет у него близких — то есть, нет друзей, если можно так выразиться. Необходимость соблюдать придворный этикет, в котором предусмотрен каждый его шаг, лишает царя возможности завязать истинно близкие отношения. Когда он призывает одну из жен в свою опочивальню, бедняжка, приближаясь к нему, должна проделать все те бесконечные церемонии, которые выпадают на нашу долю в тронном зале. Вполне возможно, что, испустив королевское семя, он и удостоивает женщину минутной беседы, но кому это ведомо?

— В Ксиларе-то получше распорядились; у нас король живет почти как человек. Ну ладно: вот не родился Шайю царем, каков бы он был?

— Кто знает? — пожал плечами Карадур. — Человек создает должность, а должность создает человека — особенно такая непосильная должность, как Великий Государь. Но из царя Шайю, насколько я могу судить, вышел бы человек добропорядочный и не без способностей — будь он твоим соседом, ты бы, верно, сказал: «Добрый малый, только скучноват». Разумеется, смотря по обстоятельствам, Шайю бывает и жестоким, и буйным; взойдя на престол, он глазом не моргнув предал смерти целый выводок братьев. Не

сделай он этого, один из братьев, возможно, свергнул бы его, и нам некого было бы обсуждать. Но, как видишь, царь к твоим услугам.

* * *

Открытая аудиенция оказалась интересным образчиком исполнения придворных ритуалов. Харичамбра заранее оговорил каждое слово и жест, а Джориан отрепетировал это со своими девушками. Ответы и жесты Великого Государя были не менее искусственны.

Шайю восседал на золотом троне в дальнем конце длинного зала; в воздухе висел голубоватый дым курящегося фимиама. Из-за ширмы неслась какая-то пронзительная музыка.

Из последних сил стараясь не закашляться в благовонном дыму, Джориан и девушки шли по залу вслед за церемониймейстером. На предписанном расстоянии от царя Джориан и одиннадцать фрейлин пали ниц, а королева Мневис — она считалась ровней царю — лишь отвесила низкий поклон. Не успели они переменить позу, как до них донесся какой-то скрежет. Джориан украдкой приподнял голову: трон с восседающим на нем царем Шайю вознесся на столбе примерно на сажень от пола. Потом снова заскрежетали зубчатые колеса, и трон опустился на прежнее место.

Трон этот был сооружением поразительным. Спинка — высотой в человеческий рост — изображала бабочку. Ажурные крылья насекомого, выполненные из какого-то подобия золотой сетки, искрились драгоценными камнями; узор был точь-в-точь как на крыльях настоящей бабочки.

Царь Шайю превосходил ростом большинство мальванцев, хотя почти на голову отстал от Джориана. Царь был человек средних лет, полноватый, с бритым подбородком и длинными обвислыми черными усами. Белила и румяна не могли изгладить выражение печали и усталости на лице. Резким безжизненным голосом царь произнес:

— Великий Государь милостиво соизволит выслушать изъявление преданности от обворожительной королевы Альгарта. Царю Царей радостно сознавать, что другие монархи признают его первенство. Мое Величество с благодарностью принимает дар Вашего Величества и доводит до сведения Вашего Величества, что вы не пожалеете о своей щедрости, — царь указал на подарок — лучшую золотую чашу из сокровищницы Реннум Кезимара — и заметил:

— Похоже на мальванскую работу.

Он вопросительно посмотрел на Джориана.

— Видно, так оно и есть, буде это угодно Вашему Величеству, — поспешил ответить тот. — Торговля разнесла несравненные изделия мальванских умельцев по всему свету, и отдаленный Альгарт не исключение.

— Понятно. Итак, для беседы о делах страны Великий Государь примет обворожительную королеву в комнате закрытых аудиенций в срок, который обозначат наши слуги. Да пребудет с доброй королевой благословение богов Мальваны и Альгарта!

— А теперь пятимся! — зашипел Харичамбра.

* * *

Закрытая аудиенция оказалась более интересной. В зале, кроме неременной стражи, находилось всего пять человек: царь Шайю, его министр Ишварнам, королева Мневис, Джориан и Харичамбра. Первым нарушил молчание Ишварнам.

— Господин Джориан, до моей особы дошли слухи о твоем тезке — короле одного из наиболее удаленных городов Новарии. Город зовется Зи... нет, Ксилар. Возможно, твоя светлость имеет какое-то отношение к этому монарху, который, как доложили моей особе, то ли умер, то ли свергнут, то ли бежал за пределы королевства, в общем, что-то в этом роде? Рассказы противоречивы, а надежного источника информации в тех краях у нас нет.

У Джориана екнуло сердце, но он недрогнувшим голосом ответил:

— Моя особа, Ваше Превосходительство, предполагает, что мы с ним дальние родственники. Моя особа имеет местом рождения город Кртолию, а тот другой Джориан, насколько известно моей особе, родом из городка Ардамэ, что лежит в нескольких лигах от столицы. Предки моей особы перебрались в Кртолию из Ардамэ лет сто назад; ежели б у моей особы нашлось время проследить нашу фамилию, возможно, обнаружилось бы сродство.

— Моя особа благодарит твою светлость за предоставленные сведения, — изрек Ишварнам. — А теперь поговорим о делах...

Переводя речь Мневис, Джориан делал особый упор на просьбу послать огромное воинство для освобождения Альгартийского Архипелага от пиратов. Говоря по правде, морские разбойники селились на островах с тех самых пор, как появились в Новарии. В Двенадцати Городах понятия не имели о существовании в Альгарте какой-либо законной власти. Однако, как и ожидал Джориан, мальванцы слыхом не слыхивали об Альгарте, поэтому разоблачения он не опасался.

Когда Джориан закончил, Ишварнам и царь вполголоса обменялись репликами.

— Дорогой мой господин Джориан, — проговорил затем министр, — как бы ни велико было желание Его Величества вернуть Ее обворожительному Величеству законный трон, то, что она предлагает, не под силу даже такой могучей державе, как Мальвана. Мы вынуждены прилагать огромные усилия для поддержания порядка в собственном царстве, сдерживая пиратов Срединного моря, отражая набеги пустынных кочевников Федирана и вторжения дикарей экваториальных джунглей Бераоти. Моя особа боится, что Ее Величество просит невозможного.

Джориан и Мневис напустили на себя сообразный обстоятельствам унылый вид.

— Однако, — продолжал Ишварнам, — Великий Государь позаботится о том, чтобы Ее Величество уехала отсюда не с пустыми руками. Более того, до Январета королеву будет сопровождать свита, приличная ее сану. Из Январета она может отправиться туда, где обстоятельства жизни более благоприятны и где она скорее отыщет поддержку. Нам, к примеру, доносят, что в Двенадцати Городах полно сорвиголов, всегда готовых к подобным приключениям.

— Как они доберутся до Виндии, ежели ввиду зимы навигация в Срединном море уже закончена? — спросил Джориан.

— Свита доставит Ее Величество с провожатыми в Виндию посуху.

— Моей особе стало известно — источник, разумеется, не заслуживает доверия, — что этот путь опасен.

— Свита будет достаточно велика, чтобы справиться с любыми непредвиденными обстоятельствами, если таковые возникнут.

— Моя особа довольна ответом. По скромному мнению моей особы, разумнее было бы выступить без задержки, чтобы перейти Козью Кручу до наступления зимы.

— Если Ее обворожительное Величество пожелает, мы можем отправить их хоть завтра, — сказал Ишварнам.

— Это будет самое лучшее. Моей особе хотелось бы, однако, просить Его Величество как об особом снисхождении позволить моей особе задержаться в Тримандиламе на два-три дня после отбытия Ее Величества. Моей особе хотелось бы получше осмотреть знаменитый на весь свет город Его Величества и посетить бал, на который он милостиво пригласил мою особу. Моя особа без труда нагонит кортеж, так как вряд ли можно ожидать, что дамы благородной крови и нежного воспитания будут ехать без остановок.

Царь с министром снова пошептались, после чего Ишварнам возвестил:

— Его Величество милостиво удовлетворяет прошение благородного господина Джориана и надеется, что, изучив традиции и обычаи нашего воистину цивилизованного царства, он переймет здешние привычки и донесет свет мальванской просвещенности до отсталых народов, обитающих за пределами наших границ. Его Величество милостиво разрешает вам удалиться.

Девушки, охраняемые отрядом всадников в начищенных до блеска латах, под командой капитана

Яушки — того самого, что в день прибытия сопровождал их во дворец, отбыли на конных носилках через два дня. Джориан предостерег Мневис от грозящих опасностей:

— От царя Шайю и капитана Яушки я подвоха не жду — не тот случай. Опасность возникнет при переходе через виндийскую границу. В Виндии уж ты не сможешь разыгрывать королеву, но и бросать все враз тоже нельзя, а то Яушка почует неладное и даст команду поворачивать назад в Тримандилам. Тебе придется нанять людей, какие будут следить за пожитками, править лошадьми и охранять ваши драгоценные особы по пути домой. Тебе понадобятся осмотрительность и удача, ведь слугам ничего не стоит наброситься на вас, насильничать, зарезать и смыться с вашими денежками. Коль нанимаешь кого-то, сперва требуй рекомендацию с прежнего места, да и потом глаз с них не спускай.

Буде прежний владелец попытается вас схватить, я всем двенадцати заготовил вольные. У кого-нибудь могут возникнуть сомнения, взаправду ли я был вашим законным владельцем, но иного способа раскрыть обман, кроме как отправиться в Реннум Кезимар и поболтать с тамошними обитателями, нет. Ежели ты всерьез решила податься в артистки, разыщи в Гованнии моего друга Мерлуа, сына Госа. Всем известным мне актерским штукам я выучился у него.

Вот подарок Ее обворожительному Величеству от царя Шайю и сверх того кое-что от меня. Раздели все на двенадцать равных частей и отдай каждой девушке ее долю и вольную. Следи, чтоб они не хвастались всем подряд своим богатством; блеск золота рано или поздно привлечет внимание какого-либо душегуба.

— С вами мы были бы в большей безопасности, — сказала Мневис.

— Само собой, и мне спокойнее было б. Да ничего не выйдет, так что придется вам обходиться без меня и уповать на богов. Вот черт, Мневис, не реви! Я же тебе говорил, отчего не могу взять с собой жену наложницу либо рабыню.

— Н-но сегодня ночью...

— Ну заладила: «сегодня ночью, сегодня ночью»! Шутки шутками, но сейчас мне предстоит смертельно опасная переделка. Давай, милка, пора трогаться!

— Сегодня ночью, сынок? — подал голос Карадур, когда рыдающая Мневис вышла из комнаты. — Мне казалось, ты твердо встал на путь добродетели.

Джориан вздохнул и пожал плечами.

— Я держался изо всех сил; но что прикажешь делать молодому мужчине в расцвете сил — то есть мне, — обнаружив в своей постели неизвестно откуда взявшееся прелестное создание? Я, может, не самый худший в мире человек, а все ж таки и не святой — плясун там, или какой другой.

* * *

Приближался день бала, а Джориан с Карадуром все еще ломали головы над тем, как проникнуть в обиталище царевны-змеи. Сведения, которые удалось вывести у Харичамбры и других придворных, оказались крайне скудными.

Они узнали, что царевна-змея, Яргэли, живет в покоях, расположенных прямо над бальным залом; что чертог называется «Зеленая Змея». Царевна, без которой вот уже много столетий невозможно было себе представить царский двор, годами не покидала своих покоев, выходя лишь в редких случаях, таких, например, как предстоящее празднество в честь дня ее рождения. Ее обязанностью было охранять Ларец Авлена, привезенный в Тримандилам из Виндии королем-волшебником Авленом IV во времена швенского нашествия. Завоеватели из северных степей, покорив Три Царства Старой Новарии, положили начало эпохе средневековья, которая предшествовала возникновению Двенадцати Городов.

Спасаясь от захватчиков, король Авлен прихватил сундук, набитый драгоценными волшебными манускриптами, надеясь с его помощью заключить союз с мальванским правителем Гишем Великим и вернуть таким образом свое королевство. Незадолго до описываемых событий Гиш — кочевник из пустыни Федиран — захватил несколько государств, возникших на развалинах поверженного царства Тирао, и объединил их под своей властью. Гиш на всякий случай решил прибрать сундук к рукам; подойдя к

проблеме с чисто варварским практицизмом, он собственноручно удавил Авлена и приставил к Ларцу охрану. Никто, кроме верховного чародея Мальваны, не имел права заглядывать в волшебные книги. Два столетия спустя, когда к тримандиламскому двору прибыла Яргэли, царь Вену препоручил ей охрану Ларца.

Поговаривали, будто многие мальванские дворяне, не исключая и самого царя, поздней ночью посещают Яргэли, влекомые, якобы, желанием вкушать ее сверхъестественной мудрости, хотя, если верить молве, расположение, которым она их дарила, было скорее земного свойства. Никаких подтверждений тому, что царица — как утверждали распространенные в Двенадцати Городах предания — обладает способностью превращаться в змею и пожирать посетителей, обнаружить не удалось.

Итак, Джориан с Карадуром дни напролет строили тайные планы, но ничего путного придумать не могли. Джориан с досады зашвырнул в угол расшитую узорами шапочку ордена Святых Плясунов.

— Будьте вы прокляты Зеватасом, Фрэндой, Гериксом и всеми другими богами Новарии — ты и дружки твои, колдуны! — в сердцах крикнул он. — Вот брошу все и рвану в Виндию; плевать мне на болячки, несчастья и ночные кошмары, какие вы можете наслать. Либо чертова царица обернется змеей и сожрет меня с потрохами, либо гвардейцы Шайю стрелами нашьпигуют: колючий буду, что твой ежик. От меня было б куда больше пользы, ежели б я бедных девчонок домой в целости и сохранности доставил. Не могут что ли твои дурацкие собратья по Прогрессу самолично выдумать заклинания, чем слизывать с какого-то древнего колдуна, который, как видно, не шибко был силен в волшебстве, раз не сумел освободить свое королевство от варваров?

— Не горячись, сынок, не горячись. Прекрасно тебе известно: ты не можешь уклониться от поисков Ларца разве что ценой жизни. Лично я помог бы тебе бежать из Ксилара, не требуя воздаяния, но мои собратья Альтруисты настояли на этом. Ты же знаешь, что при завоевании Старой Новарии большая часть древних магических знаний была утрачена; мы надеемся вновь обрести их. Вполне возможно, что со времен падения Старой Виндии кое-какие заклинания Авлена были заново открыты, но наверняка мы знать не можем, пока не сравним первоисточник с последующими достижениями. — Карадур вздохнул и продолжал:

— Придется примеряться к обстоятельствам. Может, во время бала появится какая-то зацепка.

— Ты будешь на балу?

— Я вообще-то не собирался. Читаю сейчас старые рукописи в царской библиотеке и хотел посвятить вечер этому занятию.

— Но пройти в бальный зал ты мог бы?

— Конечно; как представитель духовенства я могу пройти куда угодно. В Мальване я знатнее любого мирянина, исключая лишь самого царя.

— Тогда будь добр, посети празднество. Тебе, может статься, придется отвлекать царя, пока я буду подбивать клинья к царице.

Глава 6

Царевна-змея

Надев богатое новое платье из красного атласа, украшенное драгоценными пуговицами, Джориан шел вслед за Харичамброй по бесконечной веренице зданий и двориков, направляясь к чертогу под названием «Зеленая Змея». Сзади ковылял Карадур. По законам Тримандилама Джориану как чужестранцу и дворянину позволялось носить меч, но перед входом в бальный зал пришлось сдать его на хранение. В Мальване не знали, что такое проволока безопасности. Проходя мимо, Джориан краем глаза увидел стоящий в углу Рандир — одинокий прямой клинок среди множества кривых сабель. Незамысловатая рукоятка из посеребренной бронзы делала меч еще более заметным на фоне усыпанных драгоценностями мальванских эфесов.

Бальный зал занимал почти весь первый этаж «Зеленой Змеи». Пол был выложен полированным коричневым мрамором, а продолговатые окна, открывающиеся на террасу, состояли из маленьких откидных филенок различной формы. Большинство окон было открыто навстречу вечерней прохладе; в них тучами врывалась мошकारа и в гибельном кружении устремлялась к пламени расставленных повсюду ламп и свечей. Два мальванца низшего сословия, вооружившись совком и метелкой, подбирали с пола крохотные обугленные трупы.

Терраса выходила в большой двор, где ниже уровня земли был разбит сад; в сгущающихся сумерках смутно чернели живые изгороди и кусты, звенели фонтаны. У глухой стены здания лежал скатанный ковер огромных размеров.

В бальном зале уже собралось человек сорок мальванских аристократов с женами; они беседовали, пили соки и пробовали сласти, разложенные на столе у стены. Мужчины блистали шелками и атласом, богатыми плюмажами и драгоценными камнями. Владетельные господа из восточных и южных областей страны отдавали предпочтение юбкам, тогда как их западные и северные соседи были облачены в шаровары, присборенные на лодыжках. Дамы стояли подле; при малейшем движении браслеты на их запястьях мелодично позвякивали. Голые груди тех, кто помоложе, были разрисованы цветами, звездами, глазами и прочими картинками.

Харичамбра представил Джориана многим знатным дворянам, которым тот исправно отвешивал глубокие поклоны, пока у него не закружилась голова. Он потягивал сок, в душе мечтая о чем-нибудь покрепче, и вел ничего не значащую беседу с молодым мальванцем, таким же высоким и мощным, как он сам. Человек этот, владетельный господин Чавэро из Колкая, носил ярчайшие оранжевые шаровары, а тюрбан его был украшен плюмажем из павлиньих перьев.

— Я нахожу, о владетельный господин, что для этого времени года погода в Тримандиламе просто восхитительна, — сказал Джориан.

— Погода недурна, — зевнув, отозвался Чавэро, — хотя вы, чужестранцы, вечно жалуетесь на летнюю жару. Вы родом из Новарии или еще какой варварской глухомани?

— Из Новарии; мы, правда, не считаем ее такой уж варварской страной.

— Вы-то, может, и не считаете, да только как вы можете об этом судить, не побывав прежде в Мальване и не имея образца для сравнения?

— Хороший вопрос, но я бы мог спросить вас о том же.

Чавэро подергал себя за длинный ус.

— Совершенно очевидно, что раз Мальвана — средоточие и источник цивилизации, по уровню культуры она далеко опередила все другие страны. Правда, от вас — варвара — я и не ждал логического подхода.

Джориан попытался было подавить искушение надерзить в ответ, но соблазн оказался слишком велик.

— До чего ж интересно, мой господин, слышать от вас подобные речи. Потому как у нас в Кортолии есть поговорка: «Нет большего невежды, чем тот, кто мнит себя знатоком».

От такой отповеди Чавэро впал в минутное замешательство. Затем растерянность уступила место злости.

— А у нас, любезный, — ответил он, — есть другая поговорка: «Нет лучшего ответа брехливой собаке, чем добрый пинок». Будем надеяться, что этого не потребу...

Звук трубы оборвал речь мальванца. Евнух ударил жезлом об пол и громогласно возвестил:

— Великий Государь!

В дверях, сияя драгоценностями, появился Шайю. Все мальванцы, а вместе с ними и Джориан, пали на колени и трижды коснулись лбами пола.

— Встаньте, друзья! — воскликнул царь. — На сегодняшний вечер вы свободны от выражения знаков почтения Моему Величеству.

— Это значит, — прошептал за спиной Джориана Карадур, — что не надо падать ниц, прежде чем обратиться к царю.

Колдун потянул Джориана за рукав.

— Отойди от этого колкайца, пока он не затеял ссоры! Он опасен. Он метит к Яргэли в любовники и, если узнает, что мы замыслиаем...

— Меня тоже кое-кто считает опасным, — пробурчал Джориан, однако не противился, когда Карадур потащил его прочь.

— А жены Его Величества посещают такие торжества? — спросил он старика.

— Раньше посещали, но после злосчастного происшествия с владетельной госпожой Радмини и владетельным господином Вальшакой царь посадил их под замок, как было принято до царствования Зивроки. Сейчас царицы любят празднеством вон с того балкона, — тут Карадур мотнул головой в сторону закрытого мраморным экраном балкончика, расположенного под потолком в дальнем конце зала, — и, вне всякого сомнения, мечтают оказаться внизу, среди нас.

Когда вновь раздался звук трубы, и Карадуру пришлось умолкнуть. В конце зала, противоположном тому, откуда вышел царь, появился евнух и, ударив жезлом о мраморный пол, возвестил:

— Ее Сверхъестественное Высочество царица-змея Яргэли!

Присутствующие склонились в низком поклоне. В дверях стояла женщина ростом с Джориана, — добрых шесть футов с лишком, весившая, судя по виду, гораздо больше, чем он. Тело, обнаженное по мальванской моде до самого лобка, было почти черным, как у местных крестьян. В ее тиаре и серьгах мерцали драгоценные камни невероятной величины; по ложбинке меж огромных грудей спускалась тройная нитка жемчуга — каждая жемчужина размером с дикое яблоко.

От этой женщины так и веяло чувственностью; Джориан едва мог поверить своим глазам. В жизни ему не приходилось видеть ничего более удивительного, чем груди Яргэли. Грудь, такие же огромные и круглые, как вымя молочной коровы, стояли торчком, хотя были гораздо крупнее арбузов. Далее тело сужалось к талии, которая, пожалуй, не вызывала бы удивления, будь ее обладательницей изящная маленькая женщина; однако для такой громадины талия казалась немыслимо стройной. От талии линия тела, расширяясь, переходила в полные тяжелые бедра и слегка выпуклый живот. От бедер до лодыжек, едва прикрывая пах, струилась юбка из расшитой золотой парчи; на пряжках туфель искрилось множество самоцветов. Лицо под тиарой было круглое и пухлое, как у джориановой Эстрильдис, но не ожиревшее; тому, кто рискнул бы пренебречь размерами и сумел оторваться от созерцания невероятных выпуклостей царицы, она могла показаться отменно привлекательной женщиной.

— Клянусь железным хреном Имбала! — выдохнул Джориан. — Да с таким хозяйством она могла б рожать великанов и героев...

— Тише! — сказал Карадур. — Начинаются танцы. Присоединишься?

— Все дамы, кажись, при кавалерах, где я теперь возьму партнершу? К тому ж не уверен, что хорошо запомнил фигуры, хоть и упражнялся с Харичамброй до упаду.

Ударил оркестр, и пары выстроились для церемониального марша. Танец открывали царь с царевной-змеей; царь держал руку таким образом, чтобы кончики пальцев едва касались руки царевны. Единственный телесный контакт, который допускался в мальванских танцах, это соприкосновение кончиками пальцев. Джориан в компании двух-трех нетанцующих мальванцев остался у столика с соками.

— Я тебя представлю владетельному господину Гиреяксе, — сказал Карадур. — Он привел обеих жен, так что, я уверен, позволит тебе потанцевать с одной из...

— Нет, нет, не стоит, — поспешно ответил Джориан, на которого напал неожиданный приступ робости. — Я лучше посмотрю.

Церемониальный марш закончился.

— Займите позицию для нриги! — выкрикнул евнух.

Танцоры-мужчины выстроились у одной стены бального зала, женщины — у другой. Заиграла музыка; евнух объявлял фигуры. Танцоры сделали по три шага вперед. Мужчины раскланялись с дамами. Затем два шага назад — поклон. Три шага вперед — поклон. Сошлись вчетвером — общий поклон...

Так продолжалось примерно с полчаса: по команде евнуха танцоры неспешно и величаво сходились, расходились, отвешивали поклоны. Вспоминая зажигательные новарские пляски, Джориан нашел, что представление несколько скучновато.

Лишь только умолкла музыка и танец завершился целым каскадом поклонов, через открытое окно, выходящее на балкон, в зал ввалилась какая-то невообразимая личность. Это был худой, темнокожий, совершенно голый человек; его тощее тело покрывала корка засохшей грязи. За спиной человека развевалась спутанная грива, на грудь свисала грязная борода, а закатившиеся белые глаза дико вращались. Человек разразился гневной речью на диалекте, которого Джориан почти не понимал.

К удивлению Джориана, никто и не подумал вывести непрошенного гостя или заставить его замолчать. Казалось, все, и даже сам царь, почтительно внимали его выкрикам. Голый человек бушевал, брызгал слюной и потрясал кулаками. Он клеймил присутствующих как мерзких грешников, забывших заветы отцов. Он обличал языческую приверженность к танцам. Он предавал анафеме слоновою водокачку и требовал сломать ее. Он приказывал запереть всех женщин, а не только царевых жен, как было принято во времена оные до зловердных нововведений царя Зивроки, будь проклята его память. Он призывал гнев истинных богов на головы собравшихся здесь похотливых блудодеев. Затем он вылез через окно на балкон и растворился в ночи.

Джориан обернулся к вынырнувшему откуда-то Харичамбре.

— Мастер Харичамбра, — спросил он, — скажите мне, ради всего святого, почему царь терпит такое оскорбление своего сана?

— О, это же святой. Может делать все, что ему вздумается. Но поспешим, мой господин. Царевна Яргэли изъявила желание познакомиться с вами.

Джориан переглянулся с Карадуром и едва заметно, но многозначительно кивнул. Сверхчувственное сверхъестественное существо в обществе царя стояло у столика с фруктовыми напитками.

— Ваше Величество! — низко поклонившись, произнес Джориан. — Ваше лучезарное Высочество! Я просто счастлив.

— Я тоже с-счас-с-тлива, — отозвалась Яргэли; по-мальвански она говорила с легким присвистом — века, проведенные в Тримандиламе, не оказали на акцент сколь-либо заметного действия. — Вы новарец, так?

Тут, словно из воздуха, появился Карадур и, вполголоса заговорив с царем, вовлек его в обсуждение статуса имперского института магии; Джориан тем временем отвечал царевне:

— Да, Ваше Высочество. Ежели быть совсем точным, подданный кортольского короля.

— Вам знаком какой-нибудь веселый новарский танес-с? Я нахожу, что мальванские танс-сы слишком церемонны для такой энергичной ос-с-обы, как я.

— Дозвольте моей особе подумать. Моя особа неплохо танцует наш местный крестьянский танец, фольку.

— О, я его знаю! Этот танес-с раз-два-три-четыре-пять-шесть-поворот, раз-два-три-четыре-пять-шесть-поворот, так?

— Это он? — спросил Джориан, пальцами правой руки изобразив танцевальные па на левой ладони.

— Он с-самый! При царе Сирваше тут был пос-с-ол Кортолии, он мне показал. Вы приглас-сите меня на фольку, господин Джориан?

— Моя особа сомневается, знают ли ваши музыканты хоть мало-мальски подходящий мотив?

— О, мы можем танс-севать под любой мотив, который громкий и быстрый, на два такта, так? Пошли, договоримс-с-я с ними.

Яргэли заскользила по мраморным плитам в сторону оркестра. Джориан шел следом, вяло протестуя:

— Но Ваше Высочество! Моя особа уверена, что остальные царские гости не знают...

— Ой, да падет на их головы новое воплощение! Этот танес-с будет только ваш и мой. Мы им покажем, что варвары лучше их тан-с-суют! Мы их чурками вы-с-ставим, так?

Немного погодя Джориан вдруг очутился посреди зала один на один с царевной, остальные гости жались к стенам. Они взяли друг друга за плечи и весело, с притопом, быстролетно закружились в фольке по залу. Круг проходил за кругом, танцу не было конца. Джориан, который уже успел заметить, что мальванские музыкальные произведения рассчитаны, как правило, на полчаса, а то и на час, стал опасаться, что ему придется танцевать до утра.

Однако через какие-нибудь четверть часа оркестр умолк. Джориан и его партнерша тяжело дышали и обливались потом. Благородные господа и дамы шелкали пальцами, что означало аплодисменты; танцоры раскланивались направо и налево; владетельный господин Чавэро хмурился и дергал себя за длинный ус.

— Моя особа предлагает, — сказал Джориан, — отведать по стаканчику фруктового пунша.

— Прекрас-с-ная мысль, мой гос-сподин. И не надо обращаться ко мне в такой напыщенной, преувеличенно вежливой манере. Она в большом ходу у этих мальванцев, но мой народ, с-славный мудростью еще в те времена, когда ваши пращурьы выкус-с-ывали блох, с-сидя на ветке, никогда не затруднял себя подобным жеманс-с-твом. Жизнь и так с-сложна; незачем лезть из кожи вон, чтобы еще больше ее ус-сложнить, так?

На середину зала вышли шестнадцать профессиональных танцовщиц, униженные с ног до головы бусами и браслетами, составлявшими их единственную одежду, и исполнили танец, состоящий из семенящих шажков и ритмичного покачивания руками и головой.

— Как Ваше Высочество смотрит на то, — спросил Джориан, — чтобы выйти на террасу подышать свежим воздухом?

— С-с удовольствием.

* * *

Когда они вышли из зала и очутились под звездным небом, Джориан заметил:

— Кажись, брань святого старца не испортила праздника.

— О, эти мальванцы! Вечно талдычат о с-своей нравственной чис-с-тоте. Вина нельзя, мяс-с-а нельзя, любовника нельзя, ничего нельзя. А как узнаешь их поближе, так они грешат ничуть не меньше вс-сех прочих, только втихомолку. Теперь они вернутся домой с чувством ис-сполненного долга: как же, позволили юродивому с-себя поучать и ничуть не обиделис-с-ь, а значит, имеют полное право обделывать с-свои делишки.

— У нас вот в Кртолии тоже как-то раз завелся один мальванский святой, — сказал Джориан, — так пока от него отделались, он чуть все королевство не развалил.

— Расскажите мне об этом с-святом!

— С превеликим удовольствием. Дело было давным-давно, в царствование короля Филомена Доброхота — отца более известного у нас короля Фузиньяна.

У короля Филомена, без сомнения, имелось больше благородных чувств и добрых намерений, чем у любого из новарских королей. К тому ж он был не дурак, но увы! У него напрочь отсутствовал здравый смысл. По одним преданиям выходит, что это результат особого расположения планет в момент его рождения. Другие утверждают, что когда феи собрались на его именины, та фея, которая хотела наделить его здравым смыслом, увидела другую фею в точно таком же, как у нее самой, платье, страшно разозлилась и с досады покинула празднество, унеся с собой подарок. Так что Филомен вырос, наделенный всеми достоинствами — храбростью, честностью, трудолюбием, добротой, ну, всем — кроме здравого смысла.

Раз пришла Филомену идея назначить в министры призрака, а тот придумал такую систему пособий, что вконец разорил королевство. Вот тут-то и появился в Кртолии святой старец Аджимбалин. Новый Филоменов министр, Ойнэкс, до своего высокого назначения был мелким казначейским чиновником и так трепетал перед королем, что лишнее слово в его присутствии боялся вымолвить. Поэтому Аджимбалин вскоре совсем обжился во дворце и принялся нашептывать советы на ухо Филомену.

Филомен свои уши охотно подставлял, потому как винил себя в провале системы пособий и в лишениях, какие от этого проистекли, но еще больше винил себя за то, что не может сделать всех кортолцев такими же чистыми, неподкупными и добродетельными, каков он сам. «Нечему удивляться, — говорит Аджимбалин, — потому как ты и весь твой народ погрязли в мерзких, греховных привычках». — «Я считал, что живу разумной добродетельной жизнью, — отвечает Филомен, — но возможно, Святой Отец, тебе удастся убедить меня в обратном». — «Чтоб ты и твой народ обрели спасение, — молвит отшельник, — ты должен пойти по пути нравственного совершенствования, какой я тебе укажу. Будем надеяться, что твой пример увлечет подданных и они последуют за тобой; а ежели пример и увещевания не подействуют, перейдем к суровым мерам. Перво-наперво забудь о горячительных напитках, своем... тьфу... вине и... тьфу... пиве». — «Ежели ты пьянство имеешь в виду, — говорит Филомен, — так я тут своей вины не нахожу. Я отродясь не напивался». — «Не-е, — гнет свое Аджимбалин, — я имею в виду, что от выпивки придется отказаться насовсем». Вот так он вскоре и перевел весь двор на фруктовые соки, вроде пунша, что мы давеча пили. Принести вам еще?

— Нет; пожалуйс-с-та, рассказывайте дальше.

— Аджимбалин хотел было распространить запрет на всю Кртолию, но тут вмешался Ойнэкс и доказал, что после недавних провалов королевской казне необходимы подати. Поэтому полное запрещение пива и вина пришлось отложить до лучших времен.

В скором времени Аджимбалин говорит королю: «Ты должен отказаться от гадкой привычки есть мясо убитых животных. Она указывает, как мало в тебе надлежащего уважения к жизни. Ты уверен, что один из твоих предков не воплотился в корову или свинью какую твои слуги зарезали тебе на обед?» Так что король и двор перешли на диету из злаков и овощей — вроде той, на какую меня здесь посадили.

А святой старец гнет свое. «Теперь, — говорит, сын мой, придется отринуть мерзкую похоть — ты не должен сходитьсся с женой. Поскольку, — говорит, — вожделение есть источник всех горестей, только подавляя вожделение и отвергая мирские привязанности, сумеешь ты достигнуть счастья и избежать несчастий». — «Но я, — возражает Филомен, — пекусь в основном не о собственном счастье, а о процветании моих подданных!» — «Тем лучше, — не унимается Аджимбалин. — Следуя моим жизненным предначертаниям, ты не только сам достигнешь невыразимого блаженства, но приобретешь такую силу и мудрость, что без труда решишь проблемы своего королевства. Запросто сможешь перепрыгнуть городскую стену либо слона поднять. Познаешь тайны сорока девяти небес мальванских богов и сорока девяти преисподних мальванских демонов. Тебе больше не понадобится армия, потому как ты сможешь в одиночку разбить любого неприятеля. Но все эти вещи недоступны для того, кто засовывает свою мерзкую плоть в женское тело». — «Ежели все мои подданные, — отвечает на это Филомен, — откажутся исполнять

супружеские обязанности, в Кортотии вскоре и вовсе людей не останется». — «Тем лучше, — говорит мудрец. — Коли люди перестанут рождаться в нашей реальности, их души хочешь-не-хочешь перейдут в следующую реальность, вместо того, чтоб снова и снова возвращаться в эту юдоль страданий и горя. Так что ты, ежели желаешь подать пример, с нынешнего дня должен жить со своей королевой, как брат с сестрой».

Филомен покорился. Королеве, однако, эта идея не больно-то понравилась. Года не прошло, как она сбежала с морским капитаном; капитан этот, родом из Салимора, стал потом известным пиратом. Королева оставила сына-подростка, будущего знаменитого короля Фузиньяна.

Затем новое дело — Аджимбалин заставил Филомена отказаться от пышного королевского платья и облачиться в рубище, какое обыкновенно носил сам Аджимбалин. Он заставил короля спать на голой земле во дворцовом дворике, а днем заучивать Аджимбалиновы нравственные заповеди. Понятие Филомена о самом диком разгуле сводилось к тому, чтобы, потягивая эль, засидеться допоздна за игрой в шашки с кем-нибудь из старых друзей, но даже эти безобидные удовольствия были ему заказаны.

Вопреки обещаниям Аджимбалина воздержание не привело короля Филомена в состояние полного блаженства. Наоборот, еще никогда король не чувствовал себя таким несчастным. Он скучал по жене — хоть она и пилила его день-деньской — и по сыну, которого пришлось отослать в пажки ко двору Великого Герцога Оттомани. Он скучал по всему, что прежде было ему любо: по старым друзьям, охоте, рыбалке, танцам, доброй еде и выпивке. Вместо обещанных силы и мудрости он обнаружил, что тело его слабеет, а мысли путаются. Рыдая, он признался Аджимбалину, что чувствует себя безнадежным грешником, потому как добродетельная жизнь не дала ему счастья, а совсем наоборот.

«Итак, сын мой, — говорит святой, — я вижу, что ты готов к последнему, самому трудному шагу. Первым делом напиши указ, в котором ты отрекаешься от престола и назначаешь меня своим преемником».

Филомен напугался и стал возражать, да Аджимбалин быстро его убедил: святой старец имел на Филомена такое влияние, что король уж давно привык плясать под его дудку. Ну, Филомен и написал в конце концов отречение.

«Теперь, — говорит Аджимбалин, — вознеси молитву истинному мальванскому богу и убей себя. Лишь так ты можешь содействовать процветанию народа и завершению твоих собственных горестей, потому как у тебя, — говорит, — не хватило духу провести в Кортотии спасительные реформы. Поэтому боги, — говорит, — избрали меня смиренным орудием выполнения их доброй воли. Вот кинжал из твоей оружейной — один точный удар, и дело сделано».

Филомен взял кинжал, оглядел его с сомнением, пальцем пощупал острие. Затем легонько кольнул себя в грудь, отчаянно вскрикнул и отшвырнул оружие ему недоставало мужества нанести решающий удар. Точно так же король не мог себя заставить выпить отраву, заботливо поднесенную Аджимбалином. В конце концов Филомен разразился бурными рыданиями; отощавший от постоянного недоедания, одетый в лохмотья, покрытый коркой струпьев и засохшей грязи — в результате отшельнической жизни, которую он вел под духовным руководством Аджимбалина — король представлял собой воистину жалкое зрелище.

«Пошлю за Ойнэксом, — говорит Филомен, — пусть он все исполнит». И вот призвал он министра и достал из оружейной меч, который некогда верно служил ему.

Рассказал Филомен Ойнэксу свой план, а тот пал на колени и стал умолять, мол, передумайте, Ваше Величество, Но Филомен, который теперь уверовал, что смерть принесет ему долгожданное избавление от всех бед, остался тверд.

«Я, — говорит, — встану на колени и как скажу „Бей!“, ты мне отрубишь голову. Это последнее, что ты — мой верный подданный — можешь для меня сделать; об одном только прошу, чтоб удар был быстрый и точный. А как отрубишь голову, — станешь верой и правдой служить новому королю — святому отцу Аджимбалину».

Ну, опустил король Филомен на колени, склонил голову, а Ойнэкс, дрожа от страха и ужаса, взялся за меч. Коротышке-министру пришлось ухватиться за меч обеими руками. Он принял стойку, размахнулся для пробы и украдкой взглянул на Аджимбалина. Святой старец притаился поблизости и не отрываясь

смотрел на короля: глаза его горели непонятым блеском, из уголка рта стекала слюна. Может, старец впал в священное исступление, а может, его просто охватила суетная жажда власти, до которой было рукой подать, — этого мы никогда не узнаем. Потому как Ойнэкс вдруг крутанулся на пятках и со всего маху хрястнул Аджимбалина по шее мечом; голова слетела с плеч и мячиком запрыгала по полу.

Филомен пришел в ужас и попытался вырвать меч из рук Ойнэкса, но уж так он ослаб от суровой жизни, что министр без труда с ним справился. Тут на короля накатило, и он разразился страшными рыданиями. А как успокоился, словно пелена с глаз его спала.

«Мастер Ойнэкс, — говорит, — как дела в королевстве? Что-то я давненько ничего про них не слышал». — «Иные дела ничего себе идут, иные не очень, — молвит министр. — Леопарды, на которых перестали охотиться, до того обнаглели — детишек таскают прямо с улицы. Пора увеличить пошлину на предметы роскоши из Мальваны, пора строить новую плотину на реке Фодон. Я стараюсь, как могу, но есть дела, которые ждут возвращения Вашего Величества, отправившегося... хм... на поиски духовного идеала. И я настоятельно прошу Ваше Величество отозвать сына из Оттомани, где, как я слышал, он связался с шайкой беспутных юнцов и вовсю набирается у них дурных привычек».

Ну, похоронили они Аджимбалина и постарались сделать вид, будто его и не было никогда. Филомен зажил по-старому, и в Кортолии воцарился мир да покой.

— А жена короля Филомена вернулась к нему?

— Нет. Предпочла остаться любовницей короля пиратов. Филомен, мол, при всех своих достоинствах скучный малый, и ей, мол, хочется для разнообразия острых ощущений.

— Приобрел он здравый с-с-мысл после всех с-сво-их напас-с-тей?

— Ой, нет, никакие напасти не могли выучить его здравому смыслу. К счастью для Кортолии, он через несколько лет поехал на охоту, упал с коня и свернул себе шею. Фузиньян — вот уж кто был не чета Филомену — унаследовал его трон.

* * *

Яргэли:

— Вы рассказываете дивные ис-тории, владетельный господин Джориан. Много их у вас-с в запасе?

— О, еще как много. Вот только... — Джориан заглянул через окно в зал, — боюсь, наш царственный хозяин сочтет меня неучтивым, ежели я продержу вас здесь до конца бала. Может, я смог бы зайти попозже?..

Яргэли ткнула пальцем в сторону окон верхнего этажа чертога «Зеленая Змея», сквозь ромбовидные стекла которых проникал свет ламп.

— Я там живу и была бы очень рада вашему приходу. Но боюсь, это невозможно.

— Почему?

— Как вы попадете внутрь? Когда бал закончится, вс-с-е окна и двери чертога запрут, и у дверей пос-с-тавят вооруженную с-стражу.

— Предположим, я умею летать и после бала появлюсь перед вашим окном? Меня впустят?

— Конечно, впус-с-тят, если придете с-с такими рассказами. Но я не понимаю, на что вы рассчитываете. Крыльев у вас нет, а с-стена абс-с-olutely ровная, без лепнины, не за что уцепитьс-с-я. Разве вы муха и умеете взбираться по гладкому камню, так?

— Высокородная, предоставьте это мне. А теперь, вероятно, нам лучше вер...

— Минуту, мастер Джориан, — произнес чей-то голос, и чья-то рука не слишком вежливо ухватила Джориана за рукав. Перед ним стоял владетельный господин Чавэро, мальванец, с которым он давеча едва не поссорился. — Мне нужно кое-что с тобой обсудить.

Джориан высвободился.

— Положим, для того, кто желал бы вежливо ко мне обратиться, я зовусь владетельный господин Джориан.

— Это и есть одна из проблем, которые я намерен обсудить. Но здесь неподходящее место. Вы извините нас, царица? Мастер Джориан, окажите любезность спуститься по этой лестнице со мной в сад.

Они прошли в конец террасы и по мраморным ступенькам спустились в сад, расположенный на шесть локтей ниже уровня террасы. Тут владетельный господин Чавэро обернулся к Джориану. Небо было безлунное — стоял конец месяца Волка, но из бального зала проникало достаточно света, чтобы соперники могли ясно видеть друг друга.

— Ну? — сказал Джориан.

— Мастер Джориан, — начал Чавэро, — этот бал задуман для представителей настоящей знати — я хочу сказать, для мальванской знати, а не для самозванных дворянчиков из обнаглевших варварских провинций, которых мы — аристократы — почитаем за грязь. Мы согласны были терпеть тебя, пока королеве Мневис требовались услуги толмача. Теперь, однако, нужда в тебе отпала. И поскольку твое присутствие для нас — высокородных — оскорбительно, тебе придется тотчас убраться отсюда.

— Пряма целая речь, — насмешливо сказал Джориан. — Но раз уж я был приглашен Его Величеством самолично и раз уж Его Величество — да правит он вечно! — не отменил своего приглашения после отъезда королевы, мне твое желание не указ. Какие еще будут предложения?

— Пошел вон, собака, в последний раз говорю!

— А ты меня выгони!

— Я-то выгоню!

Чавэро нагнулся и пошарил в кустах. Когда он выпрямился, в руке его блеснула обнаженная кривая сабля. Чувствуя себя хозяином положения, Чавэро двинулся на Джориана, занеся саблю для мощного удара.

Джориан, у которого не было ни меча, ни плаща, ни кинжала, чтобы защититься, попятился. Чавэро сделал резкий выпад, и Джориан отскочил за фонтан. Некоторое время они — то по часовой стрелке, то против часовой стрелки — метались взад-вперед по разные стороны фонтана. У высокого и мощного мальванца ноги, однако, были короче, чем у Джориана, а живот больше, и тому удавалось делать так, чтобы между ним и его противником все время находился фонтан.

Вдруг его тихонько окликнули с балкона:

— Гос-сподин Джориан! Держите!

Он быстро оглянулся: Ярэли, перегнувшись через мраморные перила балкона, протягивала его Рандир. Джориан, забыв о фонтане, в два прыжка оказался у подножия террасы и поймал за рукоятку брошенный Царицей меч.

Он обернулся как раз вовремя, чтобы отразить нападение Чавэро. Замелькали клинки; слышался только лязг, звон, да во все стороны летели искры. Джориан с легкостью отражал ураганный натиск, парируя удары мальванца; тот, наконец, выдохся и принужден был снизить темп. Джориан тут же провел обманный удар слева, на ходу изменил направление и рубанул сплеча вниз и влево, острием меча перерезав кушак, на котором держались оранжевые шаровары.

Джориан отскочил назад. Чавэро, как и ожидал Джориан, сделал молниеносный выпад. Лишившись пояса, штаны мальванца соскользнули на землю, а сам Чавэро ничком грохнулся прямо под ноги Джориану.

Джориан придавил ногой чавэрову саблю.

— А теперь, мой господин, — вкрадчиво произнес он, — я намерен вырезать свое имя на твоих чудненьких, маленьких, голеньких, коричневых яичках...

— Свиныя! — взвыл Чавэро, бросив саблю и вскакивая на ноги.

Он подхватил штаны, обмотавшиеся вокруг лодыжек, и одновременно попытался отскочить, чтобы

Джориан не достал его мечом, но пышные шаровары сковали движения мальванца, и он кувырнулся в фонтан. Чавэро вынырнул из воды, кашляя и судорожно ловя ртом воздух, и перевалился через ограждение на противоположной от Джориана стороне фонтана.

Джориан обежал фонтан и настиг Чавэро в тот момент, когда он освободился наконец от штанов и поднялся на ноги. Джориан повернул Рандир плашмя и, хорошенько размахнувшись, смачно шлепнул мальванца по мягкому месту. Изрыгая проклятия и отчаянно взывая о помощи, Чавэро носился по саду; за ним гнался Джориан, время от времени подбадривая мальванца звонкими шлепками.

Джориан был слишком увлечен и не сообразил, что шум может привлечь внимание остальных гостей. Неожиданно он заметил на террасе свет и какое-то движение. Затем послышался срывающийся от злости голос царя:

— Немедленно прекратить!

Джориан с Чавэро стояли бок о бок и, задрав головы, глядели на террасу. Оттуда, стоя в окружении разряженных в пух и прах и увешанных драгоценностями мальванских аристократов, на них свирепо взирал царь. Чавэро, дабы прикрыть срам, старался натянуть на колени нижний край рубашки. Шайю указал на него и пролаял:

— Объясни!

— Этот... г-грубый... (кашель)... варвар, сир, смертельно оскорбил меня, а потом х-хотел у-у-у...

Последние слова Чавэро потонули в приступе кашля и неразборчивых выкриках и стенаниях. Мальванец, которого душила ярость и который вдобавок наглотался воды, был не в состоянии вразумительно изъясняться. Злобный ропот по адресу варвара-чужеземца пронесся по толпе дворян.

Поскольку Чавэро лишь шипел и брызгал слюной, царь ткнул пальцем в Джориана.

— Теперь ты!

Джориан отвесил низжайший поклон.

— Ваше Величество, любые слова моей особы могут быть истолкованы как попытка себя обелить, а посему моя особа умоляет вас расспросить об этом прискорбном происшествии царевну Яргэли. Царевна, которая присутствовала здесь от начала до конца, сможет дать Вашему Величеству подробнейший отчет.

— Итак? — спросил царь, обернувшись к Яргэли, и та поведала, как было дело.

Она рассказала, как, увидя Чавэро, преследующего Джориана с кривой саблей, которую он, очевидно, заранее спрятал в кустах, она поняла, что если не поможет Джориану спастись, ей нечем будет оправдаться перед царем и его приближенными. Поэтому она тут же отправилась в комнату, где хранилось оружие, и принесла Джориану его меч.

Губы царя дрогнули и он, запрокинув голову и раскачиваясь всем телом, от души расхохотался. В этот миг он стал похож на обыкновенного человека. Еще громче хохотали дворяне: нечего и говорить, что забавная история, рассказанная особой королевской крови, в десять раз смешнее той же самой истории, рассказанной простым смертным. Царь Шайю бросил несколько слов министру Ишварнаму, развернулся на каблуках и ушел обратно в бальный зал. Ишварнам перегнулся через мраморную балюстраду и возвестил:

— Владетельный господин Чавэро! Его Величество приказал сообщить вам, что своим невоспитанным поведением вы навлекли на себя его августейшее недовольство. Вам приказано немедленно вернуться в колкайское поместье и не покидать его вплоть до особого распоряжения. Владетельный господин Джориан, Его Величество дарует вам прощение за любые нарушения придворного этикета, какие вы могли допустить, защищая свою жизнь от владетельного господина Чавэро; Его Величество повелевает вам оставаться на балу столько, сколько вам будет угодно, и постараться забыть недавнее происшествие.

Чавэро одарил Джориана злобной ухмылкой.

— Собака, ты еще пожалеешь о своей наглости! — буркнул он и гордой походкой удалился в темноту сада.

Джориан подошел к стоящему на террасе Карадуру.

— Тебе повезло, сынок, — сказал тот по-новарски, — что ты не убил мерзавца. Иначе даже рассказ Яргэли не спас бы тебя от наказания.

— Я это уяснил, пока он гонял меня вокруг фонтана. Так что как подвернулась возможность выставить его на посмеище вместо того, чтобы убить, я сразу смекнул: вот где божий промысел-то. Ну и страху ж я натерпелся, клянусь медной бородой Зеватаса!

— Сын мой! — с отеческой укоризной произнес Карадур. — Если ты намерен играть роль дворянина, незачем выкладывать каждому встречному, как ты напугался там-то и сям-то. Я знаю, в одном твоём мизинце больше храбрости, чем у любого из этих щеголей наберется во всем теле, однако без конца твердя о своей робости, ты только портишь впечатление. Прекрати!

— Но это ж чистая правда; разве не ты учил, что нужно говорить чистую правду?

— Не отрицаю; но здесь случай особый. Я всяких людей навидался и уверен: дворянину чувство страха знакомо ничуть не меньше, чем всем остальным. Разница в том, что кодекс чести запрещает дворянину признавать свой испуг.

— Так я ж не дворянин, а простой...

— Тише! Пока ты играешь эту роль, придется следовать традициям, какими бы глупыми они не казались. А сейчас самое время подумать, как уберечься от мести владетельного господина Чавэро. Этого Чавэро здесь не очень-то любили за чванство и драчливый нрав, поэтому оставшиеся дворяне скорее всего отнесутся к тебе благосклонно. Но он может запросто подослать отравителя, который подсыпет тебе зелья в похлебку — и, поверь, это будет отнюдь не эликсир долголетия.

— Надеюсь, мы уберемся отсюда еще до рассвета. У тебя сохранилась волшебная веревка?

— Да, на квартире.

— Прекрасно, в полночь притащи ее сюда. Можешь пробраться в сад незаметно для стражи, что караулит чертог «Зеленая Змея»?

— Ничего нет проще; дверь дома напротив не охраняется.

— Значит, будь здесь с веревкой. Как я скроюсь в логове Яргэли, дуй напрямик на конюшню и выводи наших лошадей. Городские ворота не запрут на ночь?

— Нет, по счастью: нынче священный праздник.

— Ну, тогда выведи животных за городскую стену и привяжи в укромном месте.

— Через какие ворота?

— Дай подумать... через Восточные.

— Отчего не через Северные или Западные? Если я не ошибаюсь, мы собирались вернуться в Виндию?

— Дурень! — взорвался Джориан. — Они ж первым делом перекроют эту дорогу. Мы поднимемся вверх по течению Пеннерата до первого брода или моста и свернем на восток, в сторону Комилакха. Затем идем на север, переплываем Халгирский пролив и оказываемся в Швении, а уж оттуда поворачиваем на запад и едем в Двенадцать Городов.

— Ты собираешься обойти кругом Срединное море? Это же огромное расстояние! Мы не успеем добраться До Метура в назначенное время.

— Успеем, коль повезет, — я смотрел карты. А вот ежели нас потопчут царскими слонами, нам туда вовек не добраться.

— Но у Шайю есть слоны, обученные брать след, как гончие в других землях. Ни одно животное не обладает таким безошибочным нюхом, как слон.

— Что ж, придется рискнуть. Как привяжешь скотину, собери наши пожитки и жди меня у Внутренних ворот дворца.

— Почему не за городом? Длительные расспросы стражи, стоящей на воротах, могут нас задержать.

— Я не знаю дороги, а в этом чертовом городе столько улиц, что без тебя я обязательно заплутаю.

— Тогда давай встретимся за наружными дворцовыми воротами; все-таки на две проверки меньше. Веревка поможет тебе перебраться через стены.

— Отлично. Ежели тебя остановят, скажи, мол, выполняю тайное поручение Ишварнама — в общем, соври что-нибудь правдоподобное. Ну, я пошел брататься с цветом мальванского рыцарства.

Войдя в зал, Джориан сразу понял, что Карадур не ошибся в своих предсказаниях. Дворяне старались пробиться к нему поближе, совали в руку кубки с фруктовым соком и расхваливали на все лады. Кто-то даже сказал, что Джориан лишь опередил придворных, которые, дескать, сами уже давно собирались проучить Чавэро.

Потягивая фруктовый пунш, Джориан подумал, что, случись этот бал в Новарии, отмечая свою победу, он бы наверняка упился в стельку, и, следовательно, не смог бы принять участие в предстоящем безрассудном приключении. Даже мальванский аскетизм, пришло ему в голову, имеет свои положительные стороны.

* * *

В полночь царевне Яргэли почудилось, будто кто-то легонько постучал в окно ее спальни. Она растворила окно и увидела Джориана, который, уцепившись одной рукой за торчком стоящую веревку и обхватив ее ногами, другой рукой стучал в стекло. Яргэли помогла ночному гостю перебраться через подоконник.

— Мой с-славный гос-сподин, — спросила она, проведя Джориана в примыкающую к спальне гостиную, — к чему прикреплен верхний конес-с этой веревки, что так прочно удерживает вас-с?

— Он, Высокородная, привязан к загробному миру. Я сам не больно-то понимаю эту механику, хотя колдун, конечное дело, вмиг бы вам все объяснил. Что тут у нас? — он взялся за кувшин и потянул носом. — Только не говорите, что в этом прибежище воздержания водится настоящее вино!

— Водит-с-ся, а как же, — Яргэли смахнула крышки с двух золотых блюд, и глазам предстало жаркое. — И еще нас-с-тоящее мяс-с-о.

— Во имя всех богов и демонов Мальваны! И как вам удалось его раздобыть?

Она передернула мощными плечами; огромные груди-шары заходили ходуном.

— Это часть с-соглашения между мной и Великими Гос-с-ударями. Я охраняю их проклятый Ларец, а они по первому требованию с-снабжают меня мяс-с-ом и выпивкой. Я бы на этой мальванской диете живо ноги протянула; кроликам она, может, и годитс-с-я, а мне — увольте. Так что с-садитесь и уплетайте, пока не ос-стыло.

Джориан не заставил себя упрашивать.

— Царевна, — не переставая жевать, спросил он, — почему вы заключили такое соглашение?

— Да будет вам извес-с-тно, я принадлежу к древнему народу, который живет в с-самом с-сердце джунглей Бераоти. Но хоть с-срок жизни у нас много больше, чем у ваших с-соплеменников, дети рождаются очень редко. Так проходили годы и тысячелетия, и народ мой потихоньку вымирал, пока нас-с не осталось всего нес-с-колько человек. В результате ссоры — в суть которой я вдаваться не буду — меня изгнали из племени. И вот, измученная, со с-сбитыми ногами, я появилась в Тримандиламе, где правил тогда царь Вену по прозванью Вену Пужливый.

Царь Вену принял меня гос-степприимно, но вскоре начал с-сильно переживать, что я ем в три раза больше, чем он и с-самые прожорливые из его подданных, да к тому же требую запретного мяс-с-а. Как видно из его прозвища, он был один из тех, кто не чувс-с-твует себя с-счастливым, покуда какая-то надвигающаяся опас-с-ность не делает его нес-счастливым, вы ведь меня понимаете, так? Он вечно о чем-то переживал.

Еще он с-сильно переживал насчет Ларца Авлена: с-сундук дважды пытались стащить — раз подослали вора, а в другой раз подкупили охрану. Вторая попытка чуть было не удалас-сь, но одного из взяточников замучили угрызения с-совести, и он во всем признался. Пос-с-ле этого он был произведен в капитаны, а остальных с-стражников потоптали царскими с-сло-нами — исход, который предатель несомненно предвидел благодаря с-своей чуткой с-совести.

И вот царь Вену задумал одним махом избавиться с-сразу от двух переживаний и назначил меня официальной хранительницей Ларца, а взамен дал эти покои, еду, выпивку и с-слуг — чтоб я ни в чем не нуждалась. Так, более пяти столетий назад, мы заключили с-соглашение, которое действует и по с-сию пору.

— Мне подумалось, — заметил Джориан, — что Вашему Сверхъестественному Высочеству тягостно день за днем сидеть взаперти в четырех стенах.

— Я не большая охотница до путешествий, не в пример вам — людям, так что жаловаться не приходится. Тримандилам я уже видела и не жажду ос-свежить впечатление. К тому же мне не нравится, когда мальванское прос-стонародье плясает на меня во все глаза, будто я чудище какое. С-слуги доносят мне обо всем, что происходит за с-стенами, а жилищем, которое раз в с-столетье заново обставляют по моему вкусу, я довольна. С-садитесь-ка рядом с-со мной на диван и рассказывайте какую-нибудь из обещанных историй. — Яргэли подлила в кубки вина. — Вот хотя бы историю о бедствиях, которые ваш король Филомен навлек на Кртолию, когда назначил министром призрака, В жизни не с-слыхала о призраках-министрах.

Джориан отхлебнул добрый глоток.

— Было это в самом начале его царствования, когда возникла нужда в новом министре: прежний как раз помер. Несколько лет Филомен управлял прекрасным королевством, где царили справедливость, закон и процветание, но его печалило, что отдельные кортольцы по-прежнему живут в пороке и совершают преступления, хоть он и пытался улучшать нравы всякими указами и личным примером. И вот, дабы исправить создавшееся положение, решил Филомен призвать на службу первейшего мудреца Двенадцати Городов.

Провел король тщательное расследование и установил, что живет вроде бы в Гованнии такой мудрец, некий философ по имени Цейдар — говорили, что учение его во всей Новарии человека не сыскать.

Но когда Филомен послал в Гованнию гонца, чтоб предложить Цейдару почетную должность, гонец узнал, что ученый доктор недавно преставился. Услыхав эту весть, король Филомен аж разрыдался от огорчения. Тут говорит ему камергер, мол, не все еще потеряно. Живет, мол, в горах южной Кртолии ведьма по прозвищу Гло — она де умелая колдунья и пользуется доброй славой, даром что Филовеновы чиновники не выдают ей диплом на занятия волшебством. Раз Цейдар помер недавно, очень может быть, что душа его еще не успела заново воплотиться ни в этой, ни в следующей реальности; поэтому, дескать, Гло его вызовет, и он станет королю советчиком.

Ну, велел Филомен доставить Гло в город Кртолию, пообещав не наказывать ее за противозаконное колдовство. Подождла Гло свои порошки, помешала в котле, побежали по стенам тени, хоть некому было их отбрасывать, заметалось пламя свечей — само по себе, безо всякого сквозняка; из дыма, сменяя друг друга, проглядывали страшные рожи, дворец содрогался, короля охватил леденящий холод. И вот появился в магической фигуре призрак Цейдара-философа.

«Зачем ты меня потревожил? — спрашивает призрак тонким писклявым голосом, каким все призраки говорят. — Только я раскопал среди заброшенных древних манускриптов оттоманьской библиотеки Его Незаконнорожденного Величества трактат о логике и набрел на неизвестное положение закона об исключенной середине, как меня потащили сюда».

Ну, Гло объяснила, чего хочет король Филомен. «Ах, министр? — говорит призрак. — Ну, тогда другое дело. Всю жизнь я пытался найти властителя который внял бы моим советам и согласился управлять державой по законам логики, да так и не нашел. Я, сир, с превеликой радостью принимаю твоё предложение. Какого совета ты ждешь от меня для начала?» — «Я б хотел положить конец преступлениям и пороку среди кортольцев», — говорит король, и давай вздохом описывать положение дел в королевстве,

и что он, дескать, старался, да ничего не выходит. — «Ну, так у меня, гм-гм, есть теория о преступлении, — молвит призрак. — Для меня очевидно, что преступники вынуждены творить злодеяния, потому как имеют надобность. Вор ворует, чтоб не помереть с голоду. Насильник насилует, потому как слишком беден, чтоб обзавестись законной женой, либо даже купить дешевую проститутку. Устрани причину — то бишь надобность — и преступлениям придет конец. Диву даюсь, почему такое простое решение никому в голову не пришло». — «Да как я их от надобности-то избавлю?» — спрашивает король. — «Очень просто: дай каждому уличному преступнику скромное, но достаточное пособие, и пусть идет себе с миром. Логично, да?»

Король не нашел никакого изъяна в рассуждениях Цейдара и позволил Гло отпустить призрака. А сам повелел, чтоб преступникам вместо наказания выделяли пособие. Так и поступили.

Однако этот пенсионный проект возымел неожиданные последствия. Некоторые преступники действительно исправились, как получили пособия, а иные даже стали гордостью страны — к примеру, Глойс, наш великий поэт, или судовладелец Соусер.

Нравы же остальных — их оказалось гораздо больше — нимало не изменились. Преступники слонялись без дела и подыскивали себе безобидные, а порой и не очень безобидные развлечения. И уж чего добрый король Филомен никак не мог взять в толк, так это того, почему многие из них продолжали совершать преступления, хотя, получая пособия, не имели в них надобности. Более того, число преступлений даже возросло, потому как Филоменовы подданные обнаружили: ежели хочешь получать из казны постоянный доход — попадись с поличным. Жители разбойничали, насильничали и безобразили где ни попадя, не пытаясь скрыться от правосудия. Так, к примеру, два торговца обвинили друг друга в краже; шляпочник говорил, что антиквар стащил у него дюжину шляп, а антиквар утверждал, что шляпочник унес дорогую вазу. Причем странное дело, оба в своих лавках поместили добычу на видное место. Всем, кроме Филомена Доброхота и его призрачного министра, было ясно, что парочка сообща обстрипала это дельце, желая попасть в списки получающих пособие.

Когда Филомен в очередной раз с помощью Гло вызвал призрак Цейдара и стал жаловаться на нежданную напасть, тот ни на минуту не усомнился в своей логике. «Должно быть, — сказал он, — денег, какие ты платишь своим злоумышленникам, недостаточно, чтоб их надобность уменьшилась. Удвой-ка пособия, сам увидишь, как дело пойдет», В скором времени казна опустела, и Филомену, чтоб выплачивать обещанное пособие, пришлось сперва занимать денег за границей, а потом и вовсе ухудшить качество чеканки. В кортольских серебряных монетах содержалось теперь столько олова и свинца, а в золотых столько меди, что уважающие себя люди перестали их принимать. Полновесные деньги прежних времен кортольцы припрятывали в кубышки, а от Филоменовых фальшивок, как их прозвали в народе, стремились поскорее избавиться. Торговля пришла в упадок; никто не брал новые деньги и никто не решался расстаться со старыми. В городе Кортолия начались хлебные бунты и другие беспорядки.

В конце концов король Филомен решил пойти в народ и выяснить, в чем же его ошибка. Он разговаривал со многими арестантами; все добивался, зачем они пошли на преступление. Одни ввали без зазрения совести. Другие признавались, что хотели получить пособие. Но один старый негодяй — сплошь покрытый шрамами, с оторванным ухом, — который убивал и грабил торговцев на большой дороге, открыл все-таки королю, что за мысли таились в головах ему подобных.

«Видите ли, Ваше Величество, — говорит этот разбойник, — дело не только в деньгах. Скука смертная сидеть дома и жить на пособие. Я чуть не рехнулся с тоски». — «Но есть много достойных занятий, — молвит король, — солдат, к примеру, охотник, гонец; они обеспечивают здоровый образ жизни и к тому же приносят пользу». — «Вы, сир, не понимаете. Я не желаю приносить пользу, я желаю приносить вред. Желаю грабить, избивать и убивать людей». — «Боги милосердные, почему ты этого желаешь?» — спрашивает король. — «Ну, сир, ведь самое сильное желание человека — возвыситься над ближним, заставить его признать твое превосходство, правильно?» — «Можно и так выразиться, — с опаской отвечает король. — Но я стараюсь достигать превосходства с помощью добродетели». — «Вы — да, а я нет. Ведь живой человек, грубо говоря, выше мертвого, правильно?» — «Да, пожалуй, что так». — «Значит, ежели я кого убиваю, он помирает, а я живу себе спокойненько, так я его, ясное дело, выше, хотя б потому, что остался в живых, правильно?» — «Никогда об этом не задумывался», — говорит король, а сам чуть не плачет. «То же самое, — продолжает мерзавец, — можно сказать о нападениях, грабежах и других

занятиях, какие мне по сердцу. Ежели я кому подам, либо он мне что-то подарит, либо мы с ним сменяемся полюбовно — поди докажи, кто из нас двоих лучше. А ежели я насильно отберу его собственность, то докажу, что я его сильнее. Каждый раз, когда я делаю кого-то несчастным, а он мне тем же отплатить не может, я доказываю свое превосходство». Тут король как завопит: «Ты, видно, рехнулся! В жизни я не слыхивал такой чудовищной философии!» — «Не-е-т, сир, уверяю вас, я такой же нормальный человек, как и вы». — «Ежели ты нормальный, тогда я спятил, и наоборот, — говорит король, — потому что наши взгляды отличаются как день и ночь». — «Ах, но, Ваше Величество, я же не говорил, что мы похожи! Люди такие неодинаковые, что коль одного назовешь нормальным, все прочие покажутся сумасшедшими или притворщиками. К тому ж в большинстве людей уживаются разные стремления, которые заставляют их поступать нынче так, а завтра иначе. Вот у вас, к примеру, стремление делать добро настолько сильнее стремления делать зло, что вы творите только добрые дела, тогда как у меня и мне подобных все наоборот. Но ежели мы возьмем среднего человека, то увидим, что оба этих побуждения одинаково сильны в нем, и он иногда бывает добрым, а иногда злым. И когда в ком-либо из ваших подданных стремления заложены от рождения в определенной пропорции, не думаю, что в зрелом возрасте эту пропорцию можно изменить, хоть вы в лепешку разбейтесь».

Король упал на трон, как громом пораженный. Сидел он, сидел, а потом и говорит: «Где же, мой славный убийца, ты выучился так философски рассуждать?» — «Мальчонкой ходил я в метурскую школу к вашему уважаемому министру, Цейдару Гованнскому; он тогда, помнится, был не бесплотный дух, а молоденький учитель. И ежели, значит, вы, сир, велите своему казначею внести меня в списки на пособие...» — «Не могу, — отвечает король, — потому как ты меня убедил, что мой проект был ошибкой. И Головоруба не могу позвать, чтоб укоротил тебя маленько по заслугам, потому как ты мне помог глубже заглянуть в душу ближнего моего. С другой стороны, я не могу допустить, чтоб ты по-прежнему творил в Кортотии свои мерзкие дела. Посему тебе дадут лошадь, немного денег и двадцать четыре часа, чтоб ты убрался из страны и не возвращался под страхом смерти».

Сказано — сделано, хоть Филомен в душе и терзался, потому как винил себя, что отправил этого прощелыгу в одну из соседних стран. Король рассеял призрак Цейдара и расплатился с Гло. Ведьма увидела деньги, да как завопит: «Сир! Меня обманули! Это ж никчемные подделки, что ты давеча начеканил!» — «Поскольку, — отвечает Филомен, — совет твоего призрака оказался тоже никчемным, мы в расчете. А теперь убирайся в свою пещеру, и чтоб духу твоего не было».

Гло удалилась, бормоча проклятия; и кто знает, не сказались ли ее проклятия, когда спустя несколько лет король погиб, свалившись с лошади? Филомен назначил новым министром Ойнэкса; дела в Кортотии потихоньку пошли на поправку. Но тут король Филомен угодил в лапы так называемого святого Аджимбалина; а что из этого вышло, я вам уже рассказывал.

За разговором Джориан придвинулся к царевне вплотную и теперь сидел, обхватив рукой ее мощный обнаженный стан. Яргэли запрокинула лицо для поцелуя и так сдавила Джориана в объятиях, что тому почудилось, будто его душит огромная змея.

— Благодарю за с-сказку, человеце, — проворковала она. — А теперь поглядим, удастся ли тебе обс-с-какать этих мальванских недомерков, у которых причиндалы не больше зубочис-стки? Поехали!

* * *

Три часа спустя царевна Яргэли лежала на боку, повернувшись лицом к окну, через которое влез Джориан, и мерно дышала во сне. Джориан неслышно соскользнул с огромной кровати. Он быстро натянул на себя одежду, а башмаки заткнул за пояс.

Затем он обшарил спальню в поисках Ларца Авлена. Свеча в этой комнате догорела и погасла, но через открытую дверь гостиной, где по-прежнему горели две масляных лампы, проникало вполне достаточно света. Джориан обследовал сундуки, расставленные вдоль стен, но не нашел того, который искал. Да и в самих стенах, похоже, не было секретных ниш и тайников. Поиски в царевниной мыльне тоже ничего не дали.

В конце концов Джориан обнаружил Ларец там, где следовало поискать с самого начала: под

кроватью Яргэли. Это оказался потрепанный сундучок примерно в полтора локтя длиной и в локоть шириной и высотой, закрытый на латунные замки и перетянутый для прочности старым кожаным ремнем. Ларец стоял у дальнего — если смотреть от окна — края кровати. Кончив заниматься любовью с Яргэли, Джориан лежал как раз на этом краю. Разумеется, он должен был именно с той стороны вытащить сундук, затем на цыпочках обойти кровать, подкрасться к окну и выбраться наружу.

Осторожно, будто ступая по бритвам, Джориан приблизился к кровати и опустился на колени. Ухватившись за одну из латунных ручек, он медленно потянул к себе Ларец. Тот оказался довольно легким. Джориан, почти не дыша, пядь за пядью тянул сундук из-под кровати. И вот наконец Ларец стоит перед ним. Джориан взялся за обе ручки, встал с колен и сделал шаг назад.

Тут, к его полнейшему ужасу, царевна Яргэли забормотала во сне и перевернулась на другой бок. Глаза ее широко распахнулись. Царевна рывком сбросила покрывало, выставив напоказ свое огромное смуглое тело с неимоверно большими грудями.

— С-с-с-стой! — сказала она.

Мгновение Джориан, все еще немного пьяный от вина Яргэли, стоял ни жив, ни мертв. За это мгновение Яргэли разительно изменилась. Тело ее удлинилось, руки и ноги словно втянулись внутрь. Шоколадную кожу сменила оливково-зеленая чешуя, покрытая сетчатым узором в терракотовую и желтую полоску. Лицо вытянулось и превратилось в длинную безобразную морду. В спальне потянуло мускусом.

Перед Джорианом была змея — в легендах и мифах, которые он слышал в Новарии, никогда не упоминались змеи такой величины. Над кольцами огромного тела возвышалась голова размером с лошадиную. В пасти метался раздвоенный язык. В самой толстой части туловища змеи было обхватом с Джорианову талию.

Разом протрезвев и стряхнув с себя минутное оцепенение, Джориан лихорадочно соображал. Чтобы добраться до окна, надо обежать вокруг кровати, то есть оказаться в опасной близости от змеиной головы. Если бы только он велел Карадуру поместить веревку у одного из окон гостиной, можно было бы улизнуть, но сейчас путь к отступлению был отрезан. Слишком поздно вспомнил Джориан предостережение Гоании об окнах в спальне. Если он попытается выбраться через окна гостиной, то наверняка грохнется с высоты на мраморные плиты террасы и свернет себе шею либо сломает ногу. Наружная стена была абсолютно гладкой, и не было ни плюща, чтобы, уцепившись за него, спуститься на землю, ни дерева, на ветки которого он мог бы перепрыгнуть.

Когда змея соскользнула с кровати, затрещавшей под ее тяжестью, и устремилась к Джориану, тот опрометью бросился в гостиную. У этого зала было два выхода. Первая дверь, как решил Джориан, вела на третий этаж соседнего чертога; за ней скорее всего стояла охрана. Вторая — приотворенная — открывала ведущую на первый этаж лестницу, по которой Яргэли в начале праздника спускалась из своих покоев в бальный зал.

Джориан промчался через гостиную и выскочил на лестницу. Он побежал вниз; следом, шипя, как гигантский чайник, и извиваясь всем своим непомерным — в сорок локтей длиной — телом, ползла Яргэли. Хорошо еще, промелькнуло в голове Джориана, что, приняв змеиное обличье, царевна лишилась способности звать на помощь.

В бальном зале царил полумрак; горела лишь небольшая масляная лампа, подвешенная к стене. Царские слуга раскатали огромный ковер, который покрывал мраморный пол в промежутках между балами.

Джориан подскочил к ближайшему из окон, выходивших на террасу. Однако оказалось, что окно не только закрыто, но и заперто. Джориан почти на ощупь отыскал замочную скважину. В дверном проеме у подножия лестницы показалась змеиная голова Яргэли.

Будь у него в запасе хоть пара минут, Джориану, разумеется, не составило бы труда отомкнуть любое из продолговатых окон. Будь у него время и не опасаясь он помехи, Джориан мог бы просто выдавить стеклянные квадратики и вырваться из западни. Но стеклышки были маленькие, а переплет частый и прочный, и, чтобы высадит окно, пришлось бы колотить по нему каким-нибудь тяжелым предметом — стулом, к примеру; шум привлек бы внимание стражи, стоящей на часах по ту сторону парадных дверей

бального зала.

Если он попытается открыть оконный запор отмычкой, Яргэли нападет сзади, обовьется кольцом, сожмет в своих змеиных объятиях и, начав с головы, мало-помалу заглотнет его, как лягушку. Теперь Джориану стало ясно, почему за пять столетий никому не удалось стащить Ларец из-под ее, казалось бы, такой ненадежной охраны.

Совсем рядом вынырнула голова Яргэли, в ее пасти метался раздвоенный язык. Джориан опустил Ларец Авлена на ковер. Ухватившись за край, он с натугой, рывками потащил ковер за собой к дальней стене бального зала, подальше от продолговатых окон. Ковер сбился в складки, и тянуть его стало неимоверно трудно, ведь весил он в несколько раз больше, чем сам Джориан. Окажись на его месте человек пониже ростом и послабее, ему бы нипочем не сдвинуть такую тяжесть. Но Джориан, мышцы которого готовы были лопнуть от напряжения, обливаясь потом, ценой неимоверных усилий сумел оттащить ковер в дальний угол бального зала, где тот и остался лежать беспорядочной грудой.

Затем Джориан подхватил Ларец — который ехал вместе с ковром — и вернулся к одному из продолговатых окон. К этому времени Яргэли уже преодолела лестницу, и теперь все ее тело распласталось на голом мраморном полу. Но тут она обнаружила, что не может двинуться с места: в зале, начисто лишенном обстановки, с отполированным до блеска полом ей не от чего было оттолкнуться. По огромному змеиному телу от клиновидной головы до остроконечного хвоста волнами пробежала дрожь, но тщетно: царица, как бьющийся на ветру стяг, двигалась, оставаясь при этом на месте. Шипя от бессильной ярости, Яргэли заерзала по полу с удвоенной энергией, но чешуйчатое тело лишь без толку скользило взад-вперед по гладкому мрамору.

Тем временем Джориан, отбежав к дальнему окну, отпер засов, затем, подхватив Ларец, выскользнул на террасу и запер окно снаружи. Он подбежал к тому месту, где на мощеном полу по-прежнему торчком стояла волшебная веревка, и сотворил простенький наговор, отчего предыдущее заклинание утратило силу. Обмякнув, веревка упала и свернулась в моток.

* * *

Через четверть часа Джориан присоединился к Карадуру, который, боясь попасть на глаза страже, ожидал его за главными воротами под прикрытием слоновьей водокачки.

— Все пожитки унес? — зашептал Джориан. — Где меч? Спасибо... Проклятье, ты забыл мою шляпу! Они ее сунут под нос своим ищейкам-слонам. Ну да ладно; у меня есть эта шапка дурацкая. Можно из твоей волшебной веревки сделать лямки? Хочу перекинуть за спину чертов сундук.

Карадур повертел веревку в руках.

— Почему бы и нет? Волшебные силы иссякли, и до следующего заклинания это просто веревка — ничего больше.

Следующий час застал их скачущими на юг по левому берегу Пеннерата. Джориан пересказывал Карадуру подробности недавнего приключения.

— Сынок, — спросил колдун, — как тебе пришло в голову остановить Яргэли таким хитроумным способом?

— Я вспомнил, что раз, мальчонкой, поймал безобидную змейку и несколько дней таскал ее с собой. Потом отец взял меня в дом ардамайского помещика, где он устанавливал водяные часы. И вот хожу я по дому, отцу помогаю, а змея тем временем выскользнула из мешочка и шлепнулась прямо на натертый паркет. Пока я водворял бедного змееныша на место, помещикова жена орала, как умалишенная; меня в тот вечер отправили спать без ужина. Но я вспомнил, что змея не смогла уползти, потому как пол был склизкий; я ее сразу поймал. Вот я и решил: дай-ка сделаю то же с черной бабой, авось сработает.

— Как тебе понравились твои... уфф... плотские забавы?

— Больно тряско; навряд ли как спятившую от любви слониху обихаживаешь. Вот где стремяна-то пригодились бы: чуть головой об пол не навернулся.

Карадура передернуло.

— Она осталась довольна?

— Кажись, да; хоть, сдается мне, она б могла выиграть больше сражений, чем я готов был дать. Что ж, я всего лишь простой смертный, да еще трусил не на шутку.

— Джориан! Я же тебя просил не рассказывать о своем...

— Ой, ну хорошо. На будущее я согласен любить лишь с обычными женщинами. Ежели б мне только вернуть малышку Эстрильдис... — Джориан смахнул слезинку, а затем вдруг испуганно посмотрел на колдуна. — Боги милосердные! Я тут подумал: что, ежели она от меня понесет?

— Не бойся, сын мой. К счастью, помесь человека и одного из змеелюдей невозможна. Я трепещу при мысли о том, что могло бы натворить существо, в котором соединились бы ее способность менять обличье и твоя ловкость и отвага!

Глава 7

Развалины в джунглях

В джунглях Комилакха, занимающих громадную территорию от границ Мальваны до берегов Восточного океана, тянулись в небо гигантские — высотой в сотни локтей — деревья самых разных пород. По ветвям верхнего яруса, наполняя лес неумолчными криками, скакали белки и обезьяны; взлетали, хлопали крыльями и щебетали птицы с ярким опереньем. Ниже, под этим постоянно волнующимся морем зеленой листвы, было царство ползучих растений: лианы толщиной в человеческую ногу свисали петлями, переплетались и свивались в клубки. По лианам в поисках добычи ползали большие, как крабы, мохнатые пауки; глаза их сверкали, будто пригоршни крохотных бриллиантов. Прямо на стволах и ветвях деревьев коренились растения-паразиты, украшенные цветами нежнейших оттенков.

У самой земли, в вечном сумраке нижнего яруса, куда ни глянь, утопали в рыхлых кучах прелой листвы подножия древесных стволов. Там и сям лиственный ковер пробивали тонкие — большей частью засохшие — деревца и островки папоротника. Сквозь сплошной зеленый полог, если смотреть снизу, лишь изредка проглядывал кусочек голубого неба, но порой золотой лучик, блеснувший в вышине меж ветвей, указывал направление, в котором следует искать утреннее солнце. Людям нечасто удавалось встретить крупных обитателей нижнего яруса — слона, буйвола, тигра, носорога, оленя, антилопу, тапира или дикую свинью, — потому что звери, издали почуяв приближение человека, спешили уйти с дороги.

Джориан с Карадуром, старательно огибая древесные стволы и островки папоротника, поминутно уворачиваясь от тонких сухих веток и свисающих петлями лиан, верхом пробирались по этой сумрачной безмолвной местности. Джориан ехал на рослом чало-гнедом Оузере, Карадур на белом осле. Головы животных поникли от усталости; если бы седоки на каждом шагу не понукали коня и осла, они бы тут же остановились и принялись общипывать листья.

Беглецы тронулись в путь еще до рассвета. Там, где в кустарнике случались просветы, они заставляли животных переходить на рысь. Временами, однако, они останавливались, оглядывались назад и прислушивались.

Вот уже несколько дней Джориан с Карадуром пытались оторваться от преследователей: двух слонов, обученных брать след, и десяти вооруженных до зубов конных солдат. Сначала беглецам удалось выиграть несколько часов, потому что первую погоню отправили, как и ожидал Джориан, вниз по течению Бхармы. Но царь Шайю быстро исправил оплошность, послав второй отряд вверх по берегу Пеннерата.

Несмотря на то, что слоны, которые на дальних переходах с трудом выдерживали темп лошадиной рыси, сдерживали погоню, знание местности и запасные кони помогли преследователям сократить разрыв. К тому времени, когда беглецы, миновав возделанные поля восточной Мальваны, сменившиеся затем одинокими полянками, вступили в нехоженые джунгли, от погони их отделяло не более часа пути.

С этих пор Джориан и Карадур почти не слезали с седла: спать приходилось урывками, иногда прямо на ходу. Оба выглядели усталыми и измученными. Роскошный наряд, в котором Джориан бежал из Тримандилама, теперь испачкался, запылится и весь полинял от дождей и въевшегося пота. В Комилакхе наступил так называемый сухой сезон, когда дожди случались лишь раз в несколько дней, а не лили постоянно, как это всегда бывает летом.

Изнуряющая влажная жара заставила Джориана обнажиться до пояса. Он держал поводья в правой руке; левая была наспех подвешена на перевязь. Двумя днями раньше, во время привала, он оступился, взмахнул рукой, стараясь удержать равновесие, и схватился за ветку какого-то деревца, поросшего длинными острыми колючками. Через два часа левая рука страшно распухла, покраснела и запылала, как в огне. Сейчас она все еще сильно болела; пользоваться ею было нельзя. При каждом резком толчке руку словно пронзало острыми иголками, поэтому тряская езда доставляла Джориану невыносимые мучения. Однако перспектива быть потоптанным царскими слонами гнала его вперед.

Время от времени Джориан придерживал жеребца, чтобы дать животным короткую передышку и прислушаться к звукам погони. Прошлой ночью трубные крики слонов предупредили его о приближении

неприятеля. По счастью, дело происходило в такой густой чаще, что ни беглецы, ни преследователя не могли видеть друг друга. Джориан с Карадуром пустили животных вскачь, а потом загнали в ручей и несколько ферлонгов ехали по воде, поэтому Джориан надеялся, что слоны сбились со следа, но убедиться все же не мешало.

Теперь, остановив жеребца, который тут же стал общипывать папоротник, Джориан предостерегающе поднял руку. Карадур замер. До их ушей донесся слабый, но совершенно отчетливый крик слона и бряцание доспехов.

— Доктор, — сказал Джориан, — ежели животным не дать роздыха и кормежки, они не сдюжат нового перехода. Заставь-ка солдат поплутать.

— В последний раз, — прошамкал Карадур. — У меня снадобий осталось только на одно запутывающее заклинание. Помоги слезть с осла, и я постараюсь что-нибудь сделать.

Вскоре старый колдун разжег крохотный костерок.

— Сухие веточки, сухие! — бормотал он. — Только не мокрые, нам нужно поменьше дымить. Ну-ка ну-ка, куда я засунул порошки для Поплуталки № 3?

Карадур порылся в складках одежды и выудил один из своих подсумков со множеством отделений, но, заглянув в него вскрикнул в ужасе:

— О, горе мне! Ни крупички желтого гриба из Хрота! — он лихорадочно рылся в подсумке. — Я, должно быть, забыл его положить, когда составлял этот набор порошков. Мы пропали!

— Почему бы тебе не взять другой старый гриб? Вон тот, к примеру?

— Я не знаю его свойств. Но давай попробуем; хуже-то вряд ли будет.

Карадур истолок гриб в маленьком котелке, добавил каких-то снадобий и хорошенько перемешал. Листья зашелестели, хоть ветра не было, зеленый полог словно бы пошел вниз, все ближе, все темнее...

Карадур наконец откинулся назад и привалился спиной к дереву.

— Воды! — едва слышно прокудахтал он. — Сил моих нет.

Джориан подал ему бурдюк с водой. Пока Карадур пил, Джориан потянул носом воздух.

— Зеватас милосердный, откуда такая вонища? — спросил он и снова принялся. — Это от тебя... не-ет, от нас обоих! Видно, твое заклинание сработало наоборот. Мы воняем, как гимнастический зал, бойня и куча дерьма вместе взятые. Благодаренье богам, что мы с подветренной стороны и слоны не чуют этого запаха... Ох, чтоб тебе пусто было! Прямо на них пахнуло!

Порыв ветра всколыхнул листву нависшего над головами зеленого шатра и раскачал молодые ветки. Кроны деревьев гасили силу ветра, и до земли долетало только легкое дуновение, но, пусть и слабый, ветер дул с востока в сторону людей царя Шайю.

— Лезь в седло! — гаркнул Джориан. — Да поживей!

— Не могу; я совершенно измучен...

— Ты, чертов старый дурень, лезь на осла, или я тебя за бороду втащу! Они идут сюда!

Из леса донесся громкий, трубный крик слона. Ему эхом вторил сигнал горна, слышались голоса и звуки приближающейся погони. Джориан сгреб Карадура и усадил на осла. Затем вскочил на лошадь.

— Крепче держись! — велел он. — Они пустили коней в галоп. Наверное, пойдут цепью, хотят нас взять с наскока. Трогай!

Короткая передышка отчасти вернула животным былую прыть. Впереди, оглябая деревья и уворачиваясь от веток, легким галопом скакал Джориан, за жеребцом развалистой рысью бежал осел. На спине осла, вцепившись в седло и крикая при каждом новом толчке, тряся Карадур. Он был не в состоянии править, но осел, привыкший всюду следовать за лошадей, почти не нуждался в поводьях.

Преследователи, видимо, растянулись цепью, потому что drobный топот скачущих коней слышался уже не так отчетливо. Трубные крики слонов, не поспевавших за погоней, затихали вдали. Проскакав

некоторое время в полной тишине, Джориан поднял руку и пустил жеребца шагом. Он направил Оузера к огромному дереву, ствол которого у основания имел в обхвате никак не меньше двадцати локтей.

— У нас на хвосте висит только один солдат, — сказал он. — Остальные идут слишком широкой цепью и уже потеряли друг друга из виду. Чтоб снова взять наш след, им придется вернуться за слонами. На, забери свой проклятый Ларец!

— Что ты собираешься делать?

— Спрячусь за этим деревом и дождусь нашего преследователя, ты же поедешь дальше. Выстрелить с большой рукой не получится, а с мечом я справлюсь. Но только не с этой штукой на спине. Пошел вон! — рывкнул Джориан, видя, что Карадур нацелился возражать.

Осел затрусил прочь, унося подсакивающего на седле Карадура; Ларец болтался за плечом колдуна на веревочной лямке и больно бил его по спине. Джориан, которому распухшая рука не позволяла сжать поводья, обмотал их вокруг левого локтя и достал из ножен меч Рандир. Затем он притаился за деревом и стал ждать.

Все ближе и ближе слышался дробный стук копыт. Наконец, когда Джориану стало уже невозможно выносить это напряжение, показался всадник: мальванский кавалерист в алых шелковых шароварах, посеребренной кольчуге и шлеме с шишаком. За спиной его висел колчан с легкими дротиками; один из них солдат держал наготове в правой руке. Джориан ударил коня пятками по бокам. Чалый жеребец выбежал из-за дерева, но не так быстро, как рассчитывал Джориан, — ведь его седок не носил шпор, которым Оузер привык повиноваться. Заминка дала солдату время размахнуться и метнуть дротик.

Оузер перешел на тряский галоп. Джориан, которого бросало в седле из стороны в сторону, припал к лошадиной гриве. Копьецо просвистело совсем рядом, едва не задев его.

Солдат хотел было выхватить из колчана новый дротик, затем передумал и потянулся за висящей у бедра саблей. Но лошадь мальванца, увидев несущегося прямо на нее Оузера, прынула в сторону. Солдата, у которого не было стремян, подбросило в седле. Рукоятка сабли выскользнула из руки, а сам он, чтобы восстановить равновесие, принужден был ухватиться за одну из седельных ручек. Кавалерист все еще пытался нацелить саблю, когда клинок Джориана вонзился ему в горло. Мальванец повалился на кучу прелых листьев; его лошадь, захрапев, умчалась в чащу.

Джориан нагнал Карадура.

— Все в порядке? — спросил колдун, заглядывая ему в глаза из-под пропитанного потом тюрбана.

— Мертв, — отозвался Джориан, — но только потому, что у меня были стремяна, а у него нет. На моей кляче так подкидывает — я вообще удивляюсь, что попал в этого малого. Ежели хочешь, могу забрать у тебя сундук. Тьфу, проклятье, опять рука болит.

— Подумал ли ты о нравственной стороне убийства этого кавалериста? — осведомился Карадур. — Вне всякого сомнения, он был такой же хороший и набожный человек, как и ты...

— О боги! — взвыл Джориан. — Я спасаю твою тощую шею и ящик с бесполезными заклинаниями, а ты мне, черт возьми, нотацию читаешь! Чтоб мне в дерьме утонуть, но ежели ты сей же час не признаешь, что либо он — либо мы, можешь вертать назад и сдаваться.

— Нет, нет, сынок, не гневайся за то, что я поддался своей склонности к размышлениям. Меня давно занимал вопрос, как следует поступать, когда интересы одного человека сталкиваются с интересами другого, который ничем не хуже первого, и которого тот первый человек должен убить, чтобы достигнуть цели, ничуть не менее достойной, чем цель его соперника. От этого зависит ответ на такие всеобъемлющие вопросы, как, например, вопрос о войне и мире.

— Ладно, — сказал Джориан, — я ж не прячусь специально по кустам, чтоб убивать солдат царя Шайю, но ежели это вопрос жизни и смерти, так я сперва бью, а уж потом болтаю о морали. А ежели б я делал наоборот, я б тут с тобой не стоял и не рассуждал. Сдается мне, когда парень нанимается в солдаты да жалованье от царя получает, он должен понимать, что рано или поздно его могут убить. Никто не заставлял этого несчастного метателя дротиков гоняться за мной, да еще кидаться чем ни попадя. Раз сам начал, нет у него права жаловаться — пусть теперь его дух в каком-нибудь из ваших мальванских

загробных миров доказывает, кто виноват.

— Преследовать и нападать на тебя его заставил кавалерийский офицер, значит, солдат действовал не по своей воле.

— Но он добровольно пошел в солдаты и знал, что придется слушаться офицера.

— Все не так просто, сынок. Каждый мальванец в обязательном порядке наследует ремесло предков. И этому человеку, сыну солдата, не оставалось другого выбора, кроме как тоже стать военным.

— В таком разе виноват не я, а ваш прогневший обычай наследовать ремесла.

— Но он имеет свои преимущества. Наследование ремесел обеспечивает устойчивый социальный порядок, делает не такой жестокой борьбу за первенство и гарантирует каждому человеку надежное положение в социальной иерархии.

— Все это, доктор, распрекрасно, когда дети имеют от природы такие же склонности, как ихние предки. А ежели нет? Да я по себе знаю. Папаша мой был хороший и добрый человек; я его уважал и с дорогой душой пошел бы, как он, в часовщики, но, хоть я умом все схватывал, руки не годились для тонкой работы. Будь я мальванец, мне б от этого ремесла в жизни не отвертеться, пришлось бы с голоду помирать.

Карадур:

— Но ведь даже в Двенадцати Городах, где человек сам решает, чем зарабатывать на жизнь, возникает та же дилемма, когда в случае войны объявляется поголовный призыв в армию. Ты вдруг видишь перед собой противника, оба вы убеждены, что правда на вашей стороне, и нет иного способа решать спор, кроме как мечом и копьем.

— Что с того, когда один из противников убит, он уже не поддерживает ничью сторону, права она там или нет. Значит, справедливость ipso facto* [\[1\]](#) достается победителю.

— Ответ, о Джориан, легкомысленный и недостойный человека, который сам управлял страной! Тебе не хуже моего известно, что, сколько бы ты ни молил своих многочисленных богов, а победит тот, кто сильнее, или удачливее, или искуснее владеет оружием — и справедливость тут ни при чем.

— Святой отец, — отозвался Джориан, — когда ты уговоришь моих драчливых соотечественников-новарцев передавать свои разногласия на суд мудрейших умов да принимать без ругани решения, какие они вынесут, я с радостью покорюсь этим приговорам. Но покуда рак на горе не свистнул, я уж буду защищаться, как умею. Глянь-ка! Нашу тропу пересекает лощина, а по ней течет ручей. Я проеду водой два-три ферлонга: авось, удастся еще разок сбить их со следа. Коли не возражаешь, езжай за мной.

Он развернул жеребца вниз по течению ручья; Оузер пустился быстрой иноходью, поднимая копытами фонтаны брызг. Карадур не заставил себя упрашивать.

* * *

Ниже по течению ручей набирал силу, и к полудню беглецы подъехали к тому месту, где он вливался в другой ручей. На месте слияния брала начало небольшая речка шириной в одну-две сажени — ее ничего не стоило перейти вброд, но служить тропой она уже не могла. Берега заросли густым подлеском, поэтому Джориан и Карадур немного углубились в джунгли и двинулись вниз по течению реки, мелькавшей в просветах между деревьями.

— Мне кажется, это приток Шриндолы, — прервал молчание Карадур. — Говорят, Шриндола впадает в Срединное море, хотя, насколько я знаю, никто еще не доходил до устья, чтобы проверить.

— Значит, она скоро повернет на север; ежели так, мы по ней выйдем к Халгиру, — сказал Джориан. — Остановись-ка на минутку и помолчи, а я послушаю.

Ничто, кроме жужжания мошкары да криков птиц и обезьян, не нарушало тишины. Они двинулись дальше. Немного погодя Джориан заметил, что местность стала меняться. Появились камни или, скорее, небольшие валуны, разбросанные там и сям под деревьями. Валунув становилось все больше, и вскоре

Джориан понял, что их расположение и правильная форма говорят об искусственном происхождении. Хотя большинство камней наполовину вросли в землю и были покрыты мхом, камнеломками и лишайником, все же можно было различить плоские грани и прямые углы, явно обработанные камнетесом. Более того, камни лежали рядами — неровными, ломаными, но рядами — это не вызывало никакого сомнения.

Беглецы приблизились к тому месту, где древняя кладка была плотнее и лучше сохранилась. Всматриваясь в лесной полумрак, Джориан видел участки исполинской стены и остатки обвалившихся башен. То его взгляд останавливался на сооружении, сплошь оплетенном древесными корнями, которые, словно щупальца какого-то растительного осьминога, проросли из его вершины и ползли к земле, цепляясь за камни кладки и растаскивая их в стороны, так что скорее дерево поддерживало остатки строения, чем строение — дерево. То вдруг вставала перед ним исполинская стена, поражающая немыслимым обилием горельефов. В просветах между деревьями неясно вырисовывались покрытые искуснейшей резьбой башни из песчаника; их вершины тонули под буйно разросшейся тропической зеленью. На величественной лестнице росли деревья, их корни взломали и разрушили огромные ступени.

Из пальмовых и папоротниковых зарослей выглядывали зловещие, нахмуренные каменные лица. Среди обвалившихся стен и вздымавшихся к небу древесных стволов лежала распавшаяся при падении на три части огромная статуя; под наслоениями мха с трудом угадывались ее прекрасные очертания. Тем временем Джориан и Карадур выехали на навесную дорогу, вымощенную большими квадратными сланцевыми плитами, основание которой составляли две гигантские стены, сложенные из глыб весом в сотни тонн.

По обе стороны тянулись бесконечные галереи, образующие громадные, заросшие травой дворы. Каменные порталы при входе в галереи были лишены привычных сводов. Вместо них проходы венчали консольные арки: каждый последующий ряд кладки нависал над предыдущим, пока обе стороны портала не соединялись, образуя высокий равнобедренный треугольник. Среди горельефов, украшающих стены галерей, Джориан успел заметить изображения войск в походном строю, легендарные поединки демонов и богов, танцовщиц, развлекающих королей, и рабочих, занятых повседневным трудом.

Стая зеленых попугайчиков выпорхнула из развалин и с пронзительными криками унеслась прочь.

Обезьяны карабкались на готовые обвалиться своды. Ящерки — зеленые с красной грудкой, желтые и всевозможных других оттенков — сновали по камням.

Огромные бабочки, слетев отдохнуть на разрушенную стену, трепетали пурпурно-золотыми крылышками и снова взмывали ввысь.

— Что это за развалины? — спросил Джориан.

— Кулбагарх, — простонал колдун. — Не пора устроить привал? Иначе мне скоро конец.

— Мы, кажись, опережаем их на несколько часов, — сказал Джориан, спешиваясь у подножия безголовой статуи.

Голова статуи лежала в двух шагах от постамента, но так заросла мхом и плесенью, что нельзя было разобрать, кто это.

— Расскажи мне о Кулбагархе, — попросил Джориан, помогая охающему Карадуре слезть с осла.

Пока Джориан стреноживал животных на заросшем высокой травой разрушенном дворе и стряпал незатейливую похлебку, Карадур рассказывал:

— Этот город восходит к царству Тирао, которое существовало некогда на землях нынешней Мальванской империи. Когда последний царь Тирао Вражжа Дьявол вззошел на престол, он первым делом поспешил убить всех младших братьев, чтобы никто не мог отнять у него трон. Позднее эти убийства стали в Мальване делом обычным и ныне почитаются как освященная годами традиция. Но во времена Вражжи — более тысячи лет назад — эта идея породила множество кривотолков.

Один из братьев, Нахарью, прослышав о неминуемой смерти, собрал верных людей и бежал в дебри Комилакха. Они долго шли на восток, пока не набрали на древние развалины — вот на этом самом месте. Однако найденные ими руины занимали не такую большую площадь, как те, что перед нами, и сильнее подверглись разрушению: древний город простоял заброшенным намного дольше, чем какие-нибудь

тысяча с небольшим лет, прошедшие после падения Кулбагарха.

Никто из спутников царевича Нахарью не знал, какой город стоял прежде на месте этих развалин, хотя некоторые полагали, что в нем жили змеелюди, откочевавшие затем в непроходимые джунгли Бераоти. Среди убогих руин стоял ветхий, заросший мхом алтарь, а за алтарем — полуобвалившаяся статуя, настолько поврежденная непогодой, что невозможно было разобрать, кого она изображала. Одни угадывали в ней обезьянца, так как обезьянцы испокон веков жили в Комилакхе и несколько раз попадались на пути отряда. Другие считали, что статуя изображает никакую не обезьяну, а скорее паука или каракатицу.

При царевиче находился жрец Крадхи-Хранителя, призванный помогать его спутникам отправлять свои религиозные нужды. Нахарью казалось, что главное для беглеца — остаться в живых, а посему если кому-то и стоило возносить молитвы, так это Крадхе. Современный богослов может возразить, что Варну, Крадха и Ашака всего лишь лики, или ипостаси, одного и того же верховного божества, но в те давние времена мыслители еще не достигли подобных вершин понимания метафизических тонкостей.

В первую же ночь, проведенную в развалинах, этому жрецу по имени Эйонар приснился сон. По словам жреца, во сне ему явился бог, которого изображала полуразрушенная статуя. Эйонара засыпали вопросами: на кого похож бог — на человека, обезьяну, тигра, краба или кого другого; но как только жрец попытался описать внешность бога, то побледнел и стал так заикаться, что ни слова нельзя было разобрать. Когда люди увидели, в какое смятение приводит почтенного жреца одно воспоминание об образе этого бога, они умерили любопытство и спросили, чего же хочет от них бог.

И Эйонар поведал, что бога зовут Марагонг и он действительно бог народа, населявшего когда-то разрушенный ныне город, что он верховное божество Комилакха и плевать хотел на жрецов Тирао, которые утверждают, будто миром правит святая троица. Комилакх принадлежит ему; остальные боги, хоть и претендуют на всемирное господство, почитают за лучшее с ним не связываться. Поэтому для переселенцев Нахарью будет лучше, если они станут молиться ему, Марагонгу, и забудут об остальных богах.

Затем выяснилось, что Марагонг требует чрезвычайно варварских и кровавых жертвоприношений: предназначенного в жертву нужно было положить на алтарь и заживо содрать с него кожу. Марагонг объяснил Эйонару, что, поскольку он вот уже несколько тысяч лет лишен возможности вкушать страдания жертв и близок к голодной смерти, им следует не мешкая отправиться на поиски жертвы, с которой будут сдирать кожу.

Нахарью и его люди встревожились: в Тирао давно отказались от подобных обычаев, и они не испытывали никакого желания возрождать человеческие жертвоприношения, а тем более умертвить одного из своих соратников таким неделикатным способом. Итак, они стали держать совет; долго они спорили, а потом жрец Эйонар сказал: «Извольте, Ваше Высочество, я придумал, как ублажить могущественного Марагонга и сохранить в целости наши шкуры. Давайте пойдем в лес, поймает обезьянца и принесем его в жертву указанным способом. Потому что хоть обезьянцы и глупее людей, все же стоят на довольно высокой ступени развития и так же остро чувствуют боль, как всякий человек. И раз Марагонг питается страданиями своих жертв, обезьянец придется ему по вкусу не меньше, чем один из нас».

Товарищи Нахарью признали, что жрец говорит дело, и тут же снарядили охотничью экспедицию. После того, как обезьянец был принесен в жертву, Эйонару во сне явился Марагонг и сказал, что вполне доволен подношением и что пока беглецы из Тирао приносят жертвы, он, Марагонг, будет оказывать им свое покровительство. Так и повелось. За время правления Нахарью и его сына, носившего то же имя, люди расплодились и на развалинах древнего безымянного города построили Кулбагарх.

Тем временем знатные люди Тирао, доведенные до отчаяния гнусными преступлениями Вражжи Дьявола, решились отправиться на поиски царевича, который мог бы возглавить восстание против их суверена. Они потерпели неудачу, потому что Вражжа под корень уничтожил всю родню, казнив даже троюродных и четвероюродных братьев и подослав убийц к тем, кто бежал в Новарию и другие варварские страны.

Однако в конце концов бунтовщики обнаружили в пустыне Федиран предводителя кочевников по

имени Вагиф, в жилах которого текла одна тридцать вторая часть тираоской королевской крови. Заговорщики предложили ему захватить Тирао и стать царем вместо Вражжи. Вторжение прошло без сучка, без задоринки, потому что почти вся армия Вражжи разбежалась. Вскоре Вражжа был убит весьма любопытным способом, который приводит меня в такое смятение, что я не в состоянии его описывать, — и Вагифа короновали на царство.

Но надежды сторонников Вагифа не оправдались: он оказался ничуть не лучше Вражжи. Едва взойдя на престол, новый царь приказал арестовать весь цвет тираоской знати и сложить из их голов пирамиду на главной городской площади. Напугав до смерти остальных дворян и тем самым, как ему казалось, приведя их в состояние полной покорности, Вагиф следующим указом повелел высыпать содержимое сокровищницы на пол тронного зала. Созерцание несметных богатств лишило Вагифа — который всю свою жизнь, проведенную в пустыне, был голоштаным воришкой и почитал за счастье, если ему перепадала серебряная марка, — последних остатков разума. Когда его нашли, он сидел на куче золотых монет, подбрасывая в воздух драгоценные камни, хохотал и гукал, как грудной младенец.

Вагифа убили и стали думать, кого посадить на трон вместо него. Но когда весть о злоключениях, выпавших на долю Тирао, разнеслась по свету и достигла пустыни Федиран, новые полчища кочевников вторглись в изобильные пределы царства, где оставшиеся в живых дворяне с оружием в руках оспаривали друг у друга право властвовать над страной. Тирао захлестнуло волной крови и огня, и вскоре совы, нетопыри и змеи стали единственными обитателями развалин некогда пышных дворцов и неприступных крепостей. Так и продолжалось, пока на эти земли не пришел Гиш Великий.

Меж тем Кулбагарх все разрастался, потому что многие жители поверженного Тирао нашли в нем прибежище. Но в царствование Дарганжа, внука Нахарью, возникли трудности с поимкой обезьянцев для жертвоприношений Марагонгу. Обезьянцы стали бояться Кулбагарха и обходили его стороной, поэтому городу приходилось содержать сотни охотников, которые беспрестанно рыскали по окрестностям в поисках зазевавшегося дикаря. Горожане, опасаясь, что поступления обезьянцев и вовсе прекратятся, стали поговаривать, что жертвы можно отбирать по жребию из числа вновь прибывших.

Среди беженцев из Тирао оказался один человек — Джейнини, который проповедовал веру в нового бога по имени Ииш. Новый бог, как утверждал Джейнини, явился ему во сне и поведал о религии любви, что придет на смену религии крови и страха. Стоит только каждому, говорил Джейнини, полюбить всех остальных, и наступит конец несчастьям. К тому же Ииш, могуществом превосходящий Марагонга, сможет оберегать кулбагархцев куда лучше жестокого бога.

Жрецы Марагонга, которые к тому времени жили в роскоши, богатели на взятках и обладали огромным влиянием, разыскивали Джейнини, чтобы принести опасного еретика в жертву на алтаре Марагонга. Но у Джейнини было много последователей, особенно среди недавних переселенцев, без понимания относящихся к намерению жрецов содрать с них кожу во славу Марагонга. Похоже, обе группировки готовы были драться до последнего.

Но тут царь Дарганж перешел на сторону Ииша и его пророка Джейнини. Поговаривали, что Дарганжа интересовала не религия любви, а возможность наложить лапу на сокровища храма Марагонга.

Как бы там ни было, Ииш стал верховным божеством Кулбагарха, а Марагонга предали забвению. Некоторое время город жил по законам религии любви. Армия занималась таким сугубо гражданским делом, как подметание улиц. Преступники, которым раньше палач отрубал руку или голову, теперь выслушивали проповедь о достоинствах любви и отпускались на свободу с наказом более не грешить — хотя, как утверждали, лишь немногие из них следовали этому совету, остальные же продолжали творить грабежи, насилия и убийства с еще большим усердием.

Затем, совершенно неожиданно, полчища обезьянцев напали на город, разграбили его и перебили жителей. Как выяснилось, непрекращающиеся в течение трех столетий набеги кулбагархцев вселили ненависть в сердца обезьянцев и в конце концов побудили малочисленные обезьянские стаи объединиться против гонителей. То обстоятельство, что кулбагархцы отказались от охотничьих экспедиций за священными жертвами, их нимало не волновало; должно было пройти много столетий, прежде чем в обезьянцах угасла бы жажда мщения.

Нападавшие были вооружены лишь дрекольем, дубинами и заостренными камнями, но их было

много, тогда как кулбагархцы, поддавшись влиянию Джейнини и решив покончить с войнами, расплавили свои мечи и перековали их на сельскохозяйственные орудия. Немногим, в том числе царю Дагранжу и Джейнини, удалось спастись от резни и бежать на запад. На другой же день пророк сообщил царю, что ночью ему явился опальный бог Марагонг. Джейнини, как и Эйонар, не смог описать этого бога, однако ему было что порассказать.

«Он сказал, — молвил Джейнини, — что наслал беду, потому что мы его отвергли». — «Может, он снова примет нас под свое покровительство, если мы возобновим богослужение?» — спросил царь Дагранж. — «Я его спрашивал, — сказал Джейнини, — но он не согласился; мы оказались такими вероломными и продажными мошенниками, что он больше не желает с нами связываться. К тому же его вполне устраивает поклонение обезьянцев, которые слишком простодушны, чтобы с помощью богословской казуистики подвергать сомнению его авторитет». — «А куда задевался твой могущественный бог Ииш? Он ведь должен был защитить нас?» — «Марагонг задал Иишу хорошую трепку и изгнал из Комилакха. Я пожаловался, дескать, Ииш мне сказал, что он сильнее, а на самом деле это не так. Но разве бог способен солгать? Запросто, отвечает Марагонг, не хуже любого смертного. Но я, говорю, всегда думал, что боги не лгут. Марагонг спрашивает, мол, кто мне такое сказал? Сами боги, говорю. Но если бог лжец, говорит Марагонг, что мешает ему солгать в этом и всех других случаях? Я ужаснулся при мысли, что живу в мире, где лгут не только люди, но и боги. Это несправедливо, говорю я с возмущением. Совершенно верно, отвечает Марагонг, но жизнь вообще несправедлива.

Тут я стал проклинать богов и умолять Марагонга убить меня, но он лишь расхохотался и исчез из моих снов. Такие вот дела, сир. И я умоляю немедленно содрать с меня кожу, совершив таким образом жертвоприношение Марагонгу, дабы хоть немного отвратить его гнев от жалких остатков ваших подданных, которых моя глупость ввергла в это бедственное положение; к тому же смерть избавит меня от ужасного мира, где даже богам нельзя доверять».

Но Дагранж велел Джейнини не болтать ерунды, а отправляться вместе с остальными на запад, в бывшее царство Тирао, где беглецы надеялись поселиться в каком-нибудь тихом углу, подальше от глаз варваров, которые продолжали тузить друг друга на развалинах поверженного царства. И только они собрались двинуться дальше, как дорогу им преградила шайка обезьянцев. Дагранж и его свита в ужасе бросились бежать, один Джейнини смело направился к толпе преследователей.

Его поступок привел дикарей в такое замешательство, что беглецам удалось скрыться. Обезьянцы схватили Джейнини — это было последнее, что видели его разбегавшиеся товарищи. Дальнейшая судьба Джейнини неизвестна, но маловероятно, чтобы ему удалось обратить обезьянцев в свою веру. На том и кончилась история города Кулбагарха.

— Отсюда мораль, — сказал Джориан, — не доверяй никому — даже богу.

— Нет, сынок, не совсем так. Мораль, скорее, в другом: заключая с кем-то сделку, будь то боги или люди, не позволяй себя обмануть и доверяй только тем, кто достоин доверия.

— Оно бы и хорошо, да поди их раскуси. Оппа! Что это?

Джориан споткнулся о камень, наполовину вросший в землю. Что-то необычное в форме этого камня заставило его нагнуться и внимательно осмотреть находку. Джориан раскачивал и тянул камень, пока тот не выскочил из земли, а затем взял его в руки. Это оказалась статуэтка толстопузого, лысого, ухмыляющегося божка, который сидел на постаменте, поджав под себя скрещенные ноги. Статуэтка была размером чуть больше ладони и весила около фунта. Высеченная из очень твердого, полупрозрачного зеленого камня, она хорошо сохранилась; время и непогода лишь слегка сгладили очертания.

Джориан взгляделся в полустертую надпись на постаменте.

— Что это? — повторил он, развернув статуэтку к Карадуре. — Не пойму, что написано; буквы не похожи на мальванские.

Карадур, тщательно рассмотрев надпись через читательное стекло, в свою очередь задумался.

— Это, — изрек он наконец, — тираоский язык времен упадка. Современный мальванский произошел от тираоского, обогащенного федиранскими словами. Очевидно, когда город подвергся нападению

обезьянцев, один из жителей Кулбагарха обронил здесь свою статуэтку.

— Что написано-то?

Карадур ощупал буквы.

— Написано «Тваша»; я думаю, так звали одного из мелких богов тираоского пантеона. Их было великое множество, каждого не упомнишь.

— Неплохо бы, слышь, помолиться этому Тваше да попросить у него помощи и защиты. Он тысячу лет пролежал в земле и будет, небось, рад без памяти заполучить одного-двух молельщиков; к тому же я сомневаюсь, что боги родной Новарии смогут нам помочь так далеко от своих владений.

— Если только он не умер от небрежения.

— А как к нему подъехать? Может, словить зеленую ящерку и глотку ей перерезать?

— Прежде надо узнать его пристрастия. Иные боги страшно обижаются на кровавые жертвоприношения. Помолись, чтобы он тебе явился и надоумил.

— Лучше б он нам жратвы какой-нибудь нашел. Последнее доедаем. Завтра придется ловить на ужин ящериц и змей.

* * *

Джориану чудилось, будто он стоит на мраморном полу какого-то зала, хотя ни стен, ни потолка было не разглядеть. Перед ним маячил в дымке бледно-зеленый силуэт Тваши, сидящего на постаменте в той же самой позе, что и статуэтка. Джориану казалось, что голова божка находится вровень с его собственной головой. Но сколько Джориан ни вглядывался, он никак не мог разобрать, то ли бог одного с ним роста и сидит в десяти-пятнадцати шагах, то ли карлик, и до него рукой подать, то ли великан, до которого много ферлонгов пути. Губы бога разомкнулись, и голос в голове у Джориана отчетливо произнес:

— Приветствую тебя, Джориан, сын Эвора! Если б ты только знал, как приятно снова обрести приверженца! В аккурат перед падением Кулбагарха у меня был приверженец, похожий на тебя; как, бишь, его звали? Никак не вспомню, но это был здоровенный красавец; вечно попадал в какие-то фантастические переделки, из которых мне приходилось его вызволять. Помню, однажды...

— Прошу прощения, господин! — не без трепета перебил Джориан словоохотливое божество. — Нас по пятам преследуют люди, которые хотят причинить нам зло. Можешь нас спасти?

— Дай, взгляну... — бог исчез с постамента, оставив Джориана во мраке и безвестности. Через несколько секунд он снова появился. — Не бойся, сын мой. Твои недоброжелатели не причинят тебе вреда, хотя они всего лишь на расстоянии полета стрелы...

— На расстоянии полета стрелы! — вскричал Джориан. — Нужно немедленно проснуться и бежать! Отпусти меня, о бог!

— Милый Джориан, к чему суетиться, — широко улыбаясь, произнес Тваша. — Мне так долго не попадался смертный, с которым можно поболтать, что я не могу сразу отпустить тебя. Я позабочусь о мальванцах и их обученных слонах. Расскажи-ка, как нынче идут дела в империи Мальвана?

— Сначала ты, господин, расскажи, как нужно тебе поклоняться?

— Вполне достаточно еженощно молиться да время от времени жертвовать мне цветок. Ну, давай, превозноси мое могущество. По правде говоря — только это между нами — я всего лишь слабый маленький божок, но, как всякое божество, чрезвычайно тщеславен и упиваюсь лестью, словно хорошим вином. Итак...

Темный зал с размытыми очертаниями исчез, и Джориан обнаружил, что лежит на земле, а Карадур трясет его за плечо. В небе висел серебряный щит полной луны, но сквозь густой полог листвы пробивались лишь отдельные бледные отсветы.

— Проснись, сынок! — шептал колдун. — Я слышу слонов; раз уж мне, старой глухой тетере, слышно, значит, они совсем рядом...

Джориан вскочил на ноги.

— Может, это дикие слоны? В здешнем лесу нам попадалось много следов... Нет, я слышу звон конской сбруи. Мальванцы!

Он кинулся было во двор, где паслись животные, но на полпути остановился. Крики слонов, поскрипывание и звон упряжи, приглушенный опавшей листвой стук копыт и едва слышные обрывки разговора стали удаляться. Вскоре они превратились в неясный шелест, который Джориан с трудом разбирал. Потом звуки и вовсе затихли. Джориан вернулся к колдуну.

— Сделал все-таки, — выдохнул он.

— Кто?

— Тваша. Он сказал, что позаботится о мальванцах. Меня сомнение взяло, потому как на вид он болтливый старикашка и неумеха. Но что б он там ни сделал, а, кажись, сработало. Сейчас самое лучшее снова заснуть; ежели мы в полной темноте пойдем плутать по джунглям, запросто можем нос к носу столкнуться с погоней.

В воздухе заметно похолодало. Джориан натянул на себя, что потеплее, завернулся в плащ и снова улегся. Однако сон долго не приходил. Больную руку дергало; Джориан лежал и раздумывал о том, как неплохо иметь своего личного бога. Он все еще продолжал вести с божеством мысленные разговоры, как вдруг обнаружил, что вновь находится в темном зале с размытыми очертаниями, а перед ним восседает на своем пьедестале Тваша.

— Как ты это сделал, господин? — спросил Джориан.

— Очень просто, сын мой. Я заставил идущих по следу слонов вообразить, будто они видят и чуют красавицу-слониху в течке, которая призывно машет им хоботом. Повинуясь воображаемому зову, слоны бросились вперед, а мальванцы решили, что животные напали на горячий след, ведущий к тебе и твоему спутнику, и послушно побежали следом. Сейчас они в нескольких лигах отсюда.

Божок самодовольно улыбнулся.

— А теперь, любезнейший Джориан, давай продолжим беседу, которую мы вели перед тем, как почтенный Карадур вернул тебя в твою обычную реальность. Как идут дела в империи Мальвана? Видишь ли, статуэтка, что ты раскопал в развалинах — мое единственное неповрежденное изображение; она одна связывает меня с твоим миром. Поэтому, посещая твою реальность, я лишен возможности удаляться от развалин Кулбагарха. Рассказывай же.

Джориан кратко описал богу положение дел и, как умел, пересказал историю Мальваны. Когда он дошел до смерти царя Сирваши, отца Шайю, Тваша захихикал.

— Я вспомнил, — пояснил бог, — одного из последних царей Тирао — прадеда Вражжи, вот только имя забыл. Как, бишь, его звали? А впрочем, неважно; короче, я тебе расскажу презабавную историю об этом царе по имени... проклятье, как же его имя-то? Вертится на языке... короче, этот царь...

Тваша стал увлеченно рассказывать какую-то путаную историю, у которой, похоже, не имелось ни начала, ни конца. Ничего забавного в ней тоже не было. Спустя четверть часа Джориан уже совсем извелся от скуки и нетерпения, а Тваша тем временем продолжал безостановочно болтать.

Затем, как почудилось Джориану, божок оглянулся через плечо и закричал:

— Ах, разрази меня гром! Я так увлекся рассказом, что проглядел страшную опасность, которая нависла над тобой! Увы, на этот раз я бессилен тебя спасти: те, кто тебе угрожает, находятся под покровительством могущественного Марагонга, я перед ним лишь мелкий слабый божок...

Джориан лихорадочно пытался проснуться. Тело будто сковало. А затем резкий толчок вырвал его из сна. Волосатые лапы крепко держали за руки и за ноги; Джориан взвизгнул от боли: один из нападавших сдал ему распухшую левую руку. В двух шагах комилакские обезьянцы таким же манером скрутили Карадура. На востоке джунглей пробивалось багровое марево — примета восходящего солнца.

От приземистых, низкорослых обезьянцев веяло, однако, недюжинной мощью. Их шеи выдавались вперед, лбы и подбородки были скошены, а полуоткрытые губастые пасти демонстрировали ряды крупных

желтоватых зубов. Они не носили одежды, с ног до головы заросли шерстью и издавали густое зловоние.

Джориан, поднатужившись, сделал отчаянную попытку вырваться на свободу. Но хотя среди людей он слыл силачом, любой из схвативших его обезьянцев был ничуть не слабее. Волосатые лапы с грязными обломанными ногтями еще крепче впились в Джориана, а два дикаря накиннулись с кулаками и дубасили до тех пор, пока он не затих. Джориан, зажатый с двух сторон обезьянцами, вдруг увидел прямо перед собой полужасыпанную землей голову стоящей неподалеку безголовой статуи. Только тут он разобрал, что на камне высечено не человеческое лицо, а тигриная морда. «Вот оно, предостережение Гоании.»

— Не сопротивляйся! — сказал Карадур. — Это их только раздражает.

— Что они с нами сделают? — спросил Джориан.

— Откуда я знаю? Ты понимаешь их язык?

— Нет. А ты?

— Не понимаю, хотя говорю на пяти-шести языках, не считая родного мальванского.

— Можешь наслать на них заклятье?

— Пока меня держат, не могу. Настоящее заклинание — это тебе не набор волшебных слов.

Джориан:

— Тваша сказал, что им покровительствует Марагонг.

— О, злосчастье! Значит, то, что Джейнины тысячу лет назад поведал царю Дагранжу, оказалось правдой. Я начинаю бояться худшего.

— Думаешь, они с нас кожу...

Обезьянцы встrepенулись, и Джориану пришлось умолкнуть. Повинуясь отрывистой команде одного из соплеменников, дикари рывком поставили Джориана на ноги и то ли повели, то ли поволокли по заросшим травой улицам Кулбагарха. Следом тащили Карадура. Процессия петляла среди развалин, пока Джориан совсем не запутался.

Дойдя до места, где лежало несколько больших камней, обезьянцы остановились. Ближайший и самый маленький из камней представлял собой обыкновенную глыбу высотой в два локтя и шириной в четыре, настолько обтесанную временем, что грани и углы скруглились, и ее можно было по ошибке принять за валун.

Позади низкой глыбы возвышался большой приземистый пьедестал, или постамент, на котором помещалась какая-то скульптура, но изваяние так пострадало от времени, что уже нельзя было определить, кого же оно изображает. Очертаниями статуя напоминала сидящего человека, но ни рук, ни ног, ни каких-либо частей человеческого тела различить не удавалось. Статуя была низкой, приземистой, со сглаженными углами; кое-где проступили едва заметные следы резьбы. Длинная змея, разрисованная черно-красными узорами, соскользнула с постамента и скрылась в норе.

— Это, кажись, то самое изваяние Марагонга, о каком ты мне говорил, — сказал Джориан.

— Охо-хо, боюсь, ты прав, Я один виноват, навлек на тебя погибель. Прощай, сынок!

Один из обезьянцев принес ржавый железный нож. Вероятно, этот металлический нож попал сюда случайно, потому что остальные орудия, и даже оружие, были сделаны из дерева, камня или кости. Дикарь принялся точить лезвие об алтарь — «вжик-вжик».

— Не убивайся, доктор, — сказал Джориан. — Мы еще поборемся. Ежели б только они нас связали, отошли в сторонку да отвернулись, может, чего и вышло б. — «Вжик-вжик» пело лезвие. Обезьянцы, похоже, не собирались связывать пленников. Наоборот, они со всех сторон облепили Джориана и Карадура и, застыв в зловещем ожидании, крепко держали их за руки и ноги.

Наконец дикарь отточил нож, провел пальцем по острию и поднялся на ноги. По команде, больше похожей на рычание, удерживающие Джориана обезьянцы подтащили его к алтарю и, не ослабляя хватки, опрокинули на камень. Дикарь с ножом подошел к статуе, воздел руки и завывающим голосом произнес

речь, в которой Джориан уловил слово «Марагонг».

После этого обезьянец повернулся к Джориану и склонился над будущей жертвой. Он вскинул нож, собираясь, навалившись на острие, провести по джориановой груди длинный неглубокий надрез от горла до пупка. Джориан напрягся, приготовившись мужественно сносить боль.

Нож с легкостью рассек джорианову рубашу, но под ней оказалась прочная кольчуга; ножом ее было не проткнуть. Гортанно вскрикнув, обезьянский жрец еще ниже склонился над Джорианом и, распахнув вспоротую рубашу, стал разглядывать непонятный железный нагрудник. Раздалась команда, и двое обезьянцев, которые удерживали Джориана на алтаре, принялись терзать кольчугу, стараясь вытряхнуть из нее пленника. Пока они сражались с кольчугой, спорили и тянули в разные стороны, где-то над головой Джориана, непонятно почему, разразилась перебранка. Вскоре она переросла в общий гвалт.

Шум мало-помалу стих. Джорианов страж рывком приподнял пленника и усадил на жертвеннике. Джориан оказался лицом к лицу с на редкость безобразным обезьянцем средних лет; обезьянец наставил на него толстый волосатый палец.

— Ты Джориан? — на ломаном новарском языке спросило это существо.

— Ага. А ты кто?

— Моя Зор. Ты помнишь? Ты спасти моя жизнь.

— Клянусь медными яйцами Имбала! — гаркнул Джориан. — Еще б не помнить. Только не говори мне, о Зор, что, сбежав из клетки, ты на своих двоих отмахал всю дорогу от западных отрогов Козьей Кручи до Комилакха!

— Моя сильный. Моя пешком.

— Ну, ты молодчина! Как поживаешь?

— Моя хорошо. Моя начальник.

— Что теперь с нами будет?

— Ты помогать моя, я помогать твоя. Куда ты идти?

— Мы собирались добраться до Халгира и переплыть пролив.

— Ты иди.

Зор растолкал обезьянцев, стороживших Джориана, и мощной волосатой рукой обнял его за плечи. Джориан поежился: кулаки обезьянцев живого места на нем не оставили. Размахивая свободной рукой, Зор обратился к остальным дикарям с короткой, но энергичной речью. Джориан, хоть и не понял ни слова, решил, что Зор говорит: этот человек личный друг Зора, и кто его тронет, тому, дескать, не поздоровится.

— А как быть с моим другом? — спросил Джориан.

— Ты иди, он оставаться. Он нам не помогать. Мы его убить.

— Либо отпусти нас обоих, либо никого.

Зор злобно уставился на Джориана.

— Зачем ты это говорить?

— Он мой друг. Будь он твоим другом, ты бы так же поступил, разве нет?

Зор поскреб в затылке.

— Ты говорить правильно. Ладно, он тоже идти.

* * *

На другой день разразилась гроза. Джориан с Карадуром, оставив позади берега Шриндолы, с трудом пробирались джунглями на северо-восток; по бокам трусцой бежали обезьянцы из отряда сопровождения: они показывали дорогу и добывали еду.

— Сынок, — сказал Карадур, — если я когда-либо и осуждал тебя, то сейчас смиренно молю о прощении.

— Что? — сквозь завывание ветра и громовые раскаты прокричал Джориан. Карадур повторил.

— Доктор, ты чего? — спросил Джориан.

— Ты был готов пожертвовать собой, стерпеть такую ужасную боль, ты был на волосок от гибели, а меня не бросил, хотя имел прекрасную возможность сбежать. Я перед тобой преклоняюсь.

— Ой, ну что за чушь! Я ж ненароком брякнул. Кабы успел мозгами пораскинуть, наверняка б духу не хватило. По правде сказать, я как нож этот обдирочный увидел, до того напугался... ну, ладно, ладно, не буду больше про свои страхи вслух рассказывать.

— Наш новый бог у тебя?

— В ранце, хотя будет ли нам прок от милейшего Тваши, еще бабка надвое сказала. По-моему, нам пора основать новую религию: культ бога нелепостей. Ежели миром и правит какая-то сила, так это сила нелепицы. Сам посуди: ты произносишь заклинание, чтоб отвести врагам глаза, а оно действует шиворот-навыворот и прямиком ведет их к нам.

— Заклинание тут ни при чем. У нас не было нужных ингредиентов.

— Потом я натыкаюсь на статуэтку Тваши. Бог спасает нас от мальванцев — только затем, чтобы отдать в лапы обезьянцев, которых он, видите ли, не заметил, потому как слишком увлекся пересказом длиннющей нудной байки о каком-то древнем царе. А когда он их все ж таки узрел, то не мог вмешаться из страха перед более могущественным Марагонгом.

Потом нам удастся спастись от мучительной смерти, потому как поблизости случайно объявляется Зор, да мало того что объявляется, он еще меня узнает, хоть я б его ни в жисть не узнал; по мне все дикари на одно лицо. Зор-то думает, я его нарочно из клетки у Ритосова дома выпустил. А правду сказать, это была чистая случайность, я влип по собственной глупости, и ежели б не красotka, Ритос бы как пить дать меня прикончил.

Так и это еще не все. Сложи о нас балладу какой-нибудь стихоплет, не миновать бы нам с Ванорой стать неразлучными любовниками. А на самом деле что выходит? Едва закрутив любовь, она обнаруживает, что на дух меня не переносит, и уходит к этому придурку Босо, которому бы самое место среди наших охранников-обезьянцев. После этого попробуй мне сказать, что в мире есть хоть капля смысла!

— Я убежден, что, окажись наш слабый человеческий разум в состоянии постичь этот мир, в нем бы обнаружилась бездна смысла.

— Ха! Как бы там ни было, но ежели на обед опять подадут коренья и плесневые грибы с подливкой из протертых клопов, я попрошу наших новоявленных друзей отвести меня обратно в Кулбагарх и принести в жертву. Уж лучше помереть, чем так поститься!

Глава 8

Ковыльное море

Наступил месяц Барана, и в швенских степях задули холодные ветры. К северу до самого горизонта, не оживленного ни деревом, ни домом, ни горным хребтом, тянулась пологая холмистая равнина. Весенняя поросль еще не возшла, поэтому высокая жухлая трава имела грязновато-желтый оттенок. На местах проплешин обнаружилась сырая черная земля. Изредка равнину пересекала неглубокая, извилистая речка; на берегах вздувшегося по весне потока росли карликовые ивы и ольховник. В тени деревьев сохранились островки нестывшего снега.

Конь и белый осел — те самые, на которых Джориан с Карадуром больше трех месяцев назад выехали из Тримандилама, бодрой рысцой бежали по степи. Их седоки были по пояс облеплены глиной, потому что при каждом шаге из-под копыт с плюханьем вылетал черный фонтанчик жидкой грязи.

Добравшись до Халгира и выйдя к проливу, отделяющему Срединное море от небольшого по величине Сикхонова моря, беглецы целый месяц проболтались на берегу, ожидая, пока установится погода и можно будет перебраться на другую сторону. По правде сказать, они даже обрадовались вынужденному отдыху: Карадур был так измучен, что едва тянул ноги. Да и здоровяк Джориан, перенесший огромное физическое напряжение, помноженное на своеобразную обезьянскую диету, чувствовал себя совершенно разбитым.

За месяц больная рука Джориана зажила; кроме того, они смогли подготовиться к путешествию вокруг северного побережья Срединного моря. Джориан починил башмаки, которые совсем развалились, не выдержав комилакхской сырости. Карадур обменял свои сандалии на пару валенок. И тот, и другой обзавелись овчинными полубашмаками и меховыми шапками.

Выехав из Гилгира, расположенного на северной стороне пролива как раз напротив Халгира, путники двинулись вдоль берега, удаляясь от него лишь затем, чтобы пересечь какой-нибудь мыс или полуостров у основания и, таким образом, сократить путь. Почти месяц они скитались по этим безлюдным местам и бывали рады, когда им изредка удавалось повстречать человека.

Раз, проезжая долиной, Джориан с Карадуром наткнулись на развалины сгоревшей деревушки. Один крестьянин, всю жизнь проживший в этой местности, поведал им печальную историю. Считалось, что деревня находится под покровительством Гнидмара, хана из рода Айлингов. Деревня процветала, дела быстро шли на лад, и тогда Гнидмар повелел ее спалить, дабы успехи крестьян не привлекали в степь новых переселенцев, которые огородят и вспашут земли, лишив его пастбищ.

На ночлег путники останавливались у речек; здесь можно было нарубить веток и устроить постели, чтобы не ложиться прямо в грязь. Два раза Джориану удалось пополнить запасы провизии, подстрелив из лука степную антилопу. Однажды они заметили небольшое стадо мамонтов, бредущих, как всегда по весне, на север, в леса далекого Хрота, но благоразумно уступили им дорогу. Точно так же они обошли стороной единорога — огромное, приземистое, заросшее щетиной крутобокое чудище, очень похожее на обитающего в тропиках носорога, с той только разницей, что единственный рог степного чудища рос над глазами посреди лба.

По северному побережью Срединного моря растянулись цепью несколько городов. На самой оконечности вытянутого в длину треугольного полуострова — одного из так называемых Клыков Халгира — стоял Гилгир, северный сосед Халгира, расположенного по другую сторону Халгирского пролива. Гилгир и Халгир, утопающие в грязи рыбацкие деревеньки, населяли большей частью плосколицые и узкоглазые выходцы из Айджо и Салимора. Через эти поселения протекал тоненький торговый ручеек, поэтому здесь часто останавливались корабли, курсировавшие между Салимором и портами Срединного моря. Однако торговля Халгира с внутренними районами шла вяло: комилакхские обезьянцы были не слишком выгодными покупателями.

Крупнейшим портом северного побережья Срединного моря считался Истхойн, расположенный в глубине залива Норли. Он один во всей Швении мог похвастаться крепостной стеной и определенной

независимостью. Этим город был обязан хану Гендингов, самой свирепой из швенских орд. Джориан с Карадуром стремились побыстрее добраться до Истхойна, надеясь сесть там на какой-нибудь корабль, плывущий в Тарксию.

Когда они проезжали по степному распадку, Джориан вдруг заметил:

— Когда эта проклятая кляча ударяется в галоп, так с левой ноги еще куда ни шло, а с правой — будто по ухабам несет. Как он мне седлом каждый раз наподдаст, — все, думаю, полетела душа в небеса. Вот, решил обучить полудурка скакать на одной левой...

Ветер с заунывным воем трепал ковыль.

— Ничто так не помогает полюбить родину, как путешествие в дальние страны, — проговорил Джориан.

*Одни любят тропиков темных жару,
Где змеи обвили деревьев кору,
Где преет одежда во влажном пару.
А мне не забыть холодок поутру
В Новарии, родной Новарии.*

*Другой по равнине бескрайней грустит,
Где мокнет трава и повозка скрипит,
Где всадник сквозь бурю и ветер летит.
А мне милых пашен приятнее вид
Новарии, родной Новарии.*

*Иного манит завыванье штормов,
Гигантские волны и спины китов,
Он с бригам своим хоть под воду готов.
А я жить хочу средь долин и холмов
Новарии, моей Новарии.*

— Ты пропустил горы и пустыни, — сказал Карадур.

— Ежели мне доведется залезть на Козью Кручу либо пересечь Федиран, я добавлю пару строф... — Джориан осекся на полуслове и, натянув поводья, сделал знак Карадuru. — Впереди кто-то есть, — тихо произнес он. — Подержи-ка Оузера.

Джориан соскользнул с коня и сунул поводья колдуну. Затем снял шапку и, согнувшись в три погибели, чтобы не выдать себя, побежал к краю распадка. Вскоре он возвратился.

— Всего лишь два пастуха, охраняют табун. Видать, орда ихняя поблизости. Нам самое лучшее вернуться к речке и переждать. Я тем временем спрошу Твашу, что делать: идти прямо на них или прокрасться сторонкой. Утонуть мне в дерьме, но, по всем расчетам, нам давно пора выйти к Истхойну!

— Как метко заметил Сидам-мудрец: «Путешествие и болезнь тянутся медленнее, чем ожидаешь, зато деньги и вино кончаются быстрее», — изрек Карадур. — Пока мы еще успеваем на метурский Конклав. В Тарксии придется сделать передышку. Там живет один Альтруист.

— Кто он?

— Старый волшебник по имени Вальдониус.

— Ему можно доверять?

— Вне всякого сомнения; Вальдониус известен, как человек кристальной чистоты.

— Ладно. Будем надеяться, он окажется почестней Ритоса и Поррекса, в коих ты был уверен ничуть не меньше!

Некоторое время Карадур ехал молча, затем вдруг произнес:

— О Джориан!

— Ну?

— Ты не хотел бы стать волшебником? Мне нужен ученик; последний, что у меня был, умер много лет назад.

— Отчего это он умер?

— Несчастный простофиля вызвал злобного демона, но позабыл замкнуть магическую фигуру. Я уверен, ты бы так не оплошал. Что скажешь?

— Чтоб я пошел в волшебники, Тио меня забодай? Не знаю. Я подумывал стать часовщиком, торговцем, фермером, солдатом и поэтом, а вот гадателем — ни разу.

— Хорошо, на Конклаве у тебя будет возможность оценить моих собратьев по ремеслу.

* * *

Зеленый бог Тваша уже не выглядел таким жизнерадостным, как прежде.

— Где мои цветы? — хмуро спросил он.

— Ох, господин, — ответил Джориан. — Где я тебе весной возьму цветы в холодной степи? Подожди деньков пять, и я тебя завалю цветами — все долги покрою с лихвой.

— А я хочу сейчас, — капризно сказал бог. — В Тирао круглый год полно цветов.

— Мы не в Тирао, — урезонивал Джориан ребячливое божество, стараясь подавить закипавшее раздражение. — Здесь цветы распускаются только в определенное время года.

— Тогда я ненавижу эту местность! Вези меня назад в любимые родные джунгли!

— Ну, вот что, о бог! — взорвался Джориан. — Я тебя выкопал из кулбагархской грязи и с тех пор усердно каждый день тебе молюсь. Я скажу, что будет, ежели ты откажешься прорицать. В первый же раз, как выйдем к Срединному морю, я тебя зашвырну подальше в воду. Может статься, ты найдешь там молельщиков получше — осетров да селедок.

— Ой, да полно, полно, — захныкал Тваша. — Так и быть, подожду с цветами. Чего тебе надобно на сей раз?

— Очень бы хотелось разузнать про орду, что стоит у нас на пути; кто они такие и как зовут ихнего хана.

Тваша исчез с постамента. Джориан остался один в темном зале с размытыми очертаниями. Вскоре бог вернулся.

— Это орда Гендингов, она стоит лагерем у города Истхойна, а ханом у них Вилимир.

— Ух ты! Не тот ли он изгнанник, что в прошлом годе жил при ксиларском дворе?

— Не знаю, хотя это нетрудно выяснить. Скажи, твой Вилимир был тощий, среднего роста, бритый, с длинными, тронутыми сединой соломенными волосами и шрамами на лице и правой руке?

— Точно он. Старый хан, видно, помер или свергли его. Присоветуй: ежели я привечал парня, когда он был в нужде, могу ль я нынче ему довериться?

— Ах, любезный мой Джориан, полагаю, тебе нечего опасаться. Во всяком случае, я только что заглядывал в его мозги и не обнаружил там никаких злодейских замыслов. Как мне показалось, он малый неглупый и практичный.

— Когда он гостил в Ксиларе, мне тоже так казалось. Счастливо!

Проснувшись, Джориан пересказал Карадуру свой последний разговор с Твашей.

— Все ж таки нет полной уверенности, что нам окажут дружеский прием, — сказал он. — Сдается мне, Вилимир слишком хладнокровный реалист, чтоб поддаваться благодарности. Что присоветуешь?

— Ах, Джориан, доверимся ему, у нас нет иного выхода! Мы сможем сесть на корабль, плывущий в Тарксию, и моим бедным старым костям не придется больше трястись по этим бесконечным ухабам. Кроме того, если мы вздумаем обойти его войско стороной, нам придется потратить на это не один день, а потом еще берегом добираться до Тарксии. Так мы на Конклав опоздаем.

— Решено, — сказал Джориан и вскочил на коня.

К полудню они добрались до главного лагеря Гендингов, разбитого на пологом холме к северу от морского порта Истхойна. За Истхойном можно было разглядеть отливающие на солнце стальным блеском воды залива Норли, откуда, раздувая прямоугольные коричневые паруса, уходили в первый весенний рейс обычные для этих мест беспалубные, одномачтовые, Похожие на каноэ суденышки. Сам Истхойн вытянулся полукругом, следуя очертаниям береговой линии бухты. Город окружала стена из необтесанного местного камня; на стене под свежим степным ветерком безостановочно крутились два десятка ветряных мельниц.

Черные шатры клана Гендингов покрывали внушительное пространство. Рядом с лагерем войска кочевников совершенствовали свое боевое искусство. Они отрабатывали атаки, ложные отступления и стрельбу на полном скаку. Войско Гендингов состояло в основном из легко вооруженных конных лучников, однако самые богатые подданные хана Вилимира были собраны в эскадроны тяжело вооруженных копейщиков, закованных с ног до головы в кольчатые или пластинчатые кольчуги и разъезжающих на мощных конях, тоже наполовину защищенных доспехами. Восседаая на спинах прирученных мамонтов, за учениями наблюдали воинские начальники. Никто не обратил особого внимания на двух пропыленных и покрытых коркой засохшей грязи незнакомцев, которые подъехали к огромному черно-красному шатру, расположенному в центре учебного плаца. Джориан с Карадуром привязали свою живность к коновязи, после чего Джориан по-швенски обратился к караульному:

— Король Джориан Ксиларский желает выразить почтение Великому Хану Гендингов. Он знает нас.

— Король, говоришь? — смерив Джориана презрительным взглядом, переспросил караульный. — Видал я прежде королей, но такого как ты — в драных обносках да еще в компании старой развалины на колченогом осле — чтой-то не припомню.

У караульного, здоровенного детины почти одного с Джорианом роста, были золотистые, заплетенные в косички длинные волосы и свисающие на грудь усы. Наряд его состоял из мешковатых шерстяных штанов, кольчуги, подбитого мехом плаща и шлема с зубчатым гребнем.

— И тем не менее мы король, — нимало не смутившись, повторил Джориан. — Не будешь ли так любезен доложить о нас?

— Грознейший из Грозных обучает свои войска. Не соблаговолит ли Ваше Высокомерное Величество присесть в передней и обождать его возвращения? склонившись в шутовском поклоне, отозвался караульный.

— Мы благодарим тебя, солдат. В скором времени мы найдем, что тебе ответить.

Караульный презрительно хмыкнул и отвернулся. Примерно через час к шатру подъехала на мамонтах группа Гендингов. По команде погонщиков огромные животные улеглись перед шатром, и седоки попрыгали с них на землю. Мамонты встали и затрусили прочь, а их седоки направились в караульное помещение.

Первым, блистая золоченым шлемом, вошел принц Вилимир, за ним по пятам следовали воинские начальники и телохранители. Джориан тотчас узнал это узкое, безбородое лицо и поднялся на ноги. Возникла легкая заминка, затем Вилимир произнес:

— Клянусь кишками Грайпнека! Ведь вы же Джориан, — у него получилось «Жориан», — бывший король Ксилара?

— Он самый, о Грознейший из Грозных.

Физиономию Вилимира прорезала волчья ухмылка.

— Ба, вот так штука! Мы наблюдали ваш побег из Ксилара... до чего, кстати, ловко сработано... но

никак не ожидали увидеть вас здесь. Прошу!

Спустя немного времени они уже восседали на коврах в главном шатре, и Джориан держал в руках кубок, наполненный элем.

— Итак, бывший король, что привело вас в Швению? — спросил Вилимир, мелодично позвякивая золотыми подвесками.

— Да вот, выполняю одно небольшое поручение святого отца Карадура. А славно мы поменялись ролями, правда? Давно вы стали ханом?

— Три месяца назад, когда одна из дядюшкиных жен отравила старого мерзавца. Мы не смогли дознаться, какая именно, поэтому пришлось казнить всех; теперь у нас по крайней мере есть уверенность, что преступница получила по заслугам.

— Как орда? Все богатеет?

— Как раз сейчас мы готовимся к войне против Айлингов. Гнидмару пора преподать урок. Мы отправили посланника с нотой о недопустимости набегов на наши земли, а он нам вернул нашего человека без обеих рук. Расскажите-ка лучше о себе.

— Да, к слову сказать, ваш караульный — тот парень с усами до пят, — когда я подъехал к шатру, встретил меня с отменной наглостью.

Вилимир пожал плечами.

— Трудно ожидать от простого кочевника, что он будет на равной ноге с каждым сиднем, — Джориан уставился на Вилимира: в голосе хана ему почудилась насмешка. Но Вилимир, как ни в чем не бывало, продолжал:

— Путешествуя по неизведанным южным землям, вы, должно быть, вдоволь нагляделись на разные диковины.

— О, этого хватало!

Джориан начал было описывать свои дорожные приключения, как вдруг почувствовал, что его мало-помалу охватывает непонятная вялость. Кубок едва не выпал из рук. Зеватас великий, мелькнуло в голове, неужто с этого можно было напиться?

Он стал рассказывать дальше, но язык заплетался. Рука, державшая кубок, разжалась, и эль пролился на ковер. Джориан с внезапным подозрением взглянул на Вилимира.

Хан щелкнул пальцами: вокруг плеч Джориана петлей обвился аркан и, затянувшись, сковал движения. Второй аркан со свистом мелькнул в воздухе: тиски стали вдвое крепче. Джориан замычал и, пошатываясь, вскарабкался на ноги. Однако два рослых сильных Гендинга растянули одурманенного Джориана на веревках и без труда сдерживали его беспорядочные рывки.

Вилимир с улыбкой наблюдал за происходящим.

— Что это значит? — едва ворочая языком, прохрипел Джориан.

— Ну, только то, что для войны с Гнидмаром нужны деньги, и награда, обещанная Ксиларом за твою голову, придется очень кстати.

Джориану казалось, что язык распух и не помещается во рту, но он все же выдавил из себя:

— Ты, чертов предатель! Клянусь железными причиндалами Имбала, я ведь тоже мог тебя выдать дяде, когда ты в Ксилар приперся.

— Разумеется, но будучи глупым сентиментальным сиднем, упустил свой шанс. Это лишний раз доказывает, что величайший из сидней не более, чем букашка под каблуком ничтожнейшего из кочевников. Заковать его в наши новые кандалы.

Тяжелые, сверкающие новенькой сталью наручники, соединенные короткой цепью, защелкнулись на джориановых запястьях: поворот ключа довершил дело.

— Отличная тарксийская работа, — пояснил Вилимир. — Ты должен чувствовать себя польщенным,

мой добрый Джориан, — и хан обернулся к Карадуру, который сидел ни жив, ни мертв. — Итак, о колдун, как поступим с тобой? Ксиларцы, несомненно, хотели бы заполучить чернокнижника, который помог сбежать их правителю, но поскольку они, как все сидни, гнусные скупердяи, то наверняка ни льва не добавят к награде. Нам, опять-таки, нужен знающий колдун. Последнего пришлось казнить, когда он не сумел ответить на вопрос, кто отравил нашего дядю. И, наконец, в-третьих, мы можем приказать сей же час отрубить тебе голову; возможно, это было бы наилучшим решением. Что ты выберешь?

— Я... я буду вам преданным слугой.

Джориан с горечью взглянул на Карадура, который не смел поднять глаз.

— Бракки! — позвал хан. — Помести мастера Джориана в арестантскую, да приставь надежную стражу. Предупреждаю, он большой искусник бегать из-под замка. Изыми у него все ценности, одежду не трогай. Выдели конвой — хватит десяти воинов, — чтобы переправить его отсюда в Ксилар. Дай-ка сообразить... Ксилар в союзе с Виндией против Оттомани, Оттомань в союзе с Метуру против Гованнии, Метуру в союзе с Тарксией против Боуктиса, Гованния в союзе с Оссарией против Метура. Следовательно, Ксилар находится в союзе с Виндией, Гованнией и Боуктисом против Оттомани, Метура, Оссарии и Тарксии, а Солимбрия, Кортотия, Цолон и Ир держат нейтралитет. Значит, лучше всего перебраться через Эллорну в Боуктис, а оттуда, не заходя в Тарксию, через Солимбрию и Ир двинуть в Ксилар. Понятно?

— Да, о Грознейший из Грозных, — ответил тот, кого он называл Бракки.

Тут колени Джориана подкосились, и он без чувств грохнулся на ковер. Едва потеряв сознание, он снова очутился перед зеленым богом Твашей. Вместо того, чтобы почтительно приблизиться к божеству, Джориан диким голосом заорал:

— Почему ж ты не предупредил, что этот подлец устроил мне ловушку?

— Милый Джориан, тысяча извинений! — громко рыдая, запричитал бог. — Я всего лишь слабый божок, могущество мое невелико. Умоляю, не думай обо мне плохо! Я этого не вынесу. А теперь прощай: они забрали у тебя маленькую зеленую статуэтку, и с этих пор мне волей-неволей придется служить противному хану. Да пребудут с тобой боги, более сильные, чем я!

* * *

Со всех сторон окружив Джориана, конвой петлял по извилистым тропам, которые то взбегали в гору, то спускались в долины восточной Эллорны. Стоял туман, в просветах неясно маячили покрытые молодой листвой деревья, с ветвей капало. Влажную землю усеивали желтые, голубые и белые звездочки подснежников. Когда туман рассеивался, по обе стороны тропы становились видны горные вершины, где снег еще не стаял.

Горная цепь Эллорны и расположенная дальше к югу Козья Круча образовывали как бы две стены, которые огораживали лежащие между ними земли Новарии. Новария представляла собой широкий перешеек: он соединял расположенную на севере Швению с южными Федираном и Мальваной и в то же время отделял Срединное море от Западного океана. Между двумя горными цепями раскинулось холмистое пространство, имеющее форму неправильного прямоугольника и прозванное Новарией, или Землей Двенадцати Городов.

Существование двух горных цепей способствовало росту и процветанию Двенадцати Городов — государств Новарии, которые постоянно грызлись и воевали друг с другом, но зато могли не опасаться вторжения с севера грозных кочевых орд Швении, с юга жадных на добычу пустынных Федирана и с юго-востока — могущественной Мальваны. Немногочисленные горные проходы было довольно легко охранять.

Благодаря тому, что свирепые обитатели швенских степей и подавляющее большинство плодovitых законопослушных мальванцев боялись моря, как огня, водные перевозки по Срединному морю оказались всецело в руках новарцев и разноплеменного населения Янарета и Истхойна. Поэтому опасность морского вторжения в Новарию превосходящих сил с юга или севера была невелика — хотя вполне могло статься, что какому-нибудь из Двенадцати Городов, ослепленному ненавистью к соседу и желающему победить в

местной сваре, в один прекрасный день взбредет в голову идея погрузить на корабли и доставить в свои пределы этих опасных чужестранцев. Такая перспектива лишала сна новарских канцлеров и министров, неплохо знавших нравы соплеменников. Они знали, что, стоит только умело подогреть страсти и для того чтобы получить перевес над врагом, их сограждане пойдут на любой риск и совершат любое вероломство.

Джориан по-прежнему ехал на рослом чало-гнедом Оузере, но руки его были скованы. Едущий впереди кочевник вел Оузера в поводу, другой кочевник держал конец аркана, петлей захлестнутого вокруг Джориановой шеи. Бракки непременно хотел пересадить Джориана на жалкую клячу, а Оузера запустить в ханские табуны: у степняков высоко ценились лошади достаточно рослые, чтобы выдержать вес тяжелого воина в полном вооружении. Однако начальник конвоя капитан Глом возразил на это, что Джориан тяжелее всех в отряде. Если взгромоздить его на отслужившую свой век низконогую савраску, клячонка неровен час сдохнет, и придется им дорогой покупать или красть другую верховую лошадь. В конце концов Бракки оставил под Джорианом Оузера, предупредив Глома, что тот головой отвечает за жизнь скакуна.

Итак, они кружили по горам. Дни проходили за днями, все круче уходили ввысь поднимающиеся справа вершины и все богаче становились покрывающие их снежные шапки. Это был центральный хребет Эллорны. Отряд пробирался вдоль новарской границы, стараясь держаться южных предгорий. Поглядывая на вздымающиеся слева лесистые края, Джориан не сомневался, что, если бы только ему удалось преодолеть две-три сопки, он оказался бы на землях Тарксии.

А что потом? Тарксия, присоединившаяся к союзу против Ксилара, может стать, его и не выдаст. Но нет ни денег, ни оружия. Золото, похищенное в Реннум Кезимаре, меч, кинжал, лук, кольчуга — даже зеленого божка — все отняли. В Тарксии, которая находилась от Ксилара дальше, чем любой из Двенадцати Городов, он никого не знал.

Джориан твердил про себя единственное, слышанное от Карадура тарксийское имя — волшебник Вальдониус. Поскольку план доставить Ларец Авлена в Метуру по всей видимости провалился, Джориан мог свободно заниматься, чем ему вздумается. Однако неплохо было бы убедиться, что заклятье снято и сообразить, что же все-таки делать дальше. Как бы там ни было, решил он, а Вальдониус Тарксийский для начала вполне сойдет.

Первые несколько дней после отъезда из Истхойда Гендинги-конвоиры почти не разговаривали со своим пленником. Они не обижали Джориана, просто относились к нему так, как бесчувственный, но рачительный хозяин относится к домашним животным. Конвоиры следили за тем, чтобы довести Джориана в целости и сохранности, потому что увечья могли значительно снизить ценность пленника, но выслушивать от него всякую ерунду они вовсе не собирались.

К тому времени, когда отряд, оставив позади швенские равнины, вступил на плоскогорье Эллорны, кипучая натура Джориана растопила лед недоверия. Очень помогло то, что Джориан свободно говорил по-швенски и никогда не упускал случая пошутить. К тому же, желая возбудить интерес Гендингов, он шел на всевозможные уловки. Наблюдая, например, как стражники разбивают лагерь, Джориан, словно бы вскользь, заметил:

— Эти горы точь-в-точь как горы Козьей Кручи, что лежат на сотни лиг к югу отсюда. Они напомнили мне времечко, когда кузнец-чародей задумал остудить свой докрасна раскаленный клинок, вонзив его мне... да, впрочем, это вам не интересно.

— Что ты там завел? — встрепенулся Глом. — Давай, рассказывай.

— О, вы кочевники, известные всезнайки, чтобы сидень не сказал, все равно не поверите. Зачем вам мои сказки?

— Мы тебе не позволим разжигать наше любопытство, а потом нас же и дразнить, — это первое, — сказал Глом. — А теперь рассказывай или, клянусь штуковиной Грайпнека, вот придушу тебя арканом, живо тогда заговоришь.

— Ну, так и быть, — сказал Джориан и принялся расписывать свое приключение с Ритосом-кузнецом.

К тому времени, когда они забрались в самое сердце Эллорны, у Гендингов вошло в привычку

требовать по вечерам:

— Джориан! Расскажи историю!

Глом никогда не забывал убедиться, что по меньшей мере два стражника постоянно с оружием наготове охраняют Джориана. Он разбил ночь на дежурства, во время которых двое кочевников охраняли Джориана, а двое других несли общий караул.

— Мы, — пояснял Глом, — можем наткнуться на медведя-шатуна, а на высокогорье живут пещерные люди, они нападают иногда на малочисленные отряды. Слава Грайпнеку, нас этим не возьмешь, но нужно быть готовыми отразить нападение.

Однажды Джориан уловил обрывки разговора, которые навели его на подозрение, что в скором времени отряд повернет к югу и горными тропами двинется в Боуктис. Следовательно, если он хочет добраться до пределов дружественной Тарксии, самое время рвануть в бега. Этим вечером, рассказывая историю, Джориан превзошел сам себя.

* * *

— Вот заиметь бы мне мозги, как у кортольского короля Фузиньяна, — начал он, — так я б от вас, тупиц, давным-давно удрал; но увы! Боюсь, я вас ни капельки не умнее. Помните, я третьего дня рассказывал про Фузиньяна, сына Филомена Доброхота? Росточку он был небольшого, однако живой да смысленый, за что и получил прозвище Фузиньян Лис. Я тогда еще рассказывал о временах, когда он посеял Зубы Гримнора и был изгнан из Кортолии.

После того, как он отвоевал королевство и свою любимую королеву Дэнуду, до поры до времени все шло гладко. А затем в один прекрасный день королева исчезла; в спальне царил такой разгром, будто там дрались. Фузиньян, конечное дело, затужил не на шутку. Двое детишек только разжигали его горе: знай, цепляются за мантию да спрашивают, когда, дескать, мамочка вернется?

После пропажи королевы Фузиньян чего только не делал: и на розыски посылал, и указы издавал, и награду сулил, и со знающими людьми беседовал — пытался дознаться, что случилось с его возлюбленной. Сперва он кинулся к придворному чародею, доктору Эйчосу; тот составлял гороскопы, гадал по птичьему полету, вызывал духов, но толку не добился. Затем Фузиньян по очереди спросил совета у всех дипломированных колдунов и колдуний королевства, однако ж и они не помогли.

Наконец обратился он к одной особе, хоть до той поры божился, что близко к ней не подойдет, — это была ведьма Гло, проживавшая в пещере в горах южной Кортолии. Гло прославилась тем, что на протяжении двух поколений оказывала кортольской монархии медвежьих услуги. К тому ж ей приспичило сделаться придворной колдуньей вместо престарелого Эйчоса. Эту плату она и прежде требовала с кортольских королей за свою работу. Но так уж получалось, что от ее заклинаний вечно был один только вред, поэтому ни один из королей ей этой должности не дал.

И вот королю Фузиньяну, который уж всякую надежду потерял, волей-неволей пришлось отправляться на юг. Отыскал он пещеру Гло и спрашивает, что, мол, с супругой его приключилось.

«И всего-то? — с готовностью отвечает Гло. — Недавно один тролль, который прежде жил на Эллорнских горах, поселился в Чарующих Пустотах. Ден пять тому назад знакомый демон мне шепнул, будто этот тролль приволок туда женщину».

А надо вам сказать, что Фузиньяну Чарующие Пустоты были хорошо известны, потому как папаша его, Филомен Доброхот, как-то повелел их изучить и нанести на карту, и Фузиньян в юности самолично там побывал. Чарующими Пустотами называли цепь известняковых пещер на склоне оврага в нескольких лигах от пещеры Гло. Однако местные жители обходили их стороной: очень уж были они неприступные, да к тому ж еще поговаривали, будто там водятся злые духи.

«Можешь ты, — спрашивает Фузиньян у ведьмы, — наслать какое-нибудь заклятье, чтоб выманить этого тролля из пещеры и убить его?»

«Увы, нет, сир! — отвечает Гло. — Знай же, что тролли, хоть сами не очень-то сильны в колдовстве, никаким заклятьям не поддаются. Есть, правда, у меня одно заклинание, но оно требует долгой

подготовки, и к тому же пока заклинание произносится, тот, против кого оно направлено, должен сохранять полную неподвижность».

«Тогда, — молвил король, — я самолично загоню чудище в логово и постараюсь его убить».

«Не советую, — говорит Гло. — Этот старый тролль по прозвищу Вуум необычайно крепок. Оружие отскакивает от его чешуйчатой кожи, как от гранитной статуи, и такова его сила, что он тебя запросто сгребет, разорвет на мелкие кусочки, руки-ноги повыдергивает да разбросает по своему оврагу».

«Тогда я приведу своих самых доблестных солдат, и мы побьем его числом».

«И эдак не выйдет, Твое Величество. Вход в Чарующие Пустоты находится как раз посередине скалы, и ежели ты веревку со скалы спустишь, так лишь по ней и можно туда добраться. К тому ж в пещеры ведет единственный вход — очень узкий, — и твоим людям придется лезть к Вууму поодиночке, а уж он их на кусочки разорвет, и не сомневайся».

«Ежели все так обстоит, как же сам-то Вуум входит и выходит?»

«Он ведь тролль, у него на руках и ногах не ногти, а настоящие крепкие когти, которыми он цепляется за мельчайшие трещины в скале, — ты их и разглядеть-то не сможешь. Поэтому взобраться на скалу Вууму не труднее, чем белке на дерево».

«А что, ежели напротив входа в пещеру установить катапульту и, когда он высунет голову, запустить копьем?»

«Он так востер да проворен, что непременно углядит летящее копье и успеет юркнуть назад в пещеру».

«Ладно, — говорит Фузиньян, — чему быть, того не миновать. Пусть я погибну, но честь не позволит мне оставить дражайшую супругу в лапах этого паразита».

«И что ты намерен делать?» — спрашивает Гло.

«Как что? Поеду в Чарующие пустоты, спущусь по скале, войду в пещеру и попробую убить Вуума».

«Ах, сир! На кого ж ты покинешь Кртолию? Сперва нас твой добрый, но безрассудный папаша чуть в гроб не вогнал. Ежели ты сейчас помрешь, мы на долгие годы попадем под регента, пока твой старший пострел в возраст не войдет; сам знаешь, какие опасности это сулит. Будь у тебя хоть один шанс, я б тебя первая благословила на подвиг. Но сам посуди: этот тролль уж никак не ниже тебя, зато вдвое толще и раза в три тяжелее. Кожа у него прочная, словно он крокодил мальванский, а пальцы крошат камень...»

«Стоп, — молвит король. — Говоришь, вдвое толще меня?»

«Ага, и весь будто из железа...»

«Дай подумать, — говорит Фузиньян. — Я пытаюсь припомнить карту Чарующих Пустот, что была вычерчена в годы папиного царствования. О Гло, скажи-ка: ежели я этого Вуума утихомирю, возьмешься добить его каким-никаким заклинанием?»

«Ну, сир, знаю я одно заклинание, вызывающее молнию; давным-давно открыл мне его святой из Мальваны. Заклятье это почти так же опасно для заклинателя, как и для жертвы, но ежели Вуум будет стоять смирно, я, пожалуй, попытаюсь. Только ты должен слово дать, что, коли все гладко сойдет, я получу лицензию и стану твоей придворной колдуньей...»

«Ладно, ладно, — молвил Фузиньян. — Так я и знал, что этим кончится. Получишь и лицензию, и должность, но запомни — только в том разе, ежели твои гром и молния ударят куда следует. А теперь я пойду готовиться к схватке».

Вернулся король в столицу и отобрал там самых быстроногих скакунов, самое надежное оружие и сотню лучших воинов. А еще взял он с собой набор волынок, какие в большом ходу у пастухов горной Гованнии; Фузиньян давно пытался научиться играть на волынке. В Кртолии бытовало мнение, что звук у этого инструмента на редкость противный, даже когда играет искусный волынщик, а уж когда Фузиньян принимался терзать мехи, у него такое выходило, — нет слов описать.

Поскольку Фузиньян был королем, никто, кроме Дэнуды, не осмеливался сказать ему прямо в глаза,

какие чувства вызывает эта игра, но по тому, как придворные в ответ на его расспросы жались и мямлили, он очень скоро раскусил, что они думают на самом деле. Поэтому Фузиньян взял за правило упражняться в своей подземной темнице, где никого не мог потревожить — разве только одного-двух преступников. Король был человек гуманный и за то, что узникам приходилось выслушивать его игру, откладывал исполнение приговоров.

Еще прихватил Фузиньян карту Чарующих Пустот, составленную при Филомене, и по дороге внимательно ее изучил. Ну, долго ли, коротко ли, подъехал король к оврагу, куда выходили Пустоты. Расположился он на другой стороне оврага, как раз напротив входа в пещеру, и достал свою волынку.

И вот, только он разыгрался — все сто отборных воинов в это время заткнули уши, — из пещеры высунулся тролль, да как зарычит: «Это что за адский вой?»

«Никакой не адский вой, а сладкозвучные напевы моей волынки», — отвечает Фузиньян.

«Ну, и зачем ты меня терзаешь этими напевами?» — спрашивает Вуум.

«Затем, что я король Фузиньян, у которого ты похитил королеву; я желаю ее забрать, а тебя выгнать за пределы королевства».

«Ого! — с изумлением говорит тролль. — Так этот мышонок и есть наш король, да? Знай же, червяк: твою женщину я намерен оставить себе, а ежели ты и дальше будешь приставать, так пожалеешь».

Поругались они маленько, а потом Вуум вылез из пещеры; цепляясь, как нетопырь, за отвесную скалу, спустился он в овраг и с диким ревом стал карабкаться на противоположный склон, чтоб посчитаться с Фузиньяном и его людьми. Воины осыпали его градом стрел, но те лишь отскакивали от чешуйчатой шкуры тролля. Затем Фузиньян и воины повскакали в седла и были таковы, а тролль остался с носом. Но стоило Вууму вернуться в пещеру, как Фузиньян вновь занял свой пост и принялся музицировать.

Так продолжалось довольно долго: король дни и ночи напролет извлекал из своих волынок омерзительные звуки, но сколько Вуум ни пытался его сцапать, ничего не вышло — Фузиньян успевал дать деру. Наконец даже железная сила тролля стала иссякать, теперь он довольствовался тем, что лежал, затаившись, у входа в пещеру и с руганью швырял камнями в своего мучителя. Когда мимо свистели камни, Фузиньян прикрывался щитом, а на ругательства и вовсе внимания не обращал.

Наконец тролль крикнул через овраг: «О король, ежели хочешь заполучить обратно свою жену, давай сразимся один на один! Я могу бороться, боксировать, фехтовать, могу драться на копьях, топорах, дубинках, ножах, могу обменяться с тобой на расстоянии выстрелами из лука, самострела, рогатки или пращи. Может, еще чего придумаешь, чтоб покончить с нашими разногласиями?»

«Раз ты меня вызвал, — молвил Фузиньян, — значит, оружие выбираю я. И не буду я с тобой бороться, боксировать или драться на мечах, копьях и все такое, потому как слишком хорошо знаю твою силу и неустранимость. Но я согласен вступить с тобой в честное единоборство».

«Что еще за единоборство?»

«Мы устроим состязание по бегу в твоих собственных пещерах. Побежим от входа по главному коридору, обежим пещеры по кругу и снова встретимся у входа».

Они все подробно обсудили, и тролль признал, что состязание честное. Тут Фузиньян говорит: «Теперь давай договоримся. Ежели ты победишь, я удалюсь и без всяких оговорок оставлю тебе Чарующие Пустоты и Дэнуду. Ежели я — ты отдаешь мне Дэнуду и тотчас покидаешь пределы королевства».

Заспорили они сызнова, но когда Фузиньян принялся было раздувать свою волынку, Вуум тут же на все согласился. Фузиньян ему и говорит: «Мой добрый тролль, я тебе, конечное дело, доверяю, но, чтоб чего не вышло, пока я буду в пещере, отнеси Дэнуду на дно оврага; пусть она там посидит, а мы тем временем проведем состязание. У моих солдат приказ: в случае какого-либо вероломства с твоей стороны хватать женщину и бежать, не пытаясь даже меня спасти».

«А как, господин король, насчет вероломства с твоей стороны?»

«Само то, что я у тебя в руках, надежная порука, — отвечает Фузиньян. — Завсегда можешь прихлопнуть меня, словно клопа, ежели увидишь, что я на руку не чист».

Спустился Фузиньян на дно оврага, и Вуум с Дэнудой на плече сделал то же. Затем тролль взвалил на плечо Фузиньяна и уж вместе с ним поднялся по скале ко входу в пещеру. Король потом признавался, что не может припомнить в своей жизни ничего более омерзительного, чем подъем на чешуйчатом зловонном плече этого чудища. Но долго ли, коротко, добрались они до пещеры. Тролль дал Фузиньяну фонарик, каким обычно разгонял темноту, — вместо огня в нем роились светлячки. Другой фонарик взял сам Вуум. После этого Фузиньян высунулся из пещеры и сказал жене: «Дорогая, все в порядке, можешь подавать сигнал».

«Приготовились! Внимание! Марш!» — крикнула она; Вуум и Фузиньян понеслись, как ветер, или почти как ветер, ежели учесть, что в пещере было темно, пол весь в рытвинах, да притом надо было уворачиваться от сталактитов и сталагмитов.

Юркий быstroногий Фузиньян рассчитывал, что прямо на старте обойдет своего неповоротливого соперника; тому, слышь-ка, требовалось время, чтоб скорость набрать, хотя, разогнавшись, он показывал неплохие результаты. И вот Фузиньян, недолго думая, рванулся вперед и обогнал Вуума на два шага. Вуум-то знал Пустоты лучше, чем Фузиньян, который в них лет десять не бывал, и стал нагонять короля. Однако тут он угодил головой в сталактит: сталактит переломился, и на Вуума с грохотом посыпались огромные куски известняка. Особого вреда обвал не причинил — ведь Вуум был из породы троллей, — но происшествие выбило его из колеи, и Фузиньяну удалось опередить соперника еще на шаг.

Надо сказать, Фузиньян внимательно изучил карту и знал, что в круговом коридоре, о каком он с Вуумом толковал, есть одно узкое место. И вот, добежав до сужения, король извернулся всем телом и живо проскользнул в лаз. Зато нагонявший его Вуум накрепко застрял. Он наверняка знал про этот узкий проход, но, похоже, ни разу не проверил, влезет туда его тело или нет. Фузиньян притормозил и так забористо обругал Вуума, что тролль, не помня себя, с диким ревом забился в расщелине, но только еще больше застрял. Тролли, как видите, не шибко-то умный народ, мозги у них варят не лучше, чем у комилахских обезьянцев.

Добежал, значит, Фузиньян сызнова до входа в пещеру и покликнул своих молодцов — часть из них к тому времени обходным путем забралась на вершину скалы над входом в пещеру, чтобы сбросили веревку до самого дна оврага. Затем Фузиньян отдышался, спутался в овраг и заключил Дэнуду в любящие объятия. После этого они вдвоем вскарабкались по противоположному склону, и король подал ведьме Гло знак начинать.

Разожгла ведьма огонь, подвесила котел, бросила в него глаз саламандры, палец лягушки и еще какую-то дребедень. И произнесла она страшное заклинание и магическую формулу: потемнело небо, задул холодный ветер, пошел дождь, воздух наполнился шелестом невидимых крыльев и зловонными испарениями Преисподней. Указала ведьма волшебной палочкой на вход в пещеру — из налетевшей тучи сверкнула молния и ударила в склон горы, но входа в пещеру не задела. Взмахнула Гло палочкой еще раз — и молния пронзила другой склон. Битый час махала ведьма волшебной палочкой да бормотала страшные заклятия, и каждый раз сверкала молния, гремел гром, но сокрушить вход в Чарующие Пустоты, кажись, никак не удавалось. В промежутках между раскатами грома из пещеры был слышен дикий рев попавшего в западню тролля.

Затем грозовая туча унеслась прочь, а Гло, так и не сумев поразить цель, без чувств грохнулась оземь. Фузиньян, Дэнуда и воины, которые вымокли до нитки и чуть не оглохли от грома, в замешательстве топтались на краю оврага; вдруг под ногами раздался глухой гул. Земля заходила ходуном, скала с ужасным грохотом обрушилась, бушующий шквал обломков завалил вход в Чарующие Пустоты, и в воздухе повисло удушливое облако пыли. На другом склоне оврага тоже случился оползень, и ежели б Фузиньян не оттащил свою королеву от края обрыва, им бы несдобровать. И вот, овраг теперь был наполовину засыпан обломками; от Пустот и тролля не осталось и следа — только из-под камней сочилась неизвестно откуда взявшаяся липкая зеленая жижа.

Так пришел конец Пустотам и Вууму, и вся честная компания с ликованием возвратилась в город Кортилию. Гло потребовала должность придворной колдуньи, да Фузиньян ей отказал: дескать, не она убила тролля, потому как гром и молния ни разу не попали куда следует. А что землетрясение подоспело, так это, дескать, простое совпадение. Ведьма же стояла на том, что ежели ее молнии и не поразили

засевшего в пещере Вуума, зато нарушили естественное равновесие, отчего и начались подземные толчки. И она, значит, честно выполнила условия сделки, хоть, может статься, допустила мелкие промахи.

Доспорили они чуть не до драки, потому как Фузиньян был король справедливый и не мог просто взять да прогнать Гло, чтоб не приставала. Наконец Дэнуда предложила спросить совета у беспристрастного чужеземца. Они обратились к тарксийскому наместнику бога, и тот решил спор в пользу Гло. Поскольку доктору Эйчосу в любом разе пора было отправляться на покой, по виду все сошло гладко. Но не успела Гло и пяти дней порадоваться новой должности, как подхватила чахотку от одного из придворных и в три дня преставилась. Так что в конечном счете Эйчос недолго пробыл в отставке.

Дэнуда уверяла супруга, будто Вуум ее и пальцем не тронул, разве только заставлял часами играть с ним в шашки. Однако вскоре обнаружилось, что королева понесла. Родился у нее ребеночек, да такой большой и крепкий, каких в Кортолии прежде не видывали. Хуже того — как стал он подрастать, кожа на нем загубела и вся чешуей пошла, будто у крокодила.

Мальчик, по счастью, не был бесспорным наследником, потому как имел двух старших братьев; и хоть уродился не шибко умным, зато радовал всех добродушием и послушанием. Названный Фузариусом, он вырос и стал знаменитым воином: он ведь был вдвое сильнее обычного человека, да к тому ж имел такую отменно крепкую шкуру, что доспехи ему были ни к чему. Фузариус, правда, перед боем надевал латы — не любил получать удары, которые оставляли на нем синяки и царапины, а достанься они кому другому — так насмерть бы уложили.

У Фузиньяна, конечное дело, имелось свое личное мнение о том, кто же истинный родитель Фузариуса. Но он был философ и принимал вещи такими, какие они есть.

Джориан украдкой огляделся. Один из охранников, свернувшись калачиком, мирно посапывал под деревом. Что касается остальных, некоторым из них полагалось сейчас спать, чтобы не сморило, когда наступит время дежурства. Вместо этого они жадно ловили каждое слово Джориана.

— Говорят, — снова завел он, — будто Фузариус повстречал как-то раз льва-одиночку...

* * *

Час проходил за часом, а Джориан все говорил. Истории сыпались из него, как из рога изобилия: одни он передавал по памяти, другие сочинял прямо на ходу. Рассказывая тихим невыразительным голосом, Джориан беззастенчиво растягивал сказки, уснащал их кучей ненужных подробностей и старался нагнать побольше скуки. В результате к полуночи весь конвой спал мертвым сном. Посты не были выставлены, потому что Глом задремал прежде, чем собрался этим заняться. Над поляной разносился мирный храп Гендингов. Джориан встал. Он сунул руку за пояс и нащупал единственную вещь — не считая одежды, которую у него не отняли, — набор отмычек. Увидев его оружие и пояс с деньгами, Гендинги пришли в такой восторг, что не потрудились как следует обыскать. Как только в руках у Джориана очутилась одна из гнутых проволочек, отомкнуть наручники стало делом одной минуты.

Осторожно, боясь звякнуть цепью, Джориан опустил кандалы на землю и взял меч в ножнах, который лежал в траве подле одного из охранников. Меч предназначался для конного боя: он был прямой, двуручный, очень длинный — длинней Рандира — и имел плоскую крестообразную рукоятку. Конечно, этот меч не шел ни в какое сравнение с тем, что Джориан позаимствовал когда-то у Ритоса-кузнеца, но выбирать не приходилось.

Джориана так и подмывало стащить у Гендингов пару кошельков. Насколько он знал, кочевники захватили с собой значительную сумму, предназначенную на подкуп чиновников Солимбрии и Ира, дабы те не чинили препятствий, когда Джориана повезут по их территории. Однако все кошельки были надежно привязаны к поясам кочевников, и пытаться их стянуть значило идти на заведомый риск: кто-нибудь из Гендингов мог проснуться.

Оузер насторожил уши и тихонько всхрапнул, когда Джориан неслышной тенью подкрался к лошадям, потрепал его по носу и распутал привязь. Разумеется, для ночного побега конь темной масти подошел бы куда лучше, чем чало-гнедой Оузер, но то, что жеребец знал Джориана, тогда как другие лошади могли переполошить весь лагерь, попытайся он увести одну из них, решило дело.

Сжимая в одной руке поводья, а в другой краденый меч, Джориан со всеми предосторожностями вывел Оузера из табуна и, повернув к югу, стал взбираться на ближайшую сопку. На вершине, которая из лагеря уже не просматривалась, Джориан задержался, чтобы определиться по звездам. Узкий серп луны давно закатился, но звезды, мерцавшие в переплетьях веток, еще не покрывшихся свежей листвой, указали ему, где искать Тарксию. Удовлетворенно хмыкнув себе под нос, Джориан зашагал вниз по склону.

Глава 9

Смарагдовое божество

Река Сфердар, петляя, текла по центральной равнине Тарксии, где запряженные в деревянные плуги буйволы вспахивали сырую черную землю. Луга, а также обочины дорог и полей, которых не касался плуг, сплошь заросли полевыми цветами.

На берегу Сфердара, в нескольких лигах от Срединного моря, раскинулся столп морского судоходства город Тарксия. Издали крепостная стена производила внушительное впечатление, но при ближайшем рассмотрении становилось очевидным, что она устарела и нуждается в починке. Стена была выстроена не из камня, а из кирпича, и не могла устоять под обстрелом из новейших осадных орудий. Многие зубцы обвалились, а по кирпичной кладке то и дело, змеясь, пробегали огромные трещины — следствие неровной осадки. Что касается обороны, тарксийцы уповали скорее на своего бога и оккультные силы, подвластные его духовенству, нежели на оружие и укрепления. С самого установления теократии эти оккультные силы внушали такое благоговение соседним странам, что нападать на Тарксию у них не возникало никакой охоты.

Сам город казался меньше и неказистее, чем можно было ожидать от крупнейшего порта Срединного моря. Улочки были узкие, извилистые и грязные. Большая часть зданий представляла собой либо высокие, перенаселенные доходные дома, либо лачуги, кое-как слепленные из разрозненных кирпичей и досок. Даже у богатых тарксийцев дома были небольшими и почти без отделки. Улицы заполняли толпы неброско одетых мирян и облаченных в черные рясы служителей бога Горголора.

Над городом вздымалось огромное, подавляющее своими размерами строение: храм Горголора, бога-покровителя Тарксии и согласно учению — верховного божества вселенной. Это был самый большой, пышный и богатый храм Новарии, превосходящий своим величием даже святилище Зеватаса в Солимбрии. Отличительной особенностью этого храма являлся гигантский купол, венчающий крестообразное основание.

Купол, опирающийся на барабан и парусный свод и усиленный полукуполами и контрфорсами, возносился ввысь на триста пятьдесят футов. Его золоченая черепица ослепительно сверкала под лучами весеннего солнца. По углам здания располагались четыре стройных башни, с которых служители Горголора трижды в день призывали тарксийцев на молитву. На территории вокруг храма был разбит парк и выстроены служебные помещения, в том числе и дворец наместника бога.

Спуск от храма Горголора вел на набережную с ее причалами, кораблями и портовыми кабаками. Река Сфердар, разбухшая от притоков, впадающих в нее выше и ниже города Тарксии, петляя, несла свои воды на восток через огромную Болотину Спраа в Срединное море. В тарксийских водах была настрого запрещена охота на морских коров: питаясь болотными растениями, эти животные не давали им заполнить реку.

* * *

На спуске, ведущем от храма к набережной, теснились жилища наиболее преуспевающих тарксийских мирян, в число которых входил и волшебник Вальдониус. В девятнадцатый день месяца Вороны, около полудня, Джориан постучал в дверь дома Вальдониуса. Привратник распахнул смотровое окошко.

— Доктор Вальдониус дома? — спросил Джориан.

— Ну, а если и дома? — отозвался привратник, с отвращением взирая на оборванные лохмотья и нечесанные космы посетителя.

Левую руку Джориана перехватывала желтая повязка, на которой характерным для Тарксии архаичным шрифтом было выведено:

— Прошу тебя, доложи, что прибыл посланец доктора Карадура.

Смотровое окошко захлопнулось, и дверь тотчас распахнулась. Стоило Джориану переступить порог, как привратник отпрянул и сморщил нос.

— Походишь, старина, пару месяцев немытым, — проворчал Джориан, — небось, еще не так завоняешь!

Когда привратник, миновав прихожую, ввел Джориана в уютную гостиную, тот замер и в изумлении разинул рот. Один из двух сидящих за трапезой мужчин — здоровенный плешивый толстяк — был, скорее всего, Вальдониус. Вторым оказался Карадур.

— Приветствую тебя, мастер Джориан, — сказал Вальдониус. — Не нужно обладать особой проницательностью, чтобы сообразить: ты каким-то образом удрал от варваров, — затем он обернулся к Карадуре. — Видите, старина, мои предсказания оправдались. Разве я не говорил, что к полудню он будет здесь?

— Приветствую тебя, доктор Вальдониус, — ответил Джориан и с ходу напустился на Карадура. — Что ты здесь делаешь, провалиться тебе в сорок девять мальванских преисподних? Последний раз, как мы виделись, ты наплевал на меня, на свое поручение и подрядился шаманить у Хана Вилимира!

По темным морщинистым щекам Карадура градом заструились слезы.

— Ах, сынок, не суди меня так жестоко! Что тебе за польза, если б меня отправили вместе с тобой в Ксилар или сразу убили? Что еще — при всей чистоте побуждений — я мог сделать?

— Ты мог хотя бы кинуться Вилимиру в ноги, либо припугнуть, что нашлешь, мол, на него какую-нибудь погибель. А ты вместо этого чирикнул: «Да-да, мой повелитель!» — и бросил меня на произвол судьбы, даже заступиться не подумал.

— Но ты же спасся от смерти!

— Не твоими молитвами. А потом, я думаю, когда ты прознал, что Вилимир хочет взять тебя на войну с той, другой, ордой и заставить скакать во весь опор по степи, ты, заботясь о своем драгоценном здоровье, предпочел дать деру и продолжить путешествие, не так разве?

— Ах, возлюбленный мой сын, конечно, нет! Ты же не знаешь, каких трудов мне стоило одурочить варваров, чтобы совершить побег и попытаться догнать тебя...

Вальдониус вдруг разразился громовым хохотом, в котором потонули излияния старика.

— Карадур, — жизнерадостно вскричал он, — ваш юный друг умен не по годам! Я полагаю, мастер Джориан, ты недалек от истины. Тем не менее раз уж я старше — хоть, может, и не умнее, — позволь дать тебе один совет: даже если твоя догадка верна, не следует считать, будто человеком владеет лишь то побуждение, которое ты ему приписываешь. Потому что человеческие побуждения обычно противоречивы: эгоизм борется с тягой к справедливости, а страхи перемешаны с надеждами. Что если добрейший Отец Карадур на минутку позволил чувству самосохранения возобладать над остальными соображениями? Разве с тобой этого никогда не случилось? К тому же он стар и немощен, куда ему тягаться с могучим юным героем вроде тебя. Поэтому напрасно было бы ждать от него неспигаемой храбрости Гиша Великого или Фузиньяна Лиса.

— Я не герой, — пробурчал Джориан. — Я всего лишь простой ремесленник и желал бы обзавестись хозяйством да зарабатывать на кусок хлеба с маслом. Однако ж я не сбежал, не бросил Карадура в джунглях и степях, где мы давеча блуждали, хоть мне это было проще некуда. Но сделанного не воротишь. Как обстоят дела?

Вальдониус ослабил.

— События приняли исключительно любопытный оборот. Но, любезнейший Джориан, навряд ли мне стоит призывать злобных духов из запретных реальностей и нечестивых измерений, коим несть числа в бездонных глубинах пространства и времени, дабы предсказать, что сейчас ты нуждаешься в трех вещах: основательном обеде, ванне и услугах цирюльника. Я не ошибаюсь?

— В самую точку, господин. Ежели волосы не остричь, я скоро буду спотыкаться о них при ходьбе. Что до ванны, так твой привратник, как меня унюхал, чуть в обморок не грохнулся, бедолага. Однако ж еда

всего желаннее, а то я и сам, неровен час, в обморок упаду.

— На что ты существовал после побега?

— Если какому фермеру надо было дров нарубить, я подряжался за харч для меня и жеребца. Ежели он платить не хотел — ну, ни в какую, — я крал у него несущку. Я потратил кучу времени, чтобы обучиться этому искусству, когда задумал бежать из Ксилара. Благодарствую, красotka, — сказал Джориан хорошенькой служанке, которая подала ему кубок вина, в то время как другая обильно уставляла стол яствами.

— Возможно, за это умение ты впоследствии станешь знаменит, как Джориан Лис, — хихикнул Вальдониус.

— Или хотя бы как Джориан-курокрад.

— Как тебя встретили на тарксийской границе?

— Я назвался Мальто из Кртолии, сказал, что ищу, мол, честную поденную работу, — с набитым ртом отозвался Джориан. — По правде говоря, я им не больно-то приглянулся — то ли запах мой не понравился, то ли пустой кошелек, но потом они там о чем-то пошептались и выдали разрешение сроком на тридцать дней. Поп из караульной команды нацепил мне эту чертову повязку, будто я сифилитик заразный.

— С их точки зрения это, безусловно, так, — сказал Вальдониус. — В твоей голове копошатся запретные мысли, кои, если их не сдерживать, могут распространиться среди простого люда и подточить хрупкие устои беспрекословного приятия Истинной Веры, которые теократия столь долго и упорно пыталась привить народу Тарксии.

— Знаю; они взяли обещание, что пока я нахожусь в Тарксии, то не стану разговаривать с местными жителями на религиозные и философские темы. Надеюсь, я еще не нарушил запрет?

— Это неважно; за триста лет теократия неплохо научилась пресекать гибельные веяния такого рода. Однако сейчас страна охвачена брожением и недовольством, потому что многие служители бога стали просто распутниками в сутанах и взяточниками, а обещанных ими благ не видно и в помине. Идеи имеют свойство просачиваться через границы, невзирая на стены и стражу. Соблюдай в своих разрушительных высказываниях разумную осторожность, и тебе нечего опасаться.

— Удивляюсь, как они вообще меня пропустили!

— Возможно, на них оказали невольное впечатление аристократические повадки, которые ты усвоил, пока был королем. Они тебя приняли за разорившегося дворянина, который может оказаться полезным, если его подмаслить.

— И которым я сам себя немного чувствую, — Джориан начисто выскреб тарелку и, сыто отдуваясь, откинулся на подушки. — Наелся, клянусь Зеватасом! Нет лучшей приправы к еде, чем волчий аппетит. А теперь, мои ученые собраты, умоляю, расскажите: как поживает Ларец Авлена и связанный с ним проект?

Вальдониус хихикнул. Он вообще без умолку смеялся, хихикал и улыбался, но Джориану казалось, что этому веселью не хватает добродушия.

— Итак, Ларец Авлена, — сказал Вальдониус, на северный манер превратив имя в «Аулен», — находится в полном порядке и надежно заперт в моем погребе, где он и останется до тех пор, пока вы, господа, не поможете мне осуществить некое предприятие.

Джориан в упор глянул на Карадура, из глаз которого тут же снова полились слезы.

— Как же я был глуп! — всхлипнул мальванец. — Если только доживу до Конклава, прерву все отношения с коллегами и удалюсь в отшельники, раз ни у кого совести не осталось.

— Ну-ну, старина, — сказал Вальдониус, — не стоит уж так убиваться. В конце концов то, что я делаю для сообщества волшебников здесь, в Тарксии, не менее важно, чем то, что собраты Альтруисты предлагают осуществить в Метуро.

— И что же ты намерен сделать в Тарксии? — спросил Джориан.

— Прежде чем я продолжу, позвольте предупредить, что об этом разговоре никто, кроме нас троих,

знать не должен и что на любителей двойной игры управа у меня найдется. Карадур утверждает, будто ты порядочная балаболка.

— Нет, ежели тайна стоит того, чтоб ее хранить. Твою тайну я сохраню.

— Значит, договорились. Ты бывал в храме Горголора?

— Не-а, только издали видал, как сюда ехал.

— Так вот, в храме установлен жертвенник, за жертвенником висится постамент, а на этом постаменте стоит одно из чудес света.

— Смарагдовая статуя Горголора? Слышал ли я о ней?

— Да. Статуя представляет собой лягушку, высеченную из единого изумруда — но величиной лягушка со льва или медведя. Это самый большой из всех известных изумрудов; он один дороже всех сокровищ мира вместе взятых. Служители бога без конца превозносят ярчайшее сияние статуи: говорят, если маловер взглянет на нее, то враз ослепнет. Однако я на эту статую смотрел много раз, и ничего моим глазам не сделалось. Когда Горголор нисходит в нашу реальность, он, по утверждению попов, вселяется в эту статую; поэтому молитвы всех верующих — начиная с наместника бога и до последнего нищего — обращены к ней. Теперь скажи, что произойдет, если статуя вдруг исчезнет?

Джориан внимательно оглядел Вальдониуса из-под густых бровей.

— Надо думать, это вызовет страшный переполох среди духовенства.

— Переполох, мой юный друг, это еще слишком мягко сказано.

— Зачем статуе пропадать?

— Как ты и сам догадываешься, цвет тарксийского общества уже давно разочаровался в принципах теократии. Взять хотя бы меня. Служители бога позволяют практиковать лишь незначительные аспекты волшебства: ничего нельзя, кроме гадания и симпатической магии. Никакого колдовства и некромантии, пусть даже они приносят пользу и направлены на благие цели. Почему, спрашивается? Да потому, что их богословы, опираясь отнюдь не на научные исследования, а на свои заумные казуистические рассуждения, утверждают: духи, вызванные подобным способом, по определению являются злыми существами, противодействующими доброму богу Горголору. Следовательно, общение с этими духами — ужасная ересь, которая по праву карается сожжением на костре. И я, способный — при условии свободы творчества — далеко продвинуть вперед оккультные науки, вынужден заниматься жалкими бирюльками: составлять гороскопы и впадать в транс, чтобы отыскивать клиентам потерянные браслеты.

Причины для недовольства у нас разные, но в одном все сходятся. Пути устарелой богословской системы связывают нас по рукам и ногам. Наше государство остановилось в развитии, тогда как остальные новарские страны достигли огромных успехов в науках и искусстве. Я мог бы привести множество примеров идиотских притеснений литературы и искусств, запретов на свободу слова и тому подобное. Да вот, лишь в прошлом месяце...

— Прощения просим, — вмешался Джориан, которому надоело слушать про тарксийские злоключения. — Я, кажись, понимаю причины твоего недовольства. Вернемся к статуе. Такую огромную штуковину в кармане не унесешь; скажи, что ты задумал?

— В Ларце, который твой благородный соратник так кстати сюда приволок, находится одно уменьшающее заклинание, как нельзя лучше подходящее для моей цели. Оно гораздо удобнее нынешних уменьшающих заклинаний, потому что они оставляют без изменений вес уменьшаемого предмета. Если статуя весит, скажем, десять талантов и мы ее уменьшаем до размеров ладони, оставляя вес без изменений, ее будет так же трудно поднять, как и сейчас. Более того, из-за сосредоточения веса на малой площади она может даже проломить постамент. На тот случай, если тебе придется переносить статую, должен предупредить, что от уменьшения веса масса не меняется.

— Разве это не одно и то же?

— Вес — это сила, с которой планета притягивает к своему центру различные объекты — вроде тебя и Горголора. Масса — это свойство, которое вызывает сопротивление объекта при резких переменах

состояния, например, при начале движения и остановке. Вес и масса всегда находятся в равном соотношении — за исключением случая, когда на это соотношение влияет могущественное заклинание. Если ты бежишь с уменьшенной статуей в руках, не воображай, что ее можно так же легко остановить, как полет кирпича или камня. А попытаешься — так инерционная масса статуи живо зашвырнет твою задницу выше крыши.

— Какова моя роль во всей этой заварушке?

— Подробности обсудим нынче вечером, чтобы в деталях разработать план операции и исключить возможные случайности.

— Ну так вот, — сказал Джориан. — Я по уши сыт всеми вашими дразгами. Почему ты вообще решил, что я приму участие в твоей задумке?

— Потому, мой милый Джориан, что заклятье, которое наложили на тебя мои коллеги, еще не снято. Следовательно, у тебя просто нет выбора. Поскольку заклятье вынуждает тебя всеми возможными способами содействовать доставке Ларца в Метуру, и поскольку единственный способ доставить Ларец — это покориться моим желаниям, значит, отказав мне, ты обречешь себя на мучительные страдания, малую толику которых тебе уже довелось испытать на собственной шкуре.

— Это ежели ты не покойник, — скрипнул зубами Джориан и, схватившись за рукоятку, потянул меч из ножен.

Однако в этот момент Вальдониус выкрикнул магическую формулу, подбросил в воздух пригоршню какого-то порошка и произвел несколько быстрых пассивов. Швенский меч, который только-только показался из ножен, вдруг застрял. Мышцы на руке Джориана вздулись от напряжения, по грязному лбу ручьями струился пот, но клинок не поддавался. Наконец, ловя ртом воздух, Джориан сдался. Меч со щелчком провалился в ножны.

— Вопрос исчерпан? — хихикнув, спросил Вальдониус. — Ну, полно! Я тебе не враг, поэтому давай-ка постараемся, чтобы твое пребывание в этом доме оставило приятные впечатления. Заветная ванна ждет не дождется. Тебя не только омоют, но и натрут благовониями, промассируют и надушат, словно доброго духа с мальванских небес. Еще я послал за прачкой, которая постирает и заштопает твою одежду, и за цирюльником, который превратит тебя из размахивающего дубиной пещерного жителя Элморны в цивилизованного смертного.

Что до главного удовольствия, каковое — насколько я понял по жадным взглядам, что ты кидал на моих служанок, — нейдет у тебя из ума, то боюсь, с ним придется обождать до отъезда из Тарксии. В этой стране отношения полов находятся под строжайшим контролем, и неосвященный блуд запрещен даже матросам заходящих сюда кораблей. Это обстоятельство делает Тарксию самым непопулярным из всех морских портов, несмотря на то, что здесь можно неплохо заработать.

— Ваше правительство в самом деле искоренило распутство и разврат?

— В общем, да. Единственные, кто предается запретным развлечениям такого рода, это некоторые представители духовенства. Наш старина наместник все обещает, душка, покончить с подобными безобразиями, да, видно, как-то руки не доходят.

* * *

На другой вечер они пошли к храму Горголора; Вальдониус нес фонарь.

— Нам повезло, — вполголоса пояснил он. — Наместник бога и его окружение как раз обсуждали, стоит ли посылать миссионеров в Мальвану или Швению. Поэтому, когда я сказал, что ты только что прибыл из этих земель, они сразу назначили аудиенцию. Припомни хорошенько, что ты знаешь о тамошних религиях.

— Немного, — отозвался Джориан. — Кабы знать заранее, что будут о том спрашивать, я б порасспросил кого; теперь уж ничего не попишешь.

— Ладно, если чего-то не знаешь, присочини, но держись границ правдоподобия. Эта аудиенция

влетает мне в хорошенькую сумму, и не хотелось бы бросать деньги на ветер.

— Они берут плату за аудиенцию, хоть сами же от нее и выгадывают?

— Конечно! Первая заповедь культа гласит: любое предприятие должно не только окупаться, но и приносить доход. Иначе зачем с таким рвением оберегать монополию в божественных вопросах?

— Каково положение остальных богов?

— Сперва, после падения династии Игнациана, проповедовался принцип терпимости по отношению ко всем вероисповеданиям. В сущности, обещание свободы веры явилось той самой уловкой, которая помогла духовенству Горголора — до того времени никому не известного захудалого бога — прийти к власти. У вас была монархия, говорили служители Горголора, но короли превращались в тиранов; у вас была демократия, но республика потонула в водовороте анархии и диктата толпы. Ваше спасение в теократии: святые боги будут править страной через своих добродетельных и целомудренных наместников.

Однако, едва заполучив власть, горголорианцы стали постепенно присваивать себе исключительное право на божественное. Первым делом они установили строжайший запрет на колдовство. Вслед за этим были разогнаны несколько мелких сект. Затем духовенство Зеватаса, Фрэнды и других основных богов передали в прямое подчинение верховному жрецу Горголора, который превратился, таким образом, в теократа, или наместника бога.

После этого наместник обнародовал целый ряд божественных откровений. Каждое откровение приумножало власть и славу Горголора и преуменьшало значение остальных богов. Мало-помалу этих богов низвели до статуса прислужников Горголора. Их храмы один за другим были переданы для других нужд или снесены, а статуи их разрушены, либо под тем или иным предлогом увезены в неизвестном направлении; настал день, когда в Тарксии не осталось ни одного самостоятельного культа, кроме культа Горголора.

— Непонятно, куда сами-то боги смотрят, — заметил Джориан.

— Мне тоже. Их сейчас в посвященных Горголору обрядах даже по именам не перечисляют, а просто упоминают как горголоровых духов-прислужников.

— Что, ежели б какому тарксийцу вздумалось возродить поклонение Зеватасу?

— Его бы сожгли за ересь. Иноверцу вроде тебя позволено жить в Тарксии, но лишь весьма ограниченное время. Если же ты решишь поселиться у нас навсегда, тебе придется примкнуть к Истинной Вере. Так, давай подумаем: как тебя представлять? Я с попами еще в подробности не вдавался.

— Я именуюсь Мальто из Кртолии, — сказал Джориан.

— Не звучит. Мальто — имя простонародное. Может, назовем тебя «владелецный господин Мальто из Кртолии?»

— В Кртолии нет дворянства. Мы, окромя короля, государство одноклассовое. Мальванцам я представлялся кортольским дворянином, но с этими попами может выйти осечка.

— Ну, по крайности, доктор Мальто!

— Ежели угодно. Я ведь и взаправду посещал оттоманскую Академию, когда служил у Его Незаконнорожденного Высочества.

— Что ты изучал?

— Стихосложение. Все поэтом мечтал заделаться.

— Значит, будешь Мальто из Кртолии, доктор литературы оттоманской Академии. Так вот, мы подойдем сразу, как закончится вечерня. После молитвы почти все служители бога разойдутся по своим делам, и храм опустеет.

Твоя аудиенция состоится во дворце наместника. Наместника зовут Каэло из Аннэйи; он, в сущности, неплохой малый, если забыть о его должности. По-моему, он очень чистосердечный, немного простодушный старикан и искренне верит басням, которыми его подчиненные пичкают верующих.

Когда ты удовлетворишь их любопытство относительно того, насколько чужеземцы созрели для обращения, неплохо бы отпустить пару хвалебных замечаний о храме. Намекни, что, если б тебе посчастливилось увидеть храмовые чудеса, ты, может, и сам бы обратился. Насколько я знаю Каэло, он захочет самолично показать тебе здание. Он года два назад заново отделал храм и чудовищно горд своим детищем.

Вокруг храма выставлены вооруженные посты, а внутри — по задумке — постоянно бодрствуют несколько служителей бога, которые якобы возносят молитвы Горголору и посматривают, чтобы не забрались воры. Но если сейчас, во времена всеобщего падения нравов, кому-нибудь взбредет на ум нагрянуть к этим попам с неожиданной проверкой, он в лучшем случае застанет их за увлеченной игрой в кости или шашки.

Просьба у меня к тебе вот такая: оказавшись рядом с изумрудной статуей, прояви свой талант рассказчика. Ты должен так заворочить всех вокруг, чтобы попы-наблюдатели оставили свои посты и потянулись вслед за вами. Я уверен, старый добряк Каэло не станет их отгонять.

Тем временем мы с Карадуром незаметно спрячемся за подножием статуи Горголора. Пока вся честная компания, развесив уши и глядя тебе в рот, тащится к парадным дверям, мы попытаемся сотворить уменьшающее заклинание. Когда мы вас нагоним, в кармане у одного из нас — соизволением господним — будет лежать малюсенький Горголор. Даже если кража обнаружится до того, как мы покинем территорию храма, вряд ли подумают на нас: служители бога кинутся разыскивать банду из двадцати-тридцати молодцов и воловью упряжку, потому что иначе статую в ее обычном виде просто не унести.

* * *

Когда процессия, в которую входили Джориан, Карадур, Вальдониус, наместник, четверо епархиальных владык и один ничем не примечательный попик — секретарь наместника, приблизилась к парадному входу храма Горголора, вооруженные копьями стражники, бряцая доспехами, преклонили колено. По приказу наместника они подскочили к огромным, обитым листовой бронзой дверям и навалились на них изо всех сил; надсадно заскрипев, двери распахнулись.

Каэло из Аннэи — низенький толстяк с большим крючковатым носом — носил белое шелковое облачение и белый же высокий головной убор из войлока, расшитый золотом и сверкающими камнями. Епархиальные владыки были в темно-красных рясах; попик — в черной.

— ...так что, — говорил в этот момент свежестриженный, надушенный и переодетый во все чистое Джориан, — я на этот счет Ваше Святейшество обнадежить не могу. Швенские кочевники питают к сидням, как они нас прозвали, такое презрение, что, ежели вы зашлете в орду миссионеров, они лишь насмеяться станут над вашими людьми, а то и убьют, неровен час.

От мальванцев толку тоже не добьетесь, хоть ответ их, может статься, и полюбезней покажется. Они, к примеру, скажут: «О жрецы, добро пожаловать; у нас уже имеется сотня-другая богов, но мы всегда рады еще одного добавить». И примут Горголора в свой пантеон, где его в толпе богов и не сыщешь. Когда ж вы станете жаловаться, что они, дескать, извратили ваше по буквам расписанное учение, они просто улыбнутся и пообещают исправиться, — а на самом деле как были язычниками, так и останутся.

Войдя в храм, Джориан примолк и огляделся по сторонам.

— Изумительно! — вскричал он. — Невероятно! Какой вкус! Какое мастерство! Право слово, Ваше Святейшество, уж верно, ваш бог и впрямь велик я мудр, раз вдохновляет людей создать такую красоту!

— Благодарствую за любезные слова, сын мой, — просияв, отозвался Каэло, в речи которого явно проскальзывали интонации тарксийского крестьянина. — Ты не поверишь, сколь я намучился с некоторыми консервативными членами из моего окружения; они, представь, сочли, что мозаики с нагими смертными и духами неприличны.

Средокрестие храма имело форму квадрата, по углам которого располагались четыре каменных столба грандиозных размеров. Столбы служили опорой высокому арочному своду и парусам. Паруса несли

на себе приземистый барабан, а над барабаном, теряясь в сумрачной дымке, парил центральный купол. Плафон главного купола и примыкающих к нему полукуполов устилала золоченая мозаика, в поле которой были вкраплены красочные панно с изображением сюжетов из горголорианской мифологии. Многочисленные лампы довольно ярко освещали нижний ярус храма. Однако выше свет бледнел, расплывался, и под куполом дарила почти полная тьма, лишь изредка нарушаемая пробегающим по плафону золотистым отблеском.

У одной из стен средокрестия был возведен алтарь. Три низкие преграды указывали прихожанам место, где они могут стоя возносить молитвы: по горголорианскому учению миряне допускались в храм. У стены средокрестия, рядом с алтарем, находилась святая святых, куда имели доступ только служители бога. От взоров непосвященных ее обычно скрывал переносной экран. Сейчас экран был сдвинут: за ним оказался постамент в виде куба со стороной в шесть футов; на постаменте стоял идол Горголора, высеченный из единого изумрудного кристалла.

Когда процессия подошла к статуе, навстречу поспешно вскочили два служителя бога в черных рясах. При этом один из них сунул за пазуху какой-то предмет, очень похожий на карточную колоду. Оба служки преклонили колени.

— Невероятно! — уже в который раз повторил Джориан, разглядывая смарагдовую лягушку ростом с доброго льва; казалось, в ее изумрудных глубинах сверкают и переливаются зеленые искорки. — Одна загвоздка, что эдакая краса, да простит мне Ваше Святейшество подобные речи, может отвлечь от постижения высшей мудрости.

— Твоя правда, доктор Мальто, — сказал Каэло. — С некоторыми верующими так и происходит. Зато другие, наоборот, с еще большим усердием вслушиваются в наши нравоучительные проповеди. Увы, не в наших силах разделить верующих на категории и предоставить каждой группе отдельный и обставленный по ее вкусу храм. Посему мы стараемся придерживаться золотой середины, которая подойдет большинству верующих душ.

— Воистину так, Святой Отец, — поддакнул Джориан. — У нас в городе давным-давно поняли, что умеренность лучшая защита от всяческих напастей. Даже красота, как обнаружилось, может быть чрезмерной. Слыхали ль вы предание о кортольском короле Форимаре — Форимаре Эстетте?

— Не-ет, сын мой, хоть и припоминаю это имя из новарских хроник. Расскажи, сделай такую любезность.

* * *

Джориан с облегчением перевел дух. В то же самое время, черепашьим шагом направившись в сторону парадного входа и увлекая за собой толпу заинтересованных служителей бога, к которой присоединились и двое чернорясных бдителей, он начал свой рассказ:

— Этот Форимар был одним из предков Фузиньяна Лиса, о коем сложено так много преданий. В королевствах чуть ли не в обычай вошло, что на каждые шесть царствований страна получает одного героя, одного мерзавца, одного дурака и трех королей так себе — ни то ни се. Форимар как раз и был дурак; а следующим дураком, к слову сказать, стал его правнучатый племянник Филомен Доброхот.

Только Форимарова дурость была особая. Государственные дела наводили на него скуку смертную. Его мало заботили право и судопроизводство, еще меньше торговля и финансы, а уж о войне да вооружении и говорить нечего.

— Вот если б все властители и правительства переняли у твоего короля отвращение к войне! — вскричал наместник. — Все бы люди зажили в мире и смогли бы себя посвятить добродетельной жизни и молитвам истинному богу.

— Оно так, Ваше Святейшество, да есть тут одна заковыка: как их всех одним махом заставить отказаться от войны? Особливо таких драчунов и заговорщиков, как новарцы? Ведь ежели кто-то сложит оружие прежде всех остальных, то остальные в награду за добрый пример непременно глотку ему перегрызут.

Однако ж Форимар голову себе над этим не ломал. Он страсть как любил искусство и красоту, а до всего прочего ему дела не было. Вместо того, чтоб государственные бумаги читать, он упражнялся на флежолете в дворцовом секстете. Вместо того, чтоб принимать посланников, инспектировал строительство нового храма, либо еще как-то украшал город Кортوليو. Вместо того, чтоб выезжать с проверкой в войска, сочинял сонет о прелестях заката.

На беду, Форимар был и вправду большой дока по части искусства. Он слыл превосходным архитектором, знающим музыкантом, способным композитором, отличным певцом и выдающимся художником. Некоторые из его стихов по сию пору составляют гордость кортольской литературы. Одного не умел Форимар: заниматься всем этим и одновременно царствовать.

Посему при нем державой все больше канцлеры правили; а выбирал их Форимар не за честность, не за умения: он того назначал, кто сильнее прочих восхищался достижениями своего повелителя в искусствах. И уж так королевство настрадалось от вору и неумех, что младший брат Форимара — Фузонио — решился ему попенять.

«Любезный брат и повелитель, — молвит Фузонио, — так далее продолжаться не может». Рассказал он Форимару о беззакониях последних министров, а под конец говорит: «Кроме того, тебе уж тридцать лет почти, а ты все еще королеву не выбрал, чтоб нарожала тебе наследников».

«Это мое дело! — запальчиво отвечает Форимар. — Я потратил кучу времени, чтоб найти подходящую кандидатуру среди представительниц противоположного пола, да все без толку. Потому как я натура тонкая, и малейший изъян в уме или телосложении, с которым смирился бы менее разборчивый человек, для меня нестерпим. Посему я обручился со своим искусством, и, видно, так тому и быть. Но не бойся, Фузонио, род наш на мне не кончится. Ежели я умру, престол перейдет к тебе, а ты ведь уже заимел от своей супруги пятерых крепышей».

Фузонио было заспорил, но Форимар его отослал, сказав напоследок: «Нет и нет; разъединственная моя привязанность — Астис, богиня любви и красоты, собственной персоной. Ее одну обожал я много лет с неослабевающим пылом, и ни одной смертной девице с ней не сравниться».

«Тогда, — говорит Фузонио, — ты должен отречься от престола в мою пользу, пока твое преклонение перед красотой не довело нас до беды. Это позволило бы тебе без помех предаваться своим артистическим занятиям».

«Я подумаю», — отвечает Форимар. Однако чем больше он думал об этой затее, тем меньше она ему нравилась. Братья хоть и жили в ладу, но общего между ними было — кот наплакал. Фузонио — прямой, немного грубоватый здоровяк и жизнелюб — испытывал полнейшее равнодушие ко всему тому, что Форимар почитал за смысл существования. Когда Фузонио хотелось приятно развлечься, он отправлялся инкогнито в какой-нибудь низкопробный трактир, где собиралось простонародье, и проводил вечер в компании немых поселян и драчливых погонщиков мулов, опрокидывая кружку за кружкой и во всю глотку распевая неприличные куплеты.

Больше того, Форимар вбил себе в голову, будто Фузонио задумал его сместить из подлого честолюбия. Он опасался, что, стоит отречься, как братец тут же его изведет, подстроив *force majeure** [\[2\]](#). Во-вторых, пока Форимар оставался королем, кортольская казна снабжала его средствами на занятия искусством, какие он навряд ли получит, сложив с себя корону.

Форимару не хотелось открыто обвинять Фузонио, посему он изобрел способ избавиться от брата. Он назначил Фузонио адмиралом и во главе флотилии ускал к Салимовым островам, про которые никто толком не знал, есть они или нет, чтоб, дескать, исследовать Восточный океан. Фузонио — большой охотник до приключений — без возражений отправился в плавание, а Форимар снова занялся любимым искусством.

Однако мало-помалу брошенные в запальчивости слова о любви к богине Астис стали овладевать Форимаром. Он только о богине и помышлял. Не одну бессонную ночь провел король в храме Астис, моля богиню явиться ему. Но все было тщетно.

В безумной попытке завлечь Астис Форимар учредил конкурс: скульпторам предлагалось изваять такую статую богини, которая своей невыразимой прелестью заставит ее отбросить сомнения и пасть в

объятия смертного. От наград, кои обещал Форимар, казначей пришел в ужас, но Фузонио находился в отлучке, а больше никто не мог короля отговорить. Мало того, что он назначил огромную премию за первое место, он еще обещал наградить всех остальных скульпторов — и победителей, и побежденных.

Само собой, на конкурс валом повалили те, кто отродясь стило в руках не держал; ну и странные же поделки они представили! Один конкурсант, к примеру, принес бревно с необтесанной корой и утверждал, будто духи ему открыли, что бревно, дескать, символизирует внутреннюю сущность богини. Другой приволок обыкновенный булыжник, а третий — кучу спаянных железок.

Такое вывело из себя даже Форимара, который решил, что над ним потешаются. Самозванных скульпторов плетью прогнали из города, а их творения побросали в море. Примерно так же король обошелся со скульптором, который с поразительным реализмом изобразил богиню, оплодотворяемую богом войны Гериксом. Всему, как сказал Форимар, должен быть предел.

Однако и превосходных статуй, изваянных в бронзе, мраморе и глине, набралось предостаточно. Чуть ли не все скульптуры по давней традиции новарского искусства изображали богиню в облике прекрасной обнаженной женщины. В назначенный срок Форимар присудил главную премию знаменитому Лукисто с Цолона; остальным конкурсантам достались премии поменьше. Все статуи — а их набралось несколько сотен — были установлены в храме Астис; храмовые жрецы, которым приходилось теперь петлять в этом скопище изваяний, с трудом могли выполнять священные обряды.

А надо вам доложить, что в то самое время, как Форимар царил в Кртолии, Оссария находилась под властью некоего Дюбри, жреца Селиндэ. Этот жрец специально занялся политикой, чтобы свергнуть династию тиранов, которые вот уже целое столетие жестоко притесняли оссарийцев. Новый правитель называл себя Дюбри Безупречный, за то, дескать, что беспощадно искоренил в себе грех и похоть.

Дюбри, по правде говоря, сделал для Оссарии много хорошего. Но он, как казалось многим, слишком строго осуждал мелкие человеческие слабости, которые не в меру ретивые богословы почитают за грех. Да не усмотрит Ваше Святейшество в моих речах нелцеприятного намека на тарксийские порядки; я лишь пересказываю, как было дело.

Дальше — больше; этому Дюбри мало стало того, что он провел в Оссарии «чистку», то бишь силой искоренил пьянство, азартные игры, блуд и прочие греховные проявления. Боги, заявил Дюбри, возложили на него обязанность вызволить и другие народы из трясины греха и заблуждений. Перебрал Дюбри в уме окрестные страны и решил, что уж кто-кто, а Кртолия явно нуждается в нашествии добродетели. Кртольский король всецело отдался погоне за красотой; кртольский народ с головой погряз в грехе и беспутстве; кртольская армия от небрежения пришла в полный упадок.

И вот оссарийцы пошли на Кртолию войной, дабы искоренить порок, который — ежели верить их словам — свил себе гнездо в этом королевстве. Кртольские воины без боя оставили позиции и укрылись в столице, незамедлительно окруженной армией Дюбри. Оссарийцы подвезли тараны, колесные башни и другие орудия, собираясь либо разрушить стены, либо перелезть через них. Короче, осаждающие собрали под городскими стенами устрашающую коллекцию боевых орудий, хоть среди них и не было катапульты — ее в то время еще не изобрели.

Когда защитникам столицы уже казалось, что спасенья нет, в гавань вошла флотилия под командой Фузонио, форимарова брата. Фузонио успел сплавать в овейный легендами Салимор и заключить дружественный пакт с тамошним правителем Софи. Едва Фузонио вступил в город, король Форимар, позабыв об этикете, бегом кинулся ему навстречу, припал к плечу и стал истерически умолять их всех спасти.

Когда Фузонио уяснил суть дела, он приуныл: войско напоминало скорее перетрусившую толпу; в арсеналах хранилось устаревшее оружие; городские стены едва держались — стоило пару раз хорошенько ударить тараном, как они тут же обрушились бы; денег в казне почти не осталось.

«Куда это все наши деньги подевались? — спрашивает Фузонио. — Перед моим отъездом их вроде было в достатке».

Пришлось Форимару поведать о грандиозном состязании скульпторов. Фузонио сдержался и ничего не сказал, только подарил Форимара таким взглядом, что и без слов стало ясно, какого он мнения о

придурке-брате. Помолчал Фузонио, а потом и говорит:

«Прежде чем капитулировать, дай-ка я взгляну на воззвание, обнародованное Дюбри, когда он пошел на нас войной». И он прочел список преступлений, в которых обвинял кортольцев Дюбри Безупречный:

«...мужчины и даже женщины посещают распивочные, где употребляют горячительное зелье, вместо того, чтоб пить полезную для здоровья кипяченую воду. Они расточают свои состояния в азартных играх. В дни священных церковных праздников они предаются крокету и прочим легкомысленным забавам, когда им больше пристало дни и ночи напролет каяться в грехах и молить о прощении. Не таясь, мужчины и женщины совместно моются в общественных банях, построенных выжившим из ума королем Форимаром, и демонстрируют тело не только особам одного с собой пола, что уже недопустимо, но даже представителям другого пола, что является неопишуемой мерзостью. Они безнаказанно блудят и прелюбодействуют. Даже те, кто состоит в законном браке, совокупляются нагишом ради плотского наслаждения, а не для праведной цели зачать потомство во славу божью. Они носят пышные наряды и богатые украшения вместо угодной богам простой и скромной одежды. Они занимаются ростовщичеством, что греховно и противно человеческой природе. Они эксплуатируют рабочее сословие, извлекая выгоду из труда этих горемык. Продавая товары, они сознательно преувеличивают достоинства изделия и не считают это за вранье, а называют умением торговать...»

«Да уж! — говорит Фузонио. — Сдается мне, веселенькую жизнь нам устроит этот жрец, ежели завладеет Кортолией. Что он там выдумал насчет бани? Мы, кортольцы, испокон веку вместе моемся».

«Ох, — отвечает Форимар. — Дюбри смертельно ненавидит наготу. Его послушать, так она хуже блуда. В Оссарии, кстати, положено мыться в рубаше, даже если тебя никто не видит. Супруги обязаны перед сном надевать что-то вроде долгополой рясы; для тех, кто желает наплодить детишек во славу божью, у этого одеяния на определенном месте имеются прорези».

Фузонио маленько подумал, а потом и говорит: «Позволь взглянуть на изваяния Астис, ради которых ты нашу казну разграбил». Король повел брата в храм богини; Фузонио долго рассматривал статуи, время от времени поглаживая рукой знатока какую-нибудь особо округлую выпуклость.

«Ладно, — молвит под конец Фузонио. — Кажись, я знаю, как поступить. Но кабы не получилось, любезный братец, что я вызволю тебя из одной беды, а ты тут же навлечешь на нас другую, я тебя настоятельно прошу отречься в мою пользу. Иначе я опять сяду на корабль и отчалю вместе со всей флотилией в Салимор, где — буде я пожелаю туда вернуться — меня ожидает отличная должность министра западных дел».

Форимар и умолял, и плакал — все без толку. Он проклинал, грозил, топал ногами и в ярости рвал на себе волосы. Фузонио даже бровью не повел. Тогда Форимар велел своей охране схватить брата, но гвардейцы будто оглохли. «Что вы такое говорите, сир? — спрашивали они. — Не понимаем». Так что под конец Форимар подписал-таки отречение, швырнул в брата королевской печатью, с грохотом выбежал из тронного зала и тут же сочинил музыку, известную поныне как «Злобная Соната».

Король Фузонио велел укутать все статуи покрывалами и установить на крепостной стене. Когда оссарийцы пошли на штурм, покрывала сдернули: взорам предстали сотни изваяний обнаженной Астис.

Командный пункт Дюбри располагался на расстоянии полета стрелы от города. Слеподырый Дюбри принялся расспрашивать свиту, дескать, что это там впереди? А как узнал, так страшно перепугался. Ведь, ясное дело, чтоб через стену перелезть, солдатам придется нос к носу столкнуться со срамными изваяниями. Ежели обстрелять статуи из луков, то им от этого особого вреда не будет, зато лучники, того и гляди, восплают нечестивой похотью. Катапульту еще не изобрели, поэтому Дюбри не мог перебить статуи каменными ядрами, как сделал бы в наше время.

Дюбри продержал осаду несколько дней. Он предпринял вялую атаку, подкатив таран, чтоб продолбить стену. Однако защитники города, которым теперь нечего было опасаться стрел, без труда накинули цепную петлю на головку тарана и опрокинули махину. Тогда Дюбри попытался сделать подкоп, но горожане затопили подземные лазы водой.

Дюбри знал, что голод защитникам не грозит, потому как флот Кортолии, усиленный эскадрой

Фузонио, надежно охранял водные подступы к городу. Когда в лагере оссарийцев вдруг разразилась эпидемия, Дюбри снял осаду и убрался восвояси, но по возвращении обнаружил, что правительство его низложено и в столице воцарился один из самых многообещающих отпрысков деспотического семейства.

Вот и весь сказ про Форимара Эстета и Дюбри Безупречного. А мораль, как видать из примера с Кортотлией, такова: в том, что Форимар почитал искусство, а Дюбри — нравственность, не было б худого, соблюдай они умеренность. Но любая добродетель — ежели следовать ей с излишним рвением и постоянством — может обратиться в порок.

* * *

Джориан и его слушатели только что вышли из огромных, обитых бронзой дверей храма и теперь стояли в портике. Разматывая нить сказки, Джориан потихоньку, бочком, выбрался за пределы средокрестия и по главному нефу вывел всю честную компанию наружу. Стоя в портике, он напряженно прислушивался, не раздастся ли шум из святого святых. Карадур с Вальдониусом вот-вот могли выскользнуть из храма и присоединиться к остальным.

— Твоя история, доктор Мальто, — говорил в это время наместник, — очень поучительна и забавна. Даже в нашей святой вере приходится иногда сдерживать чрезмерный пыл некоторых возлюбленных братьев. Безусловно, нам одним подвластна высшая мудрость, и это обязывает нас возвещать истину и с корнем вырывать ростки заблуждений; но грубый натиск искореняющего зло может порой вызвать обратное...

КВАК! Оглушительно бухнуло из храма: звук был похож на лягушачье кваканье, но по громкости мог сравниться разве что с рыком льва или ревом буйвола.

— Горголор милосердный, что это? — вскричал один из владык и, обернувшись, заглянул в храм через приоткрытую дверь. Мгновением позже краснорясый владыка, схватившись за голову, отшатнулся с диким воплем: «Храни нас, Святая Лягушка! Статуя ожила!»

КВАК! Взревело над самым ухом; сквозь рев можно было расслышать какой-то глухой чавкающий звук. Бронзовые двери распахнулись, и из них одним прыжком вымахнуло изумрудное божество, ничуть не уменьшившееся в размерах, зато полное жизни. Горголор приземлился в самую гущу стоящих в портике людей. Джориан успел отскочить, но несколько служителей бога — в том числе и наместник — были сбиты с ног. В последний раз проревев свое КВАК, исполинская лягушка оттолкнулась для нового прыжка-полета и махнула в темноту.

Джориан торопливо подал Каэло руку и подобрал с земли измятую белую тиару. Однако наместник, казалось, не видел ни Джориана, ни протянутого ему Жреческого колпака.

— Выслать погоню! — вопил он, приплясывая на мраморных плитах портика. — Бог ускакал к Болотине Спраа; если он туда доберется, нам его не поймать. Поднять войска! Сети тащите! Живей! Живей! Что стоите столбами? Ты, Идэс, займись погоней! Остальные — за мной!

Низенький толстяк в развевающейся белой рясе вприпрыжку помчался по восточной аллее парка. Из темноты выскакивали ничего не понимающие служители бога. Узнав о причине переполоха, они с причитаниями и криками ужаса присоединялись к погоне. Через минуту гомонящая толпа полуодетых заспанных людей выплеснулась на одну из извилистых столичных улочек и скрылась в восточном направлении.

Джориан, Карадур и Вальдониус остались в портике одни. Карадур по обыкновению рыдал. Сквозь деревья парка было видно, как в городе замечались огни факелов и фонарей: это по Тарксии разнесся слух о превращении бога, и сотни жителей, побросав дела, устремились к Восточным Воротам.

— Ну, — оглядев сообщников, молвил Джориан, — надо понимать, ваши чертовы заклинания опять сработали шиворот-навыворот?

— Можно и так выразиться, можно и так, — с напускным спокойствием отозвался Вальдониус. — Наверное, мы что-то неправильно перевели в этом старинном пергаменте; он писан на сильно устаревшем наречии. Тем не менее я, можно сказать, доволен результатами.

— Ладно, — сказал Джориан, — сдается мне, нам с Карадуром самое время смыться, пока тарксийцы гоняются за своим богом. Карадур, где твой осел?

— Пришлось его бросить в лагере Гендингов; хотелось, чтобы варвары не сразу обнаружили мой побег. Я приплыл в Тарксию на корабле из Истхойна.

— Доктор Вальдониус, у тебя есть выючная скотина?

— Ну, — замялся Вальдониус, — у меня есть подобранная пара белых коней для экипажа. Не могу же я разбить пару...

— О, еще как можешь! Либо ты отдашь лошадь Карадuru, либо наместник узнает о том, что ты приложил руку к сегодняшней свистопляске.

— Ты ведь не посмеешь донести на соучастников, правда?

— Испытай меня, сам тогда увидишь. Я все так распишу Каэло, что вина падет на тебя одного. А еще я им скажу, будто теперь, дескать, припоминаю, что ты при мне колдовал — а это чистая правда; я всякой магии насмотрелся и знаю: без ворожбы, по одному приказу, мечи в ножнах не застревают.

— Судари мои, — утирая глаза рукавом, встрял Карадур, — почему бы доктору Вальдониусу не отправиться вместе с нами в своем экипаже на метурский Конклав? Он бы меня подвез. Альтруистам пригодится каждый голос.

— Не могу, — отозвался Вальдониус. — Мне нужно встретиться с единомышленниками и решить, нельзя ли одним точным ударом свергнуть эту поповскую тиранию. Я одолжу вам лошадь; только пообещайте держать ее на конюшне в Метуру, покуда я не выберу время прислать за ней слугу — если не кончу свои дни на костре.

— Как бы тебе самому не пришлось драпать в Метуру, — сказал Джориан. — Чуть только у святой братии найдется время пораскинуть мозгами, они живо докопаются, что ихнее богоявление — твоих рук дело. Ну, поспешим в дорогу, пока не заперли ворота.

Глава 10

Безликая пятерка

На пятый день месяца Щуки Джориан с Карадуром подъехали к долине реки Кьямос. Весна была в разгаре. Землю устилал пестрый цветочный ковер, пруды оглашались лягушачьим пением, а деревья утопали в листве. Время одуряющей жары еще не пришло, но разлитое в воздухе тепло предвещало, что лето не за горами.

Всадники — Джориан на верном, хоть и тряском, Оузере и Карадур на белом пони, позаимствованном в Тарксии у Вальдониуса — больше не кутались в тяжелые овчинные полушубки, памятные по швенским степям. Теперь зимние наряды были скатаны и приторочены за спиной к седлам. Путешествуй Джориан в одиночестве, дорога заняла бы вдвое меньше времени, но Карадур не отваживался ехать рысью. Старенький волшебник, разрываясь между двумя страхами — свалиться с лошади и опоздать на Конклав, чувствовал себя, словно на иголках.

Небольшая речка Кьямос вскоре разлилась, и взорам открылась широкая гладь озера Фолькино. На северном берегу озера стоял город Метуру — или, точнее сказать, Новый Метуру. На расстоянии полета стрелы от берега, прямо напротив Метуры, расположился крохотный островок, на котором высилась Башня Гоблинов.

Озеро Фолькино образовалось сравнительно недавно. Несколько столетий назад оползень в западной части долины перегородил русло Кьямоса; река разлилась и, затопив старинный город Метуру, образовала озеро Фолькино. Со временем озеро подмыло естественную земляную плотину, и река Кьямос снова устремилась через Ир в Западный океан.

Едва путники спешили у Восточных Ворот и называли страже свои имена, как к ним подскочил маленький человечек в сером.

— Доктор Карадур?

— Да.

— Дракомас из Фтхая к вашим услугам. Наш коллега доктор Форко поручил мне доставить вас в Башню Гоблинов, в ваши апартаменты.

— Я боялся, — сказал Карадур, — что из-за опоздания нам не достанется комнаты в Башне.

— Нет, и еще тысячу раз нет, любезный сударь! Памятуй о ваших заслугах, а также о заслугах вашего друга и о грузе, который вы везете, мы заблаговременно позаботились о номере. Идемте, прошу вас! — и, обращаясь к стражникам, Дракомас добавил:

— Мы ручаемся за этих людей.

Стражники дали Джориану с Карадуром знак проходить. Город Метуру — четко распланированный, с прямыми улицами — показался им гораздо больше и красивее Тарксии, представлявшей собой запутанный лабиринт кривых проулков. На лицах метурских горожан, хоть они и выглядели побогаче тарксийцев, застыло суровое, замкнутое, не улыбочивое выражение; в косых взглядах, которые они походя бросали на чужестранцев, сквозило полнейшее равнодушие.

Вместо того чтобы сразу переправиться в Башню, Дракомас привел Джориана с Карадуром на постоялый двор, где под его присмотром лошадей водворили в стойло. В комнате второго этажа путников ожидал мужчина. Рядом с ним стояли два существа непонятной наружности.

— Мастер Форко, — заговорил Карадур, — позвольте представить моего ученика Джориана из Ардамэ. Познакомься, Джориан, это Форко из Хендау, глава нашей Белой Ложы.

— Ваш ученик? — басом, еще более густым, чем у Джориана, переспросил Форко. — Ведь это, если не ошибаюсь, бывший король Ксилара, что сопровождал вас в качестве телохранителя и помощника?

— Да.

— И он твердо решил посвятить себя нашему ремеслу?

Форко из Хендау — тощий, большеголовый верзила — имел большой крючковатый нос и выступающий подбородок. Оба прислужника ростом и обличьем вроде бы походили на людей, только чешуйчатых, хвостатых, клыкастых и костистых; у них были не лица, а морды, остроконечные уши стояли торчком, вместо усов под носом у каждого топорщились два червеобразных отростка, которые все время извивались, скручивались и раскручивались, будто щупальца крохотного осьминога. Большие золотистые глаза непонятных существ были перечеркнуты узкими вертикальными зрачками.

Пока Джориан пялился на нелюдей, Карадур отвечал Форко:

— Нет, обетов он не давал. Но я надеюсь, что, продемонстрировав ему на Конклаве общечеловеческую направленность волшебства, я возбужу в нем интерес к магии, и он захочет присоединиться к нам. Тем временем я, с вашего разрешения, продолжу называть его учеником — это облегчит переходный период. Полагаю, на меня не будут в претензии за вольное толкование слова «ученик»?

— Вряд ли, — сказал Форко. — Нынешние правила не слишком строги. Однако как обстоят дела с вашим поручением?

— Почтенный коллега, мы счастливы доложить об успехе. Джориан, Ларец!

Джориан снял со спины сундучок и за веревочную лямку подал Форко.

— Держи, сударь, — сказал он. — А теперь, раз я выполнил поручение, из-за которого ты наложил на меня заклятье, может, ты его снимешь, не откладывая?

— О, чума тебе в глотку! — воскликнул чародей. — Дитя мое, ты заслужил это, и я исполню твою просьбу — но позже, сейчас времени нету. Мы должны немедленно отправиться в Башню, каждая минута дорога. И так опаздываем. Разумеется, мастер Джориан, если не хочешь, можешь не ехать на Конклав.

— Ой, я обязательно поеду, и говорить не о чем! Это малое вознаграждение за все опасности и лишения, какие я претерпел ради тебя и твоих друзей в последние полгода.

— Отлично, в путь. Ларец останется здесь, под надежной охраной моих слуг.

— А кто они? — спросил Джориан.

— Демоны из Двенадцатой Реальности. Зовут их Цот и Фриг, они материализованы в нашей реальности и на девять лет отданы мне в услужение. Охранники они хорошие, верные, разве только глуповаты. Все ноют, чтоб я им вызвал демонессу, а лучше двух, для утех. Но поспешим; здешние лодочники — это что-то невероятное.

Форко бросил Цоту и Фригу несколько слов на непонятном языке; те согласно закивали клыкастыми головами. Цот сгреб пожитки Джориана и Карадура и молча двинулся вслед за ними по улицам Метура к берегу озера.

* * *

На берегу под стенами Метура было выстроено два-три лодочных сарая, дальше шел участок пляжа и несколько пирсов для прогулочных лодок. Торговые корабли не заплывали в небольшое озеро Фолькину. На одном пирсе выстроились в шеренгу десятка два мужчин в темных мантиях и плащах. Джориан, Карадур и Форко заняли очередь. Пирс выдавался в озеро как раз напротив Башни Гоблинов, высившейся на расстоянии полета стрелы от берега. Между пирсом и островом сновали две веселые лодки — по одному гребцу в каждой; за поездку лодка перевозила трех пассажиров.

— Мы пожаловались Безликой Пятерке на вшивое лодочное обслуживание, — раздраженно посетовал Форко, — а в ответ они не больше не меньше, как предложили нам убираться со своим Конклавом куда-нибудь подальше. Они так привыкли считать себя полными хозяевами страны, что ни от кого не желают выслушивать советы и претензии.

— Какие-то они не приветливые, эти метурцы, — заметил Джориан.

— Будешь тут не приветливым, когда приходится взвешивать каждое слово и в любом подозревать шпика, который может донести на тебя правителям, — сказал Форко. — Вот что значит жить под властью тайного общества. В этой стране подозрительность стала нормой жизни. Если б мы не пообещали ограничить свою деятельность башенными стенами, они бы нам вообще не разрешили проводить встречу в Метуро. Они еще не забыли о событиях, которые привели, к постройке Башни.

— Не слыхал такой истории, — удивился Джориан.

На берег плавно опустился прилетевший верхом на помеле волшебник в развевающейся мантии. Когда он, держа в одной руке саквояж, а в другой помело, подошел к береговой кромке пирса, его окликнул Форко:

— Привет вам, сэр Фендикс! Мастер Джориан, ты спрашивал?..

— О Баш...

— Ах, да! Я расскажу все с самого начала... День добрый, любезный доктор Бхулл! Как обстоят чудотворные дела в Янарете? Ну, так вот, мастер Джориан, когда-то давным-давно, в Метуро была республика с конституцией наподобие той, что ныне действует в Виндии. Метурцы имели выборного правителя-архонта, сенат, где заседали главы богатых родов, и народное собрание. Долгое время, пока государство Метуро, едва оправившись от упадка, который наступил после гибели Трех Царств, с трудом сводило концы с концами, такой порядок всех устраивал. Ах, добро пожаловать, уважаемый мастер Норс!

Это приветствие было адресовано вновь прибывшему чародею. Сначала в небе возник пылевой смерч, который, бешено вращаясь, пронесся по берегу, подлетел к пирсу и сконцентрировался на человеке, облаченном в коричневую мантию.

— У всех перемещающих заклинаний, — заметил Форко, — есть один недостаток: они отнимают у мага столько энергии, что он потом несколько дней еле ноги волочит. Понаблюдай за доктором Норсом и сэром Фендиксом — он, кстати, настоящий оттоманский рыцарь, увлекшийся чародейством, — и сам убедишься: они будут клевать носом на всех заседаниях, — между нами, на некоторых заседаниях и без того нельзя удержаться от зевоты.

Как я уже сказал, в период накопления богатств республика процветала. Затем самые родовитые семейства стали мало-помалу прибирать к рукам земли и деньги, и наконец управление страной перешло к кучке богачей, которые постепенно довели бедняков, составлявших основное население страны, до полного обнищания. Смотри-ка, приближается Антонериус Ирский на своем драконе! Обожает устраивать балаган из своего появления. Но, держу пари, ему придется побегать, чтобы найти стойло для своей твари.

Заходивший в этот момент на посадку волшебник Антонериус восседал на спине крылатого дракона — летающего змея, размах крыльев которого составлял никак не меньше сорока футов. От поднятого ими вихря мантии и плащи стоящих на пирсе волшебников захлопали, как паруса. Двое слуг кинулись было подхватить поводья, но в ужасе отпрянули, потому что змей выгнул шею и, угрожающе оскалившись, клацнул зубами. Седок принялся колотить дракона палкой по голове; тот понемногу затих.

— Чего они здесь садятся, а не в Башне? — поинтересовался Джориан.

— Потому что наш уважаемый председатель, Аелло из Гортии, наложил на Башню охранное заклятье, а то кто-то из коллег в пылу споров может поддаться искушению и метнуть в оппонента молнию или погубить злыми чарами. Посему в Башне заклинания не действуют. Если бы, скажем, доктор сэр Фендикс вздумал опуститься прямо на крышу Башни, то, едва коснувшись стены, помело утратило бы волшебные свойства и сэр Фендикс насмерть бы расшибся о прибрежные скалы.

Но продолжим: объявился в Иетуро некий обедневший богач по имени Чаренс. Он жаловался, что другие богачи обманом выманили у него состояние. Те утверждали, будто он сам это состояние промотал, ведя беспутную жизнь. Кто из них говорил правду, мы уже никогда не узнаем.

Этот Чаренс стал вождем бедноты и потребовал введения реформ: он хотел заставить богачей платить подати — докучливая обязанность, от которой они до того времени весьма ловко уклонялись. Еще он требовал, чтобы общественные деньги тратили на нужды бедняков, к примеру, на лепрозории для простонародья и сиротские приюты, а не на то, в чем нуждаются лишь богачи: охотничьи домики и

бальные залы. На ближайших выборах Чаренса избрали архонтом, хотя богачи приложили все усилия, чтобы запугать избирателей и обмануть их при подсчете голосов.

Антонериусу удалось наконец укротить дракона. Он спешил и, пока несколько слуг при помощи канатов удерживали драконью голову, сложил его крылья, лишив чудище возможности улететь, и привязал их к туловищу. Затем слуги поволокли змея прочь; он вскидывался на дыбы и шипел. В этот момент с неба камнем упал огромный гриф; он шлепнулся на прибрежный песок и обратился еще в одного чародея.

— Как только Чаренс получил власть, — продолжал Форко, — он стал проводить свои реформы. Это привело богачей в такую ярость, что они наняли банду головорезов и те убили Чаренса, когда он возвращался домой с рыночной площади. Поскольку в соответствии с конституцией заместителем архонта назначался тот, кто набирал второе по счету количество голосов, пост архонта занял кандидат богачей, который отменил все реформы Чаренса.

Олигархи, однако, совсем забыли, что у Чаренса есть младший брат Чаренцо. Этот Чаренцо горячо любил Чаренса и восхищался им, а после смерти брата поклялся посвятить себя мщению. Очень скоро Чаренцо обзавелся тайными сторонниками. Спустя год после убийства брата он возглавил мятеж: восставшие перебили множество богачей, остальным пришлось бежать. В истории страны это было первое из великих избиений, которые затем в течение нескольких лет сотрясали Метуру: на рыночной площади горами лежали отрубленные головы, а беснующаяся толпа с упоением встречала мучения осужденных и раздирала в куски жен и детей своих врагов.

Чаренцо оказался не таким талантливым и просвещенным, как брат, зато кровожадности у него было хоть отбавляй. Реформы и народное благо интересовали его гораздо меньше, чем мщение убийцам Чаренса — сословию, которое он понимал все более расширительно, включая в него всех своих противников. В Метуру и дня не проходило, чтобы какого-нибудь несчастного по приказу Чаренцо не предавали смерти как предполагаемого олигарха или, в крайнем случае, как пособника олигархии.

С каждой новой казнью у Чаренцо прибавлялось врагов; даже его друзья встревожились, устав от бесконечных обвинений в измене и олигархических симпатиях. Когда сбежавшие олигархи в сопровождении армии швенских наемников вторглись в Метуру, они без труда обратили в бегство вооруженный сброд Чаренцо и снова захватили власть. Тут настал их черед резать и казнить.

Чаренцо удалось бежать. Поскольку войска у него больше не было, Чаренцо решился прибегнуть к магии. В Гованнии он разыскал чародея Синелиуса. Этот Синелиус, метурец по происхождению, жил в изгнании, потому что на родине его как колдуна приговорили к смерти. Приговорил его как раз один из судей Чаренцо — правда, заочно: Синелиус, узнав от духов, что его ждет, предпочел бежать.

Теперь, однако, Чаренцо пришлось вступить в союз с бывшим недругом. И Синелиус сказал: дескать, да, я могу призвать войско Гоблинов — так в народе называют демонов из Девятой Реальности — которые свергнут власть метурских правителей. Новая олигархия, как и ее предшественники, не извлекла из прошедших событий никакого урока и продолжала жестоко притеснять и грабить бедняков.

И вот среди метурцев неожиданно объявились Чаренцо с Синелиусом в сопровождении полчищ Гоблинов. Грозные швенские наемники, которых до смерти перепугали сверхъестественные существа, бежали из страны. Метурцы устремились следом. Чтобы прекратить повальное бегство, Чаренцо пришлось запереть ворота и приставить к ним караул из Гоблинов.

Так начался второй период правления свирепого и неумолимого Чаренцо. Гоблины — существа ночные и днем почти не появлялись. Но с наступлением вечера метурцы запирались на все замки и тряслись от страха, что одна из этих прыгучих тварей с непропорционально большой головой может ворваться в дом и повлечь хозяина навстречу неведомой смерти.

Чаренцо продолжал казнить всех без разбора, и Синелиус был вынужден предупредить, что он убивает метурцев больше, чем их за это время успевает народиться, и если продолжать в том же духе, у Чаренцо в конце концов вовсе не останется подданных. Предостережение заставило Чаренцо усомниться в соратнике, хотя, вполне возможно, он с самого начала задумал избавиться от Синелиуса, полагая, что оставлять его в живых слишком опасно.

Притворно заинтересовавшись чародейством Синелиуса, Чаренцо увивался вокруг старика до тех пор,

пока тот не открыл заклинаний и магической формулы, которые давали ему власть над Гоблинами. Тогда Чаренцо велел схватить Синелиуса и бросить его в глубокую подземную темницу крепости, стоявшей на горе в центре Метуро. Синелиус призвал на помощь своих Гоблинов, но Чаренцо отменил приказание, и Гоблины не двинулись с места. У Синелиуса в темнице не было колдовских принадлежностей, поэтому он не мог освободиться, сотворив другое заклинание.

Между тем в одной из метурских группировок, куда входили представители всех сословий: богачи, бедняки и зажиточные горожане, созрел заговор. Эти люди образовали тайное общество с паролями, клятвами и прочими штучками-дрючками; называлось оно просто Братство. Во главе общества поставили комитет из пятерых метурцев. Члены комитета должны были как можно больше отличаться друг от друга: туда входили богачи и бедняки, молодежь и старцы, мужчины и женщины. То есть если в пятерку входила богатая старуха, то в противовес ей подбирали молодого бедняка.

От одного из членов, служившего в тюремной охране, Братству стало известно об аресте Синелиуса. С помощью этого охранника заговорщики проникли в темницу и предъявили часовому якобы подписанный Чаренцо, а на самом деле фальшивый приказ о передаче Синелиуса в их руки. Так им удалось вызволить чародея из тюрьмы. Они отвезли Синелиуса в безопасное место и стали убеждать его присоединиться к заговору. Синелиус согласился; тогда заговорщики спросили, знает ли он способ избавиться от Гоблинов. Увы, нет, отвечал волшебник, потому, дескать, что сейчас они слушаются Чаренцо, который может отменить его, Синелиуса, приказ вернуться в Девятую Реальность.

Однако не все потеряно, поскольку он, дескать знает могущественное заклинание, способное обратить Гоблинов в камень. Еще Синелиус сказал, что заклинание требует человеческой жертвы, и заговорщики бросили жребий. Роковой жребий выпал одному юноше, подающему большие надежды, и тогда самый старый заговорщик — олигарх — вызвался принять смерть вместо юноши, объяснив, что преклонные годы, устарелые взгляды и предрассудки все равно делают его бесполезным для новой власти.

И вот Синелиус произнес заклинание. Ярко сверкнула молния, ударил оглушительный гром, и земля содрогнулась. Крепость рухнула с ужасающим грохотом, похоронив Чаренцо под обломками, а ниже города Метуро случился оползень, который перегородил русло Кьямоса. В тот же миг все Гоблины обратились в камень. Когда заговорщики подбежали к Синелиусу, старый чародей был мертв. На лице его застыла мирная улыбка.

После этого Братство завело в городе свои порядки. Члены общества настаивали на соблюдении тайны; вот почему в Метуро и поныне правит комитет Братства, прозванный Безликой Пятеркой. Вступив в должность, они появляются на людях только в черных масках, и никто не должен знать их имен. Когда образовавшееся после оползня озеро Фолькина затопило старый город Метуро, Братство отстроило новый — тщательно распланированный, с широкими прямыми улицами. Поскольку крепость лежала в развалинах, а от горы, на которой она стояла, остался лишь небольшой островок, они расчистили завалы и возвели новую твердыню: на ее постройку пошли не только камни, оставшиеся от прежней крепости, но и сотни глыб, в которые обратились Гоблины. Отсюда и название этого сооружения — Башня Гоблинов.

Сперва Безликая Пятерка облюбовала Башню под резиденцию. Но вот уж лет сто, как они оттуда переехали — во-первых, приходы и уходы слишком бросались в глаза и членам Пятерки было трудно соблюдать анонимность, а во-вторых, в Башне не очень-то уютно, она ведь строилась для защиты от врагов.

* * *

— Как метурцам живется при Безликой Пятерке? — спросил Джориан.

— В одних отношениях хорошо, в других — не слишком. По обычаю всех узурпаторов Пятерка первым делом постаралась сосредоточить в своих руках неограниченную власть. Конечно, они дали стране умелое правительство, которое обеспечило жителям довольно высокий уровень жизни. Метурцы по-прежнему делятся на богатых и бедных, но тем, кто усердно трудится, голод не грозит. Метурские правители не содержат пышного царского двора, как мальванцы, или огромного нелепого храма, как тарксийцы, а

поэтому у них нет потребности до нитки обирать подданных. Да и традиция составлять Пятерку из самых непохожих друг на друга людей делает правление Безликих вполне справедливым.

С другой стороны, в Метура начисто отсутствует свобода личности. Горожанин, как правило, взвешивает каждое слово, потому что собеседник может оказаться доносчиком, и озирается по сторонам, прежде чем ответить на вопрос, который нынче час. Лично мне Виндия со всей ее неразберихой и продажными чиновниками милее здешней добродетельности, которая держится на страхе. Но только до той поры, — тут чародей криво усмехнулся. — Пока я сам не вышел в правители!

В протяжении рассказа Джориан и его спутники потихоньку продвинулись к концу пирса. Едва Форко умолк, как вернулась одна из лодок, и вся троица погрузилась на борт. Цот сложил на дно суденышка пожитки Джориана и Карадура, молча поклонился Форко и зашагал к берегу.

Глава 11

Башня Гоблинов

Пока угрюмый лодочник, молча налегая на весла, правил к острову, пассажиры могли без помех рассмотреть надвигающуюся на них Башню Гоблинов. Это было незатейливое, словно бы приплюснутое с боков овальное сооружение с глухими стенами высотой в сорок футов. По обе стороны поднимались в небо еще на двадцать футов две большие круглые башни. Вершины этих башен соединял ажурный каменный мостик. Узкая вытянутая форма замка определялась очертаниями острова.

В Башне имелся подъемный мост, который, однако, ни во что не упирался. Он висел над самой водой и служил причалом. Джориан и его спутники высадились на мост, миновали ворота с поднятой решеткой и очутились в вестибюле. В замке не было двора; сразу за воротами начинались крытые внутренние помещения.

Находящиеся в вестибюле участники Конклава толпились у конторки, за которой восседал человек в черной мантии и остроконечном красном колпаке, склеенном из плотной бумаги. На колпаке жирными крупными буквами было выведено:

Рядом с конторкой администратора Гнукса помещалась доска объявлений, где перечислялись все события предстоящего съезда.

Подошла очередь Форко и Карадура. Администратор осведомился, как их зовут, надписал две бумажные полоски и наклеил эти именные карточки на остроконечные колпаки — такие же, как у него самого, только черные. Затем вручил волшебникам колпаки и ключи от комнат. Когда настал черед Джориана, Карадур сказал Гнуксу:

— Это Джориан из Кортолии, мой ученик. Джориан, я внес за тебя регистрационный сбор.

— Добро пожаловать, мастер Джориан, — произнес Гнукс. — Как пишется?.. Держи.

Гнукс протянул Джориану дурацкий именной колпак; ему как ученику полагался колпак белого цвета.

— Можешь поселиться в двадцать третьем, вместе с доктором Карадуром.

— Нет ли второго ключа? — спросил Джориан. — Может статься, мы с любезным доктором будем приходить и уходить в разное время.

— Прошу. Еще раз добро пожаловать на наше ученое собрание!

— Скажи, а не проходил регистрацию некий Поррекс из Виндии? — поинтересовался Джориан. Гнукс сверился по списку.

— Нет. Кстати, ты уже третий, кто меня о нем спрашивает.

— Видно, он их тоже надул, и они надеются выколотить должок.

— Ну... хм... — заметил Гнукс, пытаясь скрыть улыбку, — это дело не мое, но я тут краем уха слышал кой-какие замечания насчет каленых щипцов и мягкого места.

Форко провел Джориана через вестибюль в танцевальный зал, на время превращенный в рабочую аудиторию. Повсюду сидели волшебники и волшебницы в остроконечных колпаках.

— Смотри, это Председатель Аелло, — зашептал Форко на ухо Джориану, едва они отыскивали свободные места.

Председатель — высокий сутулый старик с длинной седой бородой, ниспадающей на черную мантию, — носил колпак золотого цвета. Он представлял именитых участников; зал встречал каждую знаменитость нестройными хлопками.

— ...как мне сообщили, среди нас находится выдающийся некромант, Омфез из Тамо, чья коллекция душ включает ряд всемирно известных призраков, которых до него никому не удавалось вызвать. Доктор Омфез, вы не привстанете? Благодарю... На нашем собрании присутствует также наидостойнейшая

волшебница Гоания из Оттомани; госпожа Гоания, примите общее восхищение, — Джориан сразу вспомнил седовласую женщину и хотел было перехватить ее взгляд, но Гоания сидела слишком далеко. Тут внимание Джориана привлек какой-то человек, подпирающий стенку у входа в зал. Это был откормленный, похожий на борова детина в красном колпаке. У Джориана екнуло сердце: он узнал Босо, сына Трийса, бывшего звонаря, с которым они повздорили в Оттомани и которого Гоания взяла на службу. Теперь к привычному для Босо оружию — дубине — добавился меч. Джориану вдруг захотелось узнать, не привез ли он с собой Ванору. Аелло из Гортии продолжал долдонить:

— ...уважаемого астролога, Ктэссиса из Псары; мастер Ктэссис, вы не могли бы привстать?..

Джориана одолевала скука и все сильнее хотелось есть. Непонятно, с тоской подумал он, зачем мне вообще понадобилось рваться на этот Конклав. Знаменитостям не было видно конца. Веки будто налились свинцом; два раза Джориан, задремав, чуть не свалился со скамьи. Он стал щипать себя, чтобы хоть немного проснуться. Наконец Аелло соизволил закончить со вступительной частью и объявил:

— Первым пунктом повестки дня — доклад ученого коллеги Бхуллы из Янарета. Тема доклада: «Устройство семьи и терминология родовых связей у демонов Восьмой Реальности». Доктор Бхулла.

Послышались жидкие хлопки, место Аелло на кафедре занял смуглый пузатый коротышка и, гнусая на мальванский манер, принялся нудным скрипучим голосом зачитывать доклад. Несмотря на то, что Джориан прочел в своей жизни довольно много книг — хоть и был самоучкой, — речь Бхуллы казалась ему полнейшей абракадаброй. Он обнаружил, что снова клюет носом, и шепнул Карадур:

— Я выйду на минутку. Где наша комната?

— В западном крыле выше этажом. Я пойду с тобой; после доклада начнется распродажа магических принадлежностей, старинных рукописей и реликвий, связанных с историей нашего ремесла. Полагаю, ее тоже можно пропустить.

— Есть в этой громадине какой-нибудь трактир?

— Здесь, в танцевальном зале, за час до заката состоится обед. А потом бал-маскарад.

Джориан подавил стон.

— Целых два часа ждать! Я за это время с голоду помру. Ссуди пару пенсов, ладно?

Он направился к выходу вслед за Карадуром, но на пороге остановился и еще раз оглядел зал; тем временем старый волшебник заковылял в свои апартаменты. Оказавшись в вестибюле, Джориан обнаружил, что не он один сбежал с заседания. Волшебники, разбившись на небольшие кучки, размахивая руками и выразительно гримасничая, спорили на профессиональные темы. То и дело слышался визгливый женский смех. Таких групп было несколько, люди собрались самые разные — и молодежь, и старики; одни носили остроконечные колпаки участников Конклава, другие нет. Последние, как показалось Джориану, были так или иначе связаны с волшебниками. Интересно, подумал он, с чего Карадур взял, будто статья настоящим колдуном может лишь тот, кто соблюдает обет целомудрия?

В тесной, полутемной комнатенке было полно волшебников; они сидели за столами, попивали вино или пиво и закусывали сушеным горохом. Джориан протолкался к свободному месту. Трое сидящих за столом мужчин с головой ушли в обсуждение каких-то профессиональных тонкостей. Они рассеянно обернулись к Джориану, вежливо улыбнулись, кивнули и вновь погрузились в разговор:

— ...что астральное перемещение циркулярно, то любое азотистое или магнитное излучение, не вступившее во взаимодействие со своим медиумом, ускоренно возвращается к отправной точке, верно?

— Да, — сказал второй, — но вы же не станете отрицать, что двенадцать, являясь окончательным и совершенным числом в универсальных природных моделях, неизменно притягивает и поглощает тринадцатое, которое считается гибельным и избыточным числом. Следовательно, ваши циклические системы не способны расположить свои элементы в прежнем порядке...

— Оба вы ошибаетесь, — сказал третий, — не учитывая, что в природе действуют две силы, порождающие третью — равновесие, и все три подчиняются одному закону. Следовательно, образуется триединство, а дополняя триединство понятием единства, мы подходим к квадратуре, законченному и

абсолютному числу, источнику всех цифровых комбинаций и основе всех моделей. Таким образом, цикл обращения астральных потоков будет гомогенным...

* * *

Поневоле слушая эту галиматью, Джориан, на которого говорящие не обращали ни малейшего внимания, вдруг почувствовал себя так неуютно, что залпом допил эль и выбрался из-за стола. В вестибюле он задержался у доски объявлений. Доска оповещала, что сейчас идет доклад, а после его окончания начнется распродажа. Затем намечалось провести групповое обсуждение по теме «Невидимость», за которым, в свою очередь, последуют неофициальный обед и бал-маскарад.

Утро второго дня должно было ознаменоваться дебатами по поводу предложения Альтруистов положить конец секретности, окружающей магию, и поставить все ее достижения на службу непосвященным. После завершения дебатов будет дан завтрак в честь Аелло, оставляющего пост председателя. Днем состоится несколько ученых докладов, в том числе демонстрация вызова демона из тридцать третьей мальванской преисподней. Проставленная рядом с этим пунктом красная звездочка указывала на то, что опыт небезопасен для жизни.

Вечером будет устроен официальный обед с присуждением наград за выдающиеся заслуги в магии и сообщением почетной гостии Конклава, доктора Изильдии из Метуро. Госпожа Изильдия расскажет о последних достижениях в области управления летающим помелом. После банкета пройдет ряд закрытых заседаний, куда допускаются лишь аттестованные волшебники.

В первой половине третьего — заключительного — дня планировались два сообщения, а затем рабочее заседание, на котором будет избран новый председатель, назначено место проведения следующего Конклава и рассмотрены поправки к Уставу Сил Прогресса.

Ознакомившись с информацией, Джориан собрался было идти в свою комнату. Но вдруг замер, как громом пораженный: перед ним, занятая беседой с какими-то женщинами, стояла Ванора. Высокая угловатая девушка была одета в длинное платье из изумрудно-зеленого шелка; ее черные, струящиеся, блестящие волосы прикрывала круглая шапочка. Нынешняя Ванора ничем не походила на замарашку, которую Джориан оставил в Оттомани. Несмотря на неправильные черты лица, она казалась почти красавицей и несомненно привлекала внимание мужчин.

— Доброго утречка, хозяйка Ванора! — сказал Джориан.

— Ба, Джориан! — вскричала Ванора. — Извиняюсь, девушки, мой старинный приятель, — она схватила Джориана за руку и повлекла прочь. — Ты что ж, и впрямь оттяпал у Царя Царей ящик с плесневелой тягомотиной?

— Ага, мы мало того что сундук оттяпали, а еще и целы остались. У тебя-то как дела?

Ванора соорудила гримаску.

— Этот вонючка Босо... Зато Гоания прелесть. Только за ради нее и живу с ним.

Она двумя пальцами оттянула краешек изумрудного платья.

— Гоания подарила.

— Славная вещица. А это не Босо я сейчас видел в танцевальном зале?

— Его. Босо заделался приставом, что, к слову сказать, ничуть не лучше должности вышибалы, какую он исполнял в оттоманском «Серебряном Драконе». Ну, хватит обо мне; мне за последние полгода и похвастать-то нечем. Ты о своих приключениях расскажи! Тут слух прошел, будто вы не раз были на волосок от смерти.

Джориан поморщился.

— Правду сказать, я каждый раз, как попадал в переделку, так только и мечтал, чтоб она поскорей кончилась, хоть, может, все эти заварушки и кажутся смешными, когда после о них рассказываешь.

— Во-во, скажи еще, что до полусмерти напугался!

— Так оно и было. В конце концов, я ж не какой-нибудь зазнайка-рыцарь, а простой ремесленник, мне по душе поселиться... но куда я не завел на полдня про свои подвиги, ты не найдешь мне поесть? С самого утра маковой росинки во рту не было. Мы, как утресь прискакали в Метуро из Тамо, так прям сюда и двинули — не поели, не помылись. Покуда не наемся, слова не скажу.

Ванора провела Джориана на кухню и выпросила у повара сдобную булку и кувшин пива. Уплетая за обе щеки, Джориан поведал кое-что из того, что приключилось с ним в Мальване и Швении.

Часа через два он вдруг спохватился:

— Время идет, а я тут пробавляюсь самодовольной болтовней о своих делишках! Где так я стойкий, но ежели выпадает случай поговорить — не остановишь. Заседание, кажись, к концу близится, пора мне хозяина разыскать.

— Ты что, взаправду ученик Карадура, как на шапке написано?

— Не-е, хоть на Конклав я попал якобы затем, чтоб поближе узнать колдовское ремесло. Только уж больно сомнительно, что прелести высшей магии убедят меня отказаться от женщин.

— Отринув все плотские утехы — это Гоания так говорит — самые искусные колдуны могут прожить в два, а то и в три раза дольше обычного смертного.

— А может, без женщин и вина жизнь им просто кажется в два или три раза длиннее?

Ванора поглядела на Джориана долгим, зазывным взглядом.

— Ах... как раз об этом деле, скажу тебе по секре...

— Прости, хозяйка Ванора, но мне и вправду пора, ни минуты нету! — Джориан вернул повару опустевший кувшин. — Весь провонял с дороги, надо маленько почиститься к обеду.

Он подал девушке руку и проворно вывел в вестибюль. Там он оставил ее и отправился разыскивать комнату номер двадцать три. Отомкнув дверь своим ключом, Джориан обнаружил за ней тесную гостиную и спальню с двумя узкими кроватями. Карадур явно побывал в номере, но уже ушел. Джориан привел себя в порядок, чуть-чуть подровнял бороду, надел чистую рубашу, попытался навести глянец на вконец проносившиеся башмаки и вернулся в танцевальный зал.

* * *

В зале он обнаружил, что распродажа закончилась, а групповое обсуждение невидимости в самом разгаре. Специалисты-невидимщики уже сделали предварительные сообщения и теперь, рассевшись в ряд на возвышении, отвечали на вопросы с мест. Ряд замыкал председатель Аелло, который, желая узнать имена незнакомых участников, направлял на них свой волшебный жезл. Когда вошел Джориан, с места как раз поднялся какой-то человек.

— Я хотел бы спросить... — начал он.

— Прошу прощения, — прервал его Аелло, — назовите свое имя и род занятий.

— Меркон из Боуктиса, колдун-чудотворец. Я хотел бы спросить уважаемых участников, что пользы, если сами они пропадут, а их глазные яблоки останутся видимыми? Когда тебя преследует пара глаз, лишенных тела, то обнаружить невидимку так же легко, как и видимого человека, а вот перепугаться действительно можно.

— Я, по-моему, уже объяснял, — сказал один из специалистов, — полная невидимость в принципе достижима, но имеет один недостаток: она лишает невидимку зрения, потому что между человеческим глазом и лучами видимого света не возникает того взаимодействия, которое и является причиной сенсорного феномена, известного нам как «взгляд». Я полагал, об этом знает каждый ученик. Соответственно, полная невидимость применяется лишь в крайнем случае, при непосредственной угрозе быть схваченным. Поскольку такой невидимка лишается зрения на все время действия заклинания, то для того, чтобы не дать врагам подойти на опасное расстояние, он вынужден полагаться на другие ощущения — в основном на астральное зрение. Однако мало кто из смертных обладает этой способностью в должной

мере. Если же глазные яблоки остаются в видимом слое, невидимка может без помех рассмотреть запретное, при условии, что он стоит от ближайшего наблюдателя на расстоянии и тот не замечает его глаз. — Джориан попытался высмотреть Карадура, но колдун словно в воду канул. На прежнем месте его не оказалось, а сотни затылков, увенчанных шутовскими колпаками, ничем не отличались друг от друга. Джориан на цыпочках пошел вдоль стены, стараясь разглядеть сбоку лица присутствующих. Увлечшись этим занятием, он невзначай налетел на Босо.

— Ты?! — хватаясь за меч, зашипел новоявленный пристав. — Я должен...

— Босо, води себя пристойно! — сказал Джориан.

— Ах, мать твою! Сам води себя пристойно, не то...

Несколько волшебников, обернувшись, зашикали на скандалистов.

Босо притих; Джориан двинулся дальше, осматривая ряд за рядом — розовые лица, бледные лица, медные лица, шоколадные лица; бритые лица, усатые лица, бородатые лица; молодые лица, зрелые лица, старые лица; мужские лица и женские лица. Наконец, когда Джориан уже готов был бросить свою затею, он заметил Карадура на другом конце зала; голову колдуна украшал остроконечный колпак, а на коленях лежал тюрбан. Рядом сидела волшебница Гоания. Джориан, стараясь не шуметь, примостился по соседству.

Групповое обсуждение подходило к концу. Аелло объявил заседание закрытым, сотни волшебников встали и потянулись к выходу.

— Куда теперь? — спросил Джориан.

— В библиотеке подадут аперитивы, — пояснил Карадур, — но я не употребляю горячительных напитков. Пойду отдохну до обеда. Почему бы тебе не проводить туда Гоанию?

— Отличная мысль! — обрадовался Джориан. — Госпожа Гоания, не откажешь в любезности?

— Одно маленькое напутствие, — сказал Карадур вдогонку. — Пока мы здесь, держи за зубами свой болтливый язык!

— Постараюсь, — отозвался Джориан.

* * *

Пока Джориан попивал травяную настойку, закусывая соленой рыбой и сухариками, Гоания без устали представляла его волшебникам, чародеям, некромантам, прорицателям и прочим знатокам колдовского ремесла. Вскоре он совсем запутался в новых лицах и незнакомых именах. Воспользовавшись случайной передышкой, он спросил волшебницу:

— Ванора ладит с Босо?

— Ах, вчера они страшно переругались и сегодня друг с другом не разговаривают. Но это обычное дело. Завтра и не вспомнят, из-за чего ссорились.

— Мне почудилось, не больно-то она с ним счастлива. Ванора все ж таки девушка неглупая, даром что вздорная, а у него мозгов меньше, чем у головастика.

— Что она почти все время несчастлива — вполне допускаю. Вопрос в том, была бы она счастлива с другим? Сомневаюсь, потому что ей на роду написано быть несчастной и приносить несчастья ближним. Мы все немножко такие, но ей, бедняжке, этого качества досталось с избытком, — Гоания проникательно взглянула на Джориана. — Ведь вы с ней одно время сблизились, да?

— Да, хоть невеселое было веселье.

— А не таишь ли ты сентиментальных мыслей, скажем, «увезти ее от всего этого», либо еще как-то пожертвовать собой ради ее счастья?

— Не-ет, — смущенно ответил Джориан, у которого и в самом деле мелькала такая мысль.

— Ну, если и таишь, то гони их прочь. Никому не дано изменить природу взрослого мужчины или

женщины, даже при помощи заклинаний. Если ты опять с ней сойдешься, то очень быстро поймешь, что тебе досталась не любовница, а скандалистка — тупой и толстокожий Босо годится ей в партнеры куда больше, чем ты со всеми твоими достоинствами.

Джориан взял себя в руки.

— Ты, госпожа Гоания, забываешь, что у меня в Ксиларе остались пять любящих жен. По крайности одну из них — малышку Эстрильдис — я, надеюсь, однажды увезу, обзаведусь домом и заживу себе тихо-мирно, как заправский мастеровой.

Гоания покачала головой.

— Я составляла твой гороскоп и смотрела ладонь; боюсь, что как раз спокойной жизни мастерового боги-то тебе и не припасли. Если же говорить о красотах, то полагаю, что, когда ты ими увлекаешься, ты на самом деле желаешь вернуть свою Эстрильдис.

Она мельком глянула туда, где в окружении молодых людей стояла Ванора.

— Судя по тому, как Ванора глушит кружку за кружкой, подозреваю, она нам устроит славный вечерок.

— Что ты хочешь сказать?

Волшебница вздохнула:

— Сам увидишь.

Участники Конклава мало-помалу стекались в библиотеку; становилось тесновато. Шум нарастал: чтобы быть услышанным, каждому оратору приходилось повышать голос. Вскоре комната оказалась до отказа набитой волшебниками и их учениками, которые изо всех сил старались перекричать друг друга.

Джориан пытался представиться и завязать беседу со стоявшими поблизости, но, несмотря на его природную общительность и болтливость, разговора не получалось. Чтобы докричаться до собеседника, приходилось орать во всю глотку, а ответы, если и доходили, были неразборчивы. Джориану удавалось расслышать лишь отдельные слова, да и те долетали в таком искаженном виде, что он никак не мог решить: то ли это обычное слово, которое он недопонял, то ли какой-то термин, известный одним колдунам.

Лишенный возможности поболтать, Джориан вскоре затосковал. Ему вздумалось провести опыт. Он приосанился и, наметив длиннорядого чародея величавой наружности, гаркнул:

— Сударь, вы слышали, что концеклык припазвел бутый вругол?

Кустистые седые брови чародея поползли вверх, и он прокричал что-то вроде:

— Вы неправы! Мы должны принимать феркало для штенья выслей!

— Да, сударь, я извлек его из бомбарического гуза. Не сомневайтесь. Когда медующий влезд по лимонологии?

— Я хрюмаю, в певяносто дятном.

— Прязумеется, прязумеется. То-то, сударь, фатеха будет!

Но со временем прискучила и эта забава. Когда наконец объявили, что обед подан, Джориан от долгого стояния уже не чуял под собой ног, а в ушах звенел несмолкаемый гул. Он проводил Гоанию в зал, но здесь им пришлось расстаться: Джориану полагалось есть с учениками, а Гоанию и Карадура усадили на места для полноправных волшебников. Помня о наставлении Карадура, Джориан ни словом не заикнулся о своих приключениях. Напротив, он был сдержан, предупредителен, поддерживал беседу наводящими вопросами и, стараясь не возбуждать излишнего любопытства к своей особе, изредка разражался шуткой или забавным стишком.

— Ты будешь участвовать в вечернем маскараде? — спросил его сосед по столу.

— Увы! Мы с хозяином припоздали, не было времени соорудить костюм. Я б мог вырядиться лишь учеником в дорожных обносках. Но расскажи, как проводят состязание, а то мне впервой бывать на

Конклаве.

— Мы освободим зал, чтобы слуги могли вынести столы и расставить скамейки по стенам, — пояснил другой ученик. — Вон у той стены установят длинный помост. Затем все, кто в костюмах, соберутся у помоста, а остальные рассядутся на скамейках. Тут обязательно найдется кто-нибудь, кто встанет и загородит спиной зрелище или ненароком окажется среди участников маскарада, и возникнет суматоха.

Церемониймейстер составит список всех участников, а потом начнет выкликать их по одному; названный участник должен пройти по помосту взад-вперед, а судьи в это время будут его оценивать и проставлять баллы. Когда парад закончится, лучших снова вызовут на помост, а уж из них судьи выберут победителей.

— Некоторые правила очень забавны, — вмешался третий ученик. — Вот, к примеру: человек может принять участие в маскараде, нарядившись духом, но демоны, духи и прочие обитатели потусторонних реальностей и измерений вообще не допускаются к состязанию. Да ты сам увидишь, как старик Аелло стоит на краю помоста и размахивает жезлом перед носом у каждого конкурсанта. Вообще-то предполагается, что ни один демон не может проникнуть сквозь завесу великого защитного заклинания, но Аелло предпочитает лишний раз убедиться.

— А еще, — перебил его ученик, который завел разговор, — существует запрет на полную наготу.

— Да ну? — изумился Джориан. — Я-то как раз полагал, что ладная красotka лучше всего смотрится нагишом.

— Некоторые из наших участниц держатся того же мнения. Бывало, эти дамы десятками выходили на помост в чем мать родила: вместо конкурса маскарадных костюмов получался какой-то конкурс женских прелестей. Потом разразился страшный скандал: оппоненты бросались друг на друга с кулаками и грозились наслать порчу. Чтобы рассудить это дело, назначили комиссию из старейших и мудрейших волшебников. Мудрецы постановили, что обнаженная особа по определению не может рассматриваться как обладатель маскарадного костюма.

— Иными словами, — подытожил Джориан, — без костюма — значит, без костюма. Этакая, понимаешь, философская и грамматическая тонкость.

— Вот именно, — осклабился ученик. — Таким образом, обнаженные представители рода человеческого не допускаются к состязанию как не имеющие костюма. Однако на этом дело не кончилось. Не далее, чем в прошлом годе, случилась перебранка, когда госпожа Тарлюстия, кортольская волшебница, продефилировала по залу, прикрытая лишь вклеенным в пупок огромным самоцветом. Можно ее рассматривать как участницу или нет? Постановили разрешить участие, но награды не присуждать, потому, дескать, что в ее наряде не видно ни остроумия, ни старания, ни эстетического вкуса. Но это бабка надвое сказала. Скинуть бы ей годков двадцать да столько же фунтов, неизвестно, как бы дело обернулось; она и сейчас неплохо выглядит.

* * *

Через два часа после обеда колдовская братия вновь потянулась в танцевальный зал. Джориан невольно отметил, что почти все участники маскарадного состязания — по крайней мере те, кто не скрывался под маской, — молодежь: ученики и ассистенты. Большинство волшебников и волшебниц постарше предпочли чинно рассесться по лавкам, стоящим вдоль стен.

Еще час ушел на беготню и подготовку парада, а затем на помост взобрался церемониймейстер. На дальней от зрителей стороне помоста заняли свои места у стены девять судей. Председатель Аелло, не расстающийся с жезлом, встал у входа на помост. Церемониймейстер заглянул в список и выкрикнул:

— Господин Тилейнос из Тарксии!

Ученик, нарядившийся демоном из Четвертой Реальности, взбежал по ступенькам, медленно прошелся перед судьями, добрался до конца помоста и спустился в зал. Не успел он сделать круг по залу, демонстрируя зрителям свой костюм, как церемониймейстер возвестил:

— Господа Энникс и Форион из Солимбрии!

На помост вскарабкался сверкающий лаком тряпичный дракон, ноги которого изображали два ученика.

— Госпожа Ванора из Гованнии!

Ванора, покрасневшись от выпитого, но все еще твердо держась на ногах, взошла на помост в обличье русалки. Нарядом ей служила едва прикрывающая колени прозрачная туника из зеленой вуали. В длинные черные волосы были вплетены бумажные водоросли, руки затянуты в зеленые перчатки с перепонками между пальцами, веки, губы и ногти разрисованы в зеленый цвет.

— Доктор Вингальфи из Истхойна!..

Так продолжалось три часа кряду. В конце оказалось, что Ванора заняла третье место. Заиграл оркестр. Джориан протолкался поздравить девушку, которую снова обступили ученики. За ее спиной, сердито зыряя глазками, топтался несчастный Босо.

— Они играют кортольскуто фольку, — говорила в этот момент Ванора. — Кто из вас знает, как ее танцевать?

— Я когда-то считался знатоком, — сказал Джориан, подставляя ей локоть. Он вежливо кивнул Босо:

— С вашего любезного позволения, сударь...

— Ой, да падет на него новое воплощение! — отмахнулась Ванора, хватая Джориана за руку и вытаскивая в круг. — Шагу ступить не умеет, отродье косолапое.

Кружась и притоптывая, они понеслись по залу.

Хотя от Ваноры сильно пахло вином, было незаметно, чтобы возлияния как-то отразились на ее танцевальных способностях. Однако зажигательная фолька и теплый, пропитанный благовониями воздух сделали свое дело. Когда музыка смолкла, с Джориана и Ваноры пот лил ручьями. Они отыскивали столик с напитками, где Ванора, желая восстановить утраченное пьяное равновесие, залпом осушила большой кубок ледяного вина.

— Милый Джориан, — сказала она, — дура я была чертова, что разорялась тогда в Оттомани насчет этой твоей царевны-змеи. Не мне, пьянчужке с ненасытной дыркой, воротить нос, ежели тебе кому и приспичит игрунчик свой засадить! Да уж такая я проклятая; вечно хорошего парня отважу, а сплю со свиньей вроде Босо.

В продолжение этой тирады взгляд Джориана скользил по ее телу. На Ваноре не было ничего, кроме прозрачной газовой туники, которая позволяла ей соблюсти запрет на полную наготу и в то же время выставить напоказ свои прелести. Джориан попытался было сосредоточиться на мыслях о разлуке с Эстрильдис, но кровь ударила ему в чресла.

— Ни слова больше, — неожиданно севшим голосом проговорил он. — Уж ты-то мне всяко милей, чем она, и сравнивать нечего. Ты бы, по крайности, не скинула человека с кровати ни за что ни про что!

— А она и впрямь тебя скинула?

— Нет, я чудом удержался. Ну, доложу тебе, и позы у этих мальванок! Слушай, здесь такая толчея, ты не взопрела?

— Ага. Ты еще не был на крыше?

— Нет. Пошли.

Они поднялись на крышу. Только что взошла молодая луна. Прямо над головой сияли звезды, но далеко на юге зарницы то и дело выхватывали из темноты наползающую тучу.

— Теплынь-то какая, и не скажешь, что весна, — сказал Джориан, обвивая рукой девичью талию.

— Да уж не холодно. Не пора ли покликать дождей? — Ванора медленно обернулась к нему и запрокинула лицо. — Что ты там говорил о мальванских позах?

Немного позже они крадучись пробирались по коридору к комнате номер двадцать три. У Джориана бухало в висках.

— Старого Карадура весь вечер не видать, — шепнул он. — Ежели он у нас в комнате, попробуем толкнуться в твою. Ежели нет, запремся изнутри.

— Я знаю, где сложены тюфяки для припоздавших гостей, — шепнула Ванора. — Тюфяк можно затащить на крышу.

— Там видно будет.

Джориан приналег на дверь своего номера: так и есть — заперта. Он вставил в скважину полученный утром ключ, неслышно отомкнул замок, приоткрыл щелочку и весь обратился в слух.

— Зачем... — начала было Ванора.

Джориан легонько прикрыл ей рот ладонью. Выражение неуголенной похоти на его лице сменилось охотничьим азартом.

Он еще немного приоткрыл дверь и бесшумно скользнул внутрь.

Гостиная тонула во мраке, но в спальне теплилась свечка. Дверь между комнатами была полуотворена, и гостиную прорезала узкая полоска света. Из спальни доносились голоса; между обрывками разговора слышалось характерное потрескивание — кто-то разворачивал старый пергамент.

— Заглянем в наш свиток, — произнес незнакомый голос. — О боги и демоны! Это же великое заклятье заклятий чародея Рендивара, которое считалось навеки утраченным.

— Вот вам и ответ, — послышался густой бас волшебника Форко. — Я полагаю, наши действия должны проходить в три этапа. Первое, что нужно сделать завтра, это — как только начнутся дебаты — произнести заклятье заклятий, открыв, таким образом, путь для последующих действий...

Из-за двери раздался старческий голос с мальванской гнусавиной: Карадур, определил Джориан.

— Вы собираетесь, — ошарашенно проговорил этот голос, — в нарушение всех законов и обычаев Сил Прогресса применить против наших оппонентов магию?

— Конечно, а вы как думали? Мы подсчитали шансы и поняли, что наше предложение не пройдет. Нам катастрофически не хватает голосов.

— Но... но... вы же всегда отстаивали этические...

— Не старайтесь казаться глупее, чем есть на самом деле! К чему все эти игры в правила и этические принципы, когда речь идет о благе человечества.

— Вам не кажется, что вы немного... мм... опрометчивы? — спросил Карадур.

Форко презрительно хмыкнул.

— Если вы печетесь обо всех этих Мальто, Бальто и Цальто, которые немедля потянут лапы к самым смертоносным заклинаниям черной магии, можете успокоиться. Я же не полный идиот. Не хуже вашего знаю, что некоторые возражения ретроградов — что, дескать, нельзя верить такие силы темным, невежественным людям — чертовски справедливы. Мы лишь пообещаем допустить до магии всех, кому не лень, и, таким образом, получим доступ к власти.

Мы подчиним себе Силы Прогресса и меньше, чем через год во всех Двенадцати Городах будут править Альтруисты. План отработан до мелочей, а исполнители на местах...

— Но ведь Силы всегда сторонились мирской политики! — сдавленным голосом взвыл Карадур.

— Дуракам закон не писан. Конечно, если мы получим власть, то проявим разумную осторожность; мы откроем непосвященным лишь самые простые тайны магии — о которых они и сами могли бы прочесть в любой хорошей библиотеке — пока не докажут, что достойны большего. Но главное — захватить безраздельную власть. Сокрушив оппозицию, мы сможем действовать по своему усмотрению. И поскольку

я уверен, что побуждения мои чисты, а замыслы разумны, то я просто обязан добиться власти и привести их в исполнение!

Итак, вернемся к делу: второе, чем необходимо заняться, — составить списки наиболее активных Благотетелей и всех тех, кто примет их сторону по завтрашнему вопросу. Райтс, это задание поручается вам, потому что остальным придется корпеть над заклатьем. Заседание рассчитано часа на два — успеем.

— Предводитель, — раздался чей-то голос, — а вы уверены, что древнее заклатье Рендивара обладает достаточной силой? Защита Аелло отнюдь не детская считалка.

— Одиночку, вероятно, постигла бы неудача, — ответил Форко, — но за дело одновременно возьмутся трое-четверо наших, поэтому я не сомневаюсь в успехе. Теперь относительно третьего этапа: если бы нам удалось достать вещи или частички тела наших оппонентов, мы бы могли применить против них симпатическую магию; но до заседания осталось слишком мало времени. Посему вы, Магнас, призовете стаю демонов из...

Джориан, притаившийся в темноте у двери в спальне, замер от ужаса: стоявшая позади Ванора вдруг громко икнула. Сказалось выпитое вино — ее развезло. Она снова икнула.

— Что это? — удивленно спросили в спальне.

Не успел Джориан опомниться, как Ванора, мотаясь от стенки к стенке, проскочила мимо него, пинком распахнула дверь и хриплым голосом заорала:

— Это я, вот это кто! А не пора б вам, занудные старые педрилы, свалить отсюда ко всем чертям, чтоб мы с Джорианом... ик!.. занялись на кровати тем, для чего ее сделали?

Когда дверь распахнулась, Джориан мельком заметил, что, помимо Карадура, Дракомаса и Форко, в спальне находится еще несколько человек. Затем голое Форко тихо произнес непонятное слово. Какой-то инстинкт подсказал Джориану об угрожающей справа опасности. Он попытался было развернуться к ней лицом и в неожиданно вспыхнувшем свете краем глаза увидел одного из демонов Форко. Демон подступал к нему с занесенной дубинкой. Джориана всегда отличала мгновенная реакция, но нападение было так стремительно, что не успел он увернуться, как мир, полыхнув, разлетелся на тысячи осколков.

* * *

Когда Джориан очнулся, в комнате брезжил серенький дневной свет, который проникал через бойницу, переделанную в окно и снабженную по этой причине ставнем и створчатой рамой. Через какое-то время он осознал, что грохот и сполохи, болью отдающиеся в голове, на самом деле исходят снаружи: за окном бушевала гроза. Дождь стучал в ромбовидные окошки частого переплета и крохотными прозрачными змейками сбегал по стеклу.

Джориан, морщась от боли в затекших мышцах и ощущая при каждом движении, что в голове засел раскаленный гвоздь, перекатился на спину. Как оказалось, запястья и лодыжки были скручены крепкой веревкой, а рот забит кляпом. В глазах мельтешило. Джориан напрягся и увидел Ванору и Карадура; они тоже были связаны.

Ванора, на которой по-прежнему красовалась туника из зеленой вуали, тарасила на Джориана налитые кровью глаза; во рту у нее торчал кляп. Насчет Карадура ничего определенного сказать было нельзя; мальванец походил на сваленную в углу кучу старого тряпья.

Связывая Джориана, недруги постарались на славу, однако не учли, что имеют дело с человеком, который потратил в Ксиларе уйму времени, обучаясь сбрасывать путы. Для начала он просто начал жевать. После нескольких минут усиленного пережевывания тряпка, привязывающая кляп, расплзлась, и Джориану удалось выплюнуть затычку.

— Ванора! — сипло позвал он. — Как ты?

— Грм, хрм, — промычала она забитым ртом.

— Карадур, ты жив?

В ответ захохали. Джориан, насколько позволяло лежащее положение, оглядел комнату. Его меч по-прежнему висел за перевязь на шляпной вешалке у двери.

Подняться с пола — нелегкая задача, когда ноги тесно стянуты веревкой, а руки скручены за спиной; нелегкая, но все же выполнимая. Джориан снова и снова пытался встать, но каждый раз мешком валился с ног, со всего маху грохаясь о щелястый пол и выбивая из него фонтанчики пыли. Наконец старания увенчались успехом. Он подскочил к вешалке для шляп и боднул ее головой: вешалка свалилась на пол. Затем Джориан подогнул колени и ухватил связанными руками рукоятку меча. Он проделал еще два-три невообразимых кульбита и очутился рядом с Ванорой.

— Суй ноги в перевязь, — гаркнул он. Ванора подчинилась; Джориан отпрыгнул в сторону — меч выскочил из ножен. Затем Джориан установил меч острием вверх между ногами Ваноры.

— Теперь сожми покрепче. Ежели выпустишь, меч проткнет меня, как цыпленка.

Прижимая к лезвию меча веревку, стянувшую запястья, он стал ерзать по нему вверх и вниз. Присев раз двадцать, Джориан перетер веревку и разнял руки. Тут он немного передохнул, растирая запястья и ощупывая шишку на голове. Затем взял меч и разрезал путы на ногах. Освободить товарищей по несчастью было делом одной минуты.

— Вот так я однажды спас свою голову, — сказал он. — Отсюда мораль: никогда не забывай хорошенько наточить меч. Этим мерзавцам еще учиться и учиться, а то б они нипочем не оставили нам острых предметов.

— Не забывай, сынок, — подал голос Карадур, — что они не привыкли бороться с врагами таким примитивным оружием, как меч и веревка. К их услугам духи, заклинания и всепобеждающая оккультная мудрость.

— Тем хуже для них. Который час?

— Боги праведные! — вскричал Карадур. — Должно быть уже больше четырех. Значит, дебаты по предложению Альтруистов вот-вот начнутся. Форко вот-вот произнесет заклятье заклятий, которое нашел в Ларце. Где этот проклятый сундук? Увы, они унесли его. Ах ты, горе какое, неужто я на всю жизнь так и останусь легковверным доверчивым простофилей? Но поспешим в зал — надо предупредить Силы!

— О боги, где бы похмелиться! — схватившись за голову, простонала Ванора.

В это утро она совсем не казалась привлекательной.

— Переметнулся, доктор? — спросил Джориан.

— Нет, я всегда был на стороне добродетели и порядка. Скорее Форко и его приспешники предали меня.

Старик с оханьем заворочался на полу. Джориан помог ему встать. Ключа в карманах не оказалось, зато нашлись отмычки, и Джориан занялся дверью, открыть которую не составило труда.

— Нам нельзя терять ни минуты, хотя я с трудом держусь на ногах, — сказал Карадур.

— Нам? — изумился Джориан. — Твои колдуны грызутся, а я чего полезу? Я на вашу братию отработал сполна, и сам заниматься твоим ремеслом не намерен.

— Ты слышал, что говорил Форко. Если тебе нет дела до меня и других честных волшебников, подумай о тирании Форко, которая будет страшней, чем мальванская, тарксийская и метурская вместе взятые! Но у меня нету времени на споры. Не хочешь, как хочешь.

Старый волшебник заковылял по коридору. Джориан с Ванорой в нерешительности переглянулись и двинулись следом.

* * *

Под энергичным напором Джориана двери в зал распахнулись. Карадур трусцой вбежал внутрь и засеменял по главному проходу между рядами. Один из участников обсуждения, стоя перед аудиторией, говорил:

— ...и если вы не верите, что обычные люди недостойны приобщиться к этим ужасным таинствам, я готов привести примеры их бездумного, свинского поведения из истории страны, которая так гостеприимно нас приняла. Когда в Метуро свергли королей и установили Республику...

Оратор осекся на полуслове: он заметил Карадур, который с непокрытой головой и горящими глазами вприпрыжку ковылял по проходу.

— Измена! — каркал старый мальванец. — Преступная клика в недрах нашего братства замышляет переворот и хочет отнять у вас власть! Мастер Райтс — вон там — записывает имена Благодетелей, чтобы его сообщники знали, на кого нападать! Схватите его, если мне не верите...

Когда Карадур разразился речью, Джориан с Ванорой решили тоже войти в зал. В этот момент дорогу им преградил Босо. Джориан шел первым и, думая, что он один, Босо начал было:

— Сегодня ученики сидят на балконе. В зал допускаются только волшебники...

Тут пристав заметил Ванору.

— Ты! — рявкнул он. Лицо его побагровело, глаза налились дикой яростью. — Вы двое провели... вы провели ночь в поганом блюде, а теперь вам хватает нахальства... п-паскуда... по стенке размажу тебя, шлюха!

Изрыгая невнятные проклятья, Босо выхватил меч и, отшвырнув Джориана, бросился на Ванору. Девушка с воплем метнулась в вестибюль.

Не зная, за кем бежать, Джориан на секунду замешкался. Карадур, похоже, овладел положением. Он уже выпалил свое объяснение; в зале возникла суматоха, все повскакали с мест. Несколько волшебников схватили Райтса. Джориан развернулся и побежал вслед за Босо.

Он выскочил в вестибюль как раз вовремя: Ванора только что скрылась за поворотом угловой лестницы, Босо гнался за ней по пятам. Джориан кинулся следом, вытаскивая на бегу длинный меч — тот самый клинок, который он позаимствовал в Эллорнских горах у спящего Гендинга.

Джориан понесся вверх по лестнице. Через несколько маршей он стал задыхаться, но, выбегая на площадку, каждый раз успевал заметить мелькнувшую за поворотом спину Босо. Наконец он выбрался на крышу. Низкие тучи мчались над головой, косой дождь барабанил по мощеным плитам кровли. Сверкала молния, свист ветра и шум ливня тонули в громовых раскатах.

Прикрываясь левой рукой от слепящего дождя, Джориан лихорадочно огляделся и увидел Босо, который проскочил в дверь одной из круглых башен — парных донжонов замка — и захлопнул ее за собой. Оскользываясь на мокрых плитах, Джориан подбежал к двери и рванул ее на себя, но тщетно: Босо заперся изнутри на тяжелый засов.

Босо, решил Джориан, загонит Ванору на башню и, если не поймает, ей ничего не остается, кроме как перебежать мост и спуститься по винтовой лестнице второго донжона. Он кинулся к соседней башне; дверь была не заперта.

Джориан распахнул дверь и помчался по ступенькам. Оказавшись наверху, он едва не сшиб Ванору, которая в этот момент перепрыгнула с моста на крышу донжона. Ее взмокшая от пота прозрачная туника прилипла к телу, изо рта вырывалось хриплое дыхание. За ней по пятам, окаясь и размахивая мечом, гнался Босо.

— Марш вниз, за подмогой! — на ходу скомандовал Джориан и ринулся к мосту.

От порывов ветра мокрый настил под ногами Джориана вибрировал, будто натянутая струна.

Вблизи это сооружение не казалось столь легким и воздушным, как снизу. Мост, сложенный из серого камня, имел четыре фута в ширину; его ограждали два зубчатых парапета, доходившие Джориану примерно до пояса. Вступившему на мост можно было не опасаться, что его просто сдует ветром или смоем ливнем. С другой стороны, в пылу рукопашной схватки ничего не стоило вывалиться сквозь прорези между зубцами ограждения.

Мечи замелькали в воздухе; раздался оглушительный лязг, тут же заглушенный громовыми раскатами. Два силача на мосту, все еще задыхаясь после подъема и свирепо уставясь друг на друга,

рубилась, нападали и защищались. На мгновение оба, тяжело дыша, попятись, а затем снова ринулись в бой — клац-дзынь-вжик-клац. Противники дрались, не сходя с места: на узком мосту было не разойтись, да и ноги оскальзывались на мокром настиле.

Бой завязался нешуточный; от безостановочных выпадов у Джориана заломило правую руку. Ветер с воем швырнул противника в лицо потоки дождя. Встряска оказалась так сильна, что каждому из них пришлось ухватиться свободной рукой за парашет, чтобы не упасть, но даже тут они продолжали размахивать мечами. Сверкнула молния, грянул гром.

Джориан обнаружил, что его кавалерийский клинок длинноват для такого поединка, к тому же, как выяснилось, рукоять слишком коротка, и меч нельзя ухватить двумя руками. Клинок Босо очень походил на меч Рандир, который служил теперь хану Гендингов. Здоровенный громила владел им преотлично, а вот джориановы защитные, обманные и двойные удары выходили немного замедленными. Какие бы замысловатые атаки ни предпринимал Джориан, Босо отбивал их глазом не моргнув. Однако превосходящая длина джорианова меча тоже имела свои преимущества: она держала Босо на расстоянии и не давала ему использовать маневренность клинка. Грузный коротконогий Босо был слишком неповоротлив, чтобы одним молниеносным выпадом прорвать защиту Джориана.

Кроме того, у Босо имелась одна слабинка: он отражал атаки давно вышедшим из употребления двойным ударом. Как только противник вновь применит свой излюбленный прием, решил Джориан, надо изловчиться и пырнуть его хорошенько...

Откуда-то возник новый, совершенно непонятный звук. Он нимало не походил на свист ветра, громовые раскаты и поскрипывание моста. Это был глухой гул, за которым последовал мощный толчок, точь-в-точь как при землетрясении. Снизу донесся нарастающий рев; в нем перемешалось все: дребезжанье, громоханье, треск, плеск, удары, обвалы, визг, стоны и вопли.

— Башня падает! — раздался за спиной крик Ваноры.

Джориан быстро взглянул на Босо, который немного попятился и теперь стоял, сжимая одной рукой зубец парашета, а другой меч. Лицо пристава побелело, взмокая челка прилипла к низкому лбу.

Джориан осторожно глянул через плечо. Ванора стояла в нескольких шагах от него, вцепившись в зубцы башенной ограды.

— Шла б ты вниз... — начал было Джориан, но тут каменный настил моста вдруг накренился.

Обе башни и соединяющий их мост с ужасающим заунывным скрежетом начали заваливаться вбок, навстречу исхлестанной дождем воде озера Фолькины.

Джориан вспрыгнул на парашет, туда, где мост соединялся с башенной кровлей.

— Прыгай как можно дальше! — не своим голосом заорал он.

Изготовившись к прыжку, Джориан невзначай оглянулся на Босо. Недавний противник даже не смотрел в его сторону; он, как замороженный, уставился на возникшее перед ним существо. Один из зубцов мостовой ограды вдруг разлетелся вдребезги, и камень, упавший на настил, обратился в чудище. Оно было ростом в пять футов, тонконогое, с непомерно большой — больше тыквы — головой и огромной лягушачьей пастью от уха до уха. Одежды на нем не было; кожа походила на лягушачью и отливала влажным блеском. Невозможно было разобрать, какого оно пола. Это — последнее, что увидел Джориан с зубчатой ограды башни, которая все ближе кренилась к воде. Мощно оттолкнувшись, он выбросил тело вперед; ветер засвистел в волосах и швырнул в лицо дождевую морось. Ну, чудеса, молнией пронеслось в голове Джориана, никак дождик-то падает снизу вверх! На самом деле он просто обгонял на лету дождевые капли. Тут Джориан осознал, что прямо на него несутся свинцово-серые волны. Бултых!

Он выплыл на поверхность, ощущение было такое, будто его оглушил веслом великан. По обе стороны кто-то плескался. Моргая и отплеываясь, Джориан разглядел, что одна из этих двоих — Ванора: она плыла к берегу; невесомый наряд немало не сковывал ее движений. Другим оказался Босо, который бестолково барахтался, молотил по воде руками и судорожно пытался выкрикнуть: «Помогите!»

Свой меч Джориан обронил при падении. Он в два гребка подплыл к тому месту, где пристав, то погружаясь под воду, то вновь отчаянным рывком выскакивая на поверхность, сражался за свою жизнь.

Джориан подцепил локтем подбородок Босо, зажал его голову в мощный замок и, перевернувшись на спину, поплыл к острову.

Несколько сильных гребков, и ноги коснулись дна. Джориан выволок Босо на берег и опустил на мокрый песок. Верзила лежал на спине с зажмуренными глазами; он кашлял, отплевывался и все никак не мог отдышаться. Джориан наконец огляделся.

Башня Гоблинов превратилась в гигантскую грудку камней. Из-под некоторых плит торчали чьи-то руки и ноги. Вокруг островка, зайдя в воду по лодыжки, по колени, по пояс и даже по горло, стояли сотни волшебников и учеников. Стонали раненные.

Дождь перешел в нудную морось. В двух шагах, у кромки воды, голая Ванора выкручивала свой хлипкий наряд.

— Джориан!

Он поднял голову: к нему бежали Карадур с Гоанией.

— Что стряслось-то, провались оно в сорок девять мальванских преисподних? — закричал Джориан.

Карадур так запыхался и перетрусил, что лишь молча разевал рот, но Гоания пустилась в объяснения:

— Ты же знаешь, откуда Башня Гоблинов получила свое название? Ну так вот, когда Форко произнес заклятье заклятий, он уничтожил не только защитное заклинание Аелло, но и первоначальное заклятье, которое Синелиус наслал на Гоблинов во времена тирана Чаренцо. Ведь замок был частично выстроен из этих камней, и когда они снова превратились в Гоблинов, стены рухнули, потому что в них образовалось слишком много дыр. Вероятно, большинство окаменевших Гоблинов пошло на постройку южной стены — иначе нельзя объяснить, отчего башни упали именно сюда.

— Видел я одну такую тварь, когда дрался с Босо на мосту, — сказал Джориан.

— Должно быть, в основание замка заложили не одну сотню Гоблинов.

— А где они теперь?

— Карадур освободил из перстня демона Горакса, напустил его на Гоблинов, и они быстренько ушмыгнули в Девятую Реальность. Мне кажется, они больше испугались своего пробуждения от волшебного сна, когда вокруг начали рушиться стены, чем мы испугались их.

— Вы-то как уцелели?

— Чуть только Карадур рассказал о том, что Форко насылает заклятье заклятий, старый Аелло сразу все понял. Он закричал, чтобы мы немедленно покинули Башню. Почти все успели выбраться, хотя некоторые были ранены, а кое-кого зашибло падающими камнями, когда они выскочили из замка. К счастью, на северной стороне до самого берега тянется отмель. Форко и его приспешникам, кажется, спастись не удалось; во всяком случае, я никого из них не видела.

— А сам Аелло?

— Боюсь, погиб под развалинами. Он пошел на кухню и в комнаты прислуги, чтобы и их тоже вывести из замка. В последний раз его видели, когда он ходил по комнатам и проверял, не осталось ли там людей. Но что это? — Волшебница заметила Босо, который начал подавать признаки жизни.

— Я выволок его из озера. Он от ревности загнал Ванору на крышу, прибить ее хотел. Когда замок обвалился, мы с ним как раз дрались.

— Сперва ты дрался насмерть, а потом спас ему жизнь?

Джориан хлопнул себя по лбу.

— А и правда, клянусь медными яйцами Имбала! Зачем я делаю эти глупости? Гм, да я вовсе и не собирался прикончить бедного недоумка.

Он смущенно огляделся и вдруг заметил на мелководье какой-то предмет, отливающий тусклым металлическим блеском. Это оказался наполовину ушедший в прибрежный ил меч Босо. Джориан подобрал его и вложил в ножны.

— Мой-то в озере утонул, — пояснил он. — Ну что, Босо, рядиться со мной станешь или забудем эту дурацкую историю?

Босо, сидя в грязи, замотал головой.

— Я спину зашиб, — жалобно сказал он.

— Ладно, зашиб, не зашиб, подымайся! Есть работенка.

Джориан повел стенающего Босо по берегу островка туда, где волшебники, выстроившись цепью на мелководе, переправляли раненых на подоспевшие из города спасательные лодки.

— Ванора! — строго окликнула Гоания. — Накинь что-нибудь, деточка, ты скоро насмерть застынешь.

* * *

Когда над Метура сгустился вечер, Джориан в обществе Гоании я Карадура сидел в той самой таверне, где прежде обитал Форко. Карадур, который при падении Башни Гоблинов потерял свой тюрбан и стеснялся появляться без него на людях, обмотал голову тряпкой. Через два стола сидели Босо с Ванорой; на девушке красовалось только что купленное Гоанией новое платье.

— Теперь, доктор, — сказал Джориан, — я сделал все, что требовали эти твои Альтруисты, хоть проклятый Ларец и похоронен под обломками Башни Гоблинов; там от него, по крайности, еще долго вреда не предвидится. Свою половину сделки я выполнил, так, может, пора снять заклятье?

— Оно уже снято, сынок. Раз заклятье наслал Форко, значит, с его смертью чары развеялись. Однако нелишне подумать о твоём будущем. Если ты и в самом деле пойдешь ко мне в ученики, я мог бы за пятнадцать-двадцать лет сделать из тебя превосходного волшебника — при условии, что за это время не отправлюсь к новому воплощению.

— Нет, спасибо. У меня другие заботы; перво-наперво я должен вернуть мою дорогую малышку Эстрильдис.

— Как же ты этого добьешься без помощи магии?

— Не знаю, старина, но непременно что-нибудь придумаю. Пока мы скитались по свету, я заметил: ежели рассчитываю на себя — все мне вроде удастся, а ежели полагаюсь на колдовство, так конец выходит хуже начала:

*Я думал, может волшебство разгадку жизни дать,
И обратился к колдунам, умеющим гадать,
Заклятьем страшным из гробов виденья вызывать.*

*К седым провидцам я ходил, премудрым вещунам,
К кудесникам, что духов рой скликают по ночам,
И к черным магам, чьи слова приносят смерть врагам.*

*Но средство лучше ворожбы найти я в жизни смог:
Глаз зоркий, верная рука, отточенный клинок,
Природный ум да добрый конь, товарищ в дни тревог.*

*Забросил гороскопы я, магический кристалл
И души мертвых по ночам тревожить перестал,
Порвал с шаманством навсегда и горевать не стал.*

Скорей рак на горе свистнет, чем я снова клюну на твою чародейскую приманку.

— Меньше всех знает тот, — заспорил было Карадур, — кто мнит себя всезнайкой. Без моих тайных умений ты бы лишился головы; что бы стало тогда с твоим хваленым умом? Человек нравственный безраздельно доверяет тому...

— Мой старый добрый коллега, — вмешалась Гоания, — предоставьте юноше идти своей дорогой. Разве не естественно, что его ум порожден его представлениями о жизни и целиком зависит от них? Может быть, когда он доживет до наших лет и кровь в нем немного поостынет, ему и захочется приобщиться к нашим таинствам. О Джориан, с чего ты начнешь? Безликая Пятерка требует, чтобы к утру волшебники покинули Метуро — боятся, как бы мы по ошибке не разнесли весь город еще каким-нибудь заклинанием.

Джориан ухмыльнулся.

— У меня есть конь и меч — оба так себе, средненькие, — но нету денег. Хочу перво-наперво раздобыть этих кругляшек; где бы только шляпу найти? Моя меховая шапка и чародейский колпак остались под развалинами Башни.

— Шляпу? — тупо переспросил Карадур. — Наверное, шляпы есть наверху, в комнате Форко. А при чем тут шля...

— Увидишь, — Джориан встал и направился к лестнице.

— Джориан! — окликнула его Ванора. — Обожди-ка, — она торопливо пересекла зал и вполголоса спросила:

— Уезжаешь?

— Скоро.

— Мм... ах... ты ведь знаешь, я могу составить хорошую компанию в пути...

Джориан покачал головой.

— Благодарствую, хозяйка Ванора, да только ничего не выйдет. Ну, рад был с тобой познакомиться. Тц-тц, красotka, не реви, не то вон носик еще покраснеет. Утром всенепременно трогать надо, а на клячонке-то моей вдвоем не больно ускачешь.

Джориан взбежал по ступенькам и вскоре возвратился — на голове у него красовалась шляпа Форко.

— Как ты попал в комнату? — спросила Гоания. Джориан улыбнулся.

— Ты разве не знаешь, что стоит мне поворожить, и ни один замок не устоит?

Гоания бросила взгляд туда, где сидели Босо с Ванорой; по щекам девушки градом текли слезы. Ванора и ее дружок мрачно пялились в разные стороны.

— Насколько я понимаю, она снова напрашивалась к тебе в любовницы, а ты отказал?

— Так и есть. Из-за выходок этой дамочки меня три раза чуть не прикончили; хватит, наелся досыта. Я ж не герой — я просто обычный ремесленник... понял, понял, отец Карадур, умолкаю.

Испепеляющий взгляд, которым старик-волшебник наградил Джориана, смягчился, и Карадур начал было:

— Но шляпа... как...

— Выходи маленько погода на рыночную площадь, сам тогда увидишь. Не учит нас разве философ Ахэмо, что лишь тот добьется успеха, кто даже свои недостатки и слабости умеет обращать во благо? Счастливо оставаться!

* * *

Полчаса спустя Карадур, Гоания, Босо и Ванора отправились на рыночную площадь. Дождь кончился, хотя в выемках булыжной мостовой все еще стояли лужицы, отражавшие желтоватый свет факела и фонаря. В центре площади, у фонтана Дрексис, толпился народ. Когда четверо подошли поближе, стало видно, что вся эта толпа собралась вокруг Джориана. Восседавая на краю фонтана, он разглагольствовал:

— ...тут и конец истории про короля Фузиньяна Лиса и заколдованную лопатку. Отсюда мораль: простота хуже воровства.

Джориан обмахнулся шляпой Форко — вечерок выдался теплый.

— Может, хотите еще? Скажем, историю про бывшего короля Форимара и восковую бабу? Хотите? А вот сейчас поглядим, не завалялось ли у вас медяка, чтоб подстегнуть мою слабеющую память.

Шляпа пошла по кругу; зазвенели монеты.

— Не скупитесь, господа хорошие; для рассказчика денежки — что смазка для часового механизма. Премного благодарен.

Ну, дело, рассказывают, было так. Когда король Форимар Эстет отрекся от престола в пользу своего брата Фузонию, задумал некий человек устроить в городе Кортолии показ восковых фигур. Пришел этот человек — Зевагером его звали — к бывшему королю, да и говорит: «Дозвольте, Ваше Высочество, слепить с вас восковую статую и показать вместе с прочим...»

Часы Ираза

Глава 1

«Алый Мамонт»

В республике Ир, одном из двенадцати городов-государств Новарии, шел тринадцатый день месяца Единорога.

В городе Оринксе, в таверне под названием «Алый Мамонт» сидел стройный, хорошо одетый юноша; он вертел в руках стакан с вином и глядел на дверь. Несмотря на новарскую одежду, что-то выдавало в посетителе чужеземца. Может быть, слишком смуглая кожа — у новарцев в большинстве своем черноволосых, она была все же светлее. Да еще броские украшения, каких не носили в Стране Двенадцати Городов.

В другом конце комнаты сидел мужчина постарше — среднего роста, коренастый, с простым неприметным лицом и одетый в невзрачное черное платье. По сравнению с молодым щеголем он выглядел подчеркнуто аскетично.

Пока высокий юноша разглядывал дверь, крепыш, прихлебывая эль из просмоленной кожаной кружки, разглядывал высокого юношу. У обоих на лбу блестели капельки пота — погода стояла не по сезону жаркая.

Дверь распахнулась. С шумом и топотом в таверну ввалились шестеро грубоватых на вид мужчин — потных, черных от пыли и на чем свет стоит ругающих жару. Они заняли самый большой стол и принялись барабанить по нему кулаками. Самый рослый из всей компании, краснощекий детина с короткой черной бородой и глубоко посаженными темными глазками под нависшими черными бровями зычно закричал:

— Эй, Тедус! Можно наконец честным работягам промочить глотки? А то у нас там пыли — хоть урожай выращивай!

— Иду, иду, мастер Никко, прекратите только этот дьявольский грохот, — проворчал хозяин таверны; он появился с добрым десятком кружек в руках, удерживая каждую за ручку толстым согнутым пальцем.

Поставив кружки с элем на стол, он спросил:

— Последний день здесь работаете?

— Да, — ответил здоровяк; его лицо пересекал шрам, оставшийся от удара мечом, и нос был перебит. — Завтра отправляемся в Эвродию. Нам велено вести водопровод на юг — сделать крюк по возвышенности, а уже потом рыть на Ир.

— А по-моему, рыть надо прямо к Иру, — возразил Тедус. — Чем короче, тем лучше.

— Мы бы так и сделали, но тогда синдикату пришлось бы платить за опоры протяженностью в несколько лиг. А какие они щедрые — сам знаешь: за лишнюю монету удавятся. Когда все будет готово, само собой, станут жаловаться, что наклон слишком мал и желоб засоряется. Я их предупреждал, но они не пожелали и слушать. Словом, куда ни рой, все равно сам будешь виноват. Горе бедным землемерам!

— Уж сколько лет толкуют об этом водопроводе, — заметил хозяин.

— Не говори. Давно могли бы вырыть, да, верно, все надеялись, что Зеватас пошлет побольше дождя и наполнятся старые желоба. Так и сидели сложа руки, уж до чего дошло: не вымоешься, когда надо! Знал бы ты, что там за воздух, в подземном городе. Хоть раскапывай да продавай на удобрение! Ну ладно, что у тебя на обед?

Пока землемеры заказывали еду, к их столу подошел стройный юноша. Приблизившись сзади к здоровяку, он требовательно постучал ему по плечу указательным пальцем. Рабочий обернулся; юноша с акцентом заговорил по-новарски:

— Послушай, ты случайно не Джориан из Ардамэ?

Землемер прищурился, но лицо его осталось непроницаемым, и голос не дрогнул.

— Ни разу о таком не слыхал. Я Никко из Кртолии, вот мои товарищи подтвердят.

— Но ведь... Пойдем-ка к моему столу, поговорим.

— Пойдем, мой незнакомый друг, — не особенно дружелюбно отозвался рабочий.

Он поднялся и, забрав свою кружку, двинулся вслед за юношей. Затем уселся рядом с ним за стол, потихоньку нащупав у себя за поясом рукоятку ножа.

— Ну, сударь? Чем могу быть полезен?

Чужеземец звонко рассмеялся.

— Брось меня разыгрывать! Кто же не слыхал о Джориане из Ардамэ, бывшем ксиларском короле, которого должны были обезглавить, а он сбежал и прячется... Ой!

— Потихе! — процедил сквозь зубы землемер.

Одной рукой он обхватил юношу за пояс, а другой незаметно приставил к его животу нож, слегка кольнув нежную кожу.

— Как... как ты смеешь? — вскричал тот. — Так обращаться со знатной особой! Ты не посмеешь ничего со мной сделать!

— Хочешь проверить? Слушай, что тебе говорят, а то ведь жаль мазать твоими кишками такой красивый чистый пол.

— Н-но, любезнейший Джориан, я ведь все о тебе знаю. Доктор Карадур сказал, что сейчас ты скрываешься под вымышленным именем Никко из Кртолии, по нему я и разыскал тебя. Ай! Перестань же!

— Тогда замолчи, идиот! Причем тут Карадур? Говори шепотом!

— У меня письмо от него. Для тебя.

— Кто ты сам-то?

— М-мое имя Зерлик, сын Дерумика, сына...

— Чудное имя, в жизни такого не слыхал. Откуда ты? Из Пенембии?

— Да, сударь. Точнее, из великого города Ираза.

— Карадур тоже в Иразе?

— Да, господин Джор... Ай!

— Еще раз произнесешь это имя — всажу по самую рукоятку. Покажи письмо.

Зерлик опустил глаза, словно рассматривая кончик собственного носа — длинного, крючковатого, с высокой горбинкой.

— Право, сударь, я, как человек благородного происхождения, не привык к столь бесцеремонному...

— Письмо, ваша светлость, а то гляди — кишки выпущу. Тебя что, нанял Карадур для передачи этого письма?

— Ну уж, сударь! Люди моего звания за деньги не трудятся. Я здесь по поручению его величества, потому что считаю своим долгом служить двору. Когда король, зная, что я неплохо говорю по-новарски, повелел мне доставить послание Карадура...

Пока Зерлик говорил, Джориан сорвал с письма печать и развернул лист тростниковой бумаги. Взглянул на каракули, покрывающие, словно паутина, хрустящий золотистый листок, и, нахмурившись, крикнул:

— Тедус! Будь добр, свечку!

Свечу принесли, и Джориан прочел следующее:

— У старика мозги на месте, — пробормотал Джориан из Ардамэ, — не то что у тебя, мой мальчик.

Заметь, в письме никаких имен...

Он замолчал, внимательно поглядев в другой конец комнаты. Сидевший там человек в простой темной одежде поднялся, оставив на столе монету, и незаметно вышел. Прежде чем дверь закрылась за ним, Джориан успел увидеть его лицо в профиль на фоне темнеющего неба.

— Тедус! — позвал Джориан.

— Да, мастер Никко?

— Кто это такой, тот, что сейчас вышел?

Хозяин пожал плечами.

— Не знаю. Он весь день просидел, выпил немного эля, а так все больше смотрел по сторонам.

— Откуда он, как тебе показалось?

— Он мало говорил. Но сдается мне, что выговор южный.

— Южный выговор, черная одежда, — пробурчал Джориан. — Ясно, как день, что он из Ксилара. Не хватает только красных песочных часов на рубахе, да и без них ошибиться трудно.

— Может быть, ты слишком спешишь с выводами? — сказал Зерлик.

— Как знать. В моем положении поневоле замечаешь каждую мелочь. Можешь радоваться, господин Зерлик, в этой комнате ты не единственный тупица. Того типа я бы сразу должен был раскусить, да задумался о другом.

— Выходит, ксиларцы все еще хотят отрубить тебе голову? И подбросить вверх, чтобы выбрать нового короля? Этот обычай всегда казался мне гнусным.

— Если б речь шла о твоей голове, он показался бы тебе еще гнуснее. Что ж, теперь придется поторопиться с предложением Карадура. Но дорога денег стоит, а мне сей драгоценный металл карманов не оттягивает.

— Не беспокойся. Доктор Карадур выделил мне на эту поездку достаточную сумму.

— Вот и славно. Как ты сюда добрался?

— В колеснице, — ответил Зерлик.

— Так и ехал в ней от самого Ираза? Я не знал, что прибрежная дорога годится для колесниц.

— Не годится. Мы со слугой сто раз сами перетаскивали ее через скалы и вытягивали из ям. Однако ж доехали.

— А где твой слуга?

— Аир в кухне. Не может же он обедать вместе с господином!

Джориан пожал плечами. Помолчав, Зерлик спросил:

— Ну, что дальше, сударь?

— Дай сообразить. Первым делом надо поскорее смыться из «Алого Мамонта», пока сюда не заявились королевские стражники из Ксилара с сетями и арками. У нас есть полчаса времени. Ты остановился здесь, в «Мамонте»?

— Да, в отдельной комнате. Не думаешь ли ты отправиться прямо сегодня?

— Да, и немедленно.

— А как же обед? — вскричал Зерлик.

— Засунь его себе в задницу! У покойников неважный аппетит. Если бы ты держал язык за зубами... Короче, вели слуге запрягать, а мы пока соберемся. Каким путем думаешь ехать?

— Тем же, что и сюда добрался: через Ксилар, по прибрежной дороге у подножия Козьей Кручи и вдоль побережья до Пенембии. А уж там в Ираз.

Джориан мрачно покачал головой.

— Ноги моей не будет в Ксиларе, пока они за мной охотятся.

— Как же тогда? Может, двинемся на восток, к Виндии, и обогнем Козью Кручу с другой стороны?

— Неразумно. На это понадобится не один месяц и ехать придется через дику долину, по бездорожью. Сдается мне, выход один — добираться морем.

— Морем! — так и взвизгнул Зерлик. — Я не выношу моря. И что станет с моей прекрасной колесницей?

— Вы со слугой можете отправиться в ней обратно, как приехали. Будете ждать меня в Иразе, мне бы только на судно попасть.

— Насколько я знаю, прибрежные суда сейчас ходят редко: на море хозяйничают пираты. И потом, мне было поручено всюду сопровождать тебя, оказывая помощь и поддержку.

Джориану подумалось, что, если помощь и понадобится, то оказывать ее будет он, Джориан, вот этому избалованному молодому хлыщу, а уж никак не наоборот. Но он сдержался и сказал:

— Тогда поплывем со мной, а слуга пусть отвезет колесницу. Если не удастся попасть на каботажное судно, попробуем купить парусник, вдвоем мы с ним справимся.

— Вдруг Аир украдет колесницу и сбежит?

— Это уж, сударь, твои трудности.

— И потом, не могу же я скитаться по миру совершенно без прислуги, как какой-нибудь несчастный бродяга.

— Научись, милоч. Ты еще не знаешь, сколько всего сможешь, стоит чуточку постараться. — Джориан поднялся. — Так или иначе, на болтовню больше времени нет. Пойду собираться, жду тебя здесь через четверть часа. Слуге скажи: повезет нас вдоль реки к Чемнису. — Он подошел к большому столу и похлопал по руке одного из землемеров.

— Икадион, поднимаемся к нам на минутку.

Недоуменно наморщив лоб, рабочий пошел вслед за Джорианом по скрипучей лестнице. В общей комнате, где ночевала вся компания, Джориан вытащил из-под кровати смену одежды, меч и еще кое-какое имущество. Меч вложил в ножны, а остальное засунул в прочный холщовый мешок. За этим занятием он сообщил:

— Кажется, я должен вас покинуть, как сказал леопард львице, увидев, вернувшегося льва.

— Как, ты совсем от нас уходишь?

— Да. Главным теперь будешь ты. Синдикат задолжал мне немного за работу. Будь добр, получи эти деньги и сохрани до моего возвращения.

— Когда ты вернешься, Никко?

— Почем знать? Может, через полмесяца, может, через год.

— В какие ты края? И к чему такая спешка? Ты что-то скрываешь.

— Скажи, что меня испугали порывы зимнего ветра и капли дождя. Когда я вернусь — если вернусь, — то разыщу тебя и обо всем расскажу. А заодно заберу деньга.

— Ребята огорчатся, что ты уходишь. Тебя считают хорошим начальником, хоть ты и бываешь с ними крут.

— Спасибо тебе за эти слова. А место — твое по праву.

— Верно. Но мне ни за что не добиться от них такого усердия. Послушай, как тебя назвал этот чужеземец — Джорианом?

— Да, он меня с кем-то перепутал.

Взвалив на спину дорожную котомку, Джориан стал вместе с Икадионом спускаться по лестнице. Внизу он окинул взглядом посетители и проговорил:

— Где застрял этот Зерлик?

Джориан прошел немного назад и постучал в дверь отдельной комнаты, в которой остановился ирразец.

— Заходи, заходи, — слышался голос Зерлика.

— Поторопись! Ты послал слугу запрягать?

— Нет, Аир здесь, помогает мне. Я что же, по-твоему, должен сам укладывать вещи?

Джориан втянул сквозь зубы воздух.

— Я только что уложил и, как видишь, остался цел и невредим. Хочешь, чтобы с тобой до старости нянчились? Пора запрягать, времени в обрез!

Зерлик толкнул рукой дверь и сказал:

— Любезнейший, если ты думаешь, что я в угоду тебе стану сам себя обслуживать, как последний мужик...

Лицо Джориана залилось ярким румянцем, не предвещавшим ничего доброго. В этот миг слуга Зерлика, маленький смуглый человек, робко залопотал что-то на своем наречии. Зерлик отрывисто отвечал. Аир поднял с полу увесистый деревянный сундук и вынес из комнаты.

— Минутку, — сказал Зерлик, — проверю напоследок, не забыл ли чего.

Аир потащил сундук вниз по лестнице. Затем кое-как доковылял с ним до двери и, поставив ношу, выскользнул на улицу. Джориан ждал.

Наконец показался Зерлик, и все они — Икадион, Зерлик и Джориан — стали спускаться. Когда они были внизу, в таверну вошли шестеро мужчин в простой темной одежде. Уже знакомый Джориану крепыш показал на него пальцем и крикнул:

— Это он, ребята! Хватайте его! Король Джориан, именем Ксиларского королевства приказываю тебе сдаться!

Шестерка бросилась к нему, огибая стол, за которым сидели землемеры, вытаращившие глаза от изумления. Когда один из ксиларцев добежал до лестницы, Джориан сорвал с плеча свою котомку и швырнул в преследователя. Тот повалился, и бежавший следом товарищ споткнулся об него и тоже упал.

Не успели они опомниться — Джориан со свистом выхватил меч. Перескочив через растянувшихся на полу неприятелей, он с размаху обрушил меч на плечо следующего. Ксиларец пронзительно вскрикнул и попятился, рассеченный чуть не до самой грудины. Затем опустился на пол в быстро растекающуюся лужу крови.

Другой человек в черном набросил Джориану на голову сеть. Тот попробовал рассечь ее, но только запутал меч. Он отчаянно пытался разорвать сеть руками, но ксиларцы умело стягивали ее все туже вокруг его тела. Один подошел к Джориану сзади с дубинкой наготове.

— Ребята, сюда! — закричал Джориан землемерам. — Помогите! Зерлик, ты тоже! Тедус!

Землемеры, сообразив наконец что к чему, бросились на людей в черном. Трое ксиларцев обнажили короткие мечи. У рабочих были только кинжалы, но один из них схватил скамью и ударил по голове стоящего рядом противника.

Появился Тедус с деревянным молотком в руках. Помешкав немного, чтобы уяснить, кто против кого, он ринулся в бой на стороне землемеров. Зерлик сперва лишь пританцовывал в нетерпении, наблюдая за схваткой, но вот и он подбежал к своему сундуку, раскрыл его, повозившись с замком, и вытащил легкий ятаган.

Атакованные со всех сторон, ксиларцы прекратили заматывать Джориана и отступили. Разрывая сеть руками и рассекая мечом, силач высвободился и бросился в гущу схватки. А поскольку он обладал не

только самым мощным ударом, но и самым длинным мечом, его вмешательство окончательно решило участь похитителей.

Сражение шло полным ходом: противники кололи, резали, били друг друга кулаками, падали, снова подымались, швырялись посудой, катались по полу, толкались, пинались, размахивали оружием. Таверна наполнилась криками, грохотом падающих столов и скамеек, звоном разбитой посуды. Пол и одежда сражавшихся были забрызганы кровью. «Алый мамонт» сотрясся от топота. Рев, вопли, проклятия и угрозы, сливаясь в сплошной гул, неслись наружу, и у дверей уже собралась кучка любопытных оринсийцев.

Оказавшиеся в меньшинстве ксиларцы вскоре потерпели поражение. Джориану удалось проткнуть одного врага мечом, пока тот отбивался от Зерлика. Когда ксиларец упал, оставшиеся четверо подняли крик:

— Караул! Бежим! Спасайся, кто может!

Расталкивая противников, они рванулись к выходу. Двое тащили товарища, оглушенного ударом тедусова молотка. Одежда на троих уцелевших была изодрана в клочья, под лохмотьями виднелись кровоточащие раны. У двоих лица были залиты кровью, стекающей из ран на голове. Распугав зевак бряцаньем оружия, четверка исчезла в сгущающихся сумерках.

* * *

В «Алом Мамонте» двое землемеров перевязывали друг другу раны, а Икадион сидел, уронив голову и придерживая ее руками: на макушке у него росла шишка, оставленная ксиларской дубинкой. Тот человек, которого Джориан ранил первым, был уже мертв; второй кашлял кровавой пеной.

— Ах, моя чудесная таверна! — сокрушался Тедус, оглядывая место побоища.

— Я не хотел, мастер Тедус, — оправдывался Джориан, оперевшись на меч и с трудом переводя дыхание. — Помоги прибрать, Флоро. И ты, Вайлериас. Прикинь, хозяин, на какую сумму ты пострадал, и господин Зерлик выплатит.

— Что? — вскричал Зерлик.

— Отнеси на счет тех денег, что выделил на меня Карадур.

— Ты и впрямь беглый король Джориан из Ксилара? — с благоговейным страхом произнес кто-то из рабочих.

Оставив вопрос без внимания, Джориан обернулся к Тедусу, склонившемуся над раненым ксиларцем.

— Еще протянет часок-другой, — пробормотал хозяин таверны, — но вряд ли выживет. Надо послать кого-нибудь за караульным. Как-никак совершено убийство, должно быть расследование.

— Расследуйте, что хотите, только без меня, — отозвался Джориан, — Мы с Зерликом уезжаем.

Тедус покачал головой.

— По закону не имеете права, пока не разрешит верховный судья. Может, вам предъявят обвинение.

— Что поделаешь? Закон я уважаю, но не настолько, чтоб сидеть и ждать следующей банды, пока твои блюстители бубнят с важным видом себе в бороды. Зерлик, заплати Тедусу.

Зерлик стал рыться в кошельке, Джориан нахлобучил шляпу и взвалил на плечо котомку.

— Ну что ж, в путь!

— Но... господин Джориан, — взмолился Зерлик. — Уже почти стемнело.

— Тем лучше.

— Вдруг мы заблудимся или опрокинем колесницу?

— Не бойся, я сам буду управлять. Ночь лунная, а здешние дороги я знаю неплохо.

Колесница Зерлика, нагруженная тремя ездоками и их скарбом и запряженная парой красивых белых федиранских лошадей, прибыла в деревню Эвродиум лишь за полночь. Зерлик неловко соскочил на землю.

— Ах, Джориан, по дороге я сотню раз прощался с жизнью, — сказал он. — Если бы не ты... Где ты так научился управлять колесницей?

Джориан рассмеялся.

— Я много чего умею: одно получше, другое похуже. Может быть, я единственный бродяга, специально этому ремеслу обучавшийся.

Зерлик попросил рассказать об этом подробнее. И вот, когда, договорившись о ночлеге, они принялись за ужин, Джориан, большой любитель побеседовать, начал свою историю.

— Королем я сделался по чистой случайности. Я был тогда твоих лет, знал ремесла — и у часовщика, и у плотника обучался. Службу прошел в оттоманском войске и, как отпустили, заглянул в Ксилар: может, думаю, работенка какая подвернется. Так и очутился на плацу, под стенами Ксилара, в тот самый день, когда кидали Имбалов жребий — отрубили королю голову и швырнули ее в толпу.

Я никогда прежде не слышал об этом странном обычае и, увидев, как прямо на меня летит что-то темное и круглое, не задумываясь, подставил руки. Затем к ужасу своему узнал, что, поймав окровавленную голову бывшего короля, сделался его преемником.

Как только выяснилось, что через пять лет и меня ждет та же участь, я стал искать возможности спастись. И бежать пытался, и слуг подкупал, даже пробовал убедить ксиларцев отменить проклятый закон. Под конец уж пить стал, думал от пьянства помереть. Все напрасно!

И вдруг я узнал, что побег возможен: доктор Карадур взялся все устроить при помощи своих чар, в обмен на услугу, которую я должен был ему оказать. Я, конечно, понимал, что в случае удачи ксиларцы до конца дней не оставят меня в покое, из-под земли достанут: закон запрещает им избрание нового короля каким-либо иным способом, вот они и лезут из кожи вон, чтобы заполучить меня и восстановить привычный порядок.

— А если король умрет во время правления? — спросил Зерлик. — Если ты умрешь, что они станут делать?

— На эти случаи у них особые правила. Но ко мне они неприменимы: я еще не умер и пока не собираюсь. Короче, я знал, что, если побег удастся, мне предстоит всю жизнь прожить бродягой, и постарался получше подготовиться. Умение разыгрывать из себя не то, что ты есть, драться, мошенничать, плутовать в карты, воровать дается не так-то просто. В учителя я пригласил самых отъявленных воров и бродяг со всего королевства. Многие из их уроков мне очень пригодились.

— Тебе нравится бродячая жизнь? — спросил Зерлик.

— Нет. Моя мечта — сделаться честным ремесленником или мастеровым. Можно землемером. Зарабатывать трудом, жить достойно, пусть и скромно, никому не мешать, растить детей и честно выполнять все свои обязанности — вот это по мне. Меня вполне устроило бы мирное существование бюргера, но оно ускользает от меня, словно конец радуги.

— Раз ты знал, что ксиларцы хотят поймать тебя, почему нанялся работать здесь, в Ире, так близко от Ксилара? Лучше бы перебрался куда-нибудь подальше, в Цолон или Тарксию.

— У ксиларцев осталось кое-что ценное для меня. А именно — моя жена. Вот и держусь поближе к границе, поджидаю случая ее вызволить.

— Верно, та самая Эстрильдис, о которой говорится в письме Карадура?

Джориан сурово поглядел на Зерлика.

— Клянусь железным хером Имбала, ты, сударь мой, не слишком-то щепетилен насчет чужих писем!

— Но, Джориан, доктор Карадур сам просил меня выучить письмо наизусть на случай, если оно потеряется или разорвется.

— А! Тогда другое дело. Да, это моя жена.

— Вот как? Ну да, я слышал, в Новарии на редкость романтическое отношение к женщине. Когда имеешь несколько жен, как я, например, — не станешь какую-нибудь одну женщину воспринимать слишком серьезно.

— У меня тоже было несколько жен, когда я был королем. В Ксиларе только королю разрешено многоженство, а подданным — нет. Надо думать, на юге сказывается влияние Мальваны или Пенембии. У меня их было пять, но эта последняя, я сам ее выбирал.

— Вот как? — Зерлик зевнул, прикрыв рот ладонью. — Мне трудно это понять: столько хлопот и риска из-за женщины, какой бы она ни была... Да они по существу все одинаковы.

— Мне так не кажется.

Зерлик пожал плечами.

— Зачем она тебе? Воздержание тебе, кажется не грозит: в Новарии, я слышал, нет таких суровых законов, карающих блуд и нарушение супружеской верности, как, скажем, в Мальване. Может быть, эта женщина богата и ты хочешь владеть ее имуществом?

— Вовсе нет, она дочь фермера из Кртолии.

— Так что же, она необычайно красива?

— Пожалуй, тоже нет. Правда, она миленькая крошка с золотистыми волосами, как у швенки. Но довольно коренастая, и лодыжки толстоваты — знаток женской красоты непременно бы придрался. Речь не о том, Зерлик, — я бы назвал это любовью.

— Да, и в наших краях это случается. Но у нас любовь считают несчастьем, чем-то вроде безумия. Из-за нее мужчины связываются с неподходящими женщинами и наживают себе только горе да неприятности. Чаще всего жен нам выбирают родители, прибегая к помощи свах, гороскопам и советам астрологов. По-моему, очень благоразумно.

— Моя любовь, милоч, не совсем то, как у вас ее понимают. Мне просто нравится Эстрильдис, и ни с кем не бывает так хорошо, как с ней. Хочу, чтобы мы снова были вместе, покуда смерть не разлучит нас, вот и все.

— Что ж, желаю удачи. Но разве одна женщина не надоедает?

— Кому как. Твое хваленое многоженство мне тоже не пришлось по вкусу.

— Почему?

— А вот послушай, какие есть об этом стишки.

*Иметь много жен я б врагу не желал:
Всей сворой они затевают скандал —
Брань, вопли, угрозы, сверкает кинжал.
Уж тут не надейся на мирный финал.
Гляди, как бы сам ты под нож не попал!
Жен больше одной ни к чему заводить,
А то они примутся хором нудить,
Одна за другой тараторить, зудить,
Выпрашивать тряпки и следом ходить,
Пока не сумеешь им всем угодить.
Судьба многоженца горька и трудна:
Все ночи бедняга проводит без сна,
В гареме закон: что ни ночь — то жена,
И если без ласки уйдет хоть одна,
В семье настоящая будет война!*

— Кто это сочинил?

— Один скромный стихотворец по имени Джориан, сын Эвора. Это так, к слову, а по правде, мне вполне хватает одной женщины. Заполучить бы только ее назад, а там глядишь, и будет у меня все, что нужно: одна жена, один дом, одно ремесло. — Джориан зевнул. — Пора спать. Нам подниматься на заре.

— Но тогда спать осталось меньше четырех часов!

— Да, а до Чемниса целый долгий день пути.

— Как? Ты хочешь добраться туда за один день?

— Конечно. Не забывай: те четверо улизили, скоро ксиларцы снова нападут на мой след.

— Ты загонишь моих бедных лошадей!

— Едва ли, А если б и так, разве знатный господин вроде тебя не может позволить себе купить пару новых?

За Эвродиеумом дорога сворачивала на север и выходила на главную дорогу из Ира в Чемнис, самый крупный порт в республике, лежащий в устье реки Кьямос. Когда колесница Зерлика загромыкала по прибрежной дороге, спеша туда, где у самой воды высился город Чемнис, — вдалеке показались расплывчатые очертания мачт и рей, тянущиеся вдоль берега. Многие корабли были раньше чем нужно поставлены на зиму: частые нападения альгартийских пиратов препятствовали морскому судоходству.

На другой день после прибытия в Чемнис Джориан и его спутники отправились ранним утром на берег. Зерлик прихрамывал — не успел оправиться от бешеной гонки в колеснице по тряской дороге. Джориан ворчал:

— Когда я был королем, мы держали морских грабителей в узде. Я выстроил небольшой флот и сам им командовал. На юге — мы, на севере — цолонская флотилия, ни один пират не смел поднять флаг у западных берегов Новарии. Но как я сбежал, все пошло прахом — мои корабли жрут черви, а в Цолоне сменился Первый Адмирал, у теперешнего форма очень красивая, зато в море его не увидишь.

Лицо Зерлика делалось все мрачнее. Наконец он сказал:

— Господин Джориан, боюсь, что его величество, посылая меня с этим поручением, не рассчитывал на то, что мне перережут горло пираты.

— Боишься?

— Милостивый государь, я человек знатного рода и не привык сносить оскорбления!

— Не кипятись, дружок. Я ведь только спросил.

— Я не побоялся выпачкать кровью свой ятаган, защищая тебя от похитителей. Но пускаться вдвоем по морю в какой-нибудь утлой посудине мне кажется чистым безумием. Если нам на пути попадутся эти паршивые разбойники, мы и пикнуть не сможем.

Джориан нахмурился.

— Послушай, в Ираз корабли сейчас не ходят. Значит, надо купить свой или нанять — или вообще никуда не ехать. Нанимать, говорят, неразумно: владельцы требуют такую плату, что проще купить. И все же... в твоих опасениях есть некоторый смысл... А! Придумал! Мы прикинемся бедными рыбаками, возьмем с собой рыбы: вдруг придется показать...

На пристани они прочли объявление о продаже судов.

— Посмотрим. Вон там, верно, «Дивруния», рядом — «Летучая рыба», а «Псааниус» подальше.

Джориан отыскал судового маклера, имя которого как-то слышал. Маклер прошел с ними вдоль причала, показывая корабли. Когда осмотр был закончен, Джориан на время простился с маклером, и путешественники отправились обедать в портовую таверну.

— Думаю, самое подходящее судно — «Летучая рыба», — сказал Джориан за едой. — И цену можно

здорово сбить, если нажать на господина Гаторикса.

— Эта грязная посудина! — изумился Зерлик. — Почему...

— Ты забываешь, дружок: мы должны быть похожи на бедных рыбаков. Поэтому красотки, вроде «Диврунии», которую можно принять за королевский парусник, нам не годятся. Все должно соответствовать выбранной роли.

— Что и говорить, от «Летучей рыбы» действительно за версту несет рыбой. Но почему бы нам не взять военное судно? Скажем, вон ту ирскую галеру — видишь, стоит там, подальше? На такой галере да с вооруженными гребцами нам были бы не страшны никакие разбойники.

— Во-первых, эти галеры — собственность республики Ир, и я не думаю, чтоб синдикат согласился продать такое судно. Во-вторых, на заключение сделки потребуются месяцы, и ксиларцы не заставят себя ждать, можешь поверить. И в-третьих, есть у тебя с собой сто тысяч марок на покупку судна да еще столько же, чтобы нанять гребцов?

— Хм. Но видишь, как я одет...

— Само собой, мы оденемся как положено в нашем новом звании. Так что за свой наряд не беспокойся. Мы должны быть в лохмотьях и вонять рыбой.

— Хм!

— К тому же у «Летучей рыбы» отличный корпус и такелаж. Широковата, правда, — большой скорости не набрать, да ничего, не подведет, доплывем, куда надо. Поскорей доедай, пойдем-ка поищем господина Гаторикса.

* * *

Вновь встретившись с судовым маклером, Джориан сказал:

— Хотим еще раз взглянуть на «Летучую рыбу». С ценой только непонятно. Тысяча марок! На них можно было бы еще цолонскую трирему вдобавок прикупить.

Пару часов поторговавшись, они сошлись на шестистах пятидесяти марках.

— Видите, как быстро у нас сладилось, мастер Гаторикс, — сказал Джориан. — Само собой, в эту цену входят солнечный камень, карта, астролябия...

После небольшого спора Джориан расспросил маклера о предстоящем маршруте — ветрах, расстояниях, течениях. Гаторикс предупредил, что, даже если повезет с погодой, путешествие займет не меньше недели. Джориан сделал подсчеты и послал Зерлика с Аиром закупать провизию и снаряжение. Вскоре они вернулись в сопровождении грузчиков, которые тащили кули с солью, галетами, солониной, яблоками и соленой рыбой, а также мешки с удочками, запасными крючками, рыболовной сетью и грубой, поношенной рыбацкой одеждой. Джориан тем временем продолжал спорить с Гаториксом.

— Вот уговариваю его включить в сделку и подзорную трубу, — объяснил Джориан. — А он хочет за нее лишних сто марок.

— О великий Угролук! — вскричал Зерлик. — В Иразе лучшая труба в десять раз дешевле.

— Разумеется, — ответил Гаторикс, — ведь эту штуковину изобрели в Иразе, изготовили тоже у вас. Поэтому и цена меньше.

Джориан поднес медную трубу к правому глазу и посмотрел на восток. Немного постояв молча, он вдруг резко защелкнул крышку и сказал изменившимся голосом:

— Заплати Гаториксу сто марок, Зерлик.

— Но...

— Никаких но! Забираем трубу и хватит пререкаться!

— Но...

— И помоги мне отнести все это на судно. Живее!

— Судари мои! — изумился Гаторикс. — Да неужто вы в такую погоду выйдете в море?

— Ничего не поделаешь, — ответил Джориан. — Шевелись, Аир, ты тоже, Зерлик!

Минут через двадцать «Летучая рыба» отчалила и, покачиваясь, вышла в устье. Это было двухмачтовое судно с синим корпусом и желтыми треугольными парусами. Спереди возвышалась грот-мачта, бизань на корме была пониже. Сидя на банке за каютой, Джориан с Зерликом взмахивали веслами. Джориану приходилось работать с прохладцей, чтобы судно шло прямо. Он во много раз превосходил Зерлика силой, и, приналяг он на весло как следует, «Летучая рыба» закружилась бы на одном месте.

Удручающе медленно судно удалялось от берега; Аир помахал с пристани рукой и отправился в сторону постоянного двора. Вода пенилась, покрытая зыбью, «Летучая рыба» подскакивала на волнах, и ровный западный ветер гнал ее к морю. На ясном голубом небе светило вечернее солнце.

— Надеюсь, он благополучно доберется до Пенембии, — с беспокойством заметил Зерлик; лицо юного ирразца уже приобрело зеленоватый оттенок. — Он по-новарски двух слов связать не может.

— Бедняга! Как я не догадался его подучить?

— Да речь не о нем! Я боюсь за колесницу и за моих чудесных лошадей. Слугу всегда можно найти нового.

Джориан пробурчал что-то себе под нос.

— Извини, — сказал Зерлик. — Я слышал, что у вас, в Новарии, многие с уважением относятся к людям низших сословий. Какие странные понятия! Однако мне следовало высказываться на этот счет поосторожнее. Почему мы не поднимаем паруса?

— Сперва надо отойти подальше от подветренного берега. А то ветер с моря погонит нас назад. Чего доброго, на мель сядем!

Какое-то время путешественники гребли молча. Затем Зерлик сказал:

— Дай минутку отдохнуть. У меня больше нет сил.

— Ладно. На каком языке говорят в Пенембии?

— На пенембийском, разумеется.

— Он похож на федиранский? Я неплохо его знаю. А еще мальванский и швенский.

— Нет, пенембийский не похож ни на один язык, по крайней мере из известных. Правда, в нем немало слов, пришедших из федиранского и новарского. Наша правящая династия, видишь ли, своим происхождением отчасти обязана федиранцам: король Джуктар был в Федиране вождем кочевников. Город был основан еще раньше, одним бродягой из Новарии, он и положил начало династии. Однако пенембийский язык куда яснее и логичнее бесчисленных новарских диалектов, У нас многие говорят по-федирански: это культовый язык, на нем обращаются к главному богу Угролуку.

— Ты должен научить меня пенембийскому.

— С удовольствием. Может быть, отвлекусь и забуду об этой рыбной вони. Скажи, почему ты согласился на непомерную цену, что назначил Гаторикс за подзорную трубу? И почему так заспешил?

Джориан усмехнулся.

— Увидел в трубу всадников, несущихся во всю прыть по дороге вдоль Кьямоса. Конечно, их было еле видно, но уж очень похожи на ксиларскую стражу... Ну-ка! — Джориан достал с полки подзорную трубу и направил ее в сторону берега. — Клянусь костяными сосками Астис, эти негодяи уже на пристани!

— Дай посмотреть, — попросил Зерлик. В подзорную трубу был виден берег, а на нем выделялась группа людей, одетых в черное: один держал под уздцы лошадей, остальные разговаривали с чемнизцами. И те, и другие оживленно жестикулировали.

— Будем надеяться, им не дадут баркаса, — пробурчал Джориан, — а то как бы они не вышли в море

вслед за нами. Восемь весел против двух — нам не уйти! Налегай, Зерлик!

Через минуту-другую Зерлик спросил:

— А теперь нельзя поднять паруса?

— Поднимем, но очень-то на них не надейся. Ветер к берегу, выходить в море придется галсами, да еще, может, нос начнет задираться, кто знает эту посудину! Дай-ка трубу. Три тысячи чертей, они уже раздобыли баркас и отчаливают! Ну, теперь держись!

Глава 2

«Летучая рыба»

— Нужно поскорей поднять паруса, — сказал Джориан.

— Как это делается? — спросил Зерлик. — Я никогда не ходил под парусом.

— Сперва встанем против ветра.

Сделав несколько мощных гребков, Джориан развернул судно носом на запад. Волны теперь били в нос корабля, началась сильная качка. Джориан втащил на борт свое весло.

— Подгребай, чтобы не развернулось, — сказал он. — А я займусь парусами... Тьфу, дерьмо собачье!

— Что случилось?

— Забыл, что паруса завернуты.

— Я думал, ты хорошо знаком с морским делом.

— Помолчи, дай подумать!

Джориан взялся за бизань-парус и быстро размотал веревку.

— Моя жизнь тоже под угрозой, — мрачно произнес Зерлик.

— За свою драгоценную жизнь можешь не дрожать. Им нужен я, а не ты.

— Если дойдет до схватки, они не будут особенно разбираться...

Джориан вытягивал в этот момент гардель и отвечать не стал. Рей рывками пошел вверх. Желтый парус зашумел и захлопал, наполнившись ветром.

— Держи против ветра! — крикнул Джориан.

— Может, пойдем с одним парусом?

— Он слишком далеко от центра, корабль все время будет вставать по ветру.

— Я во всех этих хитростях ничего не смыслю. Вон наши преследователи!

Черный баркас, в котором на веслах сидело восемь человек, был уже на полпути от пристани к «Летучей рыбе».

— Почему ты не установил сперва большой передний парус?

— Паруса надо подымать, начиная с кормы. Если начать с того, что ближе к носу, ветер подхватит парус и унесет судно, вот и поплывем по течению прямо в лапы к ксиларцам. Понял?

Джориан закрепил гардель и стал пробираться к грот-мачте. Вдруг Зерлик услышал яростный вопль.

— Что на этот раз? — спросил он.

— Пусть вся нечистая сила свалится на голову сволочи, которая завязала этот парус! Дьявольски тугой узел, да его еще и не видно!

— Поторопись, а то ксиларцы скоро будут здесь.

Преследователи уже приблизились настолько, что можно было разглядеть их лица.

— Я делаю все, что могу. Замолчи и следи за носом.

Рей грот-паруса, обернутый брезентом, торчал за бортом впереди судна, а скрепляющий веревочную обмотку узел находился на самом конце рея. Растопырившись, словно ящерица, Джориан повис за бортом — левой рукой держась, чтобы не упасть, ногами упирался в якорь, а свободной рукой ощупывал конец рея. Развязать тугой узел одной рукой непросто, даже когда его видишь, не говоря уж о том, когда трудишься вслепую.

Ветер крепчал, волны на реке становились все выше. С каждым ударом о борт «Летучая рыба»

подскакивала, словно лошадь, берущая препятствие. Оказавшись на гребне волны, лодка шумно плюхалась вниз.

Джориана тоже кидало вверх и вниз, каждый раз на восемьдесят футов, держаться за рей делалось все труднее. Предзакатное солнце позолотило волны со стороны моря, и их блеск слепил Джориану глаза, будто пламя печи.

Баркас приближался. Ксиларцы находились теперь на расстоянии выстрела из лука, но Джориан был уверен: стрелять они не станут. Во-первых, стрелы унесет ветром, во-вторых, он нужен им живым.

— Проклятье! — вскричал Джориан; с него сорвало шляпу; мягко опустившись на воду, она отважно отправилась в путь по волнам.

— Джориан! — крикнул Зерлик. — Они аркан готовят.

Когда пропала всякая надежда, узел вдруг ослабился в скрюченных от напряжения пальцах Джориана. Черный баркас преследователей был уже, можно сказать, на расстоянии плевка. Узел сдался окончательно. Лихорадочными движениями Джориан размотал веревку, скомкал брезент и зашвырнул его подальше назад, угодив прямо в Зерлика. Ткань обвила юношу с головы до ног, словно питон. Стараясь высвободиться, Зерлик выпустил из рук весло.

— Держи против ветра! — заорал Джориан, выбирая гардель.

Зерлик быстро сложил брезент и вновь взялся за весло.

— Берегись, петля! — крикнул он Джориану. Ксиларец бросил аркан, но неудачно: веревка скрылась в синих бушующих волнах. Желтый грот-парус взмыл вверх. Его подхватил ветер, и лодку сильно качнуло.

— Начинай табанить! — велел Джориан.

— Что это значит?

— О, великие боги! Гребь, заворачивай направо, дурак!

Зерлик завязил весло, но в конце концов сумел сделать как надо. Судно развернулось и под оглушительное хлопанье парусов двинулось левым галсом. Накренившись вправо, «Летучая рыба» быстро набирала скорость.

С трудом перебравшись на корму, Джориан увидел, что ксиларец снова раскручивает над головой аркан. Черный капюшон упал с его головы, и оказалось, что у него длинные, пшеничного цвета волосы. «Верно, кочевник из швенских степей», — подумал Джориан. В Ксиларе любили брать в королевскую стражу северян: они умели кидать лассо, а ведь главной обязанностью стражников было не охранять короля, а препятствовать его побегу и ловить живым, если вдруг убежит.

На этот раз докинуть петлю до Джориана было легко. Он бросился к кубрику.

— Весло на борт, — скомандовал он. — И возьми меня сзади за ремень.

— Зачем?

— Делай, как говорят.

Зерлик со стуком убрал весло. Джориан поднялся в кубрике в полный рост, одной рукой он держался за бакштаг, а другой показал ксиларцам «нос». Зерлик ухватился сзади за его ремень. Ксиларец поставил ногу на планшир, готовясь кидать аркан.

Подхваченная ветром, петля закружилась в воздухе и опустилась прямо на плечи Джориану. Тот обеими руками схватился за веревку и дернул изо всех сил. Зерлик одновременно потянул за ремень. Плюх! Не ожидавший рывка ксиларец очутился за бортом.

Раздались крики ярости и смятения, преследователи перестали грести. Те, что были ближе к упавшему, поднялись и протянули ему весла. Один от излишнего усердия угодил бедняге по голове. Голова исчезла, но вскоре снова появилась на поверхности.

«Летучая рыба» шла все быстрее. Джориан сидел, пригнувшись, в кубрике, одной рукой держась за румпель, другой сматывая веревку.

— Веревка на корабле никогда не лишняя, — сказал он, весело подмигнув Зерлику.

Баркас остался далеко позади, пока ксиларцы выуживали своего промокшего товарища.

— Теперь мы в безопасности? — спросил Зерлик.

— Почем знать? На этом галсе идем неплохо. Посмотрим, как наша «Рыба» меняет галс и как пойдет, когда перевернем паруса.

— Как это: перевернем?

Джориан растолковал ему, в чем особенности треугольных парусов и какие могут возникнуть сложности, когда при смене галса разворачиваешь рей в подветренную сторону. Джориан с тревогой поглядел вперед, дальний берег устья виднелся все отчетливее — длинная зеленая полоса, одни леса да болота, и лишь кое-где вкрапления деревень и злаковых полей.

— Перебирайся вперед, Зерлик, и следи за глубиной. Нам сейчас только на мель сесть не хватало.

— Как мне следить?

— Смотри вниз, а как покажется, что видишь дно, кричи.

Через какое-то время Джориан, зычным криком предупредив Зерлика, резко повернул румпель и повел «Летучую рыбу» на правый галс. Маленькое судно хорошо слушалось капитана и на новом галсе шло не хуже, чем на предыдущем.

— Ксиларцы еще не сдались, Джориан, — предупредил Зерлик. — Они идут наперерез.

Джориан прищурился. Борясь со встречным ветром, преследователи медленно двигались в сторону моря. «Летучая рыба» мчалась куда быстрее баркаса, но курс ее диктовался направлением ветра, и два судна неизбежно должны были встретиться.

— Может, снова свернем, пока не подошли к ним, — предложил Зерлик.

— Можно, но они все равно окажутся южнее. Выйдут в море и перехватят нас на следующем галсе. У меня есть план получше.

В глазах у Джориана появился недобрый блеск; он вел судно, не меняя курса. Баркас был все ближе.

— А теперь, — сказал Джориан, — возьми рупор, пройди на нос и крикни, что мы собираемся использовать свое право пройти первыми. Пускай посторонятся, если не хотят разлететься в щепки!

— Джориан! Если мы столкнемся, разобьются оба судна!

— Делай, что говорю!

Зерлик кивнул, прошел вперед и выкрикнул то, что ему было велено. Ксиларцы повернули головы к «Летучей рыбе», которая стремглав неслась прямо на них. На баркасе произошло оживление, кое-кто из преследователей приготовил сети и лассо. Рыбацкая лодка летела, не сворачивая.

— Умеешь плавать, Зерлик? — спросил Джориан.

— Немного, но до берега не доплыву! О боги, Джориан, ты и впрямь хочешь в них врезаться?

— Увидишь. Предупреди их еще раз.

В последнюю минуту на баркасе спохватились. Принялись грести назад, так что вода вокруг весел забурлила. «Летучая рыба» пронеслась совсем близко, и баркас отбросило в кильватер. Один ксиларец поднялся и стал грозить кулаком, но товарищи силой усадили его на место.

— Уф! — вырвалось у Зерлика. — Ты бы, правда, на них налетел?

Джориан усмехнулся.

— Чего не знаю, того не знаю. Запас был; если что, могли бы увернуться. По крайней мере, теперь можно выкинуть их из головы и плыть спокойно, если не помешают шторма, штили, морские чудовища и пираты. А теперь — извини, я помолюсь Псаану, чтобы отвел от нас эти напасти.

* * *

Наступила ночь, но ветер не унимался. Зерлик сидел, повесив голову, и стонал: пища, съеденная за обедом, давно отправилась за борт, и ужинать он был не в состоянии.

— Как ты можешь? — Он с отвращением глядел, как Джориан, не отрывая руку от румпеля, уписывает довольно сытный ужин. — Ты ешь за двоих.

Джориан надкусил яблоко, прожевал и ответил:

— Раньше и меня в море тошнило. Во время первого похода против пиратов, когда я был королем Ксилара, я просто подыхал от морской болезни. Как тот парень из оперетки Галибена и Сильферио «Славная девочка с корабля». Помнишь, он поет: «Я капитан пиратов brave»?

— Не слышал. Спой, пожалуйста.

— Попробую, хоть вокальному искусству не обучался: времени не было.

И Джориан запел густым басом, слегка фальшивя:

*Я капитан пиратов brave.
Колю и режу для забавы,
Горжусь своей лихою славой
И денежки коплю, эх!*

*И как бы ветры ни свистели,
И как бы мачты ни скрипели,
Не глядя, обойду все мели,
Свой бриг не загублю, эх!*

*Пускай я в золоте купаюсь,
Но даже другу не признаюсь,
Что от морской болезни маюсь
И качки не терплю... эх!*

— Недурно, — заметил Зерлик. — Надо бы разучить, а то я не знаю ни одной новарской песни.

Он затянул начало тоненько, но очень чисто.

— Ты прекрасно поешь, не то что я, — сказал Джориан, когда Зерлик с его помощью закончил последний куплет.

— У нас человек из знатной семьи непременно должен это уметь... А как ты справился с морской болезнью?

— Да так, спасибо Псаану...

— Спасибо кому?

— Псаану, новарскому богу морей. Организм как-то приспособился, и больше меня не тошнило. Может, и ты привыкнешь. Да, кстати, в Иразе что-нибудь знают о моем... бурном прошлом?

— Насколько мне известно, нет.

— Как же ты о нем узнал?

— От доктора Карадура. Он сказал, что ты был королем Ксилара, а потом вы вместе путешествовали в Мальвану и Швению. Это чтобы мне легче было тебя найти. Он взял с меня слово держать все в тайне.

— Карадур молодец! Умный старик, хоть иногда и бывает рассеянным. Знаешь что: когда мы доберемся до твоей родины, помалкивай насчет Ксилара и всего прочего. Никому ни слова. Хочу, чтобы меня считали просто почтенным мастером. Понял?

— Да, сударь.

— Тогда иди сюда и возьми за румпель. Скоро уж, верно, час Совы, мне надо немного поспать.

— Можно подвести лодку поближе к берегу? Я плохо вижу землю. Страшно, когда кругом одна вода.

Зерлик показал рукой на восток, где между залитым лунной луной небом и его отражением в море темнела полоса ксиларских земель. Волны дробили лунный свет на тысячи серебристых блесков, отделяющих «Летучую рыбу» от берега.

— О боги, нет! — воскликнул Джориан. — Это же подветренный берег, и чей! Пусть лучше кругом будет побольше воды. Старайся не менять расстояния, оно в самый раз, а если что случится, буди меня.

На другой день продолжал дуть западный ветер, по ярко-синему небу неслись маленькие, словно ватные, облака. Зерлик все еще жаловался на головную боль, однако собрался с силами и немного поел. Джориан, по-пиратски обвязавший голову платком взамен улетевшей шляпы, взялся за румпель. Управляя «Летучей рыбой», он расспрашивал Зерлика о пенембийском языке. Объяснения длились около часа, и вдруг Джориан хлопнул себя по лбу рукой:

— О великие боги! — воскликнул он. — Ну и язык! И как он дается бедным пенембийским детям? Я могу понять, когда в языке есть изъявительное, вопросительное, повелительное, условное и сослагательное наклонения. Но когда к ним еще добавляются желательное, причинное, сомнительное, сообщительное, ускорительное, описательное, протяженное и...

— Ну конечно, мой дорогой Джориан! В этом и состоит, как мы считаем, превосходство нашего языка над всеми прочими. На нем можно точнее выразить, что думаешь. Вернемся хотя бы к совершенному сообщительному аористу глагола «спать». По-новарски было бы: «Говорят, что я имел привычку “спать”». А пенембийцам достаточно одного-единственного слова...

— Одно-единственного с пятьюдесятью тремя суффиксами, — проворчал Джориан. А погода прибавил:

— Может, мне лучше затвердить самые необходимые фразы, вроде «Здравствуйте» и «Сколько это стоит?» Я всегда считал, что у меня способность к языкам, но от вашей грамматики просто голова идет кругом.

— Напрасно. Стоит лишь заучить правила и не забывать о них, тогда будешь говорить без ошибок. И никаких отклонений и исключений, от которых с ума можно сойти, когда учишь новарский.

* * *

К полудню ветер ослабел, волны стали утихать. Зерлик чувствовал себя лучше, он ходил по судну, разглядывая рангоуты, линии и прочие снасти.

— Скоро я стану настоящим моряком! — воскликнул он в порыве воодушевления.

Стоя на планшире напротив бизань-мачты, Зерлик вдруг запел песенку из «Славной девочки с корабля». Последнее «эх!» он сопровождал эффектным жестом, для чего оторвал руку от мачты, перестав держаться. В этот миг набежала большая волна, и «Летучая рыба» накренилась. С испуганным криком Зерлик полетел в воду.

— А, раздави тебя медный зад Вэзуса! — вскричал Джориан, круто поворачивая румпель.

«Летучая рыба» развернулась против ветра и потеряла скорость. Джориан подобрал веревку, отнятую у ксиларцев, привязал конец к планке и швырнул моток Зерлику — его голова то показывалась на поверхности, то снова исчезала, накрытая волной.

Веревку пришлось кидать снова. Только на третий раз Зерлику удалось за нее уцепиться. Джориан схватил его за куртку и перетаскил через корму. На Зерлика, скрючившегося на дне лодки, было жалко смотреть: его рвало, он кашлял, плевался, чихал. А Джориан приговаривал:

— Теперь будешь знать, что на корабле все время нужно за что-нибудь держаться, если ты не в кубрике. Запомни правило: одна рука принадлежит тебе, другая — кораблю.

— Хрип, — слышалось в ответ.

* * *

Ветер стихал. Солнце село за полосу тумана, которую принесло с моря.

— Мы заштитем в этом тумане, — сказал Джориан, — надо плыть к берегу да причаливать.

Через час, когда первые завитки тумана поползли мимо «Летучей рыбы», Джориан сбросил якорь и убрал паруса. Ветра не стало. Волны превратились в легкую матовую зыбь, на которой плавно покачивалась «Летучая рыба». Джориан с Зерликом при помощи губки и ведра убирали из лодки воду.

Когда не стало дневного света, наступила крошечная темнота: луна в эту ночь долго не появлялась. Джориан зажег небольшой фонарик. Устав от языковых упражнений, приятели сели за карты. Джориан выиграл несколько марок.

— Никогда не блефуй больше раза за игру, — посоветовал он. — Кто будет дежурить первым? Хочешь, я?

— Нет. Я все равно не усну: столько соленой воды наглотался!

* * *

Джориан проспал недолго.

— Какие-то звуки! — шепотом сообщил Зерлик. Зевая и протирая глаза, Джориан выбрался из каюты. Туман приобрел жемчужно-матовый блеск, это значило, что взошла луна. На море было тихо, как в заводи. Джориан не смог бы сказать теперь, где запад, где восток.

Откуда-то доносился глухой размеренный стук. Джориан прислушался.

— Весла галеры, — решил он.

— Чьей галеры?

Джориан пожал плечами.

— Может, ирской, может, ксиларской, а может, альгарттийских пиратов.

— Что делать ирцам или ксиларцам в такой темноте?

— Не знаю. И у тех, и у других морские дела сейчас идут худо. В Ире из-за жадности синдиката, который не хочет раскошелиться на поддержку флота. А в Ксиларе меня не хватает, некому за них как следует взяться. Выходит, что корабли обоих государств мирно стоят у пристани, а значит, стучат пиратские весла.

— Альгарттийцы, верно, боятся сесть на мель не меньше нашего.

— У них есть колдуны, которые издали чуют скалы и мели и предупреждают об опасности. Они угадывают приближение штормов и туманов. Давай-ка помолчим, а то неровен час услышат.

— Благородный пенембиец, — заявил Зерлик, — не допустит, чтобы какие-то мерзавцы заставили его молчать.

— Прибереги свои рыцарские замашки до другого раза, когда будешь один. А сейчас моя жизнь тоже под угрозой, как ты вчера выразился. Я не пенембиец, притом не особенно благороден и считаю, что отсидеться сейчас куда важнее, чем вылезти со своей храбростью. Так что закрой рот.

— Не смей так со мной разговаривать... — возмущенно начал Зерлик, но Джориан взглянул на него свирепо, и тот притих.

Стук весел делался все громче. Стал слышен и другой стук — судя по всему, барабана, к ним примешивался плеск воды и невнятные обрывки разговора. Джориан настороженно вслушивался.

— Не пойму, на каком языке, — прошептал он. Звуки стали стихать, потом совсем исчезли.

— Теперь можно говорить? — спросил Зерлик.

— Пожалуй.

— Если эти альгартийские мудрецы умеют предсказывать погоду, почему они не могут ею управлять?

— Знать одно, действовать — другое. Правда, некоторые колдуны пробуют управлять ветрами и волнами. Бывает, выходит, бывает, нет. Взять хотя бы историю с королем Фузиньяном и приливом.

— Что за история?

Джориан уселся поудобнее.

— Фузиньян был когда-то королем у меня на родине, в Кртолии. Сын Филомена Доброхота, а самого его звали Фузиньяном Лисом: он был небольшого роста, проворный, смекалистый.

Однажды король Фузиньян пригласил самых важных придворных на пикник, который должен был состояться на пляже в Сигруме, в нескольких лье от города Кртолии. Это прекрасное место — волны Срединного моря плещут на серебристый песок. Для пикника лучше не придумать, а также для купанья и прочих развлечений. Пляж длинной дугой огибает подножие невысокого холма. Туда и отправился король вместе со своими детьми, прекрасной королевой Дэнудой и главными чиновниками государства, тоже с женами и детьми.

Среди гостей был некий Форвиль, дальний родственник короля, в те времена занимавший пост хранителя королевской картинной галереи — должность, прямо скажем, непыльная. Ленивого толстяка Форвиля все, включая короля, считали безобидным ничтожеством. На самом же деле он имел виды на королевский трон и в то время уже начал плести интриги.

Однако в присутствии Фузиньяна достопочтенный Форвиль был полон вкрадчивой угодливости. На этот раз он превзошел самого себя.

— Ваше величество, — сказал он, — слуги расставили столы и стулья для пикника там, где нас затопит приливом.

— Затопит? — задумался Фузиньян, оглянувшись на море. — Пожалуй, ты прав, клянусь Зеватасом! Я прикажу перенести все повыше.

— О нет, сир, в этом нет нужды, — возразил Форвиль. — Могущество вашей светлости безгранично: стоит вам только повелеть приливу остановиться, и он не посмеет ослушаться.

Приливы на Срединном море, надо сказать, слабее здешних, но это не помешало бы компании, расположившейся для пикника не там, где надо, выкупаться с головы до ног.

— Не болтай глупостей, — ответил Фузиньян и собрался распорядиться насчет столов и стульев.

— Но, сир, — упорствовал Форвиль, — это же ясно, как день. Можете мне не верить, но прикажите морю и сами увидите.

— Ладно, черт с тобой, — с досадой сказал Фузиньян, который подозревал, что Форвиль хочет выставить его дураком. — Заодно убедишься, какой плетешь вздор.

Фузиньян поднялся и, поведив перед собой руками, как это делают фокусники, произнес:

*Сим-сим, замри-застынь,
Вода, на нас не хлынь.*

Затем снова принялся за еду со словами:

— Если мы вымокнем, ты, Форвиль, заплатишь за испорченную одежду.

Гости оставались на своих местах, но все чувствовали напряжение: замочить дорогой наряд никому не хотелось, а сбежать — значило проявить неуважение к королю, который, судя по всему, готов был не моргнув глазом встретить прилив. Какое-то время все шло без изменений, пикник близился к концу, подали сладкие вина.

Но в положенный час прилив почему-то не наступил. Собравшиеся тайком поглядывали на карманные часы, друг на друга и — с растущим благоговением — на маленького веселого короля, который ел, пил и, казалось, знать ничего не желал. Наконец ни у кого не осталось сомнений, что привычный ход вещей нарушен и прилива не будет. Толстая физиономия Форвиля побелела, словно гипсовая маска, он не

отрываясь глядел на короля.

Фузиньян тоже был встревожен происшедшим: он-то отлично знал, что настоящих колдовских заклинаний не произносил, нечистой силы тоже не призывал, что же тогда остановило прилив? Пока он ломал себе голову — виду, впрочем, не показывая, — к нему подошел сын и тихо сказал:

— Папа, там, на холме, какая-то дама, вот просила передать.

Фузиньян увидел, что записка от ведьмы Гло; она жила на холмах южной Кртолии и давно уже хотела получить должность главной волшебницы королевства. А сама не имела даже официального разрешения на колдовство, потому что никак не могла поладить с королевской комиссией по торговле и лицензиям. И вот колдунья без приглашения явилась на пикник, надеясь уговорить Фузиньяна вмешаться в ее тяжбу с бюрократами. Сверхъестественные возможности Гло помогли ей подслушать разговор Фузиньяна с Форвилем, и она решила не упускать случая: спряталась в лесу неподалеку от берега и, пустив в ход свои самые могущественные чары, удержала прилив.

Возможности Гло, как и всех существ из плоти и крови, были ограничены. Около часа она сдерживала наступление прилива, но потом почувствовала, что власть ее слабеет. Тогда ведьма быстренько нацарапала записку и подозвала к себе маленького принца, игравшего с другими детьми в салки на склоне холма. Вот что она написала: «Его Величеству от Гло: сир, волшебство теряет силу, вода сейчас нахлынет. Перебирайтесь повыше».

Фузиньян понял, что произошло. Но расскажи он правду, исчез бы весь эффект, и Форвиль почувствовал бы себя победителем. Король поднялся с места.

— Друзья мои! — сказал он. — Что-то мы засиделись, излишества в еде и питье вредят здоровью. Надо слегка размяться: я решил устроить состязания — бег наперегонки отсюда до вершины вот этого холма. Будет три забега. Первый — дети младше тринадцати лет, победитель получит пони из королевской конюшни. Второй — дамы, призом будет серебряная диадема из королевской сокровищницы. И третий — мужской, тому, кто прибежит первым, достанется арбалет с королевского оружейного склада. Предупреждаю, что в третьем забеге я сам приму участие. Конечно, смешно было бы присуждать приз самому себе, поэтому, если я выиграю, то пожалую его тому, кто придет вторым. Дети, построились! На старт, внимание, марш!

Дети сорвались с места и, сбившись в кучу, с визгом умчались.

— Барышни, построились! — скомандовал король. — Подолы приподнимите, иначе до вершины год будете ползти. На старт, внимание, марш! Теперь, вы, господа...

Та же сцена была разыграна в третий раз.

Тут Зерлик спросил:

— Придворные, верно, старались бежать помедленнее, раз в состязании участвовал король?

— Король королю рознь. С Фузиньяном этот номер не прошел бы, все знали, что он настоящий спортсмен и ужасно разозлился бы, заметив, что его соперники нарочно придерживают шаг. Поэтому все бежали в полную силу. Фузиньян, очень подвижный и выносливый, и впрямь добежал до вершины холма первым из мужчин. Бедняга Форвиль еле доковылял, пыхтя, до подножия, и тут на берег хлынул прилив, толстяка сбilo с ног, перевернуло, он чуть было не потонул, да подоспели слуги, вытащили его из воды.

Фузиньян отрицал свою причастность к тому, что произошло с приливом. Говорил, что причиной послужила, вероятно, либрация луны и что-нибудь в этом роде. Но подданные не верили объяснениям короля и трепетали перед ним больше, чем прежде.

— Он вознаградил колдунью?

— Нет. Сказал, что она действовала без разрешения и, кроме того, в какое положение его поставила! Пришлось здорово пошевелить мозгами, чтобы придумать, как выкрутиться. Да еще пятки стали чесаться после этого бега. Зуд не прекращался, и король решил, что эту напасть тоже наслала на него Гло при помощи черной магии. Но доказательств не было, а потом главному волшебнику, доктору Агосу, удалось вылечить зуд.

— А что достопочтенный Форвиль?

— После событий на берегу у Фузиньяка появились сильные подозрения насчет родственника. Король стал думать, как бы отбить у Форвиля охоту вертеться при дворе и строить козни, и придумал хитроумнейший способ, на то он был Фузиньяном Лисом! Расхвалив Форвиля за глубокие познания в искусстве, король пригласил его к себе во дворец послушать собственную игру на волынке.

— Благодаря твоим тонким замечаниям, — сказал король, — я скоро стану лучшим музыкантом в Новарии.

Посидев с Фузиньяном три дня, Форвиль вдруг, если можно так выразиться, ударился в религию и сделался жрецом богини Астис. С той поры обязанности священнослужителя самым законным образом избавляли его от необходимости слушать завывания королевского инструмента. Короче, он выбрал из двух зол меньшее, и с интригами было покончено.

* * *

После восхода солнца туман стал понемногу рассеиваться. С берега подул легкий ветерок. Туман распался на отдельные хлопья, а потом и вовсе улетучился; ярко засветило солнце. Джориан поднял якорь, взмыли вверх желтые паруса, вскоре «Летучая рыба» была далеко от берега.

— Как удачно, — заметил Зерлик. — Мы снова в море, и ветер несет нас куда надо. Ты молился своему Псаану?

Джориан покачал головой.

— Не нравится мне это. Обычный бриз начинает дуть ночью и на рассвете несет в море каботажные суда и рыбацьи баркасы. А этот ветерок с востока... уж не тот ли самый, что предвещает шторм?.. Вот холера! Видишь корабли по правому борту?

Зерлик выглянул из-за бизань-паруса.

— Да, верно! Один — парусник, второй вроде бы похож на галеру, но тоже под парусом.

— Подержи румпель.

Джориан достал подзорную трубу и разглядел корабли, которые быстро двигались в направлении «Летучей рыбы».

— Чтоб мне, идиоту, яйца оторвало! Проворонил! Другой бы уж давным-давно заметил верхушки мачт. А теперь они нас увидели.

— Пираты?

— Никакого сомнения. Видишь голубое? Это альгартийский флаг.

— Может, удастся уйти?

— А, проклятье! Поздно. Если б я знал здешние воды, спрятались бы, где помельче и им не пройти. Но я здесь ничего не знаю. Будь с нами Карадур, он бы заколдовал нас — сделал «Летучую рыбу» невидимкой или превратил в морскую скалу. Но Карадур далеко.

— Почему же Двенадцать Городов не объединятся, чтобы положить конец этому безобразию?

— Города слишком заняты собственными распрями, нанимают пиратов, чтобы гадить один другому. Несколько лет назад, когда в Ксиларе правил король Тонко, ирский синдикат нанял цолонскую флотилию, чтобы извести разбойников. Но новарцы принялись за старое, и пираты тут как тут, будто не исчезали.

— Вам нужен один полновластный правитель, вроде нашего короля. А что будет, если они нас остановят?

— Мы бедные рыбаки, ты не забыл? Закинь удочку и лови рыбу.

Суда подошли уже совсем близко, и их можно было разглядеть во всех подробностях. Одно представляло собой карак, прежде служивший купцам для перевозки товаров. Второе — галеру, на которой когда-то было два ряда весел, но после нижние отверстия законопатили, что, видимо, позволяло

выходить на судне в любую погоду. Весла были убраны, но вот несколько штук высунулось с обеих сторон из верхних отверстий, чтобы ускорить ход галеры.

— Ни за что не буду, — заартачился Зерлик. Джориан обернулся к нему, недоуменно нахмурившись.

— Что не будешь?

— Притворяться бедным рыбаком! С тобой я только и делаю, что убегая да прячусь. Надоело! Брошу вызов этим негодяям, тогда посмотрим, кто кого.

— Угомонись, идиот! Ты что, собрался воевать с целой пиратской бандой?

— Наплевать! — Зерлик кипятился все больше. — По крайней мере, двумя или тремя гадами станет меньше!

Он нырнул в каюту и появился оттуда с ятаганом в руках. Снял с оружия чехол из непромокаемой ткани, вытащил саблю из ножен и стал размахивать ею, как бы угрожая подплывающим кораблям. Джориану пришлось нагнуться, чтобы юноша не поранил его ненароком.

— Ну-ну, сюда! — вопил Зерлик. — Вызываю вас на бой! Подходите и вы узнаете, что такое сабля в руках аристократа из...

Он умолк, сбитый с ног тяжелым ударом; ятаган, звякнув, упал на дно рядом с ним. Это Джориан стукнул его по голове рукояткой кинжала — на конце рукоятки был тяжелый свинцовый шарик. Затем он закрепил руль, спрятал подальше ятаган, вставив его в ножны; вытащил рыболовные снасти и закинул лесу за корму.

— Стой! — закричали в рупор из кубрика на носу галеры.

Удочка дернулась в руках у Джориана — видимо, клюнуло. Он рванул ее на себя и почувствовал, как на глубине что-то дрогнуло и с силой потянуло.

— Остановись, говорю! — закричали с галеры. — Собьем же, ты этого добиваешься?

— Не видишь, что ли, у меня клюет? — заорал Джориан, изо всех сил удерживая удочку.

С галеры донесся шум, там оживленно спорили. Какой-то альгартиец, заядлый рыболов, настаивал на том, чтобы дать Джориану вытащить добычу, а уж потом ограбить его. По правому борту начали табанить, галера развернулась. Пираты убрали парус и двинулись параллельно «Летучей рыбе», отставая шагов на двадцать. Карак под парусом тоже шел следом, но далеко позади.

Джориан вытащил скумбрию. Он бросил рыбину в кубрик и, оставив ее биться о днище возле лежащего без сознания Зерлика, развернул судно против ветра.

— Как здоровы, судари мои? Чего изволите? — заговорил он на западно-ксиларском сельском диалекте. — Рыбки купить не желаете? Видали, какую красавицу вытянул? Свеженькая. А еще в бочке засоленных с дюжину, а то и поболее, которой желаете?

На галере снова послышались голоса. Пират, державший рупор, выкрикнул:

— Мы берем твою рыбу, господин рыболов!

Галера подошла вплотную к «Летучей рыбе».

— А что это за парень лежит там на днище? Что с ним? — спросил все тот же пират с рупором.

— А, этот бедолага? Мой племянник. Налакался, бездельник, еще на берегу, а закусить нечем было. С той поры и валяется. Ничего, через часок отойдет.

С галеры спустили на веревке корзину. Джориан сунул туда свежую скумбрию, а сверху наложил соленой рыбы из бочки; пираты тем временем работали отпорными крючьями, чтобы суда не столкнулись. Корзину подняли на борт галеры.

— Теперь насчет платы... — начал Джориан. Пират с рупором ухмыльнулся, перегнувшись через фальшборт.

— А, насчет этого? Ты получишь кое-что получше денег.

— Да? Что, к примеру?

— Жизнь. Бывай, господин рыболов. Отваливай!

Джориан сидел, зло нахмурившись и беззвучно бормоча себе под нос ругательства. Пираты отходили на веслах; когда вдали взметнулся парус галеры, сердитая мина Джориана сменилась улыбкой, он положил румпель вправо, и маленькое суденышко, которое отнесло береговым ветром немного назад, развернулось по часовой стрелке. Паруса наполнились ветром, «Летучая рыба» продолжала путь на юг. Зерлик пошевелился, застонал и кое-как вскарабкался на сиденье.

— Чем ты меня ударил? — спросил он. Джориан отцепил от ремня нож.

— Видишь! Чтобы выскочило лезвие, надо нажать на кнопку. А так — чем не дубинка? Держишь за ножны и бьешь свинцовой головкой. У меня был такой ножик пару лет назад, когда я путешествовал с Карадуром. Потом потерялся, было очень жаль, и я заказал другой по типу того, пропавшего. Полезная штука: бывает же, что надо не резать, а просто удержать кого-нибудь от дурацкого поступка. Скажем, захочет кто-нибудь подставить мою глотку под пиратский нож, только чтоб похвастаться своей доблестью и отвагой...

— Наглец! Невежа! Я еще с тобой расквитаюсь.

— Прибереги свой пыл до Ираза. И мне-то одному с этим судном не справиться, а ты и подавно потонешь.

— Ты всегда такой трезвый и расчетливый? У тебя вообще есть человеческие чувства? Или ты машина, набитая винтиками и пружинками?

Джориан усмехнулся.

— Думаю, свалял бы дурака не хуже любого другого, дай я только себе волю. Когда я был таким вот молоденьким парнишкой, как ты...

— Ты и сейчас не старик!

— Конечно. Мне нет еще тридцати. Но от превратностей бродячей жизни я возмужал раньше времени. Ты тоже, если повезет, быстро повзрослеешь, иначе из-за какой-нибудь ребяческой выходки придется перейти в следующую реальность. Ты уже трижды был на грани за время нашего короткого путешествия.

— Пф-ф! — Зерлик ушел в каюту и мрачно просидел там, держась за голову, весь остаток дня.

Однако на другой день он снова оживился. Бодро выполнял приказания и делал все, что от него требовалось, как ни в чем не бывало.

Глава 3

Башня Кумашара

Вдоль западного побережья почти на сотню лье тянулись высокие зубцы Козьей Кручи. Горный кряж, поросший угрюмым хвойным лесом, напоминал спину дракона и местами уходил под воду. Вот почему в этой части Западного океана было рассеяно множество мелких островков, подводных скал и рифов, которые кораблям приходилось огигать, делая большой крюк. Затем Козья Круча шла на убыль, переходя в холмы Пенембии, по весне зеленые, а осенью пестреющие грязноватыми оттенками желтого и коричневого, с редкими вкраплениями зелени.

Взошло солнце, осветив бурые с зелеными пятнами холмы; начался двадцать четвертый день месяца Единорога. Джориан направил подзорную трубу на юг, вдоль побережья.

— Погляди-ка, Зерлик, — сказал он. — Это и есть ваша башня с часами? Та штука на стыке береговой линии и горизонта?

Зерлик поглядел.

— Возможно... Пожалуй, так оно и есть... Да, я вижу сверху струйку дыма. Башня Кумашара, она самая.

— Верно, названа в честь какого-нибудь покойного короля?

— Нет, не короля. Это целая история, очень любопытная.

— Расскажи.

— Все произошло более ста лет назад, при Шаштае Третьем, получившем прозвище Шаштая Капризного. Кумашар был известным архитектором и инженером. Так вот, Кумашар уговорил короля Шаштая построить башню-маяк, правда, без часов, часы появились позднее.

— Знаю, — вставил Джориан, — их собрал мой родной батюшка, когда я был еще мальчишкой.

— Да что ты! Ну да, теперь припоминаю, Карадур писал что-то такое в письме. А ты был с отцом в Иразе?

— Нет. Мы жили тогда в Кртолии, в городе Ардамэ, отец оставил нас на несколько месяцев ради этого контракта. Похоже, ваш король надул его, не заплатив и половины. Выдумал какой-то бешеный налог с денег, вывозимых за пределы королевства. Ладно, продолжай.

— Ну вот. Король Шаштай пожелал, чтобы на камне было высечено его собственное имя, а не имя архитектора. Когда Кумашар предложил высечь на башне два имени, король страшно разгневался.

— Ты слишком много на себя берешь, — предупредил он Кумашара, — не пришлось бы пожалеть.

Но Кумашар был не из тех, кто легко сдается. При постройке башни он сделал на стене небольшое углубление и собственноручно высек там надпись: «Здание возведено Кумашаром, сыном Юнды, на две тысячи тридцатом году правления джуктарской династии». Затем он выровнял стену, замазав углубление толстым слоем штукатурки, а сверху написал имя короля, как и было приказано.

Несколько лет на башне красовалось имя короля Шаштая. Потом штукатурка размякла от зимних дождей и отслоилась, обнажив первоначальную надпись.

Король Шаштай пришел в ярость, узнав, как насмеялся над ним Кумашар. Архитектору пришлось бы несладко, если бы он — к счастью или к несчастью, это как посмотреть, — не умер к тому времени своей смертью.

Король повелел сточить надпись, оскорбительную для него, и высечь новую, угодную его величеству. Но чиновники, от которых это зависело, были высокого мнения о Кумашаре, а Шаштая Капризного не очень-то уважали, притом в те годы он был уже дряхлым стариком. Так что на королевские капризы они почтительно кивали, а потом работы бесконечно откладывались под самыми разными предлогами. То денег в казне не доставало, то возникали непредвиденные технические трудности, то еще что-нибудь.

Вскоре король Шаштай в свою очередь скончался, а надпись так и осталась нетронутой.

— Вот-вот. Даже власть могущественных монархов ограничена людским своеволием, — заметил Джориан. — Я прочувствовал это на себе, пока правил Ксиларом. Одно дело отдать какой-нибудь приказ и услышать в ответ: «Да, сир. Слушаюсь и повинуюсь». И совсем другое — проследить, как этот приказ передается по цепочке сверху вниз, чтобы не застрял где-нибудь на полдороги. А что за человек ваш нынешний король?

— Король Ишбахар? — На лице Зерлика застыла напряженная улыбка; это искусственное выражение Джориан не раз замечал у чиновников и придворных, когда был королем Ксилара. — Ах, сударь, что это за чудесный правитель! Поистине образец мудрости, справедливости, мужества, благонравия, рассудительности, достоинства, щедрости и благородства.

— Что-то уж слишком хорошо. Это подозрительно. Совсем никаких недостатков?

— Сохрани Угролук! Конечно, никаких. Правда, я рискнул бы назвать его гурманом. Большую часть времени он предается невинным гастрономическим удовольствиям, а управление государством благоразумно доверяет людям сведущим, в подробности не входит, разве поможет иногда добрым советом. По королевству разъезжать тоже не любит: зачем рисковать драгоценным здоровьем да еще заставлять местные власти тратиться на пышные приемы? К тому же он считает бестактностью вмешиваться в дела провинциальных чиновников и военачальников, навязывая им свое мнение. Ишбахар — славный король, живет себе поживает во дворце, никому не мешает.

«Иначе говоря, — подумал Джориан, — это ленивая прожорливая свинья, которая хрюкает у себя в хлеву над золоченым корытом и знать не хочет, что там делается в королевстве».

* * *

Холмы постепенно переходили в широкую долину реки Льеб, в устье которой раскинулся огромный Ираз. «Летучая рыба» не спеша миновала пригород Жактан, расположенный на левом берегу. Зерлик указал на большое строение с многочисленными шпилями, золочеными куполами и башенками, сверкающими в лучах полуденного солнца.

— Храм Нубалиаги, — сказал он.

— Кто такая Нубалиага?

— Богиня луны, любви и плодородия. Подальше за ним — ипподром. Принято считать, будто под рекой прорыт потайной ход, соединяющий храм с королевским дворцом. Говорят, его вырыли при короле Хошче, обошелся он очень дорого и должен был служить королю в ночи Священного брака. Но я еще не встречал человека, который видел бы этот ход своими глазами.

— Если он когда и был, его уж давно залило водой, — заметил Джориан. — Протечки в таких случаях неизбежны. Чтобы спасти этот ход, надо было целую армию содержать с тряпками и ведрами. А что это за Священный брак?

— В ночи полнолуния храм Нубалиаги празднует свадьбу Нубалиаги с Угролуком, богом солнца, штормов и войны. Роль Угролука играет король, а Нубалиаги — верховная жрица. Чолиш, верховный жрец Угролука, и верховная жрица Сахмет формально считаются мужем и женой, как того требует их сан. Но в действительности они давно уже жестоко враждуют, никак не делят сферы влияния. А рассорились десять лет назад из-за пророчеств о спасении.

— Каких пророчеств?

— Сахмет возвестила, будто видела во сне Нубалиагу, которая сказала ей, что Ираз спасет варвар, пришедший с севера. — Тут Зерлик внимательно посмотрел на Джориана. — Ты случайно не подходишь? А что: варвар, пришедший с севера.

— Я? Ну ты даешь, клянусь костяными сосками Астис! Я не варвар, и потом, мне бы самому спастись, где уж тут спасать город. А что второй напророчил?

— Ну, прежде всего Чолиш, боясь, как бы его не превзошли, заявил, что вся эта история с

варваром-спасителем — просто бредни. К нему самому, мол, во время транса явился бог Угролук и заявил, что для спасения Ираза необходимо, чтобы шли часы на башне Кумашара. И с тех пор — никаких изменений, если не считать бесконечных интриг и пакостей, которыми эта парочка отравляет друг другу жизнь.

Наконец Джориан с Зерликом добрались до устья реки Лье, где стояло на якоре множество кораблей, больших и маленьких. Здесь были и высокие купеческие галеры, и караки помельче, и каравеллы; маленькие каботажные суда и рыбацьи лодки, баркасы и гуари, попадались и длинные, низкие, выкрашенные в черное, смертоносные боевые галеры. Из всей массы судов выделялось несколько огромных катамаранов с двойными корпусами, готовых вместить тысячи гребцов, матросов и солдат. Галеры, украшенные золотом, как жар, горели на солнце. На гюйс-штоках развивались флаги Пенембии — золотой фонарь на синем фоне.

— Странно, что альгартийские пираты осмеливаются приближаться к Иразу, если у него такой флот, — сказал Джориан.

Зерлик поморщился.

— Увы, он только с виду такой грозный.

— Почему же?

— За последнее время поднялись цены на труд, и его величество не в состоянии держать на кораблях полные команды. А эти двухкорпусные чудовища ужасно неповоротливы, если на них не достает гребцов. Еле тащатся — где им справиться с пиратами! За последний год совсем недалеко от Ираза было совершено несколько пиратских нападений. Да еще поговаривают, что стали появляться разбойничьи бригады из океана, которые тоже не прочь здесь пожить. Они, кажется, как-то напали на Ир?

— Да, совсем недавно.

С причала доносились приглушенные крики матросов, корабли прибывали, и буксирные гуари тащили их со спущенными парусами на место стоянки. Другие суда шли на буксире в противоположную сторону; затем, подняв паруса, отправлялись в море.

Река осталась позади. «Летучая рыба» прибыла в порт города Ираза. Одни суда отходили от пирсов и причалов, другие, наоборот, искали место для стоянки, кругом слышались крики и ругань.

Деревянные краны, выстроившиеся вдоль берега и похожие на длинношеих водяных птиц, медленно вращались, подымая и опуская груз. Они приводились в действие огромными топчаклами, которые, в свою очередь, вертели каторжники. Дальше возвышалась городская стена, а над ней видны были купола и шпили Ираза. Горячие лучи играли на медных кровлях, еще ярче сверкали купола, обшитые золотом и серебром. За городом на холмах тянулся ряд мельниц, которые неспешно крутились, подгоняемые легким ветерком.

— Где причаливать? — спросил Джориан.

— К-кажется, рыбацья пристань с южной стороны, — ответил Зерлик.

«Летучая рыба» миновала башню Кумашара, громадину высотой более ферлонга. На всех четырех стенах посреди ровного желтоватого поля каменной кладки, на полпути к верхушке, выделялись круглые циферблаты часов. На каждом циферблате единственная стрелка показывала час Выдры. Джориан вытащил кольцо на короткой мелкой цепочке и подвесил его, медленно повернув против солнца. Наверху в кольце была проделана крохотная дырочка, сквозь нее внутрь проникал лучик и, падая на отметки в нижней половине кольца, указывал время.

— Так я и знал, уже прошел час Голубя, — пробормотал Джориан.

— Если эта штукавина для определения времени в Ире, — заметил Зерлик, — следует учесть, что мы сейчас гораздо южнее.

— Знаю, но даже с этой поправкой ясно, что ваши часы испорчены.

— Они стоят уже месяцы. Старик Йийим, придворный часовщик, все обещал, что вот-вот их починит. Наконец Его Величество вышел из терпения. Доктор Карадур давно склонял короля предоставить это ему,

и Его Величество в конце концов уступил. Тогда милейший доктор попросил его послать меня в Ираз за тобой. И вот мы здесь! Извини, я пойду оденусь поприличнее.

Зерлик скрылся в каюте и вскоре показался оттуда совершенно преображенный. На нем была шелковая рубашка с длинными рукавами, короткая расшитая жилетка и юбка в складку, прикрывающая колени. На ногах красовались туфли с загнутыми носами, на голове — иразская фетровая шляпа — цилиндрической формы, без полей, напоминающая перевернутое ведро.

— Переоделся бы тоже, — посоветовал он Джориану. — У тебя же есть наряд получше. Хотя ты и не считаешь себя благородным, выглядеть прилично все же не мешает, хотя бы для пользы дела.

— Пожалуй, ты прав, — согласился Джориан. В свою очередь он извлек из котомки лучшее, что у него было, — рубашку, жакет, рейтузы и мягкие сапоги.

— Сразу видно, что чужеземец, — сказал Зерлик, внимательно его оглядев. — Но это не важно, Ираз — город-космополит, люди привыкли к необычным нарядам.

Лодка приближалась к рыбацким причалам, где между домами были развешены на просушку сети, похожие на гигантские крылья летучих мышей. Приглядев свободную стоянку, Джориан направил к ней свое маленькое судно и, не дойдя несколько ярдов, бросил румпель и спустил паруса.

— Почему бы не подойти под парусами к самому причалу? — спросил Зерлик. — Было бы куда внушительнее, чем махать веслами, как чернорабочие.

— Можно бы, если б хорошо знать судно и берег. А так, чего доброго, дадим маху. Врежемся и разобьем лодку. Вот внушительно-то будет! Нет, уж лучше поскромнее, на веслах.

* * *

«Летучая рыба» мягко коснулась причала, Джориан с Зерликом вскарабкались на берег и поспешили к швартовым тумбам. Пока привязывали лодку, подошел какой-то суетливый человек — судя по всему, чиновник — с медными пуговицами на темно-синем жакете и с кривой короткой саблей на боку. Он заговорил по-пенембийски, и Зерлик что-то сказал в ответ. Джориан, хотя и мог составить несколько элементарных фраз на этом сложном языке, быстрой речи не понимал.

— Это младший портовый инспектор, — пояснил Зерлик, когда человек с саблей забрался на «Летучую рыбу». — Он возьмет плату за стоянку и выпишет тебе временный пропуск. Затем надо обратиться в комиссию по путешествиям и иммиграции, чтобы получить статус проживающего в стране иностранца.

— А судно можно здесь оставить?

— На ночь, наверно, не полагается, но думаю, если ему немного заплатить, все можно устроить. Знатному человеку он не посмеет отказать.

— Как мне найти Карадура?

— Я сам этим займусь. Чтобы нам не тащить вещи, как простым матросам, сделаем так: ты останешься караулить судно, а я поеду сообщу Карадуру о нашем прибытии. Пусть он позаботится, чтобы перевозка была на подобающем уровне.

Джориан не пришел в восторг от этого плана: ему было боязно остаться одному в чужом городе, не зная языка и не имея представления, куда идти. Пока он раздумывал, что ответить, инспектор выскочил на берег и снова затараторил. Затем достал несколько маленьких листков тростниковой бумаги и приготовился писать.

— Спрашивает имя и национальность, — сказал Зерлик.

С помощью Зерлика Джориан сообщал нужные сведения, а инспектор заполнял бумаги по форме в двух экземплярах. Закончив, он попросил Джориана расписаться на обоих листах.

— Будь добр, прочти, что здесь написано, — обратился он к Зерлику. — Не люблю ставить свое имя под тем, чего не могу прочесть, а пенембийские письма смахивают на сцепленные рыболовные крючки.

Зерлик перевел документ: первичные данные о прибывшем лице, цель визита, еще кое-какие сведения. Наконец Джориан подписал. Чиновник вручил ему один экземпляр и ушел. Зерлик что-то выкрикнул, и к нему тут же кинулся мальчишка-погонщик вместе со своим ослом.

— До скорого! — крикнул Зерлик, свесившись с ослиной спины. — Хорошенько сторожи наше имущество!

Ослик потрусил по набережной, мальчишка побежал следом. Вскоре они свернули и исчезли за большими укрепленными воротами в городской стене, которые высились позади грязноватых домиков, стоящих рядом подальше от воды.

Щурясь от лучей заходящего солнца, Джориан поглядел на море, превратившееся в сморщенный ковер, расшитый золотыми чешуйками. Затем он внимательно осмотрелся кругом.

По набережной в обе стороны ходили люди, по большей части пенембийцы в фетровых шляпах. На некоторых были плиссированные юбки до колен, как у Зерлика, другие щеголяли в широченных штанах, собранных у щиколотки. Попадались федиранцы в халатах, с обмотанными головами, мелькали мальванцы в чалмах, напоминающих луковицы. Проходили и чернокожие: то паал с волнистыми волосами и бородой, в наряде из перьев, то курчавый житель тропических джунглей Бераоти — на лице шрамы от когтей, вместо одежды звериная шкура или просто кусок ткани, кое-где скрепленный и свободно облегающий тело. Покачиваясь и позвякивая колокольчиками, прошествовал нагруженный караван верблюдов.

Джориан ждал.

Ждал и ждал без конца.

Прогуливался по набережной, заглядывал в окна лавок, а временами просовывал голову в двери таверн и постоялых дворов, выстроенных возле самой городской стены. Несколько раз пытался выяснить у иразцев, как добраться к доктору Карадуру. Припомнив слова, он сумел составить простой вопрос, но в ответ каждый раз слышалась скороговорка, из которой Джориан ничего не мог понять. Тогда он остановил человека с замотанной головой и обратился к нему по-федирански.

— Ничем не могу помочь, сударь, я тоже не здешний, — вот все, что он услышал.

Джориан вернулся на «Летучую рыбу» и подождал еще немного. Зашло солнце. Он приготовил себе ужин из корабельных припасов, съел, подождал еще и пошел в каюту спать.

Наутро Зерлик по-прежнему не появлялся. Джориан гадал, что же могло произойти с юношей. Несчастный случай? Нападение? Или он намеренно бросил своего спутника?

Джориану хотелось побродить по округе, выяснить расположение ближайших улиц, но он боялся оставить без присмотра вещи, лежащие в лодке. Хотя дверь каюты и запиралась, отомкнуть ее ничего не стоило — предприимчивому воришке хватило бы шпильки. Для проверки Джориан вытащил из внутреннего кармана рейтуз согнутый кусок проволоки и без труда открыл запертую дверь. Вскрывать замки он научился, когда готовился к побегу из Ксилара.

Отыскать в незнакомом городе того, кто тебе нужен, без провожатого, без карты, не зная языка, — задача не из легких. (Хорошо еще, что Джориан никогда не слышал, что у улиц бывают названия, а у домов — номера; иначе, не имея их, он бы, наверное, совсем растерялся. А так одним затруднением было меньше: о чем не знаешь, в том не нуждаешься.) Бывают, конечно, задачи и более опасные, скажем, зарубить дракона или сразиться с первоклассным волшебником, кто кого лучше заколдует, но и та, что досталась Джориану, была по плечу лишь самым отважным.

К соседней стоянке причалило купеческое судно, и как только путешественники ступили на берег, к ним тут же подскочил какой-то разбитной малый, предлагающий свои услуги. Однако Джориан к подобным молодчикам относился с большим недоверием: тот, кто так рьяно зазывает, скорее всего, собирается ограбить или убить.

Наступил час Зайца, а Джориан все еще не решил, что бы предпринять. Он мог бы, например, отыскать портового работника, говорящего хоть на одном из знакомых Джориану языков, может, тот подсказал бы, где найти надежного провожатого. Не исключено, конечно, что работник отправит его к

какому-нибудь головорезу, с которым условился поделить добычу.

Пока Джориан сидел в кубрике, обдумывая свое положение, вдалеке показалась знакомая фигура; она медленно приближалась, покачиваясь на спине осла.

Это был смуглый худой старик с длинными седыми волосами и бородой, одетый в коричневый халат из грубой ткани и белую чалму в форме луковицы. За ним, тоже на осле, ехал юноша, следом трусил еще один ослик.

Джориан мигом выпрыгнул из лодки.

— Карадур! — закричал он.

Старик натянул поводья и с трудом слез на землю. Джориан обхватил его, как медведь, и стиснул в объятиях. Затем они отстранились друг от друга, держась за руки.

— Клянусь медными яйцами Имбала! — вскричал Джориан. — Уж больше года, как не видались!

— Неплохо выглядишь, сынок, — сказал Карадур. На среднем пальце левой руки у него блестел золотой перстень с большим круглым голубым камнем. — Солнце тебе на пользу. Загорел, как чернокожий из джунглей Бераоти.

— Десять дней без шляпы вел эту посудину. Да, кстати, ваше святейшество, корабль принадлежит вам.

— То есть как, Джориан?

— «Летучая рыба» — твоя. Она куплена в Чемнисе на твои деньги.

— Да что ты, сынок, что мне делать с этой лодкой? Я уже стар и вряд ли смогу жить рыбной ловлей. Оставь судно себе, я тебе его уступаю.

Джориан хихикнул.

— Все тот же непрактичный старик Карадур! Да я ведь тоже не рыбак. Надеюсь, ты не обидишься, если я продам лодку. Хотя... может, лучше ее все-таки оставить. Вдруг придется удирать? Когда участвуешь в твоих затеях, ничего не знаешь наперед. Но скажи мне вот что: в которую из сорока девяти мальванских преисподних провалился этот дурень Зерлик? Он должен был забрать меня отсюда еще вчера.

Карадур покачал головой.

— Легкомысленное создание, что с ним поделаешь? Сегодня с утра я случайно встретил его во дворце, он пришел отчитаться перед королем. Увидев меня, хлопнул себя по лбу и вскрикнул: «О боги! Совсем забыл про твоего друга Джориана. Я оставил его на пристани!» Так все и выяснилось.

— Чем же он занимался целый день?

— Отсюда сразу поспешил домой, ему не терпелось узнать, вернулся ли его слуга с колесницей и лошадьми. Как оказалось, они прибыли за день до него. И Зерлика так обрадовала встреча с любимыми лошадьми, что он забыл обо всем на свете.

— Верно, его обрадовали не только кони, но и перспектива всю ночь наворачивать жен, — проворчал Джориан. — Пропади он пропадом, не желаю больше иметь дела с этим ослом.

— Что ты, он тебя просто обожает! Прожужжал мне все уши о том, какой ты прекрасный товарищ, особенно в трудную минуту — уверенный в себе, все знаешь, все умеешь. Сказал, что если ты, закончив здесь работу, отправишься в новое путешествие, он хотел бы сопровождать тебя и быть при тебе чем-то вроде оруженосца.

— Приятно, когда тебя уважают, но, по правде, Зерлик умеет только путаться под ногами. Парень-то он неплохой, но дуралей страшный. Хотя я сам, верно, еще не такое вытворял в его годы... Нам далеко? Поскорей хочу вымыться.

— Будешь жить у меня, туда сейчас поедem. Нагружай свободного осла, по пути забросим Зерлику вещи.

Отобедав у Карадура в гостинице, расположенной неподалеку от дворца, Джориан сказал:

— Если я правильно понял, ты хочешь, чтобы я исправил часы на башне Кумашара, и благодаря этому можно будет вызволить Эстрильдис. Не пойму только, какая тут связь?

— Прямо сейчас, сынок, у меня нет возможности вернуть твою супругу.

— Тогда зачем ты притащил меня сюда за сотню лье? Конечно, если заплатят неплохо...

— Но я почти уверен, что когда дело с часами успешно завершится, такая возможность появится. Малютка не выскочила замуж за другого?

— Уверен, что нет. Я послал ей записку, брат взялся передать — он был проездом в Ксиларе, продавал в чинил часы. В записке я просил, чтобы она подождала, если еще любит меня. Что я непременно что-нибудь придумаю. Но при чем же здесь починка иразских часов?

— А вот при чем. Верховный жрец Угролука как-то напроорочил, что эти часы спасут город от гибели, в том случае, если всегда будут точно идти. В прошлом году они остановились; часовщик Йийим с ними не справился, и они стоят по-прежнему. Ничего удивительного, ведь Йийим — бедный родственник короля, его назначили на эту должность, потому что ему нужны были деньги, а в часах он никогда в жизни не разбирался.

— В каком состоянии находится в Иразе часовое дело?

— Да ни в каком. На весь город несколько водяных часов из Новарии, да эти огромные на башне, что смастерил твой отец. Во Дворце Познания есть ученые, пытающиеся овладеть часовым искусством. Кое-чего достигли: собрали часы, которые за день убегают вперед или отстают не более, чем на четверть часа. Дай срок, и в Иразе, думается мне, появятся свои часы, не хуже, чем у других. А пока ничего не остается, как обходиться солнечными, песочными да свечными.

— А что это за Дворец Познания? — спросил Джориан.

— Внушительное заведение, основанное сто с лишним лет назад, при... при... как же его звали?.. — Карадур прищелкнул пальцами. — Проклятье! Все хуже с памятью. А! Вспомнил: при короле Хошче. Во Дворце два отделения — Духовная школа и Реальная школа. Первая занимается искусством магии, вторая — механикой. Во Дворце есть библиотеки, лаборатории, комнаты для занятий, где ученые делятся с учениками своими достижениями.

— Как академия в Оттомани, только размах побольше.

— Вот-вот, сынок. Правда, академия... хм... академия изучает главным образом литературу и теологию, а Дворец Познания не брезгует вопросами чисто практическими. Я сам преподаю в Духовной школе.

— Теперь припоминаю. Я, похоже, слышал о вашем Дворце, когда изучал в академии стихосложение. Это не у вас разработали ветряную мельницу последнего образца?

— Да-да. Но теперь Дворец Познания уже не тот, что прежде.

— А что такое? — спросил Джориан.

— Хошча и его преемники живо интересовались науками, и духовными, и материальными. Они щедро снабжали Дворец деньгами, и наука шагнула далеко вперед. Позднее короли заметили, что их возможности все же ограничены, несмотря на все научные достижения, и виной тому человеческая природа. Сколько ни совершенствуй ослиную и лошадиную упряжь, чиновники все равно берут взятки, воруют и притесняют народ. Можно заговорить оспу, но нельзя излечить короля от пороков, безрассудства и заблуждений. Лучшая конструкция водяного колеса не избавляет Его Величества от родни, пытающейся отравить его и захватить трон.

— Дай вам волю, вы весь мир наводните механизмами, будет как на том свете, куда души попадают после смерти и где все делают машины. Помнишь, я заглянул туда мельком, когда бежал из Ксилара?

Карадур, пожав плечами, продолжал:

— Короче, короли заметили, что жизнь стала в некоторых отношениях удобнее, и только счастья не прибавилось. Тогда они начали терять интерес к Дворцу Познания. Последние полвека вложения

постепенно уменьшались. С тех пор как лет тридцать тому назад был изобретен телескоп, наука, можно сказать, стоит на месте.

Учреждение сейчас возглавляет некий Борэ — неуч и бездельник, совершенно непригодный для этой должности. После пророчества насчет часов король и его приближенные очень разволновались: часы-то неисправны. Король возложил всю ответственность на Борэ. Борэ, в свою очередь, переложил ее на декана Реальной школы, а уже тот — на часовых дел мастера Йийима. Дело кончилось ничем.

Никто из этих господ не желает признать, что должности во Дворце следует распределять в соответствии с заслугами и ученостью. Иначе они, глядишь, сами расстались бы с теплыми местечками. Утверждают, будто ученые — люди с предубеждениями, вечно им все кажется невозможным, здраво судить о науках, таящих столько неожиданного, может только дилетант благородного происхождения. Так и идет месяц за месяцем, болтовни много, толку никакого.

В прошлом месяце его величество устроил преподавателям Духовной школы торжественный прием. Потчевал нас какими-то немыслимыми деликатесами. Чего стоило блюдо из язычков фатуливы, птички из далекого Буранга! Любит же король поесть, клянусь богами Мальваны! Я привык к простой пище, и на приеме не очень-то интересовался экзотическими блюдами, а вместо этого воспользовался случаем, чтобы поделиться с Его Величеством кое-какими мыслями. Дал ему понять, что, обладай я полномочиями Борэ, часы на башне очень скоро были бы в исправности.

Сперва мы все ходили вокруг да около, я осторожничал: королю ведь не выскажешь прямо, что думаешь. Да и король, если он не глуп, не раскроет всех своих соображений простому человеку, как я. Король Ишбахар, как выяснилось, не лишен здравого смысла, стоит отвлечь его от чревоугодия. Он согласился, что с этими часами, не желающими отсчитывать время, надо что-то делать. С другой стороны, он не может просто взять и уволить Борэ, у которого есть влиятельные друзья среди знати. Да и что за повод? Жалоба младшего преподавателя, притом иностранца.

Наконец мы пришли к соглашению. Король обещал назначить меня на особую должность, которая называется Друг короля. По сути она означает мальчика на побегушках, зато позволила мне сделать распоряжения насчет починки часов.

— Если часы заработают, — сказал король, — я пошлю Борэ на пенсию, а ты займешь его место.

Воспользовавшись правами, которые дает моя новая должность, я послал за тобой Зерлика. Где ты, я приблизительно определил при помощи колдовства.

— Но как это поможет вызволить мою девочку из ксиларской золоченой темницы?

— Разве не понятно, сынок? Как ректор Дворца Познания, я смогу направить усилия ученых и волшебников в полезное для нас русло. С их помощью нам наверняка удастся похитить твою жену из Ксилара. Представь себе, лучшие умы...

— Странно, что ты сам не придумал никакого волшебного способа.

— При теперешнем положении дел это невозможно. Декан Духовной школы, Фахрамак, мало чем отличается от Борэ или Йийима. Беспокоится, как бы я его не вывел на чистую воду, и поэтому дал мне глупейшее задание, какое только мог выдумать: я должен составить словарь языка, на котором говорят черти пятой реальности. Иногда Фахрамак заглядывает ко мне проверить, не занят ли я, чего доброго, каким-нибудь другими исследованиями.

— А что бы ты сделал для освобождения Эстрильдис, если б тебе не мешали?

— По-моему, ничего не придумать лучше волшебных летающих предметов. Ты слышал, конечно, о метлах и коврах-самолетах? В метлу или ковер вполне можно вселить демона и даже заставить его подняться в воздух. Только далеко с ним не улетишь.

— Почему?

— Они петляют, переворачиваются, кружатся, будто падающий лист, словом, безобразничают, как могут, и летающий предмет рвется или ломается, так и не успев стать приличным самолетом. Во Дворце сейчас есть группа ученых, которые трудятся над этой проблемой. Если ты починишь часы, в моей власти

будет привлечь к работе еще сколько угодно исследователей, и я не сомневаюсь, что вскоре мы достигнем цели.

— Кто мне платит? — спросил Джориан. — И сколько?

— Я заплачу из особого фонда, которым располагаю как Друг короля. Тебя устроит пол пенембийской короны в день?

— Сколько в новарских деньгах?

— Пенембийская корона соответствует двум с половиной ирским маркам, а ксиларскому льву — шесть корон.

— В таком случае полкороны в день — плата подходящая.

— Это не так много, как поначалу кажется: жизнь в таких крупных городах дорогая. Будет не хватать, не стесняйся, скажи.

— Мне кажется, на первую выручку неплохо бы обзавестись какой-нибудь местной одеждой, чтобы не так выделяться.

Карадур внимательно поглядел на него.

— Это дело непростое. Одежда несет здесь политический смысл.

— Да ну! Как это?

— У нас две партии болельщиков — Штаны и Юбки.

— Как ты сказал? Партии болельщиков?

— Да. Пожалуй, расскажу по порядку. Начать с того, что жители Ираза — самые азартные болельщики на всем белом свете. Их любимый вид состязаний — скачки. На каких только зверях тут не соревнуются, даже на черепахах!

— Что? Оседлали бы лучше улиток, еще увлекательнее.

— Тут не до шуток, сынок. Они садятся на гигантских черепах, отловленных где-то на островах, и те ползают по ипподрому. Болельщики разделены на две группировки, знаком отличия является одежда. Одна группировка носит юбки в складку, вроде той, что ты видел на господине Зерлике, другая — брюки. Редкое состязание обходится без потасовок между Штанами и Юбками. Тут и поножовщина, и прочие безобразия. Драки случаются и вдали от ипподрома, когда нет скачек.

— При чем же здесь политика?

— Страсти кипели, росла сплоченность внутри группировок, и те быстро приобрели политическую окраску. Пожалуй, Штаны можно назвать либералами, а Юбки — консерваторами, ведь юбки — одежда более традиционная. Брюки начали носить только в прошлом столетии, переняв покрой у мальванцев.

— Тогда мне волей-неволей придется записаться в либералы, — сказал Джориан. — Не хочу носить юбку! А на чьей стороне король?

— Принято считать, что он придерживается нейтралитета, так как группировки имеют общественный статус и располагают отрядами городского войска. На деле он больше тяготеет к Юбкам: они на все лады превозносят абсолютную монархию, тогда как Штаны хотят ограничить ее, создав выборный совет. Штаны сейчас в немилости: от них отделилась фракция диссидентов, которые покинули Ираз и теперь, по слухам, подстрекают к мятежу крестьян. Так что лучше бы тебе нарядиться консерватором.

Джориан упрямо покачал головой.

— Буду ходить в брюках: в юбке неловко как-то. К тому же поддувает. Тебе придется объяснить королю, что одежда не имеет для меня политического значения, я ведь чужеземец.

Карадур вздохнул.

— Попробую. Как я уже говорил, король Ишбахар — человек здравомыслящий, если оторвать его от гурманских удовольствий.

Глава 4

Часовых дел мастер

Джориан в новых иразских шароварах стоял во внутреннем дворе башни Кумашара, закинув голову и щурясь от яркого света.

— Клянусь медным задом Вэзуса! — воскликнул он. — До часов, верно, этажей тридцать. Выходит, мне предстоит каждый день подниматься на тридцать маршей по лестнице, а потом спускаться?

— Нет, сынок, — успокоил его Карадур. — Башню построили во времена Шаштая Третьего, и сперва рабочим приходилось преодолевать семьдесят с лишним этажей, чтобы поддерживать огонь маяка. Многие умирали от разрыва сердца, поэтому Хошча, основав Дворец Познания, велел ученым изобрести способ доставки людей и грузов на башню и обратно. Пойдем со мной, сам посмотришь.

Они приблизились к зданию с северной стороны; огромная тиковая дверь сверху и по бокам была украшена скульптурами драконов, львов и грифонов. Солдат, который стоял возле двери, прислонившись к стене, выпрямился и загородил собою дверь, встав на вытяжку и звякнув наголенниками. Затем гаркнул что-то по-пенембийски.

Карадур вглядывался своими близорукими глазами.

— А! — сообразил он и ответил на том же языке. — Вот!

Старый мальванец достал пергаментный свиток и вручил его солдату. Листок надо было держать двумя руками, иначе он скручивался; читая документ, охранник выпустил алебарду и неловко придерживал ее согнутой рукой. Наконец пергамент с шумом свернулся в трубку, и Карадур получил его назад.

— Проходите, господа! — сказал солдат и в знак приветствия поднес кулак к бронзовому нагруднику.

Он с лязганьем повернул большую медную ручку и отворил створку тиковой двери. Заскрипели петли.

Внутри было пыльно и мрачно, как в пещере. После яркого солнца казалось темно, хотя на каждом этаже были окошки, пропускающие свет — правда, довольно тусклый из-за накопившейся на стекле грязи.

Справа виднелась главная лестница. Будто выросшая из пола, она спиралью обвивала башню; на этажах имелись лестничные площадки, откуда можно было попасть в многочисленные каморки, встроенные в здание. Лестницу окружало пустое пространство, уходящее в сумрачную высь.

На первом этаже заметны были кое-какие части механизма — свисающие сверху цепи, веревки и сбоку мельница с конным приводом. Мельница представляла собой вертикальную ось с поперечиной наверху. С концов поперечины свешивались сбруя и хомут. Упряжь болталась просто так, мельница бездействовала.

— Что это? — спросил Джориан.

— Стрелки движет вода, поэтому, когда часы ходят, надо ежедневно перекачивать воду из ямы в резервуар наверху. Видишь мельницу? В нее впрягается пара мулов, они вращают ось, за счет всех этих колес и цепочек насос приходит в действие. Да ты сам лучше меня разберешься. После того, как часы встали, мулам нашли другое применение. Привет, Сейхол!

В углу зашевелилась куча тряпья, из-под которой показался сонный рабочий. Он поднялся с полу, и на его коричневом лице прорезалась улыбка, обнажившая ряд кривых желтых зубов.

— А, доктор Карадур! — воскликнул рабочий и сказал еще что-то по-пенембийски.

«Верно, спросил, надо ли ему наверх», — подумал Джориан.

— Да, — сказал Карадур. — Сколько ты вешишь, сынок? — спросил он Джориана.

— Был сто девяносто, когда взвешивался последний раз. Когда переваливаю за двести, начинаю расстраиваться. А в чем дело?

— Нужен противовес.

И снова обратился к служителю лифта:

— Ну, скажем, триста двадцать пять.

Сейхол потянул за свисающий шнур; тихонько зазвенел колокольчик.

— Ты тоже заходи, — сказал Карадур. Чародей шагнул в большую деревянную коробку с открытым верхом, футов шести в длину и в ширину; со всех сторон в ней были прибиты поручни, а над головами возвышалось нечто напоминающее портал крана. К этому сооружению была прикреплена цепь, уходящая вверх за предел видимости.

Сейхол ухватился за другой шнурок и дернул тринадцать раз с небольшими промежутками. Затем снова потянул за первый шнур — дважды. Зазвенел колокольчик.

— Что это он делает? — спросил Джориан.

— Подает сигнал тем, кто наверху, чтобы загрузили в другую кабинку противовес — триста двадцать пять фунтов, сколько мы с тобой вместе весим. Держись крепче!

Джориан вцепился в ближайший поручень; кабинка, качнувшись, поползла вверх.

— Клянусь золотой бородой Зеватаса!.. — воскликнул он, глядя вниз через бортик.

— Не делай резких движений, — предупредил Карадур, — а то кабинка закачается, как маятник.

Лифт подымался, исчезали где-то внизу ступеньки лестниц и каморки. Стены медленно приближались: башня имела форму конуса. На шестнадцатом этаже мимо них проехала вниз еще одна кабинка, нагруженная чугунными гирями. Сверху все громче раздавался шум шестеренок и храповиков.

Кабинка остановилась; Карадур проворно вылез из нее; Джориан — следом. Двое потных, мускулистых ирразцев отдыхали: они только что приводили в движение маховые колеса, вращая рукоятку коленчатого рычага.

Ось, на которой сидели эти колеса, соединялась зубчатой передачей с огромным цепным колесом, установленным на самом верху, в центре башни. С одного конца цепи, перекинутой через колесо, свисала кабинка лифта, доставившего Джориана с Карадуром наверх, а с другого конца — нагруженная кабинка, которая встретила их по пути. Зубчатую передачу запирала собачка.

Джориан присвистнул и, поежившись, поглядел вниз.

— Ни разу в жизни так не пугался, даже когда принцесса Яргэли, лежа со мной в кровати, превратилась в ползучее чудовище.

— Это ты-то испугался, сынок? — удивился Карадур. — По-прежнему любишь на себя наговаривать?

Джориан улыбнулся через силу.

— Теперь не так часто, ваше святейшество. Да и вряд ли эти ребята понимают по-новарски.

Он подошел к окну. Внизу раскинулся Ираз; широкие прямые проспекты, удобные для процессий, прорезали паутину маленьких улочек и бульваров, расходящихся в стороны под разными углами. На фоне красных черепичных крыш ослепительно сверкали на солнце металлические купола храмов и других общественных зданий — словно драгоценные камни, рассеянные по красному покрывалу.

— Вот это да! — изумился Джориан. — Скажи, Карадур, вон там — королевский дворец? А вон тот — храм Угролука? А там Дворец Познания? А где наше жилище?

Карадур назвал наиболее заметные здания.

— Странно, — сказал Джориан, — что король не хочет слегка пополнить казну, пуская сюда народ за небольшую плату полюбоваться видом.

— Один из его предшественников пускал. Но молодые люди, страдающие от несчастной любви, повадились прыгать отсюда, и вход в башню пришлось закрыть. Пойдем, если насмотрелся.

Старик повел Джориана вверх по узкой лестнице на следующий этаж, загроможденный часовыми

механизмами. Они увидели поднимающийся лифт, такой же, как тот, что довез их до середины башни, — только поменьше.

— Везет топливо для маяка, — пояснил Карадур. — А вот и Йийим.

Поблизости кто-то стучал по металлу. Тут из-за огромного колеса показался маленький, похожий на гнома, человечек с седеющей бородкой. В руке он держал молоток, которым только что стучал по медному зубчатому колесу.

— Здравствуй, Йийим, — обратился к нему Карадур. — Это Джориан из Кортолии, его пригласил король для починки часов. Джориан, позволь представить тебе часовщика Йийима.

Йийим стоял подбоченясь, глядел на них и не говорил ни слова, только дышал, со свистом выпуская воздух через нос. Затем отшвырнул молоток, и тот с грохотом упал на пол.

— Чтоб ты провалился, старый подхалим! — крикнул он визгливо. — Отродье черта и свиньи! Всюду тебе надо сунуть нос, недоделок! — Он прибавил еще несколько красочных выражений, непонятных Джориану из-за плохого знания языка. — Наконец выгорело, да? Не зря старался? Думаешь, я покажу этому шарлатану, как работают часы? А когда они пойдут, все скажут, что это его заслуга, так? Хочешь лишиться меня места? Ну, хорошо же, разбирайтесь, как знаете, от меня не услышите ни слова! Если вас обоих накрутит на колесо и перемелет, тем лучше! Чтоб вас сверху боги обоссали!

Йийим скрылся, двинувшись вниз по лестнице. Зашумел лифт, увозящий часовщика.

— Сдается мне, когда этот парень наверху в башне, внизу лучше не стоять, — сказал Джориан. — Неровен час, сбросит что-нибудь.

— Да нет, он не опасен. Если у тебя все получится с часами, Ишбахар пошлет его на пенсию. Не захочет же он лишиться пенсии, зачем ему неприятности?

— Да? Хм-м... Ты уже, помнится, раз понадеялся на чью-то честность и благоразумие. Я видел, что из этого вышло — Джориан подобрал молоток. — Хоть один инструмент. Здесь на стене полка для инструментов, но она пустая.

— Все, что было, либо потерялось за последние годы, либо украдено, — сказал Карадур. — Тебе придется обзавестись новыми.

— Прежде надо посмотреть, что тут за часы...

Целый час Карадур, скрестив ноги, сидел на полу, погруженный в раздумье, а Джориан обстукивал, осматривал и ощупывал механизм часов. Наконец он заявил:

— Давно уж я не занимался часами, но здесь задачка проще твоей бороды. Я понял, почему они встали.

— В чем же причина, сынок?

— Причина не одна. Во-первых, согнулась спусковая собачка. Во-вторых, по этой шестерне, очевидно, кто-то сильно ударил и испортил зубец. В-третьих, масло в подшипниках подсохло и загустело, уже из-за одного этого колеса бы не вертелись, даже если б остальное было в порядке.

— Сможешь исправить эти погрешности?

— Думаю, да. Сперва надо заказать инструменты. К кому в Иразе лучше всего с этим обратиться?

* * *

На двадцать третий день месяца Оленя во дворе башни Кумашара появилась процессия. Впереди шел оркестр. За ним — рота королевской гвардии; один взвод был вооружен пиками, другой — саблями, третий — арбалетами. Следом несли королевский паланкин — не рабы, а самые знатные придворные, некоторые в юбках, другие в штанах. Шествие замыкали кавалеристы.

Придворные опустили палантин перед главным входом. Занавески шатра раздвинулись, и военные тут же загремели оружием в знак приветствия, а все остальные упали на одно колено. Из паланкина

медленно выбирался неимоверно толстый человек в белом, расшитом золотом одеянии и кудрявом парике, на котором красовалась корона с изображением змеи. Он пыхтел и сопел, чувствовалось, что каждое движение стоит ему труда.

Кое-как отдышавшись, король Ишбахар поднял вверх руку, и на солнце засверкал огромный рубиновый перстень с печатью, надетый у него на среднем пальце.

— Поднимитесь, добрые люди! А, доктор Карадур! — тонким голосом и, как всегда, с одышкой произнес король.

Он заковылял навстречу старику. На пути ему попала лужа, оставшаяся от вчерашнего дождя, но кто-то из господ придворных живо набросил на нее свой плащ.

Карадур поклонился.

— Это и есть тот самый... господин... — начал король.

— Джориан, ваше величество, — подсказал Карадур.

— Господин Джориан? Рад познакомиться... хых, хых... Ну что, сударь мой, часы пошли?

— Да, мой король, — ответил Джориан. — Хотели бы взглянуть, как работает механизм?

— Да, разумеется. Лифт не сломан?

— Нет, сир.

— Мы надеемся, что все его части прочны и в полном порядке, мы ведь далеко не мотыльки... хых, хых... Ну что ж, пойдемте, пойдемте.

Король, не переставая пыхтеть, двинулся к двери. К его прибытию на первом этаже наскоро подмели и вымыли пол. Вокруг мельничного столба ходили мулы, а погонщик время от времени хлестал кнутом то одного, то другого. Гремели сбруи и оглобли. Король вошел в кабинку лифта.

— Доктор Карадур, — сказал он. — Мы не можем позволить человеку столь почтенного возраста подниматься на тринадцатый этаж пешком, ты поедешь с нами. И господин Джориан тоже, как же без мастера?

— Ваше Величество! — подал голос один из придворных (это был высокий худощавый человек с острой седой бородкой). — Я не хочу обидеть господ Карадура и Джориана, но, по-моему, вам опасно отправляться в лифте без телохранителя.

— Что ж... хых, хых... Отберите одного солдата покрепче, и хватит.

— Если выдержит лифт, сир, — предупредил Джориан.

— А сколько он выдерживает?

— Точно не знаю, но боюсь, мы вдвоем — это предел.

— Ладно, за минуту похудеть мы все равно не сумеем. Полковник Чивир?

— Слушаю, ваше величество, — отозвался самый блестящий из офицеров; он был поразительно хорош собой и ростом с Джориана.

— Выделите группу солдат, которые будут подниматься на башню по лестнице. Пусть не отстают и не выпускают лифт из вида. Да смотрите, отбирайте сильных и здоровых! А то еще начнут валиться с ног на полпути... Хых, хых.

Как и помещения башни, служитель лифта Сейхол был в этот день опрятнее обычного. Он подергал за шнурки, и лифт со скрипом пополз вверх. Солдаты двинулись по лестнице, звеня оружием и стараясь держаться вровень с лифтом.

Наверху король выбрался из кабинки, которая при этом сильно покачнулась. Изнемогая от одышки, он стал подниматься по лестнице туда, где находились часовые механизмы. Вслед за ним порог комнаты один за другим переступили красные, потные, запыхавшиеся солдаты.

Механизмы во всю работали, производя сильный шум. На первом этаже была запущена мельница с

конным приводом, она вращала вал, приводящий в действие насос, который качал воду из ямы в резервуар наверху. Из этого резервуара вода по трубе текла к большому колесу, увешанному по краю ведрами. Когда очередное ведро наполнялось, спусковая собачка освобождала колесо, оно поворачивалось, и под струю попадало пустое ведро. На середине пути ведра наклонялись, вода выливалась в желоб и по нему стекала в яму. Ведерное колесо приводило в действие систему шестерен, соединенных со стрелками часов на всех четырех стенах башни. При помощи другого механизма часы отбивали время.

— Давно уж мы здесь не бывали... хых, хых, — громко сказал король Ишбахар, стараясь перекрыть плеск воды и лязг металла. — Объясни ты нам, пожалуйста, любезный господин Джориан, в чем тут дело.

Джориан уже довольно бегло говорил по-пенембийски, хотя и с ошибками. В затруднительных случаях на помощь приходил Карадур, и Джориан вкратце описал королю принцип работы часов. Пока он говорил, в комнату вошла группа знатных господ, доставленных следующим лифтом.

— Ты, наверно, знаешь доктора Борэ, Джориан, — сказал король. — Он ректор Дворца Познания. По крайней мере, сейчас.

Борэ, пузатый, седобородый господин в юбке, поклонился Джориану и бросил прищуренный взгляд на Карадура. Кланяясь, он пробормотал что-то себе под нос, но Джориан не разобрал, что именно.

— Извините, — обратился ко всем король. — Нам хотелось бы обсудить с ним кое-какие планы, касающиеся нашего города. Ведь лучшего места для этого не придумать: отсюда весь город виден как на ладони и карты не нужны.

Король заковылял к окну и там стал оживленно говорить что-то Борэ, указывая пальцем вниз то в одну, то в другую точку. К Джориану обратился толстячок в брюках, годами несколько старше него.

— Прошу прощения, господин Джориан. Мое имя Вег, я предводитель партии Штанов. Судя по одежде, ты человек передовых взглядов, каких придерживаются члены моей почтенной организации. Получив пенембийское гражданство, ты, вероятно, захочешь...

— Что, Вег, уже агитируешь? — сказал высокий худощавый вельможа с острой седой бородкой. — Нехорошо получается.

— Кто смел, тот и съел, — усмехнулся Вег.

— Извините, господа, — вмешался Джориан. — Я не понимаю иразская политика. Объясните, пожалуйста.

Вег улыбнулся.

— Это господин Амазлук, предводитель партии Юбок. Ему, само собой, хочется зачислить тебя...

— Вот еще! — возмутился Амазлук. — Бедняга в Иразе совсем недавно. Конечно, ему ничего не известно о славных традициях нашего прошлого, которые поддерживает и так высоко ценит моя партия. Мой тебе совет, молодой человек, если хочешь здесь вращаться среди людей достойных, не носи больше этой варварской одежды, этой части туалета.

— Тебе не кажется, Амазлук, что ты встрял в нашу беседу? — сказал Вег. — Не лезь не в свое дело, дай спокойно поговорить с господином Джорианом.

— Это мое дело! — вскричал Амазлук. — Когда я вижу, как ты морочишь голову молодому чужеземцу, ничего не понимающему...

— Морочу голову! — возмутился Вег. — Ну, знаешь!

— Господа, господа! — вмешались другие придворные, разводя в разные стороны разозлившихся предводителей.

— Во всяком случае, — заявил Амазлук. — В моей партии не водятся изменников, сбежавших в провинцию подымать бунт!

Он повернулся кругом и гордо удалился.

— Что он говорил? — спросил Джориан с наивным видом.

— Он имел в виду этого негодяя Мажана, лидера группы диссидентов, который был членом моей почтенной организации, пока мы его не исключили. Никуда не денешься от экстремистов, жаждущих кровопролития, в семье не без урода. У нас вот — Мажан.

— Да?

— Видишь ли, Джориан, мы, то есть партия Штанов, держимся золотой середины. Мы за выборный королевский совет, наделенный законодательной властью. Нам чужды обе крайности, существующие в Иразе: и консерваторы вроде Амазлука, враги прогресса, от которых пахнет плесенью; и маньяки вроде Мажана, которые вообще отменили бы монархию. Кроме нас, в Иразе нет здравомыслящих людей.

— Что такое? Мажан убежал?

— Он и несколько его сторонников исчезли. Ходят слухи, будто они сбежали из города, когда провалилась попытка Мажана занять мое место. С тех пор их никто не видел. У меня есть подозрение, что все это дело рук богатых молодчиков Амазлука, они выследили группу Мажана и, явившись на какое-нибудь тайное совещание, всех их перерезали, а уж потом состряпали историю о побеге, чтобы опозорить партию Штанов. Когда...

— Господа! — пропыхтел король. — Мы, пожалуй, уже насмотрелись. Давайте спустимся во двор, нам надо кое-что вам сказать.

Когда все оказались во дворе, королевские гвардейцы расступились и король Ишбахар встал в середине образованного пустого пространства.

— Мы имеем удовольствие объявить, — сказал он, — что за особые заслуги перед нашей короной и государством доктора Карадура из Мальваны и господина Джориана из Кортолии, усилиями которых были починены часы на башне Кумашара, мы назначаем первого ректором Дворца Познания, а второго нашим новым часовщиком. Доктору Борэ и часовщику Йийиму за верную многолетнюю службу присуждается пенсия. Доктор Борэ назначается почетным членом комиссии по планированию городского строительства.

— Кто сказал, что я хочу быть часовщиком? — прошептал Джориан Карадуру.

— Не волнуйся, сынок. Должен же ты чем-нибудь заниматься, пока я пытаюсь вернуть твою жену, а жалованье щедрое.

— Ну, ладно. А Борэ, похоже, не в восторге от того, что его отправили на пенсию.

— Ничего удивительного: его доход уменьшится вдвое. За почетное членство жалованья не платят.

— Тогда надо держать ухо востро, у нас еще один враг.

— Ты слишком уж мнителен...

— А теперь, господа, — сказал король, — пора домой, в наше бедное жилище. Доктор Карадур и господин Джориан, имеем удовольствие просить вас сегодня отобедать с нами.

Джориан с Карадуром проехали через огромные ворота и попали на территорию дворца, окруженную стеной. На воротах сверху торчали железные колья, на один из них была насажена человеческая голова.

— Врата Счастья, — пояснил Карадур.

— Этот парень наверху, похоже, не очень-то счастлив, — заметил Джориан, показывая на голову.

— А, этот! Здесь по традиции выставляют головы преступников.

— Врата Счастья, ну и название! У кого-то была богатая фантазия.

— Ты прав, сынок. Однако теперешний монарх — человек мягкий и жалостливый, поэтому в последнее время здесь редко увидишь больше одной головы. Консерваторы ворчат, что такое милосердие поощряет злоумышленников.

Прибыв во дворец, король отпустил вельмож, которые несли паланкин. Джориана и Карадура проводили в личную королевскую столовую, где они и откушали вместе с королем, можно сказать, без посторонних, если не считать двоих стражников, стоявших в углах, секретаря, делавшего на листке заметки,

и слуги, который обязан был пробовать еду.

После обмена любезностями Джориан упомянул в разговоре о пиратах из Альгарта, встретившихся ему во время путешествия.

— Мне показалось, — заметил он, — что у здешних берегов они нахальнее, чем где бы то ни было. Ваше Величество, верно, знает, какие следует принять меры.

Король Ишбахар заметно погрузстнел.

— Герекит, — сказал он секретарю, — напомни мне переговорить с адмиралом Кьяром. Ах, если бы мы только могли уговорить этих негодников честно трудиться и жить, как все люди! — снова обратился он к Джориану. — Неблагодарные! Знаешь ли ты, до чего обнаглели эти мошенники? Им, видишь ли, мало тех даров, которые они получают ежегодно. Требуют еще!

— Так Ваше Величество, что же, платит им д... да... — Джориан осекся, почувствовав, как Карадур ударил его под столом по голени, — Я хотел сказать... ваше правительство выплачивает этим господам некоторые суммы...

— Можно сказать, что так. Да, так оно и есть. Я знаю, жесткая политика имеет свои плюсы. Мы не раз обсуждали это на заседаниях. Но наш выдающийся философ Реббим считает, что альгартийцев нельзя осуждать. Их архипелаг — скопление бесплодных, изрезанных морем скал, на которых трудно что-нибудь вырастить. У жителей этой суровой страны нет иного выхода, им остается либо пиратствовать, либо умереть с голоду. Поэтому ежегодные выплаты, обеспечивающие неприкосновенность наших судов, мы сочли наиболее человеческой и великодушной мерой.

Кроме того, выплаты сперва составляли лишь крохотную долю той суммы, что выделялась ранее на усиление нашего флота. Знаете, сколько сейчас получает в день загребной на галере? Три монеты! Есть же ненасытные люди. — Король покачал головой, и щеки при этом затряслись. — Но давайте переключимся на что-нибудь более приятное. Попробуйте носорожьей печенки с соусом из мозгов миноги. Вот увидите, вы никогда еще не ели ничего подобного... хых, хых.

Джориан попробовал.

— Должен признаться, вы правы, — сказал он, мужественно проглатывая печенку. — Ваш покорный слуга и впрямь ничего похожего не едал. Но, хотя желание Вашего Величества для меня закон, я, что называется, дошел до точки: жевать могу, глотать нет. Наелся до отвала.

— Шутишь! Такой рослый, здоровый парень? Да сколько ты съел? Птичке впору. И та долго не протянет.

— Смотря какая птичка, сир. За обедом я обычно съедаю раза в три меньше. Это как в истории о короле Фузиньяне и зубах Гримнора, помните, я рассказывал?

Щеки короля затряслись от смеха.

— Ах, Джориан! Если бы боги послали мне ребенка, хотел бы я иметь такого сына, как ты!

Джориан взглянул на него с изумлением.

— Ваше Величество, я безмерно польщен. Но... — Он вопросительно поднял бровь.

— Господин Джориан недавно в Иразе, сир, к тому же он день и ночь трудился над часами. Ему не известно, в каком положении оказалась наша династия.

— Положение, как выразился наш деликатный доктор, очень простое. У нас было несколько жен, две из них и сейчас живы. Но из всех этих женщин лишь одна принесла мне ребенка, который умер во младенчестве. У нас имеется двое недостойных племянников, и одному из них нам, судя по всему, придется передать корону.

Но давайте поговорим о чем-нибудь более веселом. Через три дня наступит праздник Угролука, а с ним — главные скачки года. Для вас, ученые господа, будут специально отведены места на ипподроме, прямо под королевской ложей. Там безопаснее, мало ли, эти Юбки со Штанами снова развоются.

Король со вздохом поглядел на тарелки, все еще полные еды.

— Если бы мы только могли весь вечер просидеть за столом, предаваясь невинным удовольствиям и ни во что не вмешиваясь. Но, увы, мы должны пойти вздремнуть, а потом нам предстоит разбираться в скучнейшем судебном деле. Эх, горе быть королем!

Знаешь, Джориан, а ведь в юности мы подавали надежды как ученый. В библиотеке все еще хранится наш труд по пенембийской фонетике времен Джуктара Великого. Но, увы, все это осталось далеко позади. Не так давно мы попробовали писать мемуары, но государственные дела съедают столько времени, что мы не добрались еще и до третьей главы.

— Я вас понимаю, — сказал Джориан. — Я и сам жалею порой, что не стал ученым, как доктор Карадур. Когда-то, еще в Оттомани, я учился в академии, но после так и не смог всерьез приняться за учебу: все скитался по разным краям, так уж сложилась жизнь.

— Ну, теперь ты здесь, у нас, — ответил король, — и мы уверены, что все можно устроить. Ну что ж, нам пора. Всего хорошего, друзья.

— Он похож на добродушного старого селезня, — сказал Джориан позднее.

— Да, добродушия у него не отнимешь, — согласился Карадур. — Только вместо того, чтоб управлять государством, он набивает себе живот, и характера никакого — бесхребетен, как студень. С чисто моральной точки зрения я одобряю его миролюбивый настрой, но боюсь, для нашего жестокого мира Ишбахар слишком непрактичен.

Джориан улыбнулся.

— Ведь ты сам вечно укорял меня за юношеский цинизм. Твое выражение, помнишь? А теперь и твои взгляды стали жестче.

— Видимо, твое желчное мировосприятие оказалось заразным, и я отчасти его перенял. Что касается короля Ишбахара, он не так плох, пока в королевстве все идет гладко. Если же наступит критическая минута... что ж, тогда посмотрим.

— А этот парень, Мажан, не может его сбросить? Едва ли такая размазня, как Ишбахар, просидит долго.

— Мажан пожил в Новарии и воротился оттуда, набравшись благородных мыслей, хочет установить республиканскую власть по образцу Виндии. Нелегкую он выбрал себе задачу: чиновники Ишбахара привыкли к атмосфере всеобщей продажности и угнетения. Будем надеяться, что у Мажана ничего не выйдет.

— Почему? У виндийцев дела идут не хуже, чем у других. А здесь, насколько вижу, хорошего мало.

— Речь не об идеях Мажана, сами по себе они не так плохи. Все дело в самом Мажане. Я его знаю. Это талантливый энергичный идеалист, но он полон ненависти, в нем кипит мстительная варварская злоба. Хвастал как-то, что когда он придет к власти, на Вратах Счастья будет красоваться не одна голова, а тысяча. Поговаривают, будто он даже собирается призвать на помощь дикие племена федиранцев.

— Жаль, что идеи нельзя как-нибудь отделить от их носителей, — заметил Джориан.

— Да. Об этот камень разбилось в прах множество благороднейших политических замыслов. Мажан мог бы провозгласить самую передовую в мире конституцию, но что проку в том иразцам, если он начнет сотнями рубить головы? А он начнет непременно, как только дорвется до власти.

— Вот и выбирай, — сказал Джориан, — либо добрячок король, смахивающий на студенистую массу, либо одаренный, но кровожадный господин Мажан. Все равно что выбирать между виселицей и топором.

— Ты прав. Но так уж устроен мир.

Глава 5

Подземный ход короля Хошчи

Утро двадцать шестого числа выдалось хмурым, предвещающим осенний дождь. В устье реки Льеб, словно кучка водяных насекомых, сновали от одного берега к другому маленькие суда, перевозившие в Жактан тысячи иразцев.

Джориан и Карадур свернули с жактанской набережной. В конце улицы, на которой они оказались, начинались земли храма Нубалиаги. Добравшись до них, Джориан и Карадур вместе с людским потоком двинулись вправо и вскоре подошли к храму с восточной стороны.

Храм представлял собой огромное сооружение с куполами и шпилями. Серебряная обшивка куполов мягко светилась под серым небом. Вход с обеих сторон украшали скульптуры прекрасной обнаженной женщины высотой тридцать футов. Это были статуи Нубалиаги, одна изображала богиню натягивающей тетиву лука, вторая — льющей воду из кувшина.

— Та, что слева, разгоняет затмение, — пояснил Карадур, — а вторая управляет приливом и отливом.

Джориан остановился взглянуть на статуи.

— Забавно, — сказал он. — Прошлой ночью мне приснилась женщина точь-в-точь как эта, то есть натурщица, которая позировала для этой скульптуры.

— Ну да? И что же?

— Кажется, эта дама сказала мне: «Берегись второй короны, сын мой». Одежды на ней было не больше, чем на этих статуях, а я с тех самых пор, как мы с тобой расстались в Метуру, вел на редкость добродетельную жизнь. Ну и, само собой, попробовал обнять ее, но она обратилась в дым и улетучилась. Я решил, что причина этого сна в моем неудовлетворенном вожделении, да и слова женщины показались бессмыслицей. Короче, я не придал сну особого значения и не могу теперь вспомнить, что там было еще.

— Хм. К таким вещам должен быть готов каждый. Ты же знаешь, боги... ну, словом, иногда являются смертным, такое и впрямь бывает.

— Если предупреждение богини было вроде того совета, что дал нам зеленый божок Тваша, — помнишь, в Швении? — то я вполне могу обойтись без него.

Храм стоял на возвышении, и улица, ведущая от него на восток, шла под гору. Народ двигался по улице сплошным потоком — иразцы в юбках или шароварах, женщины, с головы до ног закутанные в ткань, пришельцы из Федирана, Новарии и даже светловолосые варвары из далекой Швении, потеющие в меховой и шерстяной одежде. Среди иразцев выделялись сторонники Юбок, нарядившиеся в красное и белое — цвета этой партии, а приверженцы Штанов красовались в синем и золотистом.

— Рад слышать, что ты не даешь воли плотским желаниям, — сказал Карадур. — Это необходимая ступень, ведущая к нравственному совершенству и просвещенности духа. Может быть, ты стал последователем какой-нибудь аскетической философии или культа?

— Нет. Просто мне казалось, Эстрильдис не пришла бы в восторг, узнав, что я без нее макал куда попало свой фитиль. Такова любовь, что поделаешь. Ну, ничего, придет время, я наверстаю упущенное.

Они подошли к внешней стене ипподрома; каменные арки, выстроенные одна над другой, создавали ярусы, на которых стояли кресла. Толпа, дробясь на отдельные потоки, текла к входам.

— У нас в билете указан вход номер четыре, — сказал Джориан. — Где это?

— Направо, — ответил Карадур.

В толпу замешались торговцы, громко предлагающие свой товар — флажки, игрушечные колесницы, написанные от руки программки, еду и питье. Джориан с Карадуром отыскивали четвертый вход, и толпа внесла их внутрь. Билетер, увидев королевские билеты, почтительно поздоровался с их обладателями и указал места под ложей короля, как раз напротив черты, разделяющей поле надвое.

Джориан и Карадур уселись на свои места и достали свертки, собираясь перекусить. Слева от них места занимали активные члены партии Штанов, и трибуны сплошь пестрели синим и золотым. Справа таким же образом сгрудились Юбки, окрасив трибуны в цвета своей партии — белый и красный. Политиканов разделяла узкая полоска, где сидела знать и высшие чиновники, в том числе Джориан и Карадур, но это не мешало представителям двух блоков орать друг на друга. Монотонный гул ипподрома то и дело перекрывали сочные ругательства.

Когда Джориан допивал пиво, звук фанфар возвестил о прибытии короля. Все на трибунах встали с мест, а Ишбахар проковылял в свою ложу и опустился на позолоченный трон. Затем зрители вновь расселись, король сделал знак глашатаю, и тот приготовил рупор. Король достал лист тростниковой бумаги, увеличительное стекло и начал читать своим писклявым голосом, пыхтя и останавливаясь после каждого предложения, чтобы глашатай успел проорать его слова.

Речь была нудная, но не длинная; для Джориана она свелась примерно к следующему: «...благоприятный случай... прославленный народ... доблестные соперники... блестящая подготовка... пусть победит сильнейший...»

Когда король закончил, на трибуне, занятой Штанами, кто-то поднялся и прокричал:

— Когда Ваше Величество привлечет к суду убийц Сефера?

Король передал ответ через глашатая:

— Умоляю, сударь мой, не надо об этом сейчас. Момент совершенно неподходящий. Дело расследуется...

Но слова глашатая, несмотря на рупор и его собственную луженую глотку, потонули в реве голосов.

— К ответу! К ответу! — дружно скандировали Штаны. Юбки в свою очередь заголосили:

— Долой! Молчать! Долой! Молчать!

— Кто такой Сефер? — спросил Джориан.

— Один чиновник, сторонник Штанов, он был найден убитым. Штаны считают, что его прикончила банда Юбок, а Юбки заявили, что понятия ни о чем не имеют.

Глашатай продолжал кричать, угрожающе зашевелились ряды гвардейцев, сверкающих бронзовыми латами и гребенчатыми стальными шлемами, и вопли разъяренных соперников мало-помалу улеглись.

— Первыми поставили скачки на черепахах, — сообщил Карадур, — чтобы позабавить толпу и направить мысли политиканов — если это можно назвать мыслями — в более мирное русло.

В подозрную трубу Джориан разглядел на скаковой дорожке, у стартового столбика, четырех огромных черепах. Они стояли на толстых кривых лапах, и верх панцирей приходился вровень с макушкой высокого человека. На спине у каждой черепахи было закреплено седло, сходное с верблюжьим. В седлах сидели мужчины, наряженные в пестрые клоунские костюмы.

Раздался звук трубы, и черепахи заковыляли по дорожке. В той части трассы, что находилась напротив Джориана, они очутились очень не скоро. Однако ставки делались с молниеносной быстротой.

Черепахи тащились по кругу, толпа зрителей хохотала над фиглярскими выходками наездников — двое из них были одеты в цвета Юбок, двое других — как полагалось Штанам. Чего они только ни вытворяли! Били друг друга хлопущками, крутили сальто со спины черепахи на землю и вновь запрыгивали на своих скакунов, — словом, кривлялись как могли.

— Хотя я и ношу брюки, — сказал Джориан, — Юбки мне как-то ближе.

— Да что ты, сынок! Пришелся по душе аристократический образ мыслей?

— Не в этом дело. Просто красный и белый — цвета ксиларского флага. «Красное и белое!» — таков был боевой клич ксиларцев. — Джориан вздохнул. — Жалко все-таки, что эти болваны не дали мне показать, какой из меня отличный король.

Тем временем черепахи доползли до другой стороны трассы. Они должны были пройти всего один

круг, заезд был короткий. Однако зрители успели за это время прийти в хорошее расположение духа.

Следующим номером были скачки на зебрах, тоже состязание между двумя командами. Потом отряд королевской гвардии в латах, начищенных до зеркального блеска, маршировал по кругу под музыку военного оркестра, время от времени останавливаясь и показывая упражнения с копьями.

Шестеро диких наездников-федиранцев, одетых в коричневое, проехали четыре круга на верблюдах. Затем выехала платформа на колесах, запряженная белыми быками, а на ней — позолоченная скульптура бога Угролука; впереди шествовала сотня жрецов, громогласно поющих гимн. Процессия медленно двинулась по кругу. Многие зрители стали петь вместе со жрецами. Голову бога венчали перья страуса, алые, изумрудные и золотые, в одной руке он держал серебряную молнию, в другой — луч солнца из золота.

По дорожке неуклюже протопала пара слонов короля Ишбахара, покрытых фиолетовой и золотистой тканью; животные не спешили, несмотря на крики погонщиков и удары бичей. Потом две команды состязались на единорогах.

— Теперь лошади, — сообщил Карадур, — самые быстрые из тягловых животных. Скачки на лошадях — решающий этап борьбы между Юбками и Штанами.

Напряжение нарастало. По сигналу трубы в путь тронулись четыре колесницы: две синих с золотом, две красных с серебром. Загромыхали колеса, и тут же все звуки потонули в несущемся с трибун реве враждующих болельщиков.

Заезд состоял из семи кругов. С каждым кругом росло возбуждение толпы. Когда колесницы вихрем проносились мимо, люди вскакивали с места, размахивали кулаками, визжали, рыдали, орали, брызгая слюной.

Стайка колесниц миновала первый поворот на четвертом кругу, и тут послышался грохот, на воздух взлетели обломки. Столкнулись две колесницы. По трассе катилось одинокое отвалившееся колесо; проделав полрасстояния выстрела из лука, оно остановилось и упало. Пыль рассеялась, и Джориан увидел, что по песчаной дорожке бегут люди с носилками подобрать пострадавшего. Еще он заметил, как из последних сил пытается подняться с земли раненая лошадь.

К тому времени как две оставшиеся колесницы пошли на следующий круг, рабочие почти полностью ликвидировали следы аварии. Уцелевшие соперники проносились перед глазами то в одну сторону, то, миновав поворот, в другую, ни одна колесница не могла добиться твердого преимущества. На последнем кругу они вровень перелетели через финишную черту. Когда они мчались мимо королевской ложи, Джориан не заметил преимущества ни у одного из экипажей.

Сгрудившись у края дорожки, судьи обсуждали результат скачек. Затем двое быстро двинулись по ступенькам к королевской ложе. Еще одно короткое обсуждение, и глашатай прокричал:

— Победил Палтой, из партии Штанов!

Штаны зааплодировали. Джориан обратил внимание, что пенембийцы аплодируют, хлопая в ладоши, как и новарцы, а не так, как мальцанцы, — щелкая пальцами.

С трибун, где сидели Юбки, донесся ворчливый гул.

Он нарастал, смешиваясь с криками:

— Нечестно! Нечестно!

Штаны тоже орали в ответ.

— Судьи и впрямь ошиблись? — спросил Джориан. Карадур пожал плечами.

— Я плохо разбираюсь в скачках, да и зрение неважное, таких тонкостей мне не разглядеть. Вот что, пора бы нам улизнуть отсюда.

— Почему?

— Скачки окончены, осталось только награды вручить победителям. Чутье подсказывает мне, что назревает скандал. И дождь, похоже, собирается.

— Ладно, — согласился Джориан, подымаясь с места.

Но тут по воздуху, вертясь, пролетела большая пивная кружка, которую запустил кто-то из Юбок в трибуну Штанов. Она угодила Джориану в голову и со звоном разлетелась на куски. Джориан упал назад в кресло.

— Мальчик мой! — вскричал Карадур. — Ты ранен?

Джориан покачал головой.

— Похоже, остатки моих мозгов выбить не так-то просто. Пойдем.

Он снова встал и, слегка пошатываясь, двинулся к выходу. По его лицу стекала струйка крови.

Над полоской в центре, разделяющей два враждующих блока, пролетело еще несколько предметов. Когда вся знать разбежалась в поисках укрытия, представители группировок повскакивали с мест и кинулись друг на друга, на ходу вытаскивая припрятанные кинжалы и короткие сабли. Завыли трубы. Надрывался глашатай. Послышались свистки.

Отряды сверкающих латников заметались на трибунах, орудуя древками копий и пытаясь разнять дерущихся. Часть гвардейцев продиралась к центральной ложе, где сидел дрожащий король, беспомощно размахивая пухлыми ручками. Драка охватила весь ипподром, наиболее миролюбивые зрители бежали к выходам. Стоял оглушительный шум.

Сжимая костлявую руку Карадура, Джориан пробирался сквозь давку к четвертому входу. Снаружи бушевали болельщики — хватали что под руку попадется и швыряли в противника, размахивали дубинками, пинали, кололи, били друг друга кулаками.

Джориан протискивался к главному входу, стараясь не вмешиваться в драку. Наконец он очутился у ворот и вдруг услышал позади себя пронзительный вопль:

— Смерть поганым иноземцам!

При вспышке молнии стало видно, что это визжал Борэ, бывший ректор Дворца Познания. Он обращался к группе вооруженных Юбок. За ним стоял Йийим, бывший часовщик. Загремел гром.

— Старый лиходей заколдовал нашу команду! — орал Борэ. — Это стоило нам победы!

— А этот, молодой, — его прихвостень! — добавил Йийим. — Прикончить их! Разорвать на куски!

Обглоданный скелет курицы просвистел мимо Джориана, не задев его; кусок лошадиного навоза тоже не попал. Однако булыжник из мостовой оцарапал и без того окровавленную голову Джориана, чуть не сбив его с ног.

— Бежим, сынок! — задыхаясь, крикнул Карадур.

— Куда? — спросил Джориан.

— В храм! Храм Нубалиаги! Это надежное убежище!

Они перебежали через улицу; тут как раз начался дождь. Юбки целой ватагой кинулись за ними в погоню. У подножия холма, на котором стоял храм, Карадур сказал:

— Беги, сынок. Мне не забраться на эту гору.

— Я тебя не оставляю...

— Говорю тебе, беги! Я стар, а у тебя еще много лет впереди...

Без дальнейших рассуждений Джориан подхватил на руки Карадура — много ли он весил: кожа да кости! — и пустился вверх, на гору, несмотря на протесты мальванца. Джориан поскользнулся на мокром от дождя булыжнике и упал; чалма Карадура, упав с головы, укатилась. С трудом поднявшись на ноги вместе со своей ношей, Джориан побежал дальше. Толпа, казалось, вот-вот их настигнет.

У входа в храм на страже стояли двое евнухов, охранявших ворота; они скрестили копья, преградив Джориану путь. С красного лица Джориана стекали вперемежку струи дождя, пот, грязь и кровь, он запыхался и не мог сказать ни слова. Карадур закричал:

— Именем госпожи Сахмет, впустите нас! Я доктор Карадур, служу во Дворце Познания!

Евнухи опустили копья. Дав Джориану и Карадуре зайти внутрь, они тут же защелкнули бронзовые створки ворот. На шум стали сбегаться евнухи, сторожившие другие ворота. Вскоре их собралось с дюжину, они выстроились в ряд вдоль ворот, держа наготове арбалеты.

— Уходите, а не то мы будем стрелять сквозь прутья! — закричали они.

Толпа преследователей толкалась у входа и вопила, но штурмовать ворота не пробовала. Джориан и Карадур поспешили к главному зданию храма.

— Я обязан тебе жизнью, — сказал Карадур.

— Глупости. Если б у меня было время подумать, я бы, верно, оставил тебя. И по заслугам: кто уверял меня, будто Борэ с Йийимом не опасны? Где же эта госпожа Сахмет?

— Попрошу доложить о нас. Если она не исполняет какой-нибудь ритуал, мы, вернее всего, сейчас ее увидим.

Несмотря на морозящий дождь, толпа Юбок начала под руководством Борэ и Йийима растягиваться в цепь, намереваясь окружить территорию храма.

— Хотят осадить храм, — сказал Джориан.

— Я уверен, что королевская гвардия их разгонит. Если же нет, может быть, Сахмет сумеет нас выручить.

— Эх, было бы у нас что-нибудь летающее, ковер-самолет или метла. Помнишь, ты говорил? Мы бы пронеслись прямо у них над головами! Знаешь шуточку: будь у меня карета, я бы поехал, если бы еще лошадь была. Что-то горит?

Джориан показал на столб дыма, из которого вылетали искры; он подымался над крышами ближайших домов.

— Да. Этим дуракам дай волю, они весь город спалят.

Верховная жрица Сахмет приняла Джориана и Карадура в комнате для аудиенций. Это была рослая, широкая в кости женщина сорока с лишним лет, со статной фигурой, но лицо ее немного портили тяжелый подбородок и крючковатый нос. Одета в светло-серое платье из тонкой материи, на котором серебряными нитями были вышиты какие-то знаки, она сидела в изящном кресле, глядя на промокших и растрепанных беглецов большими темными глазами. По комнате бесшумно двигались жрицы саном пониже.

— Приятно вновь встретиться с тобой, милый доктор Карадур, — произнесла Сахмет низким, звучным голосом, — хотя обстоятельства, конечно, оставляют желать лучшего. А кто этот молодой человек?

— Я Джориан из Кортолии, — ответил Джориан, — в настоящее время часовщик Его Величества. Для меня большая честь познакомиться с вашим святейством.

Женщина посмотрела на Джориана долгим изучающим взглядом и щелкнула пальцами.

— Инкиря! Побольше света, пожалуйста.

Внесли канделябр и поставили на скамью; Сахмет сказала:

— Я, кажется, знаю тебя, Джориан.

— Сударыня! Сомневаюсь, чтобы я уже имел удовольствие...

— Я не хочу сказать, что видела тебя во плоти. Ты являлся мне.

— Да, сударыня?

— Ты тот самый варвар, спаситель Ираза!

— Да что вы! Бросьте, госпожа Сахмет. Я не варвар! Я выучился читать, когда мне было пять лет, ходил в школу в Ардамэ. Учился в академии в Оттомани. Манеры у меня, может, и не самые изысканные, но за столом не чавкаю, как свинья. Я всего лишь честный ремесленник и, боюсь, что бы там ни стряслось с

Иразом, буду не в силах его спасти. Но как ты думаешь с нами поступить?

— Уж, конечно, не отдам вас этим бешеным псам.

Она поговорила вполголоса с младшей жрицей, та беззвучно выскользнула из комнаты и вскоре вернулась. Пошептавшись с ней еще немного, Сахмет сообщила:

— В нескольких районах Ираза возник пожар, в Жактане тоже. Солдаты борются с огнем, им сейчас не до политических распрей. Храм по-прежнему окружен, даже подкрепление прибыло. Выходить вам нельзя.

— Вылететь мы тоже не можем, ничего волшебного с собой не прихватили, — добавил Джориан.

— Дайте подумать, — сказала Сахмет. — Не хотелось бы оставлять вас на ночь: некастрированный мужчина может ночевать здесь только в праздник Священного брака, иначе он оскорбит богиню. К счастью, есть другой выход. Я открою вам этот секрет, но в награду попрошу тебя, Джориан, об одном одолжении.

Джориан прищурился.

— Сударыня, за свою недолгую жизнь я не раз попадал в переделки и твердо усвоил, что никогда не следует покупать кота в мешке. Буду рад помочь вам, если смогу... Но мне надо знать, о каком одолжении идет речь.

— Оно совсем невелико. Я всего лишь прошу тебя принять участие в одном обряде, сыграть маленькую роль.

— Если вы, сударыня, хотите сделать меня евнухом...

— О небо! Да ничего подобного! Торжественно обещаю, что твое великолепное тело останется невредимым. Это пока все, что я могу сказать.

— А как насчет рассудка, навыков, способностей?

— Также не пострадают. Ну что, сударь?

Джориан еще немного поперекорялся, но так и не сумел добиться от Сахмет никаких подробностей. Он переглянулся с Карадуром, но старый колдун на этот раз не мог ему помочь. Джориан не любил давать обещаний, так как смутно представлял себе, чем это обернется, но другого выхода не видел.

— Ладно, госпожа Сахмет, — сказал он. — Я согласен.

— Чудесно! Не бойся, тебе не придется раскаиваться. Идемте со мной.

Подошла младшая жрица и отдала Сахмет свечной фонарик. Джориан с Карадуром двинулись за верховной жрицей. Они шли по коридорам, комнатам, спускались по лестницам, наконец Джориан совершенно запутался. Но вот они оказались в подземном коридоре, тускло освещенном одним-единственным фонариком, и Сахмет остановилась у большой, запертой на засов, деревянной двери.

— Джориан, — сказала она. — Ни для кого на свете я не сделала бы этого, даже если б речь шла о чьей-то жизни. Но когда опасность угрожает будущему спасителю Ираза, выбирать не приходится. — Она сняла с пальца массивный перстень. — Возьми. Когда доберешься до конца подземного хода, там будет дверь. Постучи четыре раза. Вот так. — Она дважды стукнула костяшкой пальца и еще дважды после паузы. — Откроется смотровое отверстие, тогда покажи этот перстень. Кстати, не забудь возвратить его, когда все уладится.

Она отодвинула засов и открыла дверь. Протянула руку на прощание.

— Ступайте, господа.

Руку Джориана Сахмет сжимала дольше и сильнее, чем он ожидал.

— Возможно, мы еще увидимся, Джориан. И скорее, чем ты думаешь.

Она передала Джориану фонарь, сквозь стекло слабо светила единственная оплывшая свеча. За Джорианом и Карадуром гулко захлопнулась тяжелая дверь.

Туннель шел под уклон, все ниже и ниже. Камни, которыми он был выложен, стали мокрыми и скользкими.

— Верно, об этом туннеле я и слышал, он прорыт под рекой Льеф. Значит, скорее всего, над нами грунтовые воды.

— Что над нами, сынок?

— Грунтовые воды. Разве ты не знаешь? В глубине почвы, на некотором расстоянии от поверхности, все поры заполняет вода. Если дорыть до этой глубины, получается колодец.

— Нет, я этого не знал. Всю жизнь посвятил духовным знаниям, пренебрегая практическими. Ты-то где нахватался таких сведений?

— В Ире, когда работал землемером.

— Да, ты человек разносторонний.

— Это верно.

Джориан улыбнулся в полумраке и прочел стихотворение:

*Да, Джориан был парень хоть куда:
Мог оседлать лихого скакуна,
Унять ударом точным драчуна,
Пленить девичье сердце без труда.
Сложить сонет, рондо, секстину мог,
Страной и бригаантиной управлять,
Дороги мерить, во врага стрелять,
Часы собрать и шпилькой вскрыть замок.
Мечта его была совсем иной,
Да попусту манила молодца:
Простым мастеровым хотел он стать
И поселиться с любящей женой,
Прожить достойно, мирно до конца,
Трудиться честно и тревог не знать.*

По правде говоря, я вовсе не такой тщеславный, — поспешно добавил Джориан. — Просто увлекся, пока сочинял.

Карадур рассмеялся.

— Не скромничай, мой мальчик, все чистая правда, только сомневаюсь, что ты и впрямь так уж мечтаешь о тихой пристани. Иначе не стал бы...

— Да? А кто, интересно, вынудил меня бросить мирное поприще землемера и притащил в этот рассадник интриг и мятежей?

— Как же? В последнем письме ты писал, что сделаешь все, лишь бы вернуть Эстрильдис.

— Писал, верно. А теперь вот нас под Льеф занесло. Почему сюда не попадает вода? Насосов вроде бы не видно.

— Воду в туннель Хошчи не пускают трое колдунов: Гельнаш, Люказ и Фиравен день и ночь ее заговаривают. Они занимаются этим у меня на кафедре прикладной магии. Сейчас во Дворце Познания все ужасно перессорились, и я должен их мирить и улаживать разногласия. До того дошло, что деканы двух школ между собой не разговаривают.

— Почему?

— Гельнаш, Люказ и Фиравен — ученые Духовной школы. А в Реальной школе есть инженеры, которые считают, будто насосы новейшего образца справятся с водой в туннеле не хуже троих чародеев, к тому же они надежнее и дешевле обойдутся. Декан Духовной школы возражает на это, что насосы так же могут подвести, как и маги, что потребуются большие затраты, — надо обеспечить энергию для качания

воды, нанять ремонтников, чтобы следили за насосами и трубами; к тому же аппарат и трубы займут в туннеле слишком много места, и королю трудно будет совершать ежемесячный переход.

— В дни Священного брака, о котором мне говорил Зерлик?

— Да, значит, ты об этом знаешь!

— Знаю то, что мне сказал Зерлик. Интересно, а брачные отношения осуществляются?

— В общем... да. По правде, когда король уже не в состоянии исполнять свою мужскую роль, с ним кончают.

— О боги! Да здесь не лучше, чем в Ксиларе! А как это делается?

— Когда король уже не может... овладеть телом верховной жрицы, она сообщает об этом своему официальному супругу, верховному жрецу Угролука. Тогда верховный жрец вместе с группой младших жрецов приходят к королю и вручают ему священную веревку, на которой он должен повеситься.

— И болван послушно вешается?

— Да. Хотя за последнее столетие такое самоубийство произошло всего один раз. Остальные короли или погибли на войне, или были убиты злоумышленниками, или умерли от болезней, не дожидаясь, пока дело дойдет до веревки.

Джориан высоко держал фонарь; некоторое время он шел по темному туннелю, не говоря ни слова.

— Клянусь рогами Тио! — воскликнул он. — Тебе не кажется, что смысл обещания, которое потребовала Сахмет, в том, чтобы я занял в этой церемонии место короля?

— Не знаю, сынок. Но боюсь, у нее действительно на уме что-то в этом роде.

— Вот тебе и раз! Я слушал твои проповеди о добродетели и воздержании, стараюсь следовать им. Но, похоже, против моей добродетели сами боги сговорились.

— И правда, Джориан. Как я ни осуждаю блуд, на этот раз вынужден его простить.

— Это уже неплохо. Надеюсь, Сахмет не обратится гигантской змеей, как принцесса Яргэли. Но послушай, я могу понять, почему Сахмет не хочется в постель с беднягой Ишбахаром. Но почему она выбрала меня?

— Под руку попался. Она видела тебя или говорит, что видела... ты ей являлся. А может, ты ей просто нравишься.

— Ну, если я ей в таком виде понравился, что будет, когда я приведу себя в порядок? Вообще-то я в таких случаях держусь неплохо... и держу тоже неплохо. Эстрильдис мы об этом не расскажем, а если она и узнает, надеюсь, все равно простит.

— Я буду молчать, не беспокойся, сынок.

— Прекрасно. А почему для этих брачных посещений королю непременно нужен туннель, который так дорого обходится? Почему бы ему, как другим, не переплыть Лъеп на лодке?

Карадур пожал плечами.

— Говорят, короля Хошчу вечно преследовала мысль, что его убьют на улице: он не был из рода Джуктара Великого и его право на трон многими оспаривалось. Другие утверждают, что туннель ему нужен был на случай, если грянет революция и придется бежать из дворца. Как бы то ни было, он стал использовать туннель в ночи Священного брака, и его преемники продолжали эту традицию.

— А что произошло с Хошчей?

— Не уберегся, несмотря на все предосторожности, в том числе стальную кирасу, которую носил под одеждой. Поскользнулся однажды, выбираясь из ванны, и раскроил себе череп.

* * *

В конце туннеля, поднявшись по длинной узкой лестнице, Джориан четырежды стукнул в массивную

дверь. Приоткрылось смотровое отверстие, и он поднес к нему перстень Сахмет.

Лязгнул засов, и дверь со скрипом отворилась. Перед Джорианом стоял король Ишбахар в халате, без парика. Блик от лампы светился на его яйцевидной лысой голове. Позади стояли двое стражников; подалеже виднелись слуги.

— Клянусь дыркой Нубалиаги! Это ты, Джориан! — вскричал король. — Что стряслось, мой мальчик? Заходи, заходи! И ты, доктор.

Они оказались в гардеробной короля, и Джориан коротко рассказал о том, что приключилось с ним и его спутником. Стражник закрыл дверь; изнутри ее можно было принять за филенку, а ручку засова — за золоченое украшение.

— Вы поступили правильно, — сказал король. — Мы прикажем арестовать этих негодяев Борэ и Йийима. Сегодня вечером вы оба с нами поужинаете. Но прежде всего, милый Джориан, тебе нужно вымыться и привести в порядок одежду. У тебя такой вид, будто ты сражался с драконом и тот порядком тебя потрепал, хых, хых! Искупайся в нашей королевской ванне, ты этого заслуживаешь!

— Доброта Вашего Величества не знает границ, — ответил Джориан.

— Чепуха, мой мальчик! Мы же друзья, а не только монарх и подданный. Эвелик! Проводи господ в ванную комнату и принеси им все необходимое.

Королевская ванна представляла собой огромную посудину из начищенной меди. Обливаясь и намыливаясь, Джориан тихо разговаривал с Карадуром, который рядом мыл лицо и руки.

— Карадур, а король вполне нормален, как ты думаешь?

— Да. Помимо его увлечения гастрономией...

— Да нет. Я вот подумал, не предпочитает ли он женщинам мальчиков или мужчин.

— А, понятно! Нет, не думаю. Среди ирразцев не редки подобные наклонности, но Ишбахара, насколько я знаю, никогда ни в чем таком не обвиняли. В молодости у него было несколько жен, одни умерли, других он отверг, две остались. Но больше ни о каких предметах королевского вожделения я не слышал. По правде, мне кажется, сейчас у него лишь одна страсть — редкие блюда. А что тебе вдруг взбрело в голову?

— С чего бы ему приближать к себе какого-то ремесленника-чужеземца, вроде меня? Беседовать по душам... Какой смысл?

— Может, ты просто ему нравишься, сынок. А может, это как-то связано с намерениями Сахмет.

— Да? Ну что ж, поглядим. Между прочим, эта ванна, кажется, прекрасно подошла бы нам для полета в Ксилар. Если груз распределить по дну равномерно, она будет куда надежнее обычного ковра-самолета или метлы.

Карадур с сомнением покачал головой.

— С таким весом справится разве что очень сильный демон. К тому же демоны не любят вселяться в медь и серебро: знают, как трудно оттуда выбраться.

— А как насчет Горакса, который спрятан у тебя в перстне? Я не встречал демона сильнее.

— Увы, долг Горакса передо мной почти исчерпан. Сослужит мне еще одну службу — и свободен, может отправляться восвояси. Поэтому я выпущу его только в случае крайней необходимости.

— А когда нас преследовала сегодня толпа, это не было случаем крайней необходимости, как тебе показалось?

— Ты прав. Я тогда растерялся и даже не вспомнил о Гораксе. Голова дырявая стала!

* * *

После очередной чрезвычайно обильной трапезы у короля Ишбахара Джориан спросил:

— Чем кончились беспорядки, Ваше Величество?

— К счастью для Ираза, пошел такой сильный дождь, что толпа разбежалась. Убито не так много народу, ограблено и сожжено лишь несколько домов. Просто ужас эта вражда! Не знаем, как с ней покончить. Попробуйте устриц, их привезли в замороженном виде с берегов Швении.

— Почему бы просто не прекратить скачки, сир?

— Насколько помним, один из наших предшественников, Хирпалам Второй, пробовал это сделать. Тогда враждующие группировки объединились, приволокли беднягу Хирпалама на ипподром и разорвали на куски — долго рвали, чтоб каждому досталось. Меня такая участь не устраивает, хых, хых.

— Простите, что я вмешиваюсь, но, по-моему, Вашему Величеству придется рано или поздно осадить их. Впрочем, меня это, конечно, не касается. Скажите, сир, почему госпожа Сахмет хочет, чтобы я участвовал в службе в честь богини Луны?

Король испуганно поглядел на него.

— Она уже сказала? Погоди минутку.

Он сделал знак всем присутствующим, кроме Джориана и Карадура, — в том числе охранникам и слуге, который пробовал блюда перед подачей, — чтобы они покинули комнату. Затем спросил полупшепотом:

— Тебе известно, что ждет в Пенембии короля, страдающего половым бессилием?

— Я слышал об этом, сир.

— Это правда. — Король показал вверх, на массивную скобу, с которой свисала лампа. — Чистая правда. Лампу снимут, и мы сами должны будем закинуть веревку на эту виселицу. Залезть на стол, крепче завязать узел и опрокинуть стол... Так они избавляются от неугодного монарха, не прикасаясь нечистыми руками к священной особе.

— Значит, вашему величеству эти божественные обязанности...

— Не под силу? Можете вы поклясться, что будете молчать?

Джориан и Карадур торжественно поклялись.

— Наша жизнь в ваших руках, — продолжал Ишбахар. — Я не доверил бы ее вам, господа, но отчаянное положение заставляет принимать отчаянные меры. Вот уже несколько месяцев госпожа Сахмет недовольна тем, как мы выполняем наши обязанности. И по правде говоря, мы бы с радостью отказались от этих игр: с нашей комплекцией осуществлять совокупность затруднительно, да и пыл юности давно уж угас.

Как видите, наша жизнь находится в руках госпожи Сахмет. Стоит ей только сказать словечко своему официальному мужу, верховному жрецу Чолишу, и он тут же нанесет нам визит со священной веревкой. Она воздерживается от этого шага по двум причинам: во-первых, терпеть не может верховного жреца Чолиша и не хочет доставлять ему удовольствие, во-вторых, я пообещал ей вместо себя сильного юношу с железным концом, и она пока молчит о моей непригодности. Ты и будешь этим юношей.

— Надеюсь оказаться достойным такой чести, — ответил Джориан. — У нас в Кртолии одному королю довелось столкнуться с такими же трудностями.

— Как? Расскажи.

— Это был король Финджаниус, который правил сразу после окончания «темного века», наступившего, когда Старую Новарию захватили дикие племена швенов. В Кртолии существовал обычай: когда короля по той или иной причине признавали неспособным править, его призывали главные жрецы королевства и вручали ему кубок с ядом. И говорили, что если он не выпьет, порвется волшебная связь между ним и страной, урожай засохнет и начнется голод.

Так вот, Финджаниуса послали в Оттомань учиться в академии. Тогда это было совсем новое учреждение, преподавателей можно было по пальцам пересчитать, и зданий, увитых плющом, которыми там сейчас так гордятся, еще не построили. Финджаниус понабрался в академии новых и, как тогда

говорили, еретических мыслей. Вскоре после возвращения из Оттомани он занял трон, так как его дядюшка, старый король, скончался.

Примерно год Финджаниус, управляя Кртолией, старался воплотить свои лучшие намерения. Он был молод, традиции не очень-то чтит и ввел много новшеств, например, позволил подданным, завидев короля, не стучать девять раз лбом об землю; не запрещал им говорить с Его Величеством до того, как сам к ним обратится. Из-за этого последнего обычая он чуть не проиграл военную кампанию против Осарии: никто из офицеров не осмеливался предупредить короля о засаде.

Именно Финджаниус ввел в Кртолии общественные бани и убедил народ без стеснения приходить туда, независимо от пола, возраста и занимаемого положения. Более того, он сам следил, как идет дело, не брезговал дурачиться и резвиться вместе с подданными, окачивая их брызгами, толкая в воду и позволяя окачивать и толкать себя.

Такое поведение обеспечило ему популярность среди народа, но всерьез задело наиболее консервативные круги. Те в конце концов решили, что с Финджаниусом надо кончать. А поскольку главные жрецы также принадлежали к семьям знатым, приверженным традициям, соглашение было вскоре достигнуто. К королю явились жрецы со смертельным напитком.

— Что это? — удивился он.

— Боги решили, — ответил верховный жрец Зеватаса, — что ты больше недостойн править страной.

— С чего ты это взял, сударь мой?

— Они сообщили нам об этом в снах и видениях, господин, — ответил жрец. — Они требуют жизнь главного человека в королевстве, а не то грозят обрушить на нашу землю свой гнев.

— Значит, им нужна жизнь главного? — переспросил король; он пересчитал пришедших жрецов, и их оказалось восемь. — Так вот. В Кртолии, конечно, нет лица важнее меня, но и вы, святые отцы, люди не последние. Согласны со мной, господа?

— Да, сир. Это и дает нам право передать тебе волю богов.

— Твоя правда. Но предположим, что жизнь каждого из вас стоит... ну, скажем, одну восьмую моей жизни. Вполне вероятно, не так ли?

— Да, господин король, — согласился жрец.

— Тогда, — продолжал Финджаниус, — если богам нужна жизнь главного, они будут вполне довольны, получив восемь жизней, каждая ценой в одну восьмую моей. Эй, стража! Схватить этих восьмерых господ и немедленно повесить!

Приказ Финджаниуса был выполнен. И больше уж никто не осмеливался подойти к королю с таким предложением. С тех пор и обычай прекратил существовать.

Король Ишбахар спросил:

— Ты, дорогой Джориан, предлагаешь мне последовать примеру твоего короля?

— Вам решать, Ваше Величество. Такой поступок был совершен, а то, что сделал один человек, другой может повторить. Кажется, это пословица мальванского мудреца. Как его звали, Карадур?

— Сидам.

Лицо короля задрожало, затряслись подбородки.

— Увы! Если б у нас хватило смелости на такой поступок! — По его толстым щекам заструились слезы. — Но мы не можем воспротивиться традиции. К сожалению, мы устроены иначе, чем твой Финджаниус.

Король разрыдался, закрыв лицо руками.

— Ваше Величество! — сказал Карадур. — Ваши слуги и стражники могут вернуться. Увидят, что вы плачете и подумают, что мы дурно с вами обращались. Еще убьют нас, чего доброго.

Король вытер лицо салфеткой и улыбнулся сквозь слезы.

— Забудем горести, господа. Отведайте еще виндийского! Джориан, мы надеемся, ты полноценный мужчина, со всеми естественными желаниями и способностями?

— Да, сир.

— Тогда стоящая перед тобой задача не покажется тебе трудной или неприятной. Сахмет, правда, постарше тебя, но уродливой или холодной ее не назовешь. Никак не назовешь. Помни, что ты не только тешишь своего молодца, но и спасаешь нашу королевскую шею. Велю Герекиту, чтобы немедленно назначил тебя на должность Друга короля, ты ведь и есть наш друг, в буквальном смысле.

— Спасибо, Ваше Величество, — сказал Джориан. — Когда состоится эта священная оргия?

— В следующее полнолуние, на двенадцатую ночь. Выпьем за твой успех! За то, чтобы ты подарил ее святейшеству ночь, которую она запомнит до могилы.

Глава 6

Генерал-голем

На следующее утро Джориан отправился в башню Кумашара проверить часы. Он обрадовался, узнав, что волнения предыдущего дня не коснулись башни. Затем сквозь шумные потоки людей пробрался к Дворцу Познания.

Караульные уже знали его и пропустили без всяких вопросов. Проходя по коридорам, он останавливался иногда у дверей лабораторий, где проводились эксперименты. В одной лаборатории инженеры Реальной школы возились с машиной, которая должна была работать за счет энергии, производимой кипящей водой. Проект был старый, но никому еще не удавалось заставить эту штуковину совершать хоть какую-нибудь полезную работу. За другой дверью мастера трудились над телескопом — очень похожим на подзорную трубу, но гораздо крупнее, — рассчитывая изучать с его помощью небесные тела.

Попадались комнаты, которые занимали чародеи Духовной школы. В одной из них три мудреца пытались научить демона из десятой реальности, существо с низким уровнем умственного развития, выполнять простые команды. В другой чародей-лекарь пробовал действие чар, направленных на излечение чумы; опыты проводились на приговоренных преступниках по их собственной воле: им обещали свободу, если выживут.

Не во всех комнатах кипела деятельность, много было и пустующих. За последние десятилетия, в результате ослабления денежной поддержки, число сотрудников Дворца Познания и масштаб его проектов значительно сократились.

— По крайней мере, — заметил Джориан, сидя в комнате ректора, — вчерашние злоключения заставили тебя приобрести новую чалму. Старая так износилась — я думал, там уж мыши завелись.

Джориану пришлось коротко остричь волосы, чтобы перевязать раны на голове.

— Не стоит смеяться над старыми вещами, сынок, — сказал Карадур. — Эта чалма обладала некоторой волшебной силой: близ нее произносилось столько заклинаний и творилось столько чар! С твоими часами все ладно?

— Точны, как небесные тела. Я только что из башни. С ними бы не возникло никаких трудностей, если б твой предшественник нанял толкового механика вместо этого недотепы. Отец сработал их на славу, как настоящий мастер, за него любой бы поручился, кто его знал. Впрочем, судьба Джориана из Ардамэ меня сейчас занимает больше, чем судьба часов. Ты придумал, как нам пробраться в Ксилар?

— О боги Мальваны! Не торопись так, Джориан! Мы едва избежали смерти во время побоища. Мы побывали под землей, в самом потайном месте королевства. Да еще впутались в отношения между королем, госпожой Сахмет и верховным жрецом Чолишем.

— Тем более нужно торопиться. А что представляет собой Чолиш?

— Маленький седой человечек, совершенно неприметный. Вчера он участвовал в процессе жрецов, я не раз встречал его при дворе. Но...

— «Летучая рыба» стоит у отдельного причала, я договорился за небольшую месячную ренту. Но боюсь, она недостаточно скороходна, если придется бежать отсюда. Лучше бы иметь наготове что-нибудь волшебное...

— Сынок, я никогда не обещал сопровождать тебя в Ираз и вместе с тобой похищать Эстрильдис. При всем глубоком уважении к этой даме, я не могу оставить свой ответственный пост ради мелкого личного...

— Мелкого! — взревел Джориан. — Да будет тебе известно...

— Ну-ну, сынок, я не хотел тебя обидеть. Но ты видишь, королевство трещит по швам, а моя должность, пусть я и недостойн ее, позволяет несколько улучшить положение дел, обеспечить более разумное устройство. Было бы чистой безответственностью...

— Цитирую, — пробурчал Джориан. — Быть разумным — чрезвычайно удобная позиция, она дает возможность выдумать вескую причину, когда чего-нибудь очень хочется.

— Мудрый Сидам?

— Нет, доморощенный новарский философ Ахэмо. Но, ваше пугливое преподобие, одному мне с этой задачей не справиться.

— Возьми Зерлика, — посоветовал Карадур. — Парнишка будет рад.

— Что? На каждом шагу подтирать нос этому идиоту? Нет уж, спасибо! Он что-нибудь выкинет в критический момент, скажем, вызовет на дуэль начальника стражи, когда я буду пытаться незаметно выкрасть Эстрильдис. Это вполне в его духе.

— По крайней мере, он достаточно силен и проворен, в отличие от меня. Вообще для столь отчаянных приключений я больше не гожусь. Еще одно путешествие по Срединному морю — и нынешняя реальность для меня закончится.

— Но ты можешь в крайнем случае прибегнуть к колдовству, а Зерлик — нет. Но оставим пока вопрос, с кем мне ехать, обсудим лучше — на чем. Как ты смотришь на медную королевскую ванну?

Карадур покачал головой.

— Увы, я не вижу способа заполучить ее. Даже если б удалось уговорить короля, чтобы одолжил...

— Тогда сделай такую же.

— Слишком дорого обойдется. Потребуется сотни корон, а мои фонды... сам знаешь, сколько в этом году выделено денег. К тому же ты, видимо, не представляешь, с какими сложностями сопряжена эта затея. Понадобятся месяцы самого могущественного колдовства, чтобы изловить демона и подчинить его нашей воле. Такое под силу лишь Гельнашу, Люказу и Фиравену, но они постоянно заняты туннелем Хошчи. Остальным волшебникам, работающим под моим началом, недостает умения. Старик Ойнаш, например, не более чем выживший из ума приспособленец, досиживающий до пенсии. Барч помоложе и со способностями, но легкомысленный. Дважды чуть не погиб в когтях у злобного демона, которого сам же вызвал, глупейшим образом перепутав магические фигуры. Эти уроки ничему его не научили. Что касается Янмика...

— Может, перепоручить туннель этим звездам второй величины? Там и без талантов обойдется, дело-то, верно, налаженное. А лучшие занялись бы моим вопросом.

— Король запретил. Боится, а вдруг дежурный чародей зазеваается и вода хлынет в туннель, как раз когда он будет пробираться на свидание с Сахмет? Вот и настаивает, чтобы туннель обслуживали лучшие волшебники. И если уж говорить о короле, то здесь... гм... еще одно осложнение.

— Что такое? Говори!

— Кор... Его Величество только сегодня утром запретил мне оказывать тебе помощь, если ты захочешь покинуть Ираз. Видно, тревожится за свое будущее, ему надо, чтобы ты был здесь в ближайшее полнолуние и доставил удовольствие Сахмет.

Джориан помрачнел.

— Проклятье! Из-за тебя я бросил приличную работу, на которой чувствовал себя человеком и хотя бы территориально был недалеко от своей возлюбленной. Пустился в такую даль, в этот сумасшедший город только потому, что ты обещал мне найти возможность ее вызволить. Ты сказал, что тебе нужно стать ректором Дворца Познания — и дело в шляпе. Ну вот, теперь ты ректор благодаря часам, которые я починил. И что же? Этого ты не можешь по одной причине, того — по другой, и так бесконечно. Учти, я умею расквитаться с теми, кто меня предал!

— Сынок, сынок! Прощу тебя, не говори со мной так резко, не будем ссориться. Я признаю, что в настоящий момент не вижу простого пути к твоей благородной цели. Но имей терпение, боги укажут нам дорогу. Еще не бывало... Что, Недеф? — Карадур перешел с новарского на пенембийский. — Джориан, это наш штатный гадалщик. Недеф, познакомься — Джориан из Кортолии, наш новый часовщик. Что ты хотел сказать?

- Доктор Карадур, — сказал гадалщик, — боюсь, я принес дурную весть.
- Можешь говорить при господине Джориане.
- Иразу угрожают неприятельские войска.
- Да что ты! Варну, Крадха и Ашака! Что за неприятель? Мы же ни с кем не воюем.
- Можно я сяду, сударь? На ногах не держусь после того, что увидел.
- Садись, конечно. И скорее рассказывай.

Гадалщик с трудом перевел дух.

— Они идут на нас со всех сторон — с севера, востока, юга и запада. С запада движется флотилия альгарттийских пиратов. С юга — толпа вооруженных крестьян под предводительством Мажана. С востока — тьма кочевников-федиранцев на верблюдах. А с севера — Свободный отряд, наемники из Новарии.

- Они близко?
- Одни ближе, другие дальше. К утру, наверно, будут здесь.
- Как же федиранцы перешли восточную границу? Там наше войско. Выходит, пограничные отряды разбиты?
- Не знаю, доктор. Когда я их обнаружил, они уже проникли в глубь страны.
- Надо немедленно оповестить короля, — сказал Карадур.

* * *

Короля Ишбахара они застали за вечерней трапезой, которую он называл «чаем».

— Присаживайтесь, присаживайтесь, мои дорогие! — воскликнул король. — Выпейте по чашечке настоящего чая, он за большие деньги привезен с Дальнего Востока, из Кыюрамона. А в Новарии чай пьют?

— Он продается, Ваше Величество, — ответил Джориан, — но в обычай так и не вошел. Может, из-за того, что в поставках все время перебои: в Салиморе то и дело происходят перевороты. Однако...

— Новарцам следует приучиться к чаю, — перебил его Ишбахар. — У них очень сильна склонность к пьянству. Приятный, но не опьяняющий напиток был бы им полезней для здоровья. — Король отгрыз кончик огромного листа подорожника из Бераоти. — Умеренность во всем — вот наш главный принцип. Воздержание.

Лист подорожника быстро уменьшался.

- Не сомневаюсь, сир. Но мы должны сообщить вам...
- Послушай, дорогой мой, что ты скажешь о королевской концессии на продажу чая в Ксилар? Будем возить его по морю вдоль побережья. Ты мог бы заняться торговлей, с большой выгодой...
- Сир, — не выдержал Джориан, — Ираз скоро подвергнется нападению. Может, мы лучше подумаем, как прорвать грозящую осаду, чем обсуждать торговые пути?
- Ираз? В осаде? — Король застыл, не успев положить в рот маслину. — Спаси Нубалиага, что же случилось?

Карадур объяснил, что увидел гадалщик в хрустальном шаре.

— О боги! — воскликнул король, с грустью оглядев горы недоеденной пищи. — Придется прервать в самом разгаре такое чудесное чаепитие! Сколько мучений приходится выносить нам, королям, ради блага народа! Эй, Эбеджи! Пошли за полковником Чивиром!

Когда командующий королевской гвардией, сверкая и звеня доспехами, вошел в комнату и отдал честь, Ишбахар попросил Карадура рассказать обо всем еще раз. Затем спросил Чивира:

- Как же вышло, что варвары перешли границу и остались незамеченными?
- Вы забываете, сир, что генерал Терей собрал пограничное войско для проведения учений на

холмах Козьей Кручи, границу остались прикрывать лишь небольшие группировки. Должно быть, федиранцы застали врасплох защитников одной из пограничных крепостей и просочились, пока те не успели поднять тревогу.

— Где адмирал Кьяр?

— Думаю, вышел в море на флагманском корабле, чтобы гребцы потренировались.

— Тогда ты, полковник, похоже, выше всех в Иразе по званию. Будь добр, как можно скорее пошли сообщения генералу Терею и адмиралу Кьяру. А пока мобилизуй королевскую гвардию и созови отряды Юбок и Штанов.

— Но, Ваше Величество, как мне... как вам хотелось бы, чтобы я исполнил ваше приказание? Выслать барку на поиски адмирала?..

Ишбахар хлопнул рукой по столу, отчего запрыгали чашки и тарелки.

— Полковник Чивир! Не беспокой нас подобными мелочами, выполняй приказы, и все! Иди и принимайся за дело!

Удрученный полковник, по-прежнему звеня доспехами, вышел из комнаты. Король покачал головой.

— Горе нам! Видно, мы совершили ошибку, назначив командующим Чивира. На парадах он смотрелся великолепно, но ни разу в жизни не участвовал в сражениях.

— Как же так получилось, сир? — удивился Джориан.

— Он родственник нашей третьей жены, пользовался успехом в обществе. Мы рассчитывали, что пограничные силы будут держать врага на почтительном расстоянии от Ираза, и никак не ожидали, что оборона города и впрямь ляжет на плечи этого обаятельного фата. Герекит!

— Да, сир? — откликнулся секретарь.

— Набросай-ка письмо к Даунасу, незаконнорожденному принцу Оттомани, спроси, не одолжит ли он нам несколько эскадронов своей тяжелой кавалерии в красных панцирях, и на каких условиях. Пусть два самых быстрых курьера будут готовы скакать с поручениями. Еще одно письмо — Шайю, царю царей Мальваны, пусть вторгнется с востока в пустыни Федирана, тогда хоть часть войска кочевников будет отвлечена от наших земель. Напомни, что он сможет разграбить священный город Убар.

Король со вздохом обратился к гостям.

— Ну вот, мы сделали, что могли. Теперь судьба города в руках наших доблестных подданных.

— Ваше Величество собирается принять активное участие в обороне? — спросил Джориан.

— О милостивые небеса! Что ты, дорогой! Мыслимое ли дело с нашей комплекцией лезть на городскую стену и размахивать копьём? Кроме того, мы всегда были человеком мирным и держались в стороне, когда иразские забияки лязгали саблями. А теперь, похоже, и город наш, и наша жизнь зависят от этих самых головорезов. Доктор Карадур, ты должен собрать ученых и волшебников и привлечь их к делу обороны. Нельзя ли каким-нибудь заклинанием призвать на помощь нечистую силу, скажем, лесных духов с Козьей Кручи?

— Я подумаю, что может сделать Дворец Познания, — пообещал Карадур. — Но на помощь нечистой силы Ваше Величество пусть лучше не рассчитывает. Эти существа не очень-то любят людскую породу: люди слишком грубо с ними обходятся. Добиваться от них помощи все равно, что держать саблю за острый конец, сам же и порежешься. Я, пожалуй, пойду...

— Погоди, погоди. Основные приказы отданы, теперь ничто не мешает нам завершить чаепитие.

— Но сир, я...

— Не суетись. Четверть часа не решает судьбу города. Попробуй этих грибов, собранных в джунглях Бераоти.

— Если Ваше Величество считает их безопасными... — сказал Джориан, с тревогой поглядев на красные в желтую крапинку растения, действительно похожие на грибы, но чрезвычайно отвратительного

вида.

— Ерунда! Мы едим их не первый год, а слуга, который их пробует, до сих пор жив, хых, хых.

Джориан мужественно набрал полный рот грибов и проглотил. Затем нашел предлог, позволяющий ему этим ограничиться.

— Полковник Чивир напомнил вашему слуге историю о короле Филомене и генерале-големе.

— Продолжай, дорогой, — попросил король. — Не возражаешь, если я стащу у тебя немного грибков?

— О чем речь, сир.

* * *

— Этот король, — начал Джориан, — по прозванию Филомен Доброхот был отцом знаменитого Фузиньяна Лиса. Король Филомен тоже был на свой лад выдающимся правителем. Среди монархов Кртолии он выделялся благородством чувств и намерений. Он был умным, мужественным, честным, трудолюбивым, благочестивым, добрым и благородным. Обладал он лишь одним недостатком — отсутствием здравого смысла, но на деле этот недостаток часто перевешивал все добродетели короля вместе взятые. Существует предание, что недостаток Филомена был вызван сближением каких-то небесных тел при его рождении. Другие утверждают, что виной всему церемония, на которую собрались феи, чтобы дать младенцу имя; та фея, что должна была даровать ему здравый смысл, рассердилась, увидев другую фею в таком же точно кисейном платье, как у нее, и в гневе бросилась вон, так Филомен и остался без ее дара.

В первые же годы правления Филомену пришлось заняться вопросами обороны королевства. Сам по себе король был человеком миролюбивым, и ему казалось, что остальные разделяют его чувства. В этом мнении его утверждал и министр, старик Перьякс, который достался ему от предыдущего правителя.

Перьякс убеждал Филомена все вооруженные силы распустить, оставить лишь королевскую гвардию. «Войны, — говорил он, — вызываются взаимным страхом и подозрительностью, которые в свою очередь вызываются вооружением. Надо избавиться от вооружения — и войн не будет. Увидев, как мы разоружаемся, соседи будут знать, что у нас нет в их отношении агрессивных планов, и перестанут нас бояться. А затем последуют нашему примеру и повсюду воцарится мир и братство».

Перьякс не распространялся по поводу истинной причины своего миролюбия. А заключалась она в том, что по старости и дряхлости он не мог сидеть на коне, размахивая мечом, словом, для военных действий был не годен. В те давние времена король и его министры должны были сами ходить в атаку впереди войска. Перьякс, проводя мирную политику, надеялся хотя бы оттянуть войну, чтобы успеть помереть своей смертью, а что стрясется с королевством после, его не беспокоило.

Доводы Перьякса представлялись Филомену чрезвычайно разумными, и он в самом деле взял да и распустил армию. В это время Виндией, соседним королевством, с юга примыкающим к Кртолии, правил Неворс Полоумный — из прозвища ясно, что это был за человек. Не стоит говорить подробно, насколько чудовищным было его правление: деньги из казны тратились на бесчисленные золотые статуи, изображавшие Неворса; по малейшему поводу король казнил министров, родственников и приятелей; всячески чудил — скажем, по его приказу солдаты наряжались лягушками и, квакая, скакали по плацу на четвереньках, а король Неворс, глядя на них, катался по земле и визжал от смеха.

Наконец группа аристократов и чиновников отбила короля у телохранителей, разорвала его на куски, а куски выкинула в Срединное море. Тогда возник вопрос: кому занять место бесславно погибшего короля? Всю свою ближайшую родню он уничтожил.

Случилось так, что проницательный и честлюбивый законовед, доктор Трентиус, предвидевший эти события, собрал вокруг себя большое число сподвижников из простонародья. Когда убили короля Неворса, к дворцу двинулась многотысячная толпа сторонников Трентиуса во главе с самим доктором; он выгнал из дворца всех приверженцев старой власти и провозгласил республику, а себя — первым консулом.

Трентиус был самым выдающимся в Виндии человеком. Он прочел всех историков, философов и пророков и много думал над вопросами управления государством. Это он практически без посторонней

помощи ввел в Новарии республиканское правление. Он создал для Виндии конституцию, которая, несмотря на давность, все еще поражает глубиной и оригинальностью мысли.

Не видя вокруг равных себе по таланту, Трентиус заключил, что его мнение о том, что является благом для виндийцев, всегда правильно. А значит, всех, кто противится его решениям, по определению надо считать врагами народа и, следовательно, негодяями, для которых недостаточна самая страшная кара. Вскоре на главной площади города Виндии появилась большая черная плаха, а на ней человек в черном капюшоне и с большим топором. Этим топором он отсекал головы злонамеренным упрямам, позволившим себе оспаривать безупречные доводы доктора Трентиуса.

Года через два Трентиус обнаружил, что задачи внутреннего характера, то есть производство и распределение богатства, совмещение порядка и свободы, — решаются неважно, несмотря на все его усилия, а также усилия палача. Тогда Трентиус надумал осчастливить народным правлением другие государства Двенадцати Городов. Кроме благ, которые должны были посыпаться на всех новарцев, программа имела еще одну положительную сторону: первый консул рассчитывал навести порядок среди виндийцев, которые начали создавать за его спиной различные мятежные группировки, давая ему повод для укрепления своей и без того неограниченной власти. Он послал королю Филомену Кртолийскому ультиматум с требованием отречься от престола и передать власть консулу, которого изберет народ.

Король Филомен, само собой, забеспокоился и обратился к советникам за помощью. Однако полученные советы были столь противоречивы, что Филомен запутался окончательно. Одни стояли за то, чтобы вооружить всех мужчин в королевстве и держаться до последнего, другие говорили, что в государстве и оружия столько не найдется.

Некоторые предлагали восстановить старую армию и призвать на службу отставных офицеров. Но тут же обнаружилось, что эти офицеры по большей части перебрались за границу и сделали наемниками в чужеземных армиях. Скажем, бывший генерал кртолийского войска теперь служил в чине капитана в вооруженных силах Его Незаконнорожденного Высочества, принца Оттомани. Созвать их всех было делом не скорым, даже если б они и захотели вернуться.

Старый Перьянс склонял Филомена подчиниться превосходящей силе Трентиуса. Но остальные говорили, что новый консул, только появившись, последует примеру учителя и установит в городе Котолии эшафот, чтобы уменьшить в росте тех, кто может представлять для него угрозу, то есть всех без исключения горожан.

Наконец было решено раздобыть оружия — самим смастерить и прикупить у соседей, — созвать самых крепких молодых мужчин и нанять бывших офицеров, оставшихся в королевстве, чтобы научили новобранцев владеть оружием.

В это страшное время ничто не спасло бы Кртолию от захватчиков, если бы Трентиус сам не испытывал трудностей, связанных с вооруженными силами. Большинство офицеров виндийской армии были казнены как представители старого режима, другие бежали. Трентиус понимал, что толпа мастеровых и торговцев, которая помогла ему захватить власть, без должной организации и подготовки не годится для ведения настоящей кампании.

Чтобы выиграть время, Филомену пришлось просить консула Трентиуса о переговорах. Для укрепления позиции Филомена решено было провести голосование среди всех взрослых кртольцев мужского пола: хотят они, чтобы продолжалось правление короля Филомена или им больше по вкусу республиканская система, как в Виндии? В результате голосования оказалось, что кртольцы отдадут Филомену девяносто семь из каждой сотни голосов. Вероятно, жители королевства выразили свое искреннее мнение: Филомена тогда очень любили за скромность, сердечность и прочие добродетели. Кроме того, республиканским теориям Трентиуса не очень-то доверяли: ходили слухи, что слишком уж загружены работой у него палачи.

Возник вопрос, кому командовать новой армией Кртолии. На этот пост несколько советников выдвинули свои кандидатуры. Но стоило только кому-нибудь из них открыть рот, как остальные начинали кричать во все горло, что он интриган, честолюбец и хочет использовать свое положение, чтобы захватить трон. Протесты были столь яростными, что Филомен решил повременить с выбором командующего.

В назначенное время состоялись переговоры с Трентиусом. Произошли они на островке реки Позаурус, разделяющей Виндию и Кортилию. Каждому разрешалось иметь при себе не более трех вооруженных охранников. Все шло своим чередом — правители встретились, пообедали и перешли к делу.

— Дорогой мой Филомен, — сказал Трентиус, — любишь ли ты свой народ?

— Разумеется! — воскликнул король. — Разве я не доказывал это уже сотню раз?

— Тогда, если ты и впрямь любишь своих подданных, ты должен оставить трон без всяких возражений. Иначе вовлечешь их в жестокую кровопролитную войну. Тебе выбирать, тебе же нести ответственность.

— А почему я должен так поступить?

— Во-первых, потому, что я этого требую и располагаю силой, чтобы заставить тебя повиноваться. Во-вторых, потому, что это будет благой и справедливый поступок. Монархия — древний предрассудок, отжившая устарелая форма несправедливости и тирании.

Трентиус прочел Филомену лекцию о том, почему так необходима народная республика.

— Но мы только что опросили население, — возразил Филомен, — и подавляющее большинство высказалось за сохранение монархии.

Трентиус рассмеялся.

— Мой милый Филомен, неужели ты думаешь, что я отнесусь к этому голосованию серьезно, если ты сам проводил его и считал голоса?

— Ты намекаешь, что я мошенник? — вскричал Филомен в гнев. — Да за все пять лет моего правления ни разу никто не усомнился в моей честности!

Трентиус в ответ рассмеялся снова.

— Ладно, предположим, ты правдиво сообщил о результатах. Такой наивный молоденький дурачок вполне мог это сделать. Неважно, все равно народ проголосовал за республику.

— Каким же образом?

— Очень просто. Население любой страны делится на две части: народ и враги народа. Поскольку моя программа направлена на народное благо, то все, кто против нее, по логике вещей являются врагами народа.

— Ты хочешь сказать, что если девяносто семь из сотни голосов — мои, а три — твои, то эти трое — народ, а остальные девяносто семь — его враги?

— Совершенно верно, мой мальчик. Одно удовольствие видеть, как быстро ты начинаешь разбираться в политике.

— Но это нелепость! — вскричал Филомен. — Это только предлог до бесконечного расширения собственной власти!

Трентиус вздохнул.

— Попробую объяснить еще раз, хотя боюсь, что у тебя логика хромает. Мой основной принцип — вся власть народу. Я считаю, что народ всегда прав. Пока понятно?

— Да.

— Значит, если какие-нибудь злонамеренные или запутавшиеся личности принимают явно неправильное решение, народом их считать нельзя. Кто же они? Разумеется, враги народа.

— А кому судить, чье решение является правильным?

— Об этом судит не человеческий ум, а железные законы логики. Я вот объяснил тебе, почему республиканское правление лучше монархии. Это объективный факт, который не могут зачеркнуть личные пристрастия, ошибки или прихоти, как нельзя изменить того, что два плюс два — четыре. А значит...

— Никогда! — перебил его Филомен. — Пусть я погибну, но не позволю тебе воплотить в жизнь эту

жуткую доктрину!

— Ну, ну, милый король! Погибать совсем не обязательно. Можно отречься и убежать за границу, прихватив из королевской казны, сколько можешь унести. По правде, я уже выбрал твоего преемника, первого консула Кортотии. Это погонщик мулов по имени Нопс — славный парень, он обеспечит твоему бывшему народу благополучие.

— Люди ни за что не станут голосовать за эту марионетку!

— Ничего, проголосуют, противников не будет. Я выбрал его, логика моя безупречна, а значит, Нопс — лучшая кандидатура на этот пост. Всякий, кто воспротивится, будет считаться врагом народа, и его немедленно казнят.

— Нопс ведь даже не кортолец!

— Пока нет. Но ты можешь даровать ему гражданство, это будет твоим последним официальным распоряжением. Люблю, чтобы во всем соблюдался порядок.

В этот момент за кустами ольхи, растущими на виндийском берегу Позауруса, кто-то громко чихнул. Филомен в испуге посмотрел туда и заметил, как за листвой сверкнула сталь. Дальше он действовал с поразительной быстротой.

— Измена! Бежим! — крикнул он своим солдатам.

И он, и его охранники вскочили на ноги и по мелководью кинулись к кортольскому берегу, где их ждал слуга с лошадьми.

Охранники Трентиуса и солдаты, сидевшие в засаде, помчались за ними, один из солдат Филонена упал, убитый стрелой; но остальным, в том числе королю, удалось спастись. Филомен не догадался захватить с собой еще воинов и спрятать их за ближайшим пригорком на случай, если понадобится помощь, и теперь ему ничего не оставалось, как удирать без оглядки. Король и солдаты галопом пустились по холмам южной Кортотии, и преследователи потеряли их из виду.

К несчастью, кортолийцы сбились с пути. Они блуждали среди холмов, мучаясь от голода и жажды; наконец их окликнула женщина средних лет.

— Эй, Ваше Величество! — крикнула она. — Верная подданная к вашим услугам!

— Спасибо, добрая госпожа, — отозвался Филомен. — Но откуда ты знаешь, кто я?

— Я обладаю могуществом, недоступным прочим жителям земли, — ответила она. — Заходите ко мне в пещеру, подкрепитесь.

— Значит, ты ведьма?

— Нет, сир. Порядочная волшебница по имени Гло, только вот у меня некоторые трудности с официальным разрешением, которые вашему величеству, без сомнения, ничего не стоит уладить.

Когда Филомен, двое уцелевших охранников и слуга поели, король сказал:

— Я уверен, что трудности, о которых ты говоришь, преодолеть можно. Но если ты и впрямь обладаешь магической силой, может, подскажешь мне, как найти главнокомандующего для новой армии? Солдаты сейчас проходят учения, готовясь отразить нападение Виндии.

Он рассказал ей, как все советники, имеющие боевой опыт и даже не имеющие, просятся на этот пост, и ни один не желает уступить. По правде говоря, и сам король Филомен тревожился, не захочет ли удачливый генерал занять его трон.

— Может, тебе самому возглавить войско? — предложила Гло.

— Не сумею. Я люблю мир, люблю соотечественников и не обучен кровавому военному мастерству.

— Что ж, — сказала Гло, — тогда придется сделать для тебя голема.

— Кого?

— Голем — это глиняное изображение человека, оживленное демоном из пятой реальности. Я

поставлю перед демоном задачу — победить виндийцев. Пообещаю, что, выполнив ее, он сможет вернуться в свою реальность; статуя останется безжизненной и не будет представлять угрозы для Вашего Величества. А если не захотите с ней расстаться, надо будет обжечь ее и поставить на пьедестал.

— А будет этот твой демон в достаточной мере владеть военным искусством? — спросил Филомен.

— Генерал будет подходящий, сир. В конце концов виндийская армия всего лишь скопище лавочников и ремесленников, ведь большинство знатных виндийцев если не лишились головы, то убежали за границу. Да и Трентиус, несмотря на кроважанные разговоры, отъявленный трус и не выносит вида крови. Он никогда не присутствует при исполнении приказов, которые так щедро раздает.

Предложение Гло показалось королю разумным, и он согласился. Неделю спустя Гло прибыла в город Кортوليو; она правила повозкой, запряженной волами, а в повозке, со всех сторон обложенная соломой, лежала статуя мужчины ростом семи футов. Повозка остановилась перед дворцом, и Гло произнесла заклинание. Тогда статуя, разметав солому, со скрипом поднялась на ноги.

Скульптура изображала сильного воина в доспехах; судя по знакам различия, это был кортольский генерал. Гло не пожалела усилий, глиняные доспехи и костюм были искусно выкрашены и очень походили на настоящие. И в целом, если пристально не вглядываться, статую можно было принять за живого мужчину весьма внушительного вида.

Грубым хриплым голосом статуя доложила:

— Ваше Величество, генерал Големиус явился на службу.

Генерал Големиус и впрямь оказался хорошим командиром, хотя солдатам порой становилось не по себе при виде его рук и лица желтовато-серого цвета.

Минула еще неделя, и стало известно, что виндийцы перешли Позаурус и вторглись в южную Кортوليو. Филомен со своей новой армией двинулся им навстречу. Он держался в тени, предоставив командование генералу Големиусу, который, казалось, неплохо справлялся с задачей.

Наконец обе армии увидели друг друга; день стоял пронизывающе сырой, сгущались тучи. Генерал Големиус выстраивал свое войско. Филомен сидел на лошади, окруженный небольшой личной охраной, и с вершины холма с удовольствием наблюдал за происходящим.

Когда все солдаты были расставлены по местам, генерал-голем вышел вперед и, взмахнув мечом, закричал: «В атаку!». Солдаты с грохотом двинулись; генерал размеренно топал, увлекая их за собой.

Филомен спустился на лошади с горы и не спеша последовал за войском. Кортольцы шли через равнину, кое-где поросшую кустарником и деревьями. Неприятель был все ближе, и тут Филомен вздрогнул от неожиданности. Он заметил, что виндийское войско возглавляет не доктор Трентиус, первый консул, а еще один генерал-голем. Трентиус, как и говорила Гло, человек от природы трусливый, тоже обратился за помощью к волшебнику. И чародей вызвал из пятой реальности демона, который оживил глиняного генерала.

Войска двигались медленно; обе армии состояли в основном из молодых неопытных солдат, и попадающиеся на пути деревья то и дело разбивали строй. Глиняным генералам каждый раз приходилось останавливать войско и выстраивать его заново. Начался дождь.

Армии подходили все ближе друг к другу, дождь лил все сильнее. Капли гулко барабанили по металлическим шлемам, затекали под кольчуги и наголенники. Оказавшись друг от друга на расстоянии выстрела из лука, войска замедлили шаг и остановились.

Король Филомен пришпорил коня и стал пробираться сквозь ряды посмотреть, что остановило армию. Вскоре он увидел, что генерал Големиус неподвижно стоит перед войском. Кроме того, генерал стал несколько полнее и ниже ростом. На глазах у Филомена он обратился в горку грязи; то же самое произошло и со вторым генералом.

В результате обе армии остались без главнокомандующих. Напротив кортольцев стояло вражеское войско, значительно превосходящее их числом. Позади виндийской армии сидел в карете первый консул Трентиус, не умевший ездить верхом. Когда солдаты остановились, он забрался на крышу кареты

посмотреть, что случилось. Обнаружив, что от его генерала, как и от вражеского военачальника, остался лишь ком глины, консул закричал:

— Вперед, мои храбрые воины! На врага! Приказываю!

Сперва виндийцы лишь неуверенно затоптались на месте. Затем некоторые офицеры тычками и увещеваниями кое-как заставили свои полки тронуться.

Кортольцы же, увидев, как противник, чуть ли не вдвое превосходящий их силой, надвигается прямо на них, потихоньку начали пятиться. Кое-кто из солдат покинул строй и пустился наутек. До кортольцев стали долетать виндийские стрелы.

Король Филомен подъехал на лошади к дереву и укрылся под ним от дождя. На дереве было гнездо шершней. Из-за дождя все шершни забрались внутрь гнезда и мирно занимались своим делом, как вдруг в самое гнездо впилась стрела; очевидно, метили в короля, но стрела угодила выше. Не знаю, есть ли в Пенембии такие насекомые, но наши новарские шершни терпеть не могут, когда кто-нибудь трогает их гнезда, и с обидчиком обходятся крайне сурово.

Шершни вылетели наружу, и первым живым существом, которое им попало, был король Филомен. Он сидел как раз под той веткой, где они гнездились;

Филомен размахивал мечом и пытался криками и уговорами остановить беспорядочное бегство своей армии, примерно так же, как сидящий напротив Трентиус гнал свое войско вперед. Но вдруг Филомен закричал громче; его одновременно ужалили два шершня, один в кисть, другой в щеку. Третий ужалил в зад его лошадь, она негромко заржала и поскакала вперед.

Охранники, пришпорив коней, последовали за Филоменом. Солдаты увидели, как их король, подняв меч, несется прямо на врага, а за ним скачут телохранители. Кто-то бросил клич: «Спасай короля!» — и кинулся догонять Филомена. За ним еще несколько человек, потом вся армия, и только что отступавшие кортольцы мгновенно обратили в бегство наступавших виндийцев.

Трентиус приказал кучеру разворачивать карету, но сделать это в толпе бегущих оказалось не так-то просто, тогда кучер соскочил с козел и бросился наутек. Трентиус перебрался на козлы и взял в руки вожжи. Однако, ничего не смысля в кучерском деле, он не сумел совладать с напуганными лошадьми. Тогда он тоже слез, но бегущие в панике солдаты сбили его с ног и затоптали насмерть.

Виндийцы в беспорядке покинули Кртолию. Те, что уцелели, вернувшись домой, изменили свою конституцию — решено было избирать сразу двух консулов, чтобы следили друг за другом и не давали друг другу незаконно захватывать власть. Виндийцы до сих пор придерживаются этой системы, хотя случаются у них и узурпаторы, и всякие разногласия в правительстве.

Филомен возвратился героем, несмотря на то, что его лицо комично распухло от укусов. Король был признан спасителем Кртолии, ведь это он повел всех в атаку, отчаянно бросившись в самую гущу врага. Он противился похвалам, говоря, что сражение выиграл не он и не генерал-голем, а шершень, так кстати ужаливший его лошадь. Но народ очень любил Филомена. «Да он просто скромничает, наш храбрый король», — говорили все.

После этой истории Филомен решил, что генералов следует брать на службу только из плоти и крови. У них, конечно, будут какие-то недостатки, но, по крайней мере, они не превратятся в слякоть при первых каплях дождя.

Чем дольше Филомен правил, тем больше чудил. Пригласил на пост министра-призрака; тот внушил ему мысль о полном самоотречении и умерщвлении плоти, король перестал уделять внимание делам королевства и своей жене, в результате чего королева сбежала с капитаном пиратского судна.

Кортольцы иногда подумывали, не лучше ли сбросить Филомена с трона и учредить республиканское правление, вроде того, что пытался насадить Трентиус. Произвести такой переворот не составило бы труда; но когда замысел был уже близок к осуществлению, Филомен погиб в дорожной аварии, и корона перешла к его сыну Фузиньяну, человеку гораздо более дельному. Фузиньян восстановил былое уважение к монархии, и она сохранилась до наших дней.

Король от души хохотал, потом закашлялся, расчихался, и секретарю со слугой пришлось похлопать его по спине.

— Мы, по крайней мере, не держим заводных или глиняных генералов, — сказал король. — Чивир, конечно, не Джуктар Великий, но если его уколоть, кровь потечет, можно не сомневаться. — Король повернул к Джориану свое пухлое круглое лицо и пристально поглядел на него черными глазками. — Да, мы совсем забыли. Вот что мы хотели сказать тебе, сударь наш. Позавчера наши шпионы сообщили нас о том, что ты, дорогой, совсем не тот, за кого тебя можно принять... что в действительности ты не просто ремесленник, а бывший король какого-то новарского государства. Это правда?

Джориан с Карадуром переглянулись.

— Верно, у Зерлика язык зачесался, — пробормотал Джориан. — Правда, Ваше Величество, — сказал он королю. — Ваш слуга пять лет был королем Ксилара. Вам известно, как там происходит смена правителей?

— Когда-то знали, но забыли. Напомни.

— Каждые пять лет народ собирается на площади, королю отрубают голову, кидают вверх и смотрят, кто поймает. Я стал королем, поймав голову своего предшественника; когда она летела на меня, я не знал, что это, и не подозревал, чем все может обернуться. Я просидел на троне почти до конца срока, а потом доктор Карадур придумал, как избавить меня от участия в этом впечатляющем ритуале.

— О милостивое небо! — воскликнул король. — Здесь хотя бы срок пребывания у власти длиннее, хотя принцип в целом схожий. А как ксиларцы отнеслись к тому, что метательный снаряд остался у тебя на плечах?

— Они охотятся за мной, хотят приволочь обратно и поступить, как велит обычай. Ваше Величество, умоляю, не говорите никому о моем прежнем титуле, а то ксиларцы пронюхают, где я, и схватят меня. Они уже пытались, по пути сюда я едва от них отбил.

— Плохо, плохо, — завохтал король. — А ведь мы могли бы всенародно объявить, что ты бывший король, как было бы славно! В какой день ты родился?

Джориан удивленно поднял густые черные брови.

— Родился на двенадцатом году правления кортолийского короля Фелина Второго, — ответил он, — на пятнадцатый день месяца Льва. А что, сир?

— Записал, Герекит? — спросил король у секретаря. — Мы спросили об этом, — объяснил он Джориану, — чтобы наши мудрецы могли вычислить, какая тебе уготована судьба. Скажи, тебе приходилось участвовать в сражениях, когда ты был королем?

— Да, сир, довольно часто. Я командовал ксиларцами при Доле и Ларуне, в двух решающих битвах с бандитами, называющими себя Свободным Отрядом. И в более мелких стычках тоже. Я возглавлял ксиларский флот, когда мы отваживали от наших берегов альгартийских пиратов. А сражаться доводилось и раньше, ведь я служил в пехотной гвардии у Его Незаконнорожденного Высочества в Оттомани.

— Тогда, мой милый Джориан, ты, похоже, и есть тот, о ком старый толстяк молил богов.

— Как вас понимать, сир?

— Слушай. Мы ничего не смыслим в военном искусстве и не скрываем этого. Наш старший офицер, полковник Чивир, когда дойдет до дела, справится не лучше нашего. Он, похоже, ничуть не стесняется это показывать. Вряд ли боевой дух защитников поднимется, когда они увидят, что их командир — полный профан.

Искать Чивиру замену у нас нет времени. Подозреваем, что большинство из его подчиненных знают о войне не больше, чем он сам. Все испытанные командиры в пограничном войске. Тебя на место Чивира тоже не назначить: ты иностранец, человек не знатный, ополчение за тобой не пойдет. К тому же у Чивира в высших кругах есть влиятельные друзья, которые разобидятся, если его сместить так просто; для этого

надо, чтобы он совершил какой-нибудь промах. Даже монарх, обладающий, казалось бы, неограниченной властью, должен заботиться о политической поддержке, хых, хых.

Ишбахар рассмеялся.

— Итак, сир? — сказал Джориан.

— Ну и, мы... нам пришло в голову, а что, если сделать тебя нашим личным адъютантом?

— Чем это для меня обернется?

— Тебе выдадут прелестное обмундирование. Формально ты станешь всего лишь нашим посыльным, будешь доставлять войскам наши приказы, а нам — донесения о ходе войны. В действительности же мы просим тебя постоянно следить за положением дел, решать, какие требуются меры, и давать нам соответствующие рекомендации. Твои советы мы облечем в форму королевских приказов, которые ты будешь передавать Чивиру или еще кому-нибудь, там поглядим. Никто не заподозрит, что ты играешь существенную роль в обороне, а по сути командование будет в твоих руках. Ну, что ты на это скажешь?

— Сделаю все, что смогу, сир, больше мне нечего сказать.

— Славно, Герекит! — крикнул Ишбахар секретарю. — Составь бумагу о назначении господина Джориана... да, Эбеджай?

— Сир, — сказал вошедший слуга, — вас хочет видеть офицер с корабля, по срочному делу.

— Ах, эта треклятая жизнь! Не дадут человеку перекусить спокойно! Впусти его.

Вошел молодой морской офицер с перекошенным, мертвенно-бледным лицом; он бросился на одно колено.

— Сир!

— Что такое, сударь?

— Адмирал Кьяр исчез, и на нас напали пираты из Альгарта!

— Ай-ай-ай! О, боги! Как же это случилось?

— Ад... адмирал сегодня утром ушел на флагманском корабле «Рессаме» в море, проводить учения, а с ним две посыльные галеры — «Онэч» и «Бьяри». На море нам встретилось облако тумана, и некоторым показалось, будто туман был волшебный. Вдруг из этого тумана выскочили альгартийские суда и окружили «Рессам». Гребцов не хватало, и нам было не набрать приличную скорость, чтобы вырваться из кольца. «Онэч» тоже захватили пираты, а «Бьяри» удалось спасти: там на весла сели матросы.

— Ты командовал «Бьяри»? — спросил король.

— Да, сир. Если Ваше Величество считает, что я должен был остаться и погибнуть вместе с адмиралом...

— Нет, нет, ты поступил правильно. Кто-то ведь должен был рассказать нам обо всем. Мы сейчас же произведем тебя в адмиралы, будешь вместо Кьяра. Готовь к сражению оставшийся флот. — Король обратился к секретарю. — Составь для этого офицера назначение и принеси нам на подпись. А теперь, адмирал, присядь-ка да попробуй вот этого... Клянусь ногтями Угролука, молодой человек потерял сознание! Эй, кто-нибудь, плесните на него водой!

Джориан с Карадуром стояли вечером у окна в башне Кумашара, там, где находились часовые механизмы. Приятели смотрели вдаль, на море шла битва между морскими силами Пенембии и флотилией альгартийских пиратов. Самые крупные пенембийские суда, огромные катамараны, пришлось оставить у причалов из-за нехватки гребцов. Те суда, которые принимали участие в сражении, еле двигались по той же причине: на веслах не доставало людей.

— Еще один, — сказал Джориан, показывая на корабль, охваченный ярким пламенем.

— Наш или их? — спросил Карадур.

— Боюсь, что наш, но точно сказать не могу: темнеет, плохо видно.

— А как тот малый... забыл его имя... ну, тот офицерик, которого король неожиданно произвел в адмиралы, как он себя показал?

Джориан пожал плечами.

— Как тут скажешь? Флот вообще был плохо подготовлен, да и времени было мало. Даже Диодис Полонский, великий новарский флотоводец, мало что сумел бы сделать на месте этого парня.

— Какие у тебя отношения с полковником Чивиром?

— По-моему, он догадывается об истинном положении вещей. Королевские приказы принимает без особой охоты, хотя открыто своего недовольства пока не выражает. Я вот чего боюсь: если он узнает, что я нужен ксиларцам, то может дать им знать, где я. Они придут и меня схватят.

— Вряд ли им это удастся: мы окружены, город в осаде.

— Верно, доктор. Ну и положение! Пока город осажден, мне ничего не грозит. В то же время моя обязанность прорвать окружение, и я снова окажусь в опасности. Но, с другой стороны, если враг возьмет город, я, возможно, тоже лишусь головы. — Он взялся руками за голову и подергал ее. — Хочу убедиться, что она прочно сидит на месте.

— Если мы победим, король сумеет тебя защитить, я уверен.

— Может быть, может быть. Но предположим, у него возникнут денежные затруднения, война ведь недешево обойдется, а тут он услышит, какую награду назначили ксиларцы за мою голову?

— Что ты, он человек добросердечный.

— Это пока. Но, возможно, наступит день, когда душка Джориан покажется ему не так дорог, как мзда, которую можно за него получить. Я отведал королевской жизни и по опыту знаю, что ни одному правителю нельзя доверять. Любому вероломству у них есть оправдание: «Это нужно для блага народа». И весь сказ.

* * *

Битва шла еще долго, но в сгустившихся сумерках было ничего не разобрать. Затем уцелевшие пенембийские корабли вышли из боя и двинулись вверх по реке Льеф. Пираты разграбили пришвартованные суда, военные и торговые, и выстроились вдоль береговой линии за городской стеной, закрыв выход в море.

На следующий день с севера подошел к городу Свободный отряд; он дружно маршировал по новарской дороге, сверкая латами. С юга стекались разрозненные части крестьянского войска Мажана. А с востока появилась на верблюдах толпа кочевников из Федирана. Осада началась.

Глава 7

Осажденный Ираз

Враги кольцом растянулись вокруг Ираза, разбив лагерь подальше от стен, чтобы не достали выстрелы из катапульты. Аккуратный палаточный лагерь Свободного отряда был должным образом укреплен и окружен рвом и валом. Здесь, в полях, к северо-востоку от Ираза, Льеп поворачивал, и наемникам хватило места, чтобы расположиться между рекой и стеной.

Бивак федиранцев раскинулся, словно город, коричневые шатры из верблюжьей шерсти были расставлены беспорядочно, как придется, по ночам оттуда доносились стук барабана и заунывная музыка. С востока тянулась бесконечная вереница федиранцев — на верблюдах, лошадях, мулах и ослах они прибывали по Восточной дороге, пополняя ряды осаждающих. Весть о предстоящем разграблении Ираза разошлась по всей восточной пустыне, и теперь жители песков, падкие до легкой наживы, слетались, будто пчелы на мед. Шатровый город рос и разбухал, как плесень.

Крестьяне не принесли с собой ни палаток, ни шатров. Им пришлось построить примитивные домики из камней и хвороста, а многие спали под открытым небом, закутавшись в овечьи шкуры. Альгарттийские пираты ночевали на кораблях.

Местечко Жактан на другом берегу Льепа разграбили, а некоторые дома сожгли; к счастью, погода стояла дождливая, и пожар не охватил все селение, да и жители заблаговременно перебрались в Ираз. Маяк на верхушке башни Кумашара не горел: в порт прибывали только корабли, пополняющие пиратскую флотилию.

Осаждающие выстроили перед своими лагерями длинные ряды щитов. Из-за этих заграждений лучники целились в иразцев, то и дело показывающихся на городской стене. Поскольку в этой части Пенембии деревьев росло мало, осаждающие разломали самые большие боевые галеры короля Ишбахара и доски использовали для строительства различных приспособлений. Помимо щитов, стали появляться другие сооружения, необходимые для осады: катапульты, домики на колесах — так называемые «черепахи» — и подвижные осадные башни. День и ночь не утихал скрежет пил и стук молотков.

Тем временем и иразские, и вражеские волшебники пробовали применить свое могущество. Чародеи осаждающей стороны вызвали призраки огромных крылатых чудовищ, которые стремительно пронеслись над городской стеной, из пастей у них торчали клыки и вырывалось пламя. Сперва горожане разбежались, крича от ужаса. Но Карадур и его помощники быстро разобрались, что эти чудовища всего лишь безобидные фантомы, и развеяли их при помощи особых чар.

Тогда вражеские волшебники, применив могущественное колдовство, вызвали из шестой реальности целую стаю демонов; все в чешуе, с перепончатыми крыльями, они накидывались на иразцев, впиваясь клыками и когтями. Но чародеи обороняющейся стороны приняли ответные меры — колдовским способом создали в город пчел, ос и шершней из всех десяти частей королевства, и те обрушились на демонов. Хрипло крича от боли и возмущения, демоны улетели и скрылись, вернувшись в свою реальность.

Катапульту первыми достроили солдаты Свободного отряда, самые дисциплинированные среди осаждающих. Вербки и ремня они привезли с собой в багажных фургонах, а для строительства использовали деревянные куски разобранных боевых кораблей. Из этой катапульты вылетали два дротика разом; на массивных колесах ее перекачивали с места на место. Спереди был установлен щит, завешенный куском зеленой материи; щит должен был защищать орудие от выстрелов противника. Волшебники Карадура собрались на стене и пытались заколдовать метательное устройство, бормоча, размахивая руками и потя от усилий.

* * *

Однажды рано утром Карадур стоял на стене под пасмурным небом и наблюдал за лагерем противника.

— Боюсь, они уже защитили свой аппарат какими-то чарами. Увы! Мои усилия, скорее всего, бесполезны. Развитие волшебной науки за последние столетия привело к тому, что при состязании колдунов защитные чары, как правило, оказываются сильнее.

Джориан, в кольчуге из серебряной чешуи, глядел в подзорную трубу.

— По-моему, они собрались стрелять, — заметил он. — Вот посмотри.

— Ай-ай! Ты прав.

— Приготовься, придется пригнуться. А то дротик проткнет тебя, как зубец маслину... Вот он!

Катапульта Свободного отряда с треском разрядилась. Стрела длиной три фута, из дерева и железа, с деревянными лопастями, просвистела у них над головами и, описав дугу, упала где-то в городе.

— Это и все, на что они способны? — удивился Карадур, — Сомневаюсь, что они многого добьются, метая наугад дротики в огромный город.

— Ты не понимаешь, — возразил Джориан. — Это был пробный выстрел. Когда они наладят наводку, то будут использовать эту машину, чтобы разгонять на стене наших и мешать им обслуживать орудия. Видишь, позади этой катапульти строят еще одну?

— Да.

— Эта будет вдвое больше и метать будет не стрелы, а шары из камня или кирпича. Ее выкатят вперед и зарядят, чтобы пробить дыру в стене, а от наших орудий ее прикроет град дротиков из первой катапульти. Может, им понадобятся две недели, но в конце концов стена треснет и обвалится.

— Что можно сделать?

— Я уже сказал полковнику Чивиру, чтобы он велел каменщикам укрепить участок стены, который находится под угрозой. Сделает ли он это — другой вопрос. Он подозревает, что под королевской волей в действительности кроются мои соображения; стоит мне сказать ему: делай то-то и то-то, как он раздувается от негодования.

— А как там наше оборонное войско?

Джориан сплюнул.

— Паршиво! Королевская гвардия хотя бы формально чему-то обучалась, но их совсем немного. Ополчение тренируется. Но предводителей, похоже, больше волнуют интриги и грызня, чем победа в войне. Штаны и Юбки продолжают драться; несколько человек ранено, двое убиты.

Да все они не более, чем толпа городской черни — годятся лишь на то, чтобы буяннить, грабить да поджигать, а на войне от них толку, как от кроликов. Оспаривают каждый приказ, а ходить неряхами и не подчиняться дисциплине — это у них особый шик. Мне бы несколько тысяч крепких деревенских парней из Кртолии! — Джориан рассмеялся. — Сноровистые, смелые, — перешел он на кортольский сельский говор. — Я вырос в деревушке Ардамэ и хорошо знал тамошних мужиков. Тогда думал: вот чурбаны! Им только бы в земле копать. Как увидел в первый раз город Кртолию — ну, думаю, городская жизнь по мне! Да и сейчас городской люд мне больше по душе, в разговоре там... Но как доходит до пик, — подай мне мужиков, у которых сапоги в навозе, а в голове одна думка — о будущем урожае.

И потом, эти дома, выстроенные вдоль набережной, у западной стены. Строительство было совершенно незаконным, ведь эти жилища будут служить прикрытием для противника. Но ревизоры Ишбахара ничего не заметили, предварительно набив карманы взятками.

Джориан на миг замолчал, разглядывая в подзорную трубу ряды осаждающих.

— Был бы я у них начальником, — заметил он, — не стал бы попусту терять время, строить башни да катапульти. Наделал бы сотни штурмовых лестниц и бросил все войско разом на стены.

— Что ты, сынок! Эти лестницы легко перевернуть, и тем, кто по ним лезет, тогда не сдобровать. Не понимаю, как еще кто-то умудряется брать штурмом городские стены. Ведь защитникам ничего не стоит сбросить штурмующих, как только те поставят лестницу, — отпихнуть ее, да и дело с концом.

— Все так, если силы сторон примерно равны. Упорные защитники могут отразить нападение противника, в несколько раз превосходящего их числом. Но сейчас соотношение сил такое: пятнадцать или двадцать вражеских воинов на одного нашего. Я говорю о настоящих воинах, весь этот сброд Вега и Амазлука не считается. С таким малым числом защитников всю стену разом людьми не заполнить. Если атакующие будут быстро ставить лестницы там, где в настоящую минуту пусто, они могут закрепиться наверху, на каком-нибудь участке стены. Когда таких участков будет несколько, ничто не помешает противнику броситься в город и подавить защитников своей численностью.

Если враг нападет прямо сейчас, у него будет прекрасная возможность завладеть городом. Если же они и дальше будут забавляться со всякими аппаратами, то запросто могут упустить этот шанс. Прибудет Терейя... Ксатит, что говорит твой гадалщик? Забыл его имя... Добрались наши посланники до генерала Терейя?

— Недеф день и ночь не отходит от кристалла, но гадание идет неважно. Верно, вражеские волшебники заколдовали кристалл, навели порчу. Недефу удастся иногда настроить его на северную Пенембию, но он видит лишь голые бурые холмы — ни пограничного войска, ни посланников.

— Хм-м.

Джориан долго не отрывался от подзорной трубы.

— Что такое, Джориан? — спросил Карадур.

— Погляди. Между лагерем Свободного отряда и биваком федиранцев, видишь?

— Кажется, еще один ряд щитов, верно? С моими старыми слепыми глазами...

— Да, но зачем нужны заграждения так далеко? Туда даже из катапульты не попадешь. И слишком уж эти щиты высокие; сдаётся мне, за ними что-то происходит. Твой гадалщик не может туда заглянуть?

— Попробует, а я постараюсь, чтобы вражеские чародеи все не испортили.

* * *

Через час Джориан с Карадуром сидели во Дворце познания, в комнате Недефа. Гадалщик сидел на скамье, скрестив ноги и согнувшись над хрустальной сферой, которая помещалась на небольшой подставке из черного дерева; подставку обвивали фигуры драконов. Карадур тоже сел, скрестив ноги, на подушечку, лежащую на полу, прислонился к стене, закрыл глаза и зашевелил губами. Джориан сидел на стуле, держа в руках перо и навощенную дощечку. Он напряженно наклонился вперед, приготовившись писать.

Гадалщик полушепотом заговорил:

— Картина покрыта рябью и неустойчива, хотя и отчетливее вчерашней... Наверно, колдуны, которые создавали мне помехи, получили другое задание... Ага! Вот Ираз... Картина качается и подпрыгивает, я чувствую себя насекомым, прицепившимся к осеннему листку, который несет ветром.

— Ровнее, ровнее... Нет, это не та часть осадного кольца.

— Вижу шатры кочевников... Левее бы! Левее! Ну вот, наконец-то. Вот заграждение, о котором ты говорил... Эти помехи — сущее наказание. Все равно что разглядывать дно реки сквозь бурлящую воду. Я вижу кучу из каких-то длинных предметов... что-то перекрещивается... Ага! Теперь вижу работающих людей... С такой высоты они похожи на муравьев, но... У них в руках пилы и молотки...

— Лестницы? — спросил Джориан.

— Да, точно! Лестницы! Я не мог сказать сразу из-за плохой видимости, но это действительно лестницы.

— Можешь определить их число? — спросил Джориан.

— Нет. Должно быть, сотни...

Джориан поглядел на Карадура.

— Я же говорил! Они делают как раз то, что я сделал бы на их месте. Осадные машины строятся,

чтобы отвлечь внимание, чтобы мы думали, будто у нас много времени на подготовку к обороне. А они как-нибудь с утра пораньше кинутся к стенам со своими лестницами и перелезут сюда, мы и глаза протереть со сна не успеем. Попав в город, они могут хоть всю жизнь обороняться от Тереея. Голод им не грозит: море у них в руках.

Не отпускай Недефа от кристалла, пусть попробует разузнать точные намерения врага. Хорошо бы, если б ему удалось подслушать совещание командующих. А мне пора, надо, чтобы Чивир распорядился насчет рогаток.

— Рогаток?

— Так называют палки с перекладной на конце — для переворачивания лестниц.

— Поосторожней с Чивиром! Он тебе завидует.

* * *

Прежде чем передавать полковнику Чивиру королевские приказы, Джориан всегда на всякий случай докладывал о своих намерениях во дворце. В тот день, проходя по улицам, ведущим от Дворца Познания к королевскому дворцу, он услышал какой-то шум. По бульвару, размахивая саблями и выкрикивая угрозы, бежала группа Юбок, преследующая троих представителей другой партии.

— Разрази их Герикс! — проворчал Джориан, выходя на середину улицы.

Когда Штаны пробежали мимо, он повелительно поднял руку и выкрикнул:

— Именем короля, остановитесь!

«Хоть какая-то польза, — подумал он, — от этих сверкающих парадных доспехов».

При виде его роскошного облачения остановились и преследователи. Трое Штанов спрятались у него за спиной, переводя дыхание.

— Они... убьют нас, сударь! И... совершенно ни за что!

— В чем дело? — гаркнул Джориан.

— Воры! — вскричал тот из преследователей, что был впереди. — Мы видели, как они вертелись вокруг нашего оружейного склада, что-то высматривали. Хотели стащить наше оружие!

— Они врут! — раздался новый голос. Джориан обернулся и увидел толстого господина Вега, предводителя Штанов.

— Я послал туда надежных ребят, — продолжал Вег, — чтобы они вежливо расспросили преследователей другой группировки насчет вооружения: какое им кажется наиболее подходящим...

— Это ты врешь! — вскричал, протискиваясь сквозь набежавшую толпу, Амазлук — сухопарый, с козлиной бородкой. — Хороши вежливые расспросы! Тому, кто собрался расспрашивать, незачем вскрывать замок на дверях склада.

— На страже никого не было, — возразил представитель Штанов. — Не у кого было спросить, вот мы и попытались...

— Опять врешь! — крикнул Амазлук. — Там всегда сторож...

— Ты назвал меня вруном? — завопил Вег, хватаясь за рукоятку сабли.

— Врун, вор и трус! — взвизгнул Амазлук, тоже вынимая саблю.

— Прекратите! Прекратите! — Джориан силился перекричать растущий гул. — Именем короля, приказываю убрать оружие!

В ответ на его слова раздался звон и лязг скрещенных сабель. Зрители принялись криками подбадривать противников, каждый поддерживал предводителя своей партии. Не забывали и между собой обмениваться угрозами и оскорблениями. На глазах у Джориана один болельщик схватил другого за нос, другие начали пинаться и таскать друг друга за волосы. Назревала очередная уличная баталия.

Джориан в отчаянии выхватил меч и ударом разъединил сабли сражавшихся предводителей.

— Не суйся, поганый иноземец! — прорычал Амазлук, направляя саблю в грудь Джориану.

Не ожидавший нападения Джориан замешкался и не успел увернуться. Но его спасли латы: скользнув по металлическим пластинам, острие сабли только порвало Джориану рукав рубашки.

На Амазлука бросился Вег, и тому пришлось поспешно отскочить и отбивать удары, спасая собственную жизнь. Джориан отстегнул кинжал со свинцовой головкой. Взяв его за ножны, встал за спиной у Амазлука и ударил предводителя свинцовым шариком по голове.

Амазлук повалился на булыжник мостовой. Вег хотел проткнуть поверженного, но Джориан выбил у него из рук саблю и поднял острие меча к самому лицу Вега.

— Отойди, если не хочешь того же, — предупредил он.

— Кто ты такой, чтоб командовать... — прошипел Вег.

— Кто бы ни был, вы, Юбки, несите господина Амазлука к себе в штаб. Плесните ему в лицо; если не поможет, позовите лекаря, пусть приведет его в чувство. Господин Вег, будь добр, отошли своих людей обратно в бараки. По-моему, раз им предстоит встреча с врагом, следует побольше времени проводить в учениях.

Юбки, напуганные внушительным видом и повелительным тоном Джориана, молча подобрали упавшего главаря и исчезли. Вег бормотал себе под нос то ли угрозы, то ли проклятия. Он был на голову ниже Джориана и пререкаться в открытую, видимо, не захотел. Вместе с тремя сподвижниками он удалился, и толпа стала расходиться.

Джориан поспешил во дворец. Солнце уже миновало зенит, в Джориана удручало, что он потерял так много времени. Лестничный штурм городской стены мог начаться в любую минуту, а разница в численности бойцов росла с каждым новым федиранцем, который останавливал верблюда в растущем городе шатров к востоку от Ираза.

Срочно нужно было мастерить рогатки. И в отношении ополченцев требовались решительные меры, а то как бы Штаны и Юбки не затеяли гражданскую войну.

* * *

Во дворце Джориану сказали, что король Ишбахар прилег вздремнуть после обеда и его нельзя беспокоить. Джориан озадаченно пожевал ус. Он раздумывал, что бы предпринять: пробиться в личные покои короля, оправдавшись тем, что дело срочное, подождать, когда король проснется, или пойти прямо к Чивиру, не предупредив короля о своих намерениях. В третьем случае риск казался наименьшим.

Красавец-полковник сидел в своей комнате на верхнем этаже огромной цилиндрической башни, выстроенной у стены в восточной части города. Отсюда Чивиру полностью видна была Восточная стена, а также Восточные ворота. Чивир, в золоченой чешуйчатой кольчуге, еще более нарядной, чем у Джориана, просматривал раздаточные ведомости.

Джориан в знак приветствия поднес к груди кулак.

— Полковник, — сказал он, — король повелевает готовиться к неизбежному нападению противника — штурму наших стен при помощи лестниц. Он желает, чтобы были изготовлены сотни рогаток для сбрасывания лестниц. Рогатки надо распределить по всей стене.

Чивир нахмурился.

— С чего он взял это, капитан Джориан? Любому дураку ясно, что они собираются сперва разрушить стены, готовят катапульты, таранные машины, чтобы вначале пробить стену, а уж потом штурмовать.

Джориан рассказал о том, как гадалщик обнаружил, что за северо-восточным ограждением идет строительство лестниц. Полковник Чивир достал подзорную трубу и высунулся в окно с северо-восточной стороны. Через некоторое время он сказал:

— Нет, должно быть, твой провидец ошибся. Если б они и готовили лестницы, трудно поверить, чтобы

они так скоро попытались штурмовать стены.

— Его Величество, — сказал Джориан, — считает, что они собираются предпринять неожиданную атаку в надежде завладеть городом, пока не прибыл со своей армией генерал Терейя.

Чивир упрямо стоял на своем.

— Дорогой мой капитан, вот здесь, в «Военном справочнике» Зайита сказано... — он помахал в воздухе книжкой, — ...что шансы взять приступом стену выше сорока футов только с одними лестницами ничтожно малы. А высота наших стен сорок пять футов.

— Такому большому городу нужны стены по крайней мере в шестьдесят футов, — заметил Джориан.

— Возможно, только это к делу не относится.

— Ты собираешься распорядиться, чтоб начинали делать рогатки?

— Нет. Людей и так не хватает: солдаты проходят учения, а нужно еще мастерить оружие и укреплять кладку стены.

— Но, сударь, Его Величество совершенно определено...

Полковник пристально посмотрел на Джориана.

— Тебя послушать, выходит, что Его Величество с большим интересом вникает во все подробности обороны, чего прежде никогда не бывало. Он сам дал тебе это поручение, прямо сейчас?

— Разумеется. Не думаешь ли ты, что я даю тебе приказы на собственный страх и риск?

— Как раз это я и думаю. Не забывай, сударь мой, обороной командую я, и никто другой. И вполне могу обойтись без чужеземцев. Если хочешь убедить меня, что Его Величество и впрямь дал это глупое распоряжение, принеси мне приказ, написанный его рукой, или же пусть лично выразит мне свою волю.

— Пусть враг войдет в город, лишь бы все формальности были соблюдены, так по-твоему? — разозлился Джориан. — Если я должен весь день носиться туда-сюда с бумажками...

— Убирайся отсюда! — вскричал Чивир. — И чтоб отныне все королевские приказы поступали в письменном виде, иначе я выполнять их не буду! А теперь — прочь, и не надоедай мне больше, а то велю взять тебя под стражу.

— Посмотрим, — прорычал Джориан. Он вышел из башни, кипя от злости. В тот вечер за ужином Джориан рассказал Карадуру о событиях дня.

— Когда я вернулся во дворец, — сказал он, — выяснилось, что король только что проснулся. Я сообщил ему о ссоре между предводителями и о своих неприятностях с Чивиром. Сказал, что от моего руководства обороной вряд ли будет толк, если меня не назначить командующим официально, чтобы никто мне не противоречил. Даже и тогда шансы будут очень ненадежны.

Я заявил Ишбахару, что должность ниже командующего обороной меня не устроит. Пусть Ираз не мой город, но я оказался здесь волею случая и здесь, возможно, погибну. Чтобы спасти свою жизнь, я должен спасти город и сделаю для этого все, что в моих силах.

— И как он отнесся к твоим... уверениям?

— Не знаю; во всяком случае, я говорил то, что чувствую. Он категорически отказался выгнать Чивира и предводителей и назначить вместо них меня. Сказал, что это невозможно по политическим соображениям.

Наконец он созвал нас — этих троих и меня — сегодня вечером на чаепитие. Я в очередной раз объелся. Если Его Величество будет и дальше набивать меня, как колбасную оболочку, мне придется поститься. И так уже набрал здесь в Иразе десять фунтов.

Ну вот. Амазлук сидел за столом с перевязанной головой и испепелял взглядом меня и Вега. Но, должен сказать, старый толстяк был на высоте. Внушал нам, что надо действовать сообща, пока город в осаде. Напомнил, что если мы не сможем вместе работать, то нас привяжут к столбам, вымажут смолой и подожгут, чтоб федиранцам светлее было праздновать победу. У жителей пустыни своеобразные понятия

о том, как надо обращаться с пленниками. Под конец он распустил нюни от жалости к себе, и это так подействовало, что даже трое строптивых командиров с торжественным видом поднесли к глазам платки.

— Он подтвердил, что ты действительно получил от него приказ насчет рогаток?

— Да. К счастью, я догадался предупредить его об этой маленькой лжи. В результате все мы расстались если не доброжелательно, то, по крайней мере, пообещав друг другу трудиться на общее благо. Но по сути ничего не изменилось, и я уверен, что наутро мы опять готовы будем вцепиться друг другу в глотки.

— Ну, а как с рогатками?

— Увидев возможность хоть в чем-то одержать верх над соперником, Амазлук взял на себя ответственность за их изготовление. Говорит, в его группировке много умелых столяров, и он засадит их за работу, будут день и ночь пилить и вбивать гвозди. Тогда Вег заявил, что Штаны на каждую рогатку, сработанную Юбками, ответят двумя. И король велел им приниматься за дело.

— Сынок, я обещал сегодня заглянуть к Недефу, — сказал Карадур. — Он пытается подглядеть встречу вражеских военачальников, чтобы узнать как можно больше об их намерениях. Может... сходишь со мной? В городе беспорядки, полно вооруженных людей, вечером на улице небезопасно.

— Ну, конечно, приятель. У тебя есть фонарь?

* * *

— Нет, я не вижу, чтобы кто-нибудь собирался у палатки федиранского вождя, — бормотал Недеф. — Остаются альгартийцы...

Несколько минут гадальщик сидел молча, весь в напряжении, стараясь, чтобы картина в кристалле двинулась к морю.

— Сегодня проще, — заметил он. — Похоже, все волшебники ужинают. Ага, вот флагманский корабль пиратов, а вокруг него сгрудились баркасы. Верно, на борту военное совещание... — Недеф замолчал. — Помоги, доктор Карадур! — проговорил он в большом волнении, — они заколдовали адмиральскую каюту, и мне туда не попасть.

Карадур стал бормотать и двигать руками. Наконец Недеф воскликнул:

— Все! Я попал туда, держусь изо всех сил!

— Что ты видишь? — спросил Джориан.

— Здесь и впрямь настоящее военное совещание. Вижу бунтовщика Мажана и пиратского адмирала — кажется, его зовут Хрундикаром, здоровенный малый с длинной рыжей бородой. Вот вожди кочевников и командиры Свободного отряда, их имен я не знаю.

— Что они делают?

— Разговаривают, машут руками. Когда останавливаются, вступают переводчики... Мажан, кажется, предлагает напасть сразу с четырех сторон, чтобы растянуть и ослабить ряды обороны.

Недеф помолчал. Затем сообщил:

— Спорят, как определить время атаки. Федиранец показывает на небо. Он... не могу прочесть по губам, на своем языке говорит. Ага! Переводчик спрашивает, откуда им знать, когда начинать атаку, если солнце за тучами...

Теперь говорит Мажан. Что-то насчет башни Кумашара... Глядит в подозрную трубу. Федиранец о чем-то спрашивает, но я не понимаю... Мажан о чем-то просит адмирала Хрундикара. Все пьют воду. Матрос принес какой-то листок — пергамент или бумага. Листок прикрепляют к шпангоуту; четверо вождей воткнули в углы листка по кинжалу. Мажан углем рисует на листе круг диаметром в два фута. Ставит отметку на линии. Еще отметки вокруг линии. В центре рисует стрелку, указывающую на одну из отметок...

— Которую? Которую? — заволновался Джориан.

— С правой стороны круга... Картина мутнеет...

— Если это часы, какое время они показывают?

— А! Понял! Третий час — на него показывает стрелка. Изображение колеблется. Похоже, их волшебники снова взялись за свое..

Голос Недефа ослабел. Гадальщик упал в обморок, скатившись на пол со скамьи.

— О боги, надеюсь, он не повредился в рассудке, — обеспокоился Карадур. — С гадалщиками такое случается.

— Пульс, похоже, нормальный, — сказал Джориан, склонившись над Недефом. — Теперь мы знаем: враг нападет на нас в третий час утра, или по-нашему, по-новарски, в час Выдры. Время атаки они будут определять, глядя в подзорные трубы на башню Кумашара.

— Мы не знаем, в какой день они нападут, — заметил Карадур.

— Верно, но будем, на всякий случай, считать, что завтра. Надо срочно сообщить королю и военачальникам.

— Я не могу оставить беднягу Недефа в таком состоянии.

— Тогда позаботься о нем, а я займусь делом, оно не терпит отлагательств.

— Ты сперва к королю?

— Нет, вначале заскочу к Чивиру, передам новости.

— Каковы наши шансы, если у нас несколько сотен гвардейцев, а у них десятки тысяч войска?

— Шансы примерно, как у головастика в пруду, где кишат щуки. Но уж лестницы-то ополченцы сумеют перевернуть, дело нехитрое. Правда, стена большая, а народу мало. Стоит врагу где-нибудь укрепиться...

— Думаю, мы могли бы остановить часы на башне Кумашара. Тогда им трудно будет согласовать действия.

Джориан так и замер, уставившись на Карадура.

— Ты прав, приятель. Но, клянусь железным хером Герикса, ты подал мне мысль получше! Четыре войска собираются напасть с четырех сторон, циферблатов тоже четыре, значит, каждое войско будет глядеть на свой циферблат, ведь так?

— Видимо, так.

— Отлично, займись пока господином Недефом, а я пошел.

* * *

Король перекусывал перед сном; когда Джориан сообщил новости, Ишбахар задал тот же вопрос, что и Карадур:

— Каковы наши шансы, дружок, если у них двадцать или тридцать тысяч против наших четырехсот с небольшим гвардейцев да нескольких тысяч ополчения?

— Шансы невелики, — ответил Джориан, — но мы можем внести разлад в их атаку, есть у меня одна мысль.

— Что за мысль?

— Если Ваше Величество позволит, ваш слуга осмелится просить об одолжении... о награде в случае удачи.

— Конечно, мой мальчик! Проси о чем угодно. Ведь в случае неудачи материальные блага никому из нас уже не понадобятся. А если выстоим, у нас есть в отношении тебя кое-какие планы.

— Все, о чем я попрошу, сир, это ваша медная ванна.

— Да благословят боги нашу душу! Какая странная просьба! Не воз золота? Не высокую должность? Не девушку знатного рода — пополнить гарем?

— Нет, сир. Только то, что я сказал.

— Конечно, ты получишь ее, даже если мы проиграем. Но что у тебя за план?

Джориан рассказал, что задумал.

Глава 8

Варвар, спаситель Ираза

Пасмурное небо побледнело, став жемчужно-серым; Джориан сказал полковнику Чивир:

— Первыми начнут штурм федиранцы, примерно через полчаса они будут у восточной стены.

— О великий Угролук! Откуда ты знаешь?

— В это время стрелка восточных часов будет на третьей отметке.

— Но разве на остальных часах будет не то же самое?.. А! — Чивир поглядел на Джориана расширенными от изумления глазами. — Значит, ты на всех часах по-разному поставил стрелки?

Джориан кивнул, и Чивир начал отдавать приказы. Срочно были отправлены посыльные. Вскоре вдоль восточной стены выстроилась почти вся королевская гвардия; броня тускло поблескивала, отражая серое небо. В ряды гвардейцев затесались несколько рот ополчения. У большинства ополченцев в руках были рогатки или копья с короткими перекладинами, прикрепленными к наконечникам. Всех расставили по местам, на каждые шесть футов стены приходилось по солдату. Оставшихся ополченцев отправили караулить другие стены.

Закопошилась серовато-коричневая масса федиранцев, и из их лагеря донеслось тихое блеяние бараньих рожков. Из шатрового города вылился поток воинов, одетых в бурые, песочные и грязновато-белые тона, и устремился к восточной стене. Они покрывали землю, словно муравьиный рой. Впереди федиранцы двигались парами, перемещая лестницы. Остальные, сбившись в кучки, тащили на повозках замысловатое федиранское оружие — дальнобойные костяные луки с двумя дугами.

— Пригните головы! — крикнул Чивир.

Команду передали по цепочке.

Раздался звон натянутой тетивы, и сплошной косяк федиранских стрел со свистом взмыл в воздух. Часть стрел перелетела за стену; иные, ударившись о камень, отскочили. Но были и такие, что попали в цель. В цепочке защитников послышались крики; по стене забегали иразские доктора в развевающихся халатах, отыскивая раненых.

Вражеское полчище прихлынуло к самой стене. По всей ее протяженности вросли в землю сотни лестниц. Они стали подыматься, как вылеты лебедек, солдаты толкали их сзади руками и копьями.

— Стреляй! — скомандовал Чивир.

Из-за зубцов стены выступили стрелки королевской гвардии и разрядили арбалеты вниз, в толпу. Затем опять скрылись, чтобы заново зарядить оружие. Тем временем ополченцы тащили к бойницам ящики с булыжниками, котлы с кипящим маслом, расплавленным свинцом и раскаленным песком; наклоняя их, они выливали или высыпали содержимое на головы снующим внизу федиранцам. Послышались вопли.

Однако лестницы продолжали расти; наконец они замерли, поравнявшись с верхним краем стены.

— Подождите, полковник, пока они станут лезть, — посоветовал Джориан.

— Проклятье! Прекратите указывать мне, что и как делать! — огрызнулся Чивир. — Я как раз и собирался. Эй, с рогатками! — крикнул он. — Ждите сигнала. Докуда они долезли, капитан Джориан?

Джориан рискнул высунуть голову из бойницы.

— Три человеческих роста. Пусть еще немного... Пора!

Когда головы самых проворных верхолазов оказались у края, федиранские лучники прекратили стрельбу, чтобы не попасть в своих.

— Переворачивай! — приказал Чивир.

По всей стене ополченцы зацепили рогатками верхние планки лестниц и толкнули. Кое-кто из

защитников упал, сраженный федиранской стрелой, но их место заняли другие. Лестницы откачнулись от стены и упали, штурмующие с воплями полетели в толпу.

Федиранские командиры носились взад и вперед, выкрикивая приказы и призывая к действию. Лестницы выросли вновь. На них снова повисли гроздьями фигуры в коричневой одежде.

Джориан оказался у амбразуры, перед которой со стрелой в горле лежал иразский ополченец. В проеме между зубцами появился верхний конец лестницы. Не успел Джориан собраться с мыслями, как в амбразуре показалось смуглое лицо с черной бородой; сверху его обрамляла белая повязка, обмотанная веревкой из верблюжьей шерсти. В ушах сверкали, покачиваясь, круглые золотые серьги.

Джориан подхватил рогатку, выпавшую из рук убитого иразца. Приладить ее к древку лестницы не удалось; Джориан промахнулся и чуть не выпал из амбразуры. Не успел он прийти в себя и попытаться снова, федиранец, как кошка, проскочил через амбразуру и бросился на него с ятаганом.

Джориан, отбиваясь, вскинул рогатку; удар ятагана пришелся по деревяшке и едва не рассек ее. Джориан замахнулся на противника, но рогатка сломалась в том месте, где была трещина. Федиранец снова нанес удар. Джориан отскочил, и лезвие царапнуло кольчугу.

Пока федиранец заносил руку для третьего удара, Джориан уже выхватил меч, сделал выпад и проткнул не защищенное доспехами тело; меч вошел между ребер. Однако у федиранца хватило сил, чтобы с грохотом опустить саблю на голову Джориану. Шлем съехал на глаза, и в голове у Джориана зашумело.

Он поправил шлем и увидел, что раненый противник прислонился к каменному зубцу. Ятаган выскользнул из ослабевших пальцев, и федиранец медленно сполз вниз.

Тем временем через амбразуру пролез еще один неприятель. У этого тоже был ятаган, а в правой руке он держал небольшой кожаный щит. Кроме бурого одеяния, на нем была грубая кираса из вареной кожи, раскрашенная в алый и синий цвета, а на голове — светлый стальной шлем с заостренным выступом наверху. Воин сразу же перекинул щит в левую руку и вступил в бой с Джорианом. Они быстро обменивались выпадами и ударами, федиранец оказался искусным фехтовальщиком.

Краем глаза Джориан заметил, как к ним карабкается третий неприятель с обритым наголо черепом. «Если этот третий взлезет на стену и нападет сзади, — подумал Джориан, — шансов у меня будет мало». В сказках всякое бывает, а на деле одному воину очень редко удастся отбиться от двух опытных вооруженных врагов. Отвлекись Джориан хоть на миг от своего теперешнего противника, и тот мгновенно сразил бы его.

Джориан попытался действовать мечом попроворнее, чтобы убить неприятеля до появления следующего. Но федиранец умело защищался щитом и со свистом наносил один за другим ответные удары.

Третий враг очутился на стене и неслышно топтался за спиной у Джориана, который понимал, что должно произойти, но ничего не мог поделать. Вдруг позади раздался пронзительный крик и звук падающего тела. Взгляд сражающегося федиранца скользнул мимо Джориана, и тот в мгновение ока вонзил ему меч в горло.

— Еще один! — крикнул Чивир, вытаскивая окровавленный меч из тела федиранца, лежащего позади Джориана. — Помоги!

Полковник говорил о четвертом федиранце — с ятаганом в зубах, — который добрался до верхней планки. Джориан воткнул меч в одну деревянную стойку, Чивир — в другую.

— Давай, — скомандовал Чивир.

Они толкнули лестницу, и она откачнулась. Затем замерла в воздухе, и казалось, этому не будет конца. Федиранец с верхней планки глядел вниз, смуглое лицо побледнело, глаза округлились от ужаса. Когда лестница опрокинулась, Джориан в последний миг заметил, как воин раскрыл рот, чтобы закричать, и оттуда выпала сабля, которую он сжимал в зубах.

— Еле справились, — заметил Чивир. — Они там еще в одном месте захватили позицию. Идем!

Чивир с Джорианом бросились туда, где собралась целая кучка федиранцев, они стояли спиной к амбразуре, а позади другие карабкались по лестнице и пытались пролезть сквозь отверстие.

— Гляди! — сказал Джориан.

Поставив ногу на ближайшую амбразуру, он взгромоздился на верхушку зубца. Сквозь бойницу, находящуюся позади кучки воинов, как раз пролезал маленький худой федиранец. В этот миг он стоял в проходе на четвереньках.

Джориан размахнулся и нанес мечом длинный полновесный удар. Он с удовлетворением увидел, как голова федиранца отлетела и покатилась под ноги сражающимся. В амбразуре из упавшего тела фонтаном забила кровь, и у Джориана мелькнула мысль, как странно, что в таком маленьком человечке умещалось столько крови. На каменных плитах растекалась алая лужа, и сражающиеся начали поскальзываться и спотыкаться.

Тело задержало следующего федиранца, он стал пихать его и пытаться вытащить, чтобы расчистить себе путь. Пока он возился, Джориан рассек ему лицо косым ударом. Воин свалился с лестницы, увлекая за собой тех, что карабкались следом, и вызвав целый каскад воплей и падающих тел.

— Дай рогатку! — крикнул Джориан. Ему передали копье, и то не сразу. С его помощью он сдвинул с места одну из стоек, и лестница опрокинулась. Оставшиеся на стене федиранцы скользили в лужах крови и падали; лишенные поддержки, они вскоре были разбиты и изрублены в куски.

* * *

Джориан тяжело дышал, шлем его был помят, кольчуга порвана; тут он увидел полковника Чивира, которому лекарь перевязывал левую руку. Внизу медленно тек назад, к шатровому городу, поток федиранцев. Они забрали с собой часть раненых, но многих все же оставили вместе с сотнями трупов.

— Худо? — спросил Джориан.

— Царапина. А ты как?

— Меня не задели. Спасибо тебе за помощь.

— Не за что. Когда и откуда следующая атака? — спросил Чивир.

— Скоро, с севера. Северные часы отстают от восточных на час.

— Свободный отряд?

— Да. Их немного, но рубятся отчаянно.

— Они в латах, и не смогут лазать, как обезьяны. Адъютант! Всех к северной стене, кроме одного отряда ополченцев.

* * *

Через час Свободный отряд отошел от северной стены, а у ее основания осталось лежать множество закованных в латы тел, которые напоминали раздавленных жуков. Джориану порезали щеку, по лицу у него текла кровь.

— Следующие пираты, — сказал он Чивир. Дома, без разрешения построенные у западной стены, — те, что выходили фасадами на набережную, — давали пиратам возможность добраться до середины стены без особого труда. Они закрепились на стене в нескольких местах и не сдавали позиций, несмотря на ожесточенное сопротивление ирарцев. Джориана еще раз легко ранили — пострадала правая рука. На деревянные дома со стены посыпался град зажигательных снарядов, и дома вскоре вспыхнули. Пираты, пытавшиеся установить на крышах короткие лестницы, со страшными криками погибли в огне.

К тому времени, как четвертые часы на башне Кумашара показали третий час, крестьянское войско Мажана узнало о поражениях трех остальных армий. Говорили о загадочной путанице, которая произошла с часами, и о неожиданной силе защитников. Ни криками, ни даже побоями офицерам Мажана не удалось заставить крестьян штурмовать стену. Мужики переминались с ноги на ногу, сердито бормоча что-то себе

под нос; кое-кто попытался убежать.

Из-за холмов слышались звуки труб. Черные точки превратились в эскадроны регулярной конной армии Пенембии; они спускались по Восточной дороге и начинали развертывание.

— Терей! — закричали на стене, заведя приближение пограничного войска.

Узнав эту новость, крестьяне Мажана ударились в паническое бегство. Федиранцы из страха оказаться отрезанными от родной пустыни оставили лагерь и, взгромоздившись на коней и верблюдов, вскоре исчезли за горизонтом. Альгарттийские пираты погрузились на корабли, отчалили и подняли паруса.

Свободный отряд дисциплинированно снялся с бивака. Воины выстроились в три батальонных каре; по краям четырехугольников во все стороны торчали пики, в середине шли стрелки с арбалетами. Наемники шагали по Северной дороге не спеша, будто хотели, чтобы их кто-нибудь остановил. Но этого не произошло.

* * *

— Мальчик мой! — вскричал король. — Ты спаситель Ираза! Нет награды, достойной твоего подвига!

Джориану уже перевязали раны. Со скромным видом, который стоил ему больших усилий, он отвечал:

— Да полно, сир. Я только провозился полночи с часами, чтобы циферблаты показывали разное время. И больше ничего.

— Пророчество подтвердилось. Вернее, оба пророчества разом. Город спас варвар, и для этого потребовалось, чтобы часы ходили... хотя произошло это иначе, чем можно было ожидать, хых, хых. Скажи, чем тебя наградить?

— Ваше Величество, мне нужна только ваша медная ванна.

— В самом деле? Что ж, вознаграждение странное, но если таково твое желание, ты ее получишь. Сказать, чтобы ее доставили к Карадуру?

— Нет, сир. Пока пусть остается у вас. Но на днях она мне понадобится. И еще одна просьба!

— Да, да?

— Умоляю, не называйте меня варваром! Я честный ремесленник, вполне цивилизованный человек, не хуже любого другого.

— Вот ты о чем, — ответил король. — Теперь мы понимаем. Ты считаешь, что варвар — это грубый, неотесанный безграмотный дикарь из отсталой страны, где нет ни письменности, ни городов. Но нам думается, в пророчестве это слово было употреблено в более древнем смысле и означало любого человека не из Пенембии. Значение слова изменилось в прошлом столетии, мы ведь не чужды учености, мы тебе говорили.

Теперь видишь, в этом смысле ты и впрямь варвар, пусть у тебя изящные манеры и обширные знания. Так что пророчество подтвердилось. Какая удача, что мы победили так скоро и что ты не получил серьезных ран! Через три ночи новое полнолуние.

Джориан наморщил лоб.

— И что же, ваше величество?

— Ты забыл? Священный брак Нубалиаги, который бывает раз в месяц!

— Ах, да, — вздохнул Джориан.

* * *

Через три ночи, когда наступило полнолуние, Джориан согласно ритуалу постучался в массивную дверь, ведущую в туннель Хошчи. Дверь распахнулась; за ней стояли две младших жрицы в кисейном

облачении. Они низко поклонились со словами:

— Приветствуем Ваше Величество накануне священного таинства!

Джориан любезно кивнул.

— Куда теперь, милочки?

— За нами.

Они вели Джориана по извилистым коридорам, вверх по лестницам; открывались и закрывались двери. По пути Джориан заметил главную комнату храма. Дверь была открыта, за ней виднелись строительные леса, всюду шла работа. Раздавался визг пилы, стук молотка и звон зубила.

Свободный отряд и альгартийцы унесли из храма все, что сумели отодрать и выковырять — золото, драгоценные камни. Разрушили бы и само здание, если бы Мажан не удержал их. Теперь мастерам приходилось работать сверхурочно, чтобы поскорее привести храм в порядок.

— Жрицы, — сказал Джориан, — гм... я хочу спросить, где я...

— Ах, сир, — прошептала одна из них, — ваше одеяние должно соответствовать случаю, ведь вы воплощаете самого бога!

Они провели его в комнату поменьше, где на диване была разложена одежда.

— Ну, вот, сир, — сказали жрицы, — если Ваше Величество соблаговолит сесть...

Джориан присел на край дивана, и они стянули с него туфли.

— Теперь подымитесь, сир, и стойте прямо, мы вас приготовим.

Джориан встал, и они начали его раздевать. Сняли с него пенембийскую шляпу, расстегнули куртку и рубашку, развязали веревку, на которой держались брюки. Вскоре на Джориане остались только нижние штаны, но и их одна из девиц принялась расстегивать.

— Эй, — сказал Джориан, — дамочки, я попросил бы...

— Но это тоже надо снять, — объяснила жрица, хихикнув. — Думаю, мужчина вашего возраста, с вашим опытом...

— Ладно уж, — проворчал Джориан. — Я человек женатый, к тому же у меня на родине мы купаемся все вместе. Просто странно как-то.

Джориан остался без одежды. Ощувив на себе оценивающие взгляды жриц, он нахмурился.

— Думаешь, Гезма, все пройдет нормально? — сказала одна.

Вторая в раздумье подняла голову.

— Возможно. Боги не обделили его длиной, но что до силы... Впрочем, чтобы узнать, каков пудинг, надо его попробовать, как говорится. А чтобы узнать, каков...

— Хм! — подал голос Джориан. — Если вам непременно надо обсуждать меня, как трофейного быка, делали бы это лучше без меня. К тому же здесь холодно стоять в чем мать родила.

То и дело прыская со смеху, жрицы обрядили Джориана в кисейное одеяние огненного цвета и подпоясали его алым кушаком. В довершение на голову ему надели золотой венок, а на ноги — расшитые жемчугом сандалии.

— Ну прямо настоящий бог! — воскликнула одна.

— Да, — согласилась другая.

Она упала на колени и коснулась лбом пола.

— Великий Угролук! — произнесла она с благоговением. — Удостой презренных подданных благосклонного взгляда!

— Огради нас от греха и зла! — взмолилась другая, падая ниц по примеру первой.

— Прости божественную длань над благочестивыми жрицами вечной твоей супруги!

Джориан слушал, как две молодых женщины изливают на него свои мольбы, и ему было не по себе. Ничего божественного он в себе не ощущал, И уж, конечно, у него не было чувства, будто он способен творить чудеса или спасти кого-либо от греха и зла.

— Да, да, сделаю все, что в моих божественных силах, — наконец проговорил он. — Где же мы?..

Жрицы поднялись на ноги.

— Следуйте за нами, Ваше Божественное Величество.

Еще несколько коридоров, и он оказался в молельне. Одна из жриц шепотом сказала:

— Обычно обряд происходит в главном святилище, но сейчас там ведутся работы.

Джориан вошел, и маленький оркестр из лир и свирелей заиграл нежную трепетную мелодию. Посреди комнаты стояла огромная постель. Воздух был наполнен ароматом духов и фимиама.

Перед алтарем стояла верховная жрица Сахмет. Как и Джориан, она была облачена в кисею. На ее благородном лбу сияла серебряная диадема с бриллиантами. При тусклом свете маленького масляного светильника, свисающего с потолка, Сахмет казалась почти красавицей. Джориан подошел, и она тихо проговорила с низким поклоном:

— Приветствую тебя, божественный супруг! Приветствую тебя, король богов!

— Здравствуйте, ваше святейшество, — ответил Джориан. — Вот ваше кольцо, сударыня.

* * *

На другое утро Джориан встретился в королевском дворце с Карадуром, который пришел туда отчитаться перед своим высокопоставленным работодателем. Двое друзей пешком отправились к Карадуре домой. Проходя через Врата Счастья, Джориан взглянул вверх на голову Мажана — она торчала на одном из кольев, украшавших ворота.

— Некоторые его идеи казались мне интересными, — заметил Джориан. — Жаль, что не удалось проверить их на практике. Если бы кто-нибудь склонил короля отдать распоряжения...

— Уже пробовали, — ответил Карадур. — Сам Мажан как-то убедил Ишбахара поделить земли крупных владельцев между крестьянами. Но этих господ голыми руками не возьмешь: у них есть вооруженные сторонники, и они не согласятся просто так потерять власть и деньги. Такой эксперимент под силу разве что королю-герою, готовому рискнуть, даже если землевладельцы поднимут в стране бунт. А бедняга Ишбахар... — Мальванец пожал плечами. — Скажи мне лучше, как прошла ночь?

Джориан рассмеялся.

— Ну и натерпелся же я! Как никогда. А уж я перевидал немало красоток.

Он рассказал, как его одевали и как отвели в молельню к Сахмет.

— Пришлось стоять в этом кисейном наряде долгие часы, будто я красавчик из тех, что поджидают клиентов на улице Шаштая Второго. Ритуал продолжался целую вечность. Пели гимны, читали молитвы, из которых я и понять-то ничего не мог они были на древнепенембийском. Вручили мне серебряную молнию и золотой луч, объяснив, как я должен ими размахивать.

Я не такая уж старая развалина, но за столько часов кто угодно потеряет интерес к происходящему... если слово «интерес» здесь уместно. Наконец представление окончилось, и нас с Сахмет нарекли богом и богиней, состоящими в законном браке. Верно, имелось в виду, что эти божества временно вселились в наши бранные оболочки.

— Тебя охватило какое-нибудь божественное ощущение? — спросил Карадур.

— Нет, абсолютно. Может, настоящие Угролук с Нубалиагой были заняты чем-то другим. А может, когда они хотят друг на друга подергаться, то прекрасно справляются сами, не перепоручая этого смертным.

Так или иначе, Сахмет подвела меня к постели. Я опешил от мысли, что мне предстоит навернуть эту дамочку на глазах у всей честной компании. Очень сомневался, окажусь ли на высоте при подобных обстоятельствах. Но жрицы притащили ширмы и расставили вокруг кровати, и светильники погасили, все, кроме одного. Было слышно, как девицы вышли, шурша платьями; затем стало тихо, только проклятый оркестр продолжал звенеть и чирикать в углу.

Даже когда у меня в Ксиларе был гарем, я не приглашал королевского оркестра, чтобы под музыку скрипеть пружинами. Может быть, я старомоден, но есть вещи, для которых нужна интимная обстановка. Впрочем, надо — значит надо, притом Сахмет — интересная женщина. Ну, я и принялся за дело — поцелуи, ласки, раздевание, все, как положено. Вскоре мы стали единой плотью, как выражаются священники.

— И как оно вышло?

— Зачем тебе знать это, старый аскет? Подробности возмутят твою чистую душу.

— Не осуждай моего любопытства, сынок. Все людские дела для меня существенны, хотя духовное звание не позволяет мне самому участвовать во многих сферах жизни. Само собой, такие вещи представляют для меня лишь отвлеченный интерес, я ведь должен хранить целомудрие, чтобы достичь высот в искусстве волшебства. Все мои знания о любовных делах получены косвенным путем, из книг, а книги вряд ли дают полную картину, ты мог бы восполнить пробелы.

— Хорошо. Первая попытка была не очень удачной. После года воздержания я был как арбалет со слабым спусковым крючком. Сахмет приуныла, но я сказал ей не расстраиваться: отдохну немного и повторим. Около полудня мы ели, пили и болтали о том о сем. Я рассказал ей несколько историй из жизни короля Фузиньяна. А тем временем снова созрел и на этот раз сработал как надо. Толчков, верно, пятьдесят, дамочка билась подо мной, как рыба на крючке. Сказала, что впервые за много лет получила настоящее удовольствие от мужчины — видимо, с тех пор, как разругалась с Чолишем.

Думаешь, после этого она уснула? Так нет же, клянусь бронзовым задом Вэзуса! Ей хотелось еще. Я опять передохнул, у меня снова встало, и я как следует ее отодрал.

Но ее все еще разбирало. Я здорово вымотался, поэтому притворился, что сплю, а скоро и притворяться стало незачем. Но утром, с первыми лучами зари, святая супруга разбудила меня и принялась трепать и тискать в надежде, что священный столп снова поднимется.

— Она преуспела?

— Да, ей это удалось. Даже слишком. — Джориан зевнул. — Сутки бы не просыпался. После она стиснула меня, прижав к своей пышной груди, и заговорила о любви. Поклялась, что не отпустит меня из Ираза, что я останусь здесь навсегда и буду день и ночь ее накачивать.

— Лучше бы тебе остаться с ней, — сказал Карадур.

— Что? Стать наложником? Бросить малышку Эстрильдис? Ты что, котом блудливым меня считаешь, которому лишь бы к кому пристроиться?

— Да нет, сынок. И потом, это произошло вполне законно, по священному обычаю. О блуде не может быть и речи.

— Не так уж законно. Роль барана в этой священной случке должен играть король, а я не король. Если верховный жрец Чолиш узнает и захочет навредить... Нет уж, спасибо! все эти козни высшей касты не для простого парня, вроде меня. Слишком рискованно.

Кроме того, неизвестно, что будет, когда умрет Ишбахар. Такой толстяк долго не протянет. А тогда новый король с верховной жрицей могут решить, что меня нужно убрать потихоньку, как досадную помеху. Здесь очень ловко умеют подсыпать яду. В любом случае, меня это не устраивает: пусть я не герой, но любимой игрушкой бабы тоже быть не хочу. Позабавиться, конечно, неплохо и для здоровья полезно, но зарабатывать свой хлеб предпочитаю руками и головой, а не хером. И потом, мне больше нравится делать это с моей милой женушкой, тогда это любовь, а не только похоть. Король обещал мне медную ванну, осталось заколдовать ее и вперед, в Ксилар!

— Чары еще не отлажены до конца, — ответил Карадур.

— Поторапливайся! Привлеки побольше людей!

— Привлеку, когда смогу. Пока весь Дворец Познания занят подготовкой к грандиозному празднику, который, по велению короля, состоится через пять дней. Праздноваться будет спасение Ираза. Если ты не очень занят, твои инженерные познания пригодились бы при разработке сценических эффектов.

— Буду рад помочь, — сказал Джориан.

Глава 9

Восковая жена

Джориан с Карадуром, как гости короля, подымались вслед за носилками Ишбахара в королевскую ложу. Закончив подъем, носильщики опустили паланкин. На сей раз носильщиками были рабы, поросшие шерстью полуобезьяны из джунглей Комилакха, а не аристократы. На крутых подъемах король Ишбахар не доверял свою увесистую персону дилетантам.

Король слез на землю — его движения напоминали трепыхание раненого кита, — помахал рукой толпе и с одышкой отправился в ложу, вокруг которой выстроились гвардейцы. Джориан и Карадур вошли следом.

— Присаживайтесь, где хотите, дорогие наши друзья! Где хотите, — пригласил король. — Нам придется занять этот проклятый трон, хотя сидеть на нем — одно мучение. Ну, где же обед? А, вот он! Доктор Карадур, подвинься немного, будь любезен, сейчас поставят стол. Джориан, тебя сегодня ждет необычайное лакомство: котлеты из мяса бераотской обезьяны, зажаренные в жиру гигантской черепахи из Буранга. И вино из салиморской горчицы. Попробуй!

Джориан подумал, что вино скорее не из горчицы, а из горчины, но проглотил свою порцию. Король наклонился к нему с доверительным видом:

— Как настроение, дорогой мой?

— Вроде ничего, сир. А что такое?

— У нас для тебя небольшой сюрприз. Только это после. Думаем, такой мужественный юноша, как ты, едва ли заголосит или упадет в обморок. Но все же решили тебя предупредить.

— Могу я узнать хотя бы примерно...

— Ни в коем случае! — король многозначительно подмигнул Джориану. — Сказать сейчас значит испортить все удовольствие, хых, хых! Всеу свое время... да, да. Ты умеешь танцевать?

— Умею несколько новарских танцев — фольку, волчок. А что, сир?

— Мы собираемся дать большой бал. Пенембийские танцевальные па ты, без сомнения, выучишь. У нас уже много лет не было балов. Как понимаешь, в танцах мы не особенно сильны.

Пока король уплетал за обе щеки, а Джориан с Карадуром потихоньку заканчивали свои небольшие порции, трибуны внизу заполнились. Штаны, в голубом и золотистом, как и прежде, сидели слева, а Юбки, одетые в красное и белое, — справа. В промежутке снова разместились знать и высшее чиновничество.

— Будем надеяться, Штаны и Юбки сегодня не устроят резни, — сказал Карадур.

Король проглотил то, что было у него во рту.

— Как раз сегодня утром, доктор, мы беседовали с предводителями. Разговор был очень серьезный, уверяем вас! Они обещали любить друг друга, как братья. Как братья — так они и сказали.

— Братская любовь, сир, не такая уж надежная штука, — заметил Джориан. — Взять хотя бы королей Форимара и Фузонию, что жили у меня на родине, в Кртолии.

— Что это за история, Джориан? — заинтересовался король.

* * *

— Это так называемая история о Восковой жене. Король Форимар был не прямым наследником хорошо известного короля Филомена Доброхота, отца Фузиньяна Лиса. Короля Форимара прозвали Форимаром Эстетом. Его отличительными чертами были безразличие к государственным делам и страсть к искусствам, в которых сам он достиг кое-каких высот. Был неплохим архитектором, замечательным музыкантом, талантливым композитором, хорошим певцом и прекрасным живописцем. Некоторые его

стихи и по сей день составляют славу кортолийской литературы. Увы, трудно было заниматься всем этим, да еще и управлять королевством.

В результате жизнь государства пришла в полный беспорядок. Армия превратилась в трусливое стадо, в городе цвели преступность и моральное разложение, народ находился на грани бунта. Тогда в Кортوليو явилось войско соседнего государства Оссарии. Город спас брат Форимара, Фузонио, который, услышав о беде, мгновенно вернулся из-за границы.

Однако за спасение города Фузонио потребовал, чтобы Форимар отрекся от престола в его пользу. На что Форимар согласился без всяких пререканий — но это особая история, ее расскажу в другой раз.

Так вот, королем стал Фузонио, человек ничуть не похожий на брата. В его натуре не было и следа эстетической чувствительности. Напротив, это был грубоватый, здоровый, чувственный мужчина. На досуге не прочь был заглянуть инкогнито в какую-нибудь низкопробную таверну, где собираются немые мужланы, погонщики мулов да всякий бандитский сброд; любимым занятием короля было глушить с ними пиво и орать непристойные песни.

Форимар жил холостяком, а вот у Фузонио была жена по имени Иврэ, толстуха деревенского вида, совсем некрасивая; она успела родить ему пятерых детей. Чета любила обсуждать сообща семейные вопросы, причем частенько орали так, что оконные стекла дребезжали. Но горе, тому, кто, решив, что они и впрямь поругались, пытался этим воспользоваться! Супруги набрасывались на него, как тигры, а их дети — как тигрята.

После отречения Форимар поначалу чувствовал себя так, будто у него гора с плеч свалилась: министры больше не докучали ему, требуя решений по вопросам строительства, найма и увольнения, законности и правопорядка, иностранных дел, да мало ли еще скучнейших проблем, на которые правитель вынужден тратить уйму времени.

— Да, нам это хорошо знакомо, — вставил король Ишбахар.

— Однако прошло какое-то время, и Форимар начал сожалеть о потере престола. Брат выплачивал ему щедрое содержание, но его не хватало на артистические причуды бывшего короля. У него, к примеру, возникла мысль устроить всеноварский конкурс поэзии, который он надеялся превратить в ежегодное мероприятие, что сделало бы Кортوليو одним из первых культурных центров мира. Насчет призов у него были грандиозные планы. Он уже и так истратил все жалованье на картины, скульптуры и тому подобное и брал в долг под новые выплаты, пока не исчерпал весь свой кредит. Когда он попросил у брата десять тысяч золотых марок на призы для поэтического конкурса, Фузонио сказал, что он рехнулся.

— У меня достаточно возни с налогами, приходится возмещать ущерб, нанесенный твоим правлением, милый братец, — ответил он. — Иди-ка лучше любуйся красотой полевых маргариток, по крайней мере, дешево и безобидно. Больше денег на всякие выдумки не жди, только своим жалованьем можешь распоряжаться.

Незадолго до этого в Кортории один человек — звали его Зевагер — устроил выставку работ из воска; скульптор изобразил ряд исторических сцен — жрецы и непокорный король Финджаниус, коронация Ардимана Ужасного, императора Новарии; обезглавливание мятежного Роскьянуса. Зевагер, который превыше всего ставил в искусстве дотошную реалистичность и верность детали, попросил у бывшего короля разрешения сделать скульптурный портрет его высочества и выставить вместе с другими работами. Форимар, не придававший прежде деньгам никакого значения, но теперь испытывающий трудности из-за их недостатка, запросил плату. Зевагер заплатил.

К работе над портретом Форимар отнесся с интересом, так как вообще любил искусство. Оказалось, что Зевагер, помимо обычных навыков, необходимых для создания восковых фигур, обладает также искусством мага. Он слегка заколдовал скульптуру, и ее сходство с моделью стало еще разительнее. Форимар побывал в комиссии по торговле и лицензиям и выяснил, что у Зевагера нет разрешения на занятие колдовством в Кортории. Это сведения ему впоследствии очень пригодились при общении со скульптором.

Восковой Форимар имел на выставке успех, и бывший король тонко намекнул Зевагеру, что неплохо бы изобразить короля Фузонио и королеву Иврэ. За большую сумму Форимар взялся добиться у

королевской четы разрешения на демонстрацию их портретов. Он сказал, что потребуются большие траты, придется сделать кое-какие пожертвования по указанию брата. На самом же деле никаких трат не потребовалось. Форимар просто спросил за завтраком брата с невесткой, как они смотрят на то, чтобы его старый друг Зевагер отлил из воска их изображения.

— Ничего не имею против, — сказал Фузонио. — Это поднимет наш престиж. Если, конечно, мы не выйдем у него страшилищами.

Так и остались у Форимара все деньги, которые дал Зевагер, однако десяти тысяч марок, нужных для поэтического конкурса, еще не набралось. Отношения между бывшим королем и Зевагером становились все теснее. Вскоре Форимар втянул его в заговор против трона. Пообещал, что, став королем, назначит Зевагера министром изящных искусств, а в случае, если тот попытается устоять перед соблазном, пригрозил заявить о незаконной колдовской деятельности скульптора.

В числе прочих приемов волшебства Зевагер обладал способностью делать человека неподвижным. Для этого ему нужен был хотя бы один волос Фузонио и обрезки ногтей. Форимар раздобыл, что требовалось.

Однажды вечером, когда Фузонио, направляясь в пивную, не спеша проходил мимо музея восковых работ, Зевагер напустил на него чары. Вместе с Форимаром они затащили застывшего, словно изваяние, Фузонио в музей, надели на него костюм, который был на восковой фигуре, и поставили короля на место статуи. А статую спрятали в кладовой.

Затем Форимар поспешил во дворец, разбудил невестку и отдал ей письмо, написанное рукою брата. Вот что она прочла:

Документ, разумеется, был ловкой подделкой. Форимар был художником и мог скопировать чей угодно почерк. Иврэ встревожилась, но подлинность письма особых сомнений не вызвала: в последнее время действительно ходили слухи о возможном вторжении швенов.

Итак, Форимар занял трон в качестве регента. Первым делом он объявил о стихотворном конкурсе и назначил жюри. Собственных стихов он не представил, зная, что ему, как правителю, возможно, будет несправедливо оказано предпочтение. Это понизило бы престиж мероприятия, которое он хотел проводить ежегодно. Форимар искренне желал способствовать развитию стихотворного искусства и сделать Кортолию центром культуры. Второй задачей Форимара было избавиться от сторонников брата. Одних он отправил на пенсию, других спровадил подальше от столицы, а оставшихся просто сместил с должностей. Освободившиеся места заполнил своими приверженцами. Замены производились осторожно, чтобы не вызвать подозрений. Форимар рассчитывал, что через два месяца, то есть ко времени обещанного возвращения Фузонио, он будет крепко держать в руках бразды правления и сможет провозгласить себя королем.

Что же до самого Фузонио, стоящего в царственной позе в музее Зевагера, Форимар еще не решил, что с ним делать. Убить брата у него рука не поднималась: в семье сильна была традиция демонстрировать всем сплоченность, несмотря на внутренние разногласия. С другой стороны, он знал, что брат куда изобретательнее его и, если оставить его живым, без сомнения, найдет способ снова захватить трон.

Однако была еще королева Иврэ, вот чего Форимар не принял в расчет. Когда прошел месяц, а от Фузонио не поступило никаких вестей, она что-то заподозрила. За помощью обратилась к гадалщику, тот настроил магический кристалл на Ксилар и сообщил, что в этом городе, похоже, нет никакого международного совещания.

Иврэ опечалилась: теперь она не сомневалась, что ее муж стал жертвой обмана или преступления. Не знала только, что предпринять. Как-то раз, тоскуя по Фузонио, она остановилась около музея Зевагера и зашла взглянуть на его работы.

«Уж лучше восковой портрет Фузонио, чем совсем никакого мужа», — решила она.

Зевагер радовался, что его заведение посетила сама королева. Она пришла с подругами. Хозяин водил их по музею, кланяясь и расшаркиваясь на каждом шагу.

Увидев мнимый портрет Фузонио, Иврэ даже вскрикнула, до того он был похож.

— Это же мой муженек собственной персоной, — сказала она. — Просто не верится, что статуя.

Когда Зевагер отошел в дальний конец комнаты поговорить с другой дамой, Иврэ коснулась руки скульптуры и ей показалось, что рука не из воска.

В голове у нее возник отчаянный план. Иврэ тщательно изучила наряд, который был на скульптуре, изображавшей ее саму.

Вернувшись во дворец, она поужинала вместе с зятем.

— Сегодня я видела твоего друга, господина Зевагера. — Она в двух словах рассказала о посещении музея. — Сдается мне, завтра он тебя там ждет.

— Да? — удивился Форимар. — А я думал, послезавтра. Вечно путаю дни.

Ночью Иврэ вышла из дворца с одним-единственным охранником, которому доверяла, да еще с бывшим грабителем, недавно выпущенным из тюрьмы. За соответствующее вознаграждение грабитель вскрыл замок на двери музея Зевагера, впустил Иврэ и запер за нею дверь. Иврэ поднялась на верхний этаж, где стояли скульптуры. Королева была одета почти в точности как собственное восковое изображение — его она спрятала за штору, а сама встала на место статуи.

Заслышав шаги Зевагера и первых посетителей, она замерла, будто каменная. Одна из посетительниц сказала, что статуя королевы совсем как живая — кажется, вот-вот ощутишь ее дыхание. К счастью, Зевагер отнес похвалу на счет своего колдовского искусства.

Позднее, когда прием посетителей был закончен, явился регент Форимар. Он встал возле скульптурных портретов королевской семьи и заговорил с Зевагером, задыхаясь от волнения.

— Наши планы раскрыты? — спросил регент.

— Нет, мой господин. Насколько знаю, нет, — ответил скульптор. — Ходят, правда, слухи, что король Фузонио отправился куда-то с неизвестной целью, да так и не дошел. Говорят, что он как в воду канул. — Зевагер взглянул на статую короля и захихикал. — Мы-то знаем, мой господин, что он стоит у всех на виду, надо лишь знать, куда смотреть.

— Замолчи, дурак! — прикрикнул на него Форимар. — И стены имеют уши. Вполне возможно, что одну из восковых фигур придется отправить на слом. — Он в свою очередь посмотрел на Фузонию. — Лучше нанести удар первым. Риск слишком велик: вдруг он оживет и начнет действовать.

Они стали медленно спускаться по лестнице, продолжая тихо разговаривать, королева Иврэ больше не могла расслышать их слов. Но она уже и так знала достаточно. Зевагер проводил высокопоставленного гостя и вернулся в выставочный зал.

Переступая порог, он заметил, что в комнате как будто что-то шевельнулось. Еще он успел увидеть, как статуя королевы взмахнула топором, которым должны были казнить мятежного Роскьянуса. Зевагер в ужасе вскрикнул, топор тут же рассек его череп. Иврэ была дюжей бабой, и топор, к счастью для нее, оказался самым настоящим, а не подделкой из дерева, окрашенного под металл. Зевагер гордился достоверностью своих произведений.

Внизу ученик скульптора подсчитывал выручку за день. Услышав шум, он прибежал наверх. И там увидел Иврэ с окровавленным топором, а на полу мертвого Зевагера; завопив еще громче своего учителя, паренек пустился прочь без оглядки.

Теперь, когда Зевагер был мертв, его чары быстро утратили силу. Фузонию заморгал, затем протер глаза и начал дышать.

— Где я? — спросил он. — Провалиться мне в сорок девять мальванских преисподних! Ничего не понимаю!

Жена все ему объяснила, и король сказал:

— Отдай мне топор, дорогая. У меня рука крепче, и сильнее удар.

Они поспешили во дворец. Стражники рты раскрыли от изумления, увидев, как король с королевой приближаются к дворцу без всякого сопровождения, а король несет на плече окровавленный топор. Но

путь им никто не преградил.

Фузонио вошел в комнату брата, где тот упражнялся в игре на флейте. Поняв, что его ждет, Форимар упал на колени и взмолился о пощаде.

— Так вот, — сказал Фузонио, занеся топор над его головой. — Мне следовало бы поступить с тобой, как поступили предки с Роскьянусом. Безголовые не опасны для монархов.

Но я не хочу нарушать традицию — наша семья должна выглядеть сплоченной. Поэтому ты немедленно отправишься на Дальний Восток, в Салимор. Будешь послом. А своему старому приятелю Софи Салиморскому напишу, что если он хочет и впредь выгодно торговать со мной, пусть держит тебя там до конца дней.

Так и было сделано. Честь семьи не пострадала, так как Форимар формально был назначен в Салимор послом, лишь немногие знали, что он отправляется в ссылку — можно сказать, в тюрьму мягкого режима. Говорят, он устроил настоящую революцию в народном искусстве Салимора, но подробности мне неизвестны.

* * *

— А как же стихотворный конкурс? — спросил король.

— Поскольку конкурс был уже объявлен, жюри избрано, и работы начали присылать, Фузонио не стал отменять мероприятие, чтобы не портить репутацию правительства и сохранить в тайне разлад между ним и братом. Через несколько недель, когда Форимар уже отбыл, жюри назвало победителей. Первый приз присуждался Ватрено из Гованьяна за стихотворение «Дьявольская бездна». Начиналось оно так:

*Смешай жемчужные исканья,
Единобожье, справедливость, заучиванье,
Перетеки в чужого, далекого.
Во лжи мы грязнем, лижем пировую пену,
Пересекая жирную тропу.
Очарено общение, а суть —
В разжиженном безнадежном утеке...*

Королю Фузонио принесли рукописи стихотворений, признанных лучшими. Он должен был просмотреть их и на следующий день наградить победителей. Фузонио прочел стихотворение Ватрено и сказал:

— Что это? Верно, шутка?

— Нет, нет, Ваше Величество, — ответил председатель жюри. — Это серьезные стихи, настоящее откровение.

— Но в них же нет ни ритма, ни рифмы, — возразил Фузонио. — Да и смысла, сдается мне, тоже нет. По-моему, это вообще не стихи.

— Ах, вот вы о чем, — сказал судья. — При всем моем уважении к вам, надо признать, что Ваше Величество, очевидно, не следит за последними достижениями в области поэтического мастерства. Ритм и рифма давно упразднены как устаревшие, искусственные формы, мешавшие творчеству художника.

— Но смысл-то хотя бы должен быть!

— Прежде да, сир, но не теперь. Мы живем в беспорядочное время, поэзия должна отражать хаос эпохи. Если в жизни нет смысла, откуда ему взяться в стихах?

— Может, вы, господа, и ощущаете хаос, — ответил король, — а для меня жизнь полна самого отчетливого смысла. Вот и все.

— Следует ли вашим презренным слугам считать, что ваше величество обладает божественным всезнанием? — саркастически осведомился председатель жюри.

— На всезнание не претендую, — с леденящим спокойствием ответил Фузонио. — Мир слишком сложен, человеческий ум не в силах охватить его целиком. Но некоторые вещи я все же понимаю — те, что строго подчиняются естественным законам. В том числе глупые выкрутасы ближнего. — Он щелкнул пальцем по листку со стихотворением. — Если вас интересует мое мнение, господин Ватрено просто открывал наугад словарь и тыкал пальцем с закрытыми глазами. Так родился этот шедевр.

— Что же, — ответил председатель, — по сути, оно почти что так и было, сир. Так, добавил немного от себя да вставил кое-что для связности. Нам это показалось замечательным стихотворным новаторством. Это стихи будущего.

Фузонио просмотрел стихотворения, за которые жюри присудило вторые и третьи премии, но они доставили ему не больше удовольствия, чем «Дьявольская бездна». Король не выдержал:

— И за эту дрянь я должен выложить десять тысяч марок из оскудевшей казны! Когда я заказываю в таверне пиво, то хотя бы знаю, что за мои деньги мне подадут пиво, а не лошадиную мочу. — С этими словами он разом порвал все рукописи. — Убирайтесь, болваны! — зарычал король. — Ослы! Безголовые идиоты!

Члены жюри бросились вон из королевских покоев. На бегу у них развевались мантии, король Фузонио не отставал и колошматил их по спинам скипетром.

Стихотворный конкурс был объявлен не состоявшимся на том основании, что не нашлось работ, достойных обещанного вознаграждения. Это событие вызвало большое недовольство среди людей искусства и выдающихся мыслителей, они называли Фузонио узколобым тираном и деревенским олухом. Но Фузонио внимания на них не обращал; правление его было долгим и успешным.

* * *

Король Ишбахар смеялся от души.

— Может, это и к лучшему, что у нас нет братьев. И что поэзия в Пенембии еще не достигла такой степени утонченности; все же сочинения наших поэтов в состоянии понять не только автор. Но, кажется, сейчас начнется праздник. Герекит, дай-ка нам лупу и речь, которую мы должны произнести.

Ишбахар поднялся и стал читать, а глашатай вторил ему, рыча в рупор. Речь представляла собой обычный набор избитых фраз, после начался парад, затем — клоунада и скачки.

Глава 10

Корона Пенембии

К тому времени, как закончился последний забег, западная половина ипподрома покрылась тенью. Король Ишбахар поднялся, чтобы объявить победителей, Глашатай, как обычно, передал его слова публике.

— Сразу не расходитесь, добрые люди, — сказал король. — После награждения мы сообщим вам что-то интересное.

Король держал в руках список победителей. Когда глашатай выкрикивал очередное имя, победитель взбирался по ступенькам к королевской ложе, опускался на одно колено и под всеобщие аплодисменты получал награду из рук короля. Казалось, распри между Юбками и Штанами временно прекращены.

Король Ишбахар прочистил горло.

— Верные подданные пенембийской короны! — начал он. — Из-за треволнений последнего месяца произошла задержка в решении важнейшего вопроса — вопроса о престолонаследии.

Все вы знаете, что у нас нет живых наследников — ни законных, ни незаконных. И вот теперь, когда правление наше подходит к концу, мы обязаны позаботиться о том, чтобы наследование престола произошло по всем правилам. Есть два пути: либо подыскать подходящую кандидатуру среди дальних родственников, либо прибегнуть к крайней мере — усыновлению.

Друзья мои, пусть мысль об усыновлении не кажется вам нелепой. Вы правы, вот уже более ста лет, как корона не передавалась этим способом. Но, может быть, кое-кто забыл, что великий кроль Хошча был приемным сыном своего предшественника Шаштая Третьего. В жилах Хошчи не текла кровь Джуктара Великого. Чтобы наш божественный род не потерял короны, Хошча женился на обеих дочерях своего предшественника, и первый же сын, достигший зрелости, стал его преемником.

Мы оказались в таком же положении. Правда, у нас имеются живые родственники мужского пола, но среди них мы не сумели найти такого, который справился бы с обязанностями короля.

Однако боги послали нам настоящего героя. Это человек молодой, он сможет долго и плодотворно править — и в то же время достаточно зрелый, не натворит на троне глупостей, которых приходится ждать от молодежи. Человек физически крепкий, с живым умом и твердым характером. Совсем недавно он стал спасителем священного Ираза, когда на нас напали полчища негодяев. Кроме того, и пророчества, и астрология — все указывает на то, что человек этот родился под счастливой звездой.

И вот сегодня мы подписали и скрепили печатью документы об усыновлении этого героя и назначении его нашим законным преемником, В ближайшее время мы беремся устроить его женитьбу на какой-нибудь из наших родственниц, можно даже не одной, у нас на примете несколько привлекательных девиц брачного возраста.

Когда все будет сделано, мы отречемся от трона в пользу нашего приемного сына, прежде чем святой отец Чолиш сочтет нужным вручить нам священную веревку.

В толпе стало расти беспокойство.

— Да, да, добрые люди, — сказал король, — не удивляйтесь, что мы говорим об отречении! Истории известны подобные примеры, скажем, Джуктар Второй. Успокойтесь, прошу вас! Успокойтесь! Мы ведь еще не назвали имени избранника.

Джориан, давно догадавшийся, к чему клонит король, бросил на Карадура отчаянный взгляд. Старый мальванец лишь беспомощно развел руками.

— Герой, о котором идет речь, — продолжал Ишбахар, — мой приемный сын и ваш будущий король — это Джориан, сын Эвора! Подымись, сынок!

Наклонившись к Карадуру, Джориан процедил сквозь зубы:

— Проклятье! Вытащи меня из этой истории!

— Не могу, — пробормотал Карадур. — Я удивлен не меньше твоего. Встань, раз король велит!

— Но я не хочу быть королем...

— После, после. А сейчас встань!

Джориан поднялся. Жидкие аплодисменты быстро потонули в море шиканья и свиста. Ряды, где сидели Штаны, начали скандировать, слова звучали с каждым разом все громче:

— Поганный иноземец! Поганный иноземец! Поганный иноземец!

Орущих поддержали Юбки, и ипподром буквально зашатался от рева. Предводители, Вег и Амазлук, тоже стояли на трибунах, каждый на своей стороне, и отбивали такт, будто дирижеры оркестров. Вскоре скандирование охватило все трибуны, шум сделался оглушительным.

Король Ишбахар стоял возле Джориана, и по его толстым щекам катились слезы.

— П-прошу вас, славные н-наши подданные, — проговорил он, запинаясь.

Глашатай выкрикнул его слова, но их заглушил рев ипподрома.

В воздухе начали летать предметы. Королевские гвардейцы бросились к королевской ложе защищать короля. Сзади к ложе подошел полковник Чивир.

— Ваше Величество! — крикнул он. — Бегите или все пропало! Группировки объединились и затевают мятеж против трона. Вам нужно поскорее вернуться во дворец!

— Пойдемте, друзья, — сказал Ишбахар Джориану и Карадуру.

Король выбрался из ложи, с трудом доковыляв до верхней ступеньки. Его золоченый паланкин был поломан и лежал на боку.

— Как же мы вернемся во дворец без носилок? — спросил он дрожащим голосом.

— Пешком! — отрезал Чивир.

Подбежал, звякая латами, еще один гвардеец и сказал что-то на ухо полковнику. За сверкающей толпой гвардейцев Джориан увидел бурное, разноцветное море; иразцы швырялись чем попало и звенели саблями.

— Мятежники захватили набережную Жактана, — доложил Чивир. — Вашему Величеству придется воспользоваться туннелем Хошчи.

— Взбираться пешком на эту ужасную гору?

— Да, взбираться, а то... — сказал полковник с заметным нетерпением.

— Что ж поделаешь? Надо спешить.

В сопровождении Джориана и Карадура, окруженный плотным кольцом гвардейцев, король с одышкой двинулся вниз. У выхода в гвардейцев полетели камни, кирпичи, черепки посуды, послышались яростные, вызывающие крики. На защитников короля бросилась кучка людей с дубинками и ножами. Гвардейцы без труда отбились, оставив на земле несколько трупов; затем стали постреливать из арбалетов в беснующуюся, вопящую толпу.

— Сюда! — крикнул Чивир.

Спотыкаясь о трупы, король и его защитники пересекли улицу, огибавшую ипподром и начали подъем к храму Нубалиаги. Сделав несколько шагов, король остановился, тяжело дыша.

— Мы больше не можем, — простонал он.

— Помоги мне, Джориан, — попросил полковник.

Они закинули себе на шею толстые руки короля, один одну, другой другую. Поддерживаемый с двух сторон, король медленно потащил в гору свой чудовищный вес.

Наверху стражи-евнухи уже собирались у ворот и поджидали гостей с арбалетами наготове. Они

открыли ворота, пропуская короля и его охрану.

В храме им навстречу выбежала верховная жрица Сахмет. Выслушав короткое объяснение, она сказала:

— Идите за мной, сир!

И повела их к туннелю Хошчи.

— Подождите! — крикнул полковник Чивир. — Я пойду с вами, только назначу здесь командира.

— Зачем? — спросил король.

— Если я вернусь во дворец и смогу распоряжаться основными силами гвардейцев, то, может быть, удастся остановить толпу и восстание не перекинется на другой берег. Капитан Салой!

— Да?

— Прими командование гвардейцами в Жактане. Постарайся удержать главные точки, в частности этот храм. Если солдат будет достаточно, вышли летучий отряд, чтобы следил, где повстанцы сбиваются в кучи, и разгонял их. С позволения Вашего Величества, мы теперь можем отправляться, — сказал он королю.

Сахмет сжала руку Джориана в своей и прошептала:

— Увидимся в следующее полнолуние!

* * *

Четверо беглецов пробирались по туннелю Хошчи: первым — Джориан со светильником, за ним сопящий и пыhtящий король Ишбахар, следом — Карадур, и замыкал шествие полковник Чивир, тоже со светильником. Джориану казалось, что они идут уже целую вечность, потому что король передвигался мелкими шажками со скоростью улитки.

Они миновали примерно половину пути и находились под самой глубокой частью Льепа. И тут у Джориана волосы на голове зашевелились от ужаса: сбоку в туннеле он заметил тонкую струйку воды, она была до середины прохода, разлетаясь на тысячи брызг.

— Боги и богини! — воскликнул он. — Взгляни сюда, Карадур!

— А вот еще, — отозвался волшебник, указывая наверх, откуда тоже стекала вода.

Они присмотрелись, и оказалось, что всюду, впереди и позади, капает, течет, а кое-где и хлещет вода. Пол туннеля стал мокрым и скользким.

— Что случилось, доктор Карадур? — пропыхтел король. — Подвели ваши чародеи — те, что отгоняют воду? Может, стоило все-таки поставить насосы?

— Наверное, во Дворец Познания вломила толпа и оторвала Гэльваша, Люказа и Фиравена от работы. Надеюсь, бедняг хотя бы не прикончили.

— Да, да, — согласился Джориан. — Надо спешить, пока эта нора не заполнилась водой.

— Да, сынок, ты прав. — Карадур обернулся назад. — Ваше Величество...

— Мы... идем (уф!)... стараемся, — сказал король. — Если боитесь утонуть... ступайте... без нас.

— Ну что вы, сир! — искренне огорчился полковник. — Прибавьте шагу, Ваше Величество.

Вода с каждой минутой прибывала. Вот она уже плескалась под ногами у беглецов. Охая и задыхаясь, король отчаянно пытался ускорить свои неуклюжие шаги. Вдруг он поскользнулся и повалился с громким плеском.

— Ваше Величество! — разом закричали трое остальных.

Джориан с Чивиром отдали Карадуру фонари. Едва не надорвавшись, они приподняли и посадили Ишбахара. Глаза короля были полузакрыты, дыхание вырывалось с шумом и хрипом. Сперва он ничего не

отвечал. Его слегка подвинули и прислонили спиной к стенке туннеля. Вода доходила уже до середины голени.

Наконец король открыл глаза.

— Джориан! — прошептал он.

— Да, сир?

— Наклонись ко мне. Поближе.

Джориан наклонился. Последним усилием король поднял руку, отцепил от парика корону со змеей и приладил ее на голову Джориану.

— Теперь, мой мальчик, ты король. Вот свидетели... Король забормотал что-то невнятно, и постепенно его голос стих. Карадур попытался нащупать у него пульс.

— Столько жира, что вену и не найти, — проворчал он.

Карадур сунул руку королю под рубашку, затем приложил ухо к груди Ишбахара.

— Мертв, — сообщил Карадур. — Наверно, сердце не выдержало.

— Ничего удивительного, так разъелся, — заметил Джориан.

— Пойдемте, капитан... то есть, сир, — сказал полковник, — пока мы не потонули, как крысы.

— А что делать с королем? — спросил Джориан. — Может показаться странным, что он вошел с нами и не вышел. Надо предъявить его тело, чтобы все убедились, что на нем нет следов насилия, иначе скажут, что мы убийцы.

— Ты прав, сынок, — согласился Карадур, — Полковник, помоги Джориану нести тело.

— Возьми с другой стороны, Джо... король Джориан.

Страшным усилием они выпрямились, и тело короля повисло между ними. Дыша с хрипом, прошли несколько шагов. Джориан поскользнулся и шумно плюхнулся в воду, увлекая за собой Чивира и труп.

— Если станет глубже, — рассудил Карадур, — тело поплывет, а вы будете просто придерживать его за ноги.

— Ну, старик, мудрости тебе не занимать! — обрадовался Джориан. — Возьми его за ту ногу, Чивир.

Вскоре глубина стала по колено. Карадур шагал впереди, платье облепило его худые колени. Он нес оба фонаря, от которых разбегались слабые тонкие лучи. Следом брели Джориан и Чивир, придерживая за ноги труп короля. Тело задевало порой пол туннеля, но вода прибывала, и тащить становилось все легче.

— Ты уверен, что это тот самый туннель? — усомнился Чивир. — Мы, верно, уж скоро дойдем до федиранской границы.

— Туннель тот самый, никакого сомнения, — заверил его Джориан. — Вот мы уже в гору идем. Спасемся, если вода не накроет.

— Уровень повышается, — сказал Чивир. — Мне уже по пояс. И что я не скинул в храме эти проклятые латы!

Набегающая вода подымала тело короля все выше над полом; казалось, что вес его уменьшается. Но живым идти было все труднее. Они еле тащились, а вода из стен — теперь только в верхней части туннеля — текла, сочилась, била струями, обливая троих беглецов.

— Беда с этим волшебством, — проворчал Джориан. — Когда люди рассчитывают на него, то строят как попало и о ремонте не заботятся.

Вода продолжала подыматься, теперь глубина была по грудь. Джориан и Чивир пытались ускорить передвижение, разгребая воду свободной рукой. Карадур был ростом пониже, и ему пришлось поднять фонари над головой, чтобы их не залило. Седая борода тянулась за ним по воде.

На светильник угодила сверху струя воды, он зашипел и погас. Беглецы продолжали путь почти в полной темноте.

— Еще немного, и этот чертов труп станет задевать потолок, — проворчал Джориан.

— Если потухнет оставшийся фонарь, мы, наверно, сможем идти на ощупь, — с беспокойством проговорил Чивир. — В этом туннеле нет развилок или поворотов?

— Нет, — ответил Карадур. — Он идет прямо... ап! — Вода дошла ему до подбородка, нечаянный всплеск — и она попала в рот. Старик стал кашлять и отплевываться, фонарь затрясся.

— Эй, не погаси последний светильник, — сказал Джориан. — Тонуть и так паршиво, а уж тонуть в темноте...

— Не расходуй зря силы, король, — посоветовал Чивир.

Карадур, который ушел было вперед, обернулся и, немного подождав, сказал:

— Когда мой друг Джориан перестанет говорить, можешь быть уверен: нынешняя реальность для него закончилась.

— Ты еще разговариваешь? И вода в рот не попадает? — удивился Джориан;

— А ты знаешь, вода, кажется, больше не прибывает.

Уровень воды на какое-то время перестал меняться, все стихло, в туннеле слышалось лишь тяжелое дыхание троих мужчин и негромкий плеск. Наконец вода начала убывать. Вскоре тело короля вновь стало задевать пол.

— Теперь мы выше уровня воды в реке, — сказал Джориан. — Лишь бы нас не зарезали при выходе повстанцы, больше бояться нечего.

— Мне сейчас и с мышью не справиться, — простонал Чивир.

* * *

Карадур постучался в потайную дверь, ведущую в королевскую спальню. Он объяснил, в чем дело, и дверь отворилась. Через какое-то время по лестнице спустились гвардейцы и слуги с носилками.

Пройдя по туннелю около ферлонга, они обнаружили Джориана с Чивиром, которые сидели прямо в воде, прислонившись к стенке, тяжело дышали и, видимо, были в полном изнеможении. В воде возле них лежал труп чудовищного вида.

Люди из дворца перекатали тело на носилки, привязали веревками и понесли к выходу. Джориан со стоном поднялся. Чивир из-за тяжелых лат совсем не стоял на ногах, и ему пришлось помочь. С неимоверным трудом они заползли на четвереньках по лестнице в королевскую спальню, а там упали в кресла и откинулись в бессилии назад; на полу возле них натекло по луже. Карадур еще до них успел усесться в кресло; у его ног валялась чалма, глаза колдуна были закрыты.

— Вина! — гаркнул Джориан. Слуги засуетились.

Джориан оторвался от бокала и увидел перед собой офицера гвардии.

— Господин, — сказал офицер. — Что это значит? Король Ишбахар мертв, а у вас на голове его корона!

— Правда, что ли? — удивился Джориан. Он снял с себя корону со змеей и недоуменно поглядел на нее, словно видел первый раз в жизни.

— Правду говорят, будто его покойное величество нарекли вас своим преемником?

— Правду, — подтвердил Чивир, сидящий позади офицера. — Его Величество умер в туннеле своей смертью, мы бежали из Жактана, где вспыхнуло восстание. А дворец мятежники уже пробовали штурмовать?

— Нет, полковник. Но часть повстанцев перебралась через реку, и на набережной идет резня, грабеж. Кажется, что-то подожгли. Какие будут приказания?

— Прежде всего обеспечить защиту дворца от нападения. Я скоро выйду и сам буду командовать. А

теперь иди. И вы идите, — отпустил он слуг.

Все вышли, в спальне остались лишь Карадур, Джориан и Чивир.

— Отличное вино, — сказал Чивир, ставя бокал на столик. — Верно, виндийское. Снова начинаю чувствовать себя человеком. Нам нужно кое-что выяснить, — обратился он к Джориану.

— Слушаю тебя, полковник, — ответил Джориан, тоже отставив бокал.

Джориан поглядел на Чивира, прикидывая, каковы были бы его, Джориана, шансы, завяжись между ними схватка: Чивир в латах и с саблей, а у него только кинжал, зато Чивира куда сильнее измотало путешествие по туннелю.

— Ты и впрямь собираешься стать королем, — заговорил полковник, — хотя бы вся страна на тебя ополчилась?

— Посижу на троне, сколько мне нужно, не дольше, — ответил Джориан. — Я вовсе этого не желал. Ишбахар сгруппировал — нарек меня преемником, не заручившись политической поддержкой.

— Человек он был добрый, но монарх никудышный, — заметил Чивир. — Что ж, ты снял камень с моей души. По закону ты, конечно, король, но иноземцы в народе непопулярны. Даже при моей поддержке, то есть при поддержке гвардии, не уверен, что ты удержишься на троне. Не дольше, чем тебе нужно, — это сколько?

— Сколько потребуется нам с доктором Карадуром, чтобы сняться отсюда в летучей посудине.

— В какой еще посудине?

— Ишбахар обещал нам свою медную ванну, в ней и полетим.

— Как же вы в ней полетите?

Джориан кивком показал на Карадура, который накручивал себе на голову чалму.

— У нашего славного доктора в перстне сидит демон, он и понесет нас по воздуху.

— Но, Джориан! — воспротивился Карадур. — Я же сказал, что освобожу Горакса только в случае крайней нужды, потому что это будет последняя услуга, которую он...

Джориан фыркнул.

— Весь город готов наброситься на нас, как пчелиный рой. Если уж это не крайняя нужда, то я вообще не знаю, что ты под этим разумеешь. Будешь дожидаться, пока кто-нибудь науськает толпу и тебя разорвут на куски?

— Что ты, сынок! Но подумай, сколько добра ты мог бы сделать, если б сумел удержаться на троне! Провел бы реформы, о которых мечтал Мажан. Обеспечил бы Дворцу Познания подобающую денежную поддержку...

— Полстраны жаждет застрелить, заколоть, отравить меня. Не желают они иноземца в короли, это ясно, как день. Верно, это и есть та самая «вторая корона», от которой предостерегала меня во сне Кубалиага. Первой была ксиларская. Помнишь, мы закопали ее у Морусской трясины?

— Иразцы скоро позабудут о своей ненависти к иноземцам, — не сдавался Карадур, — стоит тебе лишь упрочить власть и показать, какой ты хороший правитель и как быстро усвоил их обычаи. По-пенембийски ты уже говоришь лучше меня. В конце концов Джуктар Великий был не только иноземцем, но даже и варваром. Ираз — город-космополит.

Джориан покачал головой.

— Ксиларцам я тоже пытался показать, какой я хороший правитель, а они в ответ пытались отрубить мне голову. Да и как мне упрочить власть? Разве что призвать на помощь чужеземную армию наемников.

— Думаю, и в гвардии, и в пограничной войске у тебя найдутся сторонники, можешь рассчитывать на них. Как только ты приберешь к рукам политиканов...

— Даже если так, что тогда? Всю жизнь ублажать ее святейшество Сахмет, а потом явятся жрецы со

священной веревкой. Благодарю покорно!

— Ты мог бы отменить этот обычай, как поступил король, о котором ты рассказывал.

— Без сомнения. Но меня бесполезно уговаривать, старина. Я уж на троне насиделся всласть. Занятная работенка, ничего не скажешь, но приниматься за нее снова неохота. Богатства, власти, славы жаждут многие, но я не мечу так высоко, и незачем мне быть королем. Меня устроит простая жизнь, почтенное ремесло, уютный дом, сытный обед, любящая семья и небольшой круг приятелей.

Иразской жены я тоже не хочу. Одна супруга у меня есть, и этого достаточно. К тому же чем больше я странствую, тем больше ценю родную землю.

*Одни бредят горной суровой страной,
Где слышится ветра пронзительный вой,
Где шаг — и над пропастью вниз головой,
А я пою славу моей дорогой
Новарии, милой Новарии.*

*Другие пустыней сухой дорожат,
Где злые лучи в знойном небе палят
И путника заживо сжарить грозят.
А я возвратиться на родину рад
В Новарию, мою Новарию.*

*Кому-то пусть по сердцу пышный Ираз,
Там шпили на солнце горят, как алмаз,
Всяк волен бузить, и король не указ.
Но краше, наверное, в тысячу раз
Новария, страна Новария.*

Так что пускай Юбки со Штанами дерутся, сколько хотят, меня это не касается! Пускай пенембийская корона отправляется во все сорок девять мальванских преисподних! А я отправляюсь в Ксилар выручать мою милую крошку, вот так, друзья.

Чивир огорченно провел по лбу рукой.

— В таком случае, сир, может быть... вы дадите мне совет. Когда вас не будет, главными претендентами на престол окажутся предводители. Но думается мне, ни Вег, ни Амазлук в короли не годятся. У сестры покойного короля двое сыновей, но один кутила и мот, а второй недоумок. Генерал Терейя, к которому я только что отправил посыльного, стар и скоро выйдет в отставку. Адмирал Кьяр мертв. Кому мне следует оказать поддержку, как вы думаете?

Джориан пристально поглядел на Чивира.

— Почему бы тебе самому не стать королем? Сдается мне, у тебя неплохо получится.

Чивир раскрыл рот от изумления.

— Как? Вы предлагаете мне корону?

— Почему бы и нет? Поначалу я считал тебя беспомощным пустым хлыщом, но за последнее время ты многому научился.

Чивир пожал плечами.

— Я старался.

— Чтобы придать делу законность, принеси чем писать, я составлю документ о передаче власти. Он вступит в силу, когда мы с Карадуром улетим. А что уж из этого выйдет, зависит от тебя.

Чивир поднялся с места.

— Благодарю вас, сир, постараюсь оправдать ваше доверие. Сейчас мне надо идти командовать, но

скоро вернусь вас проводить.

Чивир вышел, и Джориан громко крикнул:

— Слуги! Поскорей сюда. Принесите переодеться: что-нибудь теплое, шерстяное, удобное для дороги. Не нужно шелковых нарядов! И сухое платье для доктора Карадура.

— Да не надо, сынок...

— Наверху холодно, я не допущу, чтоб ты простудился. Эй, вы, найдите главного оружейника, пусть принесет латы и оружие, чтобы я мог выбрать. А где король Ишбахар хранил кошелек? Ты! Скажи повару поторопиться с обедом для меня и доктора. Ничего особенного не надо, лишь бы посытнее, а главное — пусть долго не возится.

Пока слуги суетились, вошел стражник и сказал:

— Ваше Величество, вас хочет видеть посыльный по имени Зерлик.

— Пусть войдет, — ответил Джориан. Вошедший юноша театрально опустил на одно колено.

— Ваше величество! — воскликнул он. — Я только что вернулся, отвозил в Оттомань письмо короля. Ишбахар передал вам престол! Это лучшее, что он сделал за свою жизнь. Мой меч к вашим услугам. Любое ваше желание для меня закон!

— Прекрасно, но боюсь, я не успею воспользоваться твоей преданностью. Меня скоро здесь не будет.

— Вы уезжаете? Возьмите меня с собой, я буду вашим оруженосцем!

— Увы, в нашей посудине нет места для троих. Вместо меня остается Чивир, он будем моим преемником. Думаю, твоя преданность ему пригодится.

— Но, сир, может, все же есть что-нибудь...

— Да, сейчас скажу. У тебя большой дом. На всякий случай выдели для меня комнату: вдруг мне придется бежать из Новарии и скрываться.

— Все сделаю! Да благословят боги Ваше Величество!

— Пусть они лучше благословят Чивира, ему это понадобится. Прощай!

* * *

Через час улицы Ираза наполнились топотом ног, ревом толпы, звоном оружия и криками раненых. Чивир, а с ним несколько гвардейцев стояли на крыше дворца и глядели, как летучая ванна, покачиваясь, уносит Джориана и Карадура в небо. На меди играли красноватые лучи заката; ванна делалась все меньше и наконец превратилась в малиновую точку на фоне темно-синего неба.

Чивир, вместо шлема надевший на голову корону Пенембии, вздохнул и тихо проговорил:

— Вот человек, которому самое место на троне, если б не людские предрассудки. Но что поделаешь!

Он обернулся к офицерам, стоящим поблизости, выслушал донесения и стал отдавать приказы.

1

ipso facto (лат.) — в силу самого факта; тем самым.

2

Force majeure (франц.) — несчастный случай.